Герритсен Тесс

Лихорадка

Тиму и Элизе

БЛАГОДАРНОСТИ

Я глубоко признательна:

моему мужу Джекобу, который по-прежнему является моим лучшим другом;

Мег Рули, моему ангелу-хранителю и волшебнице. Ты творишь чудеса.

Джейн Берки и Дону Клири за ценные советы.

Моему замечательному редактору Эмили Бестлер.

Дамам из кафе, которые еженедельно вместе с завтраками доставляли мне необходимую порцию здравомыслия.

Светлой памяти Перли Спрага, начальника полиции города Рокпорта. Ваша доброта всегда воодушевляла меня.

И, наконец, городу Камден, штат Мэн. Ни одно другое место на земле не сможет стать таким хорошим домом для писателя.

Не волнуйся, эта книга не о тебе.

ПРОЛОГ

ТРАНКВИЛЬ, ШТАТ МЭН, 1946 г.

Если она не будет двигаться, затаится, он не найдет ее. Может, он и думает, что знает все потайные места, но ему так и не удалось обнаружить ее заветную нишу – небольшое углубление в стене погреба, надежно защищенное от посторонних глаз полками, на которых стоят банки с мамиными соленьями. Ребенком она легко проскальзывала в это пространство, и каждый раз, когда они играли в прятки, уютно устраивалась в своей норке и хихикала над ним, пока он носился по комнатам и злился, что не может ее найти. Иногда игра продолжалась так долго, что она проваливалась в сон и просыпалась только спустя несколько часов от звука маминого голоса, который встревоженно звал ее по имени.

И вот она снова здесь, в потайном месте погреба, хотя давно перестала быть ребенком. Ей четырнадцать, и она с трудом пролезла в эту нишу. И это уже не беспечная игра в прятки.

Она слышала, как он бродит по дому, ищет ее. Он обшаривал комнату за комнатой, ругался, бросал мебель на пол.

«Пожалуйста, ну пожалуйста! Кто-нибудь, помогите! Кто-нибудь, уведите его отсюда!»

Она слышала, как он прорычал ее имя: «Айрис!» Скрип, который производили его шаги, переместился на кухню. Он подошел к двери погреба. Она крепко сжала пальцы в кулаки, а ее сердце превратилось в гулкий барабан.

«Меня здесь нет. Я далеко, я сбежала и парю в ночном небе...»

Дверь в погреб резко распахнулась, ударилась об стену. Луч золотого света обратился вниз, и его силуэт обозначился в дверном проеме, на верхней ступеньке лестницы.

Он протянул руку и дернул шнур выключателя; загорелась голая электрическая лампочка. Ее тусклый свет озарил похожий на пещеру погреб. Съежившись за полками, которые были уставлены банками с консервированными огурцами и помидорами, Айрис слышала, как он спускается по крутой скрипучей лестнице, неминуемо приближаясь к ней. Она сильнее вжалась в стенку, распластываясь по каменной кладке, и закрыла глаза, мечтая стать невидимкой. Сквозь гулкие удары собственного сердца она услышала, как он спустился с лестницы.

«Не увидь меня. Не увидь!»

Шаги двигались мимо полок с банками, направляясь к дальней стене погреба. Она слышала, как он пихнул ногой ящик. Пустые банки вдребезги разбились о каменный пол. Теперь он возвращался; она слышала его тяжелое дыхание вперемежку со звериным рыком. Она сама дышала короткими и быстрыми рывками, а кулаки сжались так сильно, что казалось, будто вот-вот хрустнут кости. Шаги приблизились к полкам и замерли.

Она тут же открыла глаза и сквозь щель между банками разглядела, что он стоит прямо перед ней. Она сползла вниз по стене, и ее глаза оказались на уровне его ремня. Она еще больше съежилась, пытаясь исчезнуть из поля его зрения. Он схватил с полки банку и разбил ее об пол. В нос ударил запах маринованных огурцов, резкий и уксусный. Он потянулся за следующей банкой, но почему-то поставил ее на место, как

будто ему в голову пришла идея получше. Он развернулся и стал подниматься вверх по ступеням; перед выходом снова рванул шнур выключателя.

Она опять оказалась в темноте.

И вдруг поняла, что плачет. Лицо было мокрым от пота и слез, но она не осмелилась всхлипнуть.

Наверху шаги протопали к парадной двери, а потом все стихло. Ушел? Неужели он наконец исчез?

Она так и сидела, замерев и боясь шелохнуться. Минуты проходили одна за другой. Она медленно отсчитывала их в уме. Десять. Двадцать. Ее мышцы начало сводить судорогой, спазмы были ужасно болезненными – ей пришлось закусить губу, чтобы не вскрикнуть.

Час.

Два часа.

Сверху не доносилось ни звука.

Она медленно выползла из своего укрытия. Стоя в темноте, она ждала, пока кровь снова поступит в ее мышцы, и она снова почувствует ноги. Она прислушивалась, постоянно прислушивалась.

Но ничего не слышала.

В погребе не было окна, и она не знала, по-прежнему ли темно на улице. Она переступила через битое стекло и подошла к лестнице. Осторожно карабкаясь по ступенькам, она замирала на каждой и прислушивалась. Когда она наконец добралась до двери, ладони были такими мокрыми, что ей пришлось обтереть их об блузку, прежде чем открыть погреб.

В кухне горел свет, и, как ни странно, все вокруг выглядело нормально. Она уже почти поверила, что ужас прошедшей ночи был просто страшным сном. На стене громко тикали часы. Было пять утра, за окном еще не рассвело.

Она на цыпочках прокралась к двери и выглянула в коридор. Одного взгляда на перевернутую мебель и забрызганные кровью обои хватило, чтобы понять: это был не сон. Ее ладони снова стали влажными.

В коридоре было пусто, входная дверь распахнута настежь.

Нужно во что бы то ни стало выбраться из дома. Бежать к соседям, бежать в полицию.

Она двинулась по коридору, с каждым шагом приближаясь к спасению. Ужас настолько обострил все ее чувства, что она подмечала каждую щепку на цветастом ковре, слышала тиканье минутной стрелки на кухонных часах. Она была уже почти у двери.

Успешно добравшись до перил, она увидела лестницу, с которой головой вниз упала ее мать. Она не могла отвести взгляд от тела. Длинные волосы мамы, словно черный водопад, каскадом ниспадали со ступенек.

Чувствуя, что к горлу подступает тошнота, она бросилась к двери. А там стоял он. С топором в руке.

Всхлипнув, она ринулась назад, к лестнице, чуть не поскользнувшись на крови матери. Она слышала его тяжелые шаги за спиной. Но она всегда бегала быстрее, чем он, а сейчас от страха прямо-таки летела по лестнице, словно потерявшая голову кошка.

На площадке второго этажа она успела заметить тело отца, лежавшее на пороге его комнаты. Но не было времени думать об этом, некогда было предаваться ужасу; она уже проскочила следующий пролет лестницы и ворвалась в мансарду.

Захлопнув дверь, она успела задвинуть щеколду.

Взревев от ярости, он принялся барабанить в дверь.

Она стремглав помчалась к окну и, с силой рванув шпингалет, распахнула его. Посмотрев вниз, она поняла, что не выживет после падения с такой высоты. Но другого выхода не было.

Она сдернула штору с карниза. «Веревка. Мне нужна веревка!» Один конец шторы она закрепила на трубе батареи, сорвала вторую штору и связала оба полотна.

От глухого удара затрещала деревянная обшивка двери, и прямо в нее полетели щепки. Она оглянулась и с ужасом увидела торчавшее в двери лезвие топора. В следующее мгновение топор убрали, чтобы нанести новый удар.

Он сейчас проникнет сюда!

Она сорвала третью штору и трясущимися руками привязала ее к первым двум.

Топор снова обрушился на дверь. Дыра стала заметно шире, а по комнате разлетелось еще больше щепок.

Она сорвала четвертую штору, но, лихорадочно завязывая новый узел, знала, что длины все равно не хватит. Как знала и то, что уже слишком поздно.

Она развернулась лицом к двери как раз в тот момент, когда та рассыпалась под очередным ударом топора.

1

НАШИ ДНИ

– Сегодня обязательно кого-нибудь ранят, – заметила доктор Клэр Эллиот, глядя в окно своей кухни.

Над озером повис густой утренний туман, напоминавший дым; очертания деревьев за окном то исчезали, то снова появлялись. Прогремел еще один ружейный выстрел, на этот раз ближе. С самого рассвета она слышала пальбу, и, возможно, обречена слушать ее весь день, до наступления сумерек, потому что сегодня первый день ноября. Наступил сезон охоты. Видимо, там в лесу бродит какой-то человек с ружьем, полуслепой от тумана, и пытается попасть в воображаемую тень белохвостого оленя.

– Думаю, не стоит стоять на улице и ждать автобуса, – сказала Клэр. – Я сама отвезу тебя в школу.

Ной сидел, ссутулившись, за столом, накрытым к завтраку, и молчал. Он зачерпнул еще одну ложку хлопьев и принялся чавкать. Ее сыну уже четырнадцать, а он до сих пор ест, как двухлетний малыш – стол забрызган молоком, а крошки от тоста усыпали пол вокруг его стула. Он ел, не глядя на нее, как будто посмотреть на нее значило встретиться взглядом с Медузой Горгоной. «Ну, посмотрел бы он на меня – и что? – насмешливо подумала Клэр. – Мой дорогой сынок и так уже обратился в камень».

– Я отвезу тебя в школу, Ной, – повторила она.

– Да ладно. Я доберусь на автобусе. – Поднявшись из-за стола, он прихватил свои рюкзак и скейтборд.

– Эти охотники толком не видят, куда палят. Надень хотя бы оранжевую шапку. Тебя, по крайней мере, не перепутают с оленем.

– Но она же дурацкая.

– В автобусе снимешь. А сейчас надень. – Она взяла с полки в прихожей вязаную шапку и протянула сыну.

Он посмотрел на шапку, а потом наконец на Клэр. За год он вытянулся сразу на несколько сантиметров, и теперь они были одного роста и могли без труда смотреть в глаза друг другу, в этом смысле ни у сына, ни у матери преимуществ не было. Интересно, неужели Ной так же остро ощущает это физическое равенство, как она сама? Когда-то Клэр могла обнять его, и мальчик отвечал ей тем же. Но ребенок вырос, и пухлое тельце обросло мышцами, а лицо сузилось, и его черты приобрели резкость и угловатость.

– Будь добр, – попросила Клэр, протягивая сыну шапку.

В конце концов Ной тяжело вздохнул и натянул шапку на свои темные волосы. Она еле сдержала улыбку: шапка действительно выглядела по-дурацки.

Клэр окликнула сына, когда тот уже было двинулся к выходу:

– А поцеловать на прощание?

Он обернулся и с недовольным видом едва коснулся губами ее щеки, после чего скрылся за дверью.

«С объятиями покончено, – печально думала она, из окна наблюдая за тем, как мальчик бредет к дороге. – Теперь только рычим, пожимаем плечами или просто молчим».

Ной остановился под кленом возле подъездной аллеи, снял шапку и, засунув руки в карманы, ссутулился от холода. На нем не было куртки, только тонкая серая фуфайка – при трех-то градусах тепла. Мерзнуть – это круто. Клэр с трудом поборола желание выбежать на улицу и укутать его в пальто.

Она дождалась прибытия школьного автобуса. И теперь наблюдала, как ее сын, даже не оглянувшись, забирается в автобус, как идет по проходу и занимает место рядом с какой-то девочкой. «Кто она? – промелькнуло в голове у Клэр. – Теперь я даже не знаю, как зовут друзей моего сына. Я превратилась всего лишь в крохотный уголок его вселенной». Она знала, что так и будет, отчуждение неизбежно, как и стремление ребенка к независимости, но не была готова к этому. Перемена произошла внезапно, как будто милый мальчик вышел однажды из дома, а вместо него вернулся незнакомец. «Ты – все, что у меня осталось от Питера. Я не готова потерять и тебя».

Автобус с грохотом двинулся прочь.

Клэр вернулась на кухню и присела к столу допить свой едва теплый кофе. В доме было пусто и тихо, словно здесь по-прежнему царил траур. Она вздохнула и раскрыла свежий номер еженедельной газеты «Транквиль». «Стадо здоровых оленей предвещает удачную охоту», – гласила передовица. Отстрел начался. Тридцать дней на то, чтобы завалить оленя.

По лесу снова прокатилось эхо выстрела.

Клэр пролистала газету, остановившись на полицейской хронике. Здесь не было сообщений о беспорядках, сопровождавших празднования Хэллоуина накануне вечером, не говорилось о семерых шумных подростках, задержанных за то, что их ежегодное колядование по случаю праздника зашло слишком далеко. Зато среди заметок о пропавших собаках и украденных дровах, в рубрике «Нарушители», значилось ее имя: «Клэр Эллиот, сорок лет, управляла автомобилем с просроченным талоном техосмотра». Она так и не успела отогнать свой «Субару» на техосмотр; сегодня придется ездить на пикапе, чтобы избежать очередного упоминания в прессе. Она с раздражением перевернула страницу и принялась изучать прогноз погоды – холодно и ветрено, от трех до пяти градусов тепла днем и от двух до четырех мороза ночью. И в этот момент зазвонил телефон.

Она встала, чтобы снять трубку.

– Алло.

– Доктор Эллиот? Говорит Рейчел Соркин с шоссе Тодди-Пойнт. Здесь несчастный случай. Элвин только что выстрелил сам в себя.

– Что?

– Ну, знаете, этот идиот Элвин Клайд. Он вторгся в мои владения – охотился за бедным оленем. Зверя он убил – такого красавца и прямо на моей лужайке. Ох уж эти тупые охотники со своими дурацкими ружьями!

– Так что с Элвином?

– Ой, он споткнулся и прострелил себе ногу. Надеюсь, это послужит ему уроком.

– Ему немедленно нужно в больницу.

– Понимаете, в этом-то и проблема. Он не хочет в больницу и не разрешает мне вызвать «скорую». Просит, чтобы я отвезла его домой, вместе с оленем. Я, конечно, не собираюсь этого делать. Как мне быть?

– У него сильное кровотечение?

Клэр слышала, как Рейчел окрикнула нарушителя: «Эй, Элвин! Элвин! Кровь сильно идет?» Затем женщина вернулась к телефону:

– Он говорит, что все в порядке. Он просто хочет, чтобы его отвезли домой. Но я не повезу его, тем более с оленем.

Клэр вздохнула.

– Думаю, я могу подъехать и осмотреть его. Вы живете на шоссе Тодди-Пойнт?

– Да, примерно в километре от Валунов. На почтовом ящике стоит мое имя.

Когда Клэр на своем пикапе свернула на шоссе Тодди-Пойнт, дымка начала рассеиваться. За рядами белых сосен просматривалось озеро Саранча; над ним, словно пар, поднимался туман. Но солнечный свет уже пробивался сквозь пелену, раскрашивая золотом рябь воды. На противоположном, северном берегу озера сквозь пальцы тумана виднелись летние коттеджи, большинство которых были заколочены на зиму – их состоятельные владельцы уже разъехались по домам, в Бостон и Нью-Йорк. Южный берег, вдоль которого ехала Клэр, был застроен домиками попроще – тесные хижины, многие из которых состояли всего лишь из двух комнат, терялись в зарослях деревьев.

Она миновала Валуны – спуск к озеру, сооруженный из нескольких гранитных глыб; здесь в летнюю пору собираются и купаются местные подростки – и вскоре заметила почтовый ящик с надписью «Соркин».

Ухабистая проселочная дорога привела ее к дому. Странное, причудливое строение с нелепыми пристройками и невероятным количеством выступов и углов в самых неожиданных местах. И над всей этой конструкцией возвышалась остекленная башня, которая напоминала пропоровший крышу кусок горного хрусталя. Эксцентричной женщине и дом полагался эксцентричный, а Рейчел Соркин в Транквиле считали чудной дамочкой – удивительная черноволосая женщина раз в неделю появлялась на городских улицах в неизменной багровой пелерине с капюшоном. Именно в таком доме и должна была обитать дама в пелерине.

Прямо у крыльца, возле аккуратных грядок с зеленью, лежал мертвый олень.

Клэр выбралась из пикапа. Тотчас же две собаки выпрыгнули из леса и, рыча и лая, преградили ей путь. «Охраняют добычу», – решила она.

Рейчел вышла из дома и прикрикнула на собак:

– Пошли вон, чертовы твари! Идите домой! – Она схватила с крыльца метлу и, выставив ее вперед, словно копье, помчалась вниз по ступенькам с такой скоростью, что ее длинные черные волосы разметались в разные стороны.

Собаки попятились.

– Ха! Вояки! – произнесла Рейчел, делая выпад метлой.

Псы ретировались в сторону леса.

– Эй, оставь в покое моих собак! – закричал Элвин Клайд, приковылявший на крыльцо. Элвин мог бы служить иллюстрацией эволюционного тупика: пятидесятилетний кусок жира, обернутый во фланель и обреченный на пожизненное холостячество. – Они никого не трогают. Просто присматривают за оленем.

– Элвин, у меня для тебя новость. Ты убил это несчастное создание на моей территории. Так что оно принадлежит мне.

– На черта тебе олень? Вегетарианка проклятая!

– Как нога, Элвин? – вмешалась Клэр.

Он перевел взгляд на доктора и прищурился, будто не ожидал ее появления.

– Я просто споткнулся, – ответил он. – Невелика беда.

– Пулевое ранение – это всегда опасно. Могу я взглянуть?

– Мне нечем заплатить… – Он замолчал; его лохматая бровь лукаво взлетела вверх – видимо, в голову пришла неплохая мысль. – Может, оленинки хотите?

– Мне просто нужно убедиться, что кровотечение не опасно для жизни. А расплатитесь в другой раз. Могу я посмотреть вашу ногу?

– Если вам так хочется, – сказал он и поковылял обратно в дом.

– Да уж, это большая радость! – заметила Рейчел.

На кухне было тепло. Рейчел подкинула в печь березовое полено; стоило ей захлопнуть чугунную створку, из топки пахнуло сладковатым дымком.

– Давайте посмотрим ногу, – предложила Клэр.

Элвин поковылял к стулу, оставляя на полу кровавые следы. На обтянутой носком ступне возле большого пальца виднелась дыра с неровными краями, словно шерстяную ткань прогрызла крыса.

– Мне совсем не больно, – заявил он. – Если хотите знать мое мнение, из-за этого не стоит такой сыр-бор устраивать.

Клэр опустилась на колени и осторожно сняла носок. Шерсть отходила с трудом, и в этом была повинна не столько кровь, сколько пот и омертвевшая кожа.

– О боже! – ужаснулась Рейчел, зажимая нос рукой. – Ты когда-нибудь меняешь носки, Элвин?

Пуля пробила участок между первым и вторым пальцами. Клэр обнаружила выходное пулевое отверстие на подошве стопы. Кровь из него уже почти не сочилась. Стараясь не дышать, чтобы не вырвало, Клэр проверила, как двигаются пальцы, и постановила, что нервы не задеты.

– Вам нужно будет каждый день промывать рану и менять повязку, – сказала она. – И придется сделать укол от столбняка, Элвин.

– О, мне уже делали.

– Когда?

– В прошлом году, старик Помрой делал. После того как я сам в себя выстрелил.

– Это что, каждый год случается?

– В тот раз я прострелил другую ногу. Да ничего страшного.

Доктор Помрой скончался в январе, и, когда восемь месяцев назад Клэр выкупила практику у его наследников, к ней перешла картотека

покойного. Нужно бы поднять медицинскую карту Элвина и уточнить дату последнего укола от столбняка.

– Я так понимаю, что промывать рану придется мне, – предположила Рейчел.

Клэр достала из своего чемоданчика флакончик бетадина и протянула его Рейчел.

– Разведите это в ведре с теплой водой. Пусть подержит ногу в этом растворе.

– Да я и сам могу это сделать, – заверил Элвин, вставая.

– Тогда нам проще сразу сделать ампутацию! – огрызнулась Рейчел. – Немедленно сядь, Элвин.

– Ничего себе! – пробурчал тот и снова сел.

Клэр оставила у Рейчел несколько упаковок с бинтами и марлевыми повязками.

– Элвин, явитесь ко мне на прием на следующей неделе, я осмотрю рану.

– Но у меня столько дел…

– Если вы не придете, мне придется отлавливать вас, как собаку.

Он удивленно заморгал.

– Хорошо, мэм, – жалобно согласился он.

Сдерживая улыбку, Клэр подхватила свой чемоданчик и вышла из дома.

Во дворе снова были собаки, теперь они дрались за грязную кость. Когда Клэр спустилась с крыльца, оба пса повернулись и уставились на нее.

Черный, рыча, бросился ей навстречу.

– Фу! – крикнула Клэр, но собака не собиралась уходить с дороги. Сделав еще несколько шагов навстречу, пес оскалился.

Рыжая псина, улучив момент, схватила кость и потащила свой трофей в лес. Она почти уже перебежала двор, но черная собака вдруг заметила пропажу и снова бросилась драться. Визжа и рыча, животные рыже-черным клубком покатились по двору. Забытая кость валялась возле пикапа Клэр.

Она открыла дверцу и уже собралась было сесть за руль, но вдруг в ее сознании всплыла запечатлевшаяся картинка. Клэр посмотрела на землю, туда, где лежала кость.

Покрытая рыжеватой коркой грязи, она была чуть менее тридцати сантиметров в длину. С одного конца кость была обломана и покрыта зазубринами. Другой остался цел, и по нему определялись анатомические ориентиры.

Это было бедро. И к тому же человеческое.

Начальник полиции Транквиля Линкольн Келли смог догнать свою жену только за шестнадцать километров от города.

Она ехала на ворованном «Шевроле» со скоростью восемьдесят километров в час, виляя из стороны в сторону, а выхлопная труба, которая держалась на честном слове, искрила, попадая в выбоины.

– Обалдеть можно! – сокрушался Флойд Спир, сидевший рядом с Линкольном в патрульной машине. – Дорин сегодня в стельку.

– Я все утро мотался, – сказал Линкольн. – Не успел проследить за ней.

Он включил сирену, надеясь, что Дорин одумается и затормозит. Но она только прибавила газу.

– И что теперь? – осведомился Флойд. – Может, вызвать подкрепление?

Он имел в виду Хэнка Дорра – единственного, кто, кроме них, патрулировал город в то утро.

– Нет, – ответил Линкольн. – Давай попробуем уговорить ее остановиться.

– При скорости сто?

– Врубай мегафон.

Флойд схватил микрофон, и из динамика загремел его голос:

– Эй, Дорин, остановись! Ну же, милая, ведь покалечишь кого-нибудь!

Но «Шевроле» по-прежнему мчался вперед, подпрыгивая и петляя.

– Можно подождать, пока у нее кончится бензин, – предложил Флойд.

– Продолжай говорить с ней.

Флойд снова приник к микрофону.

– Дорин, здесь Линкольн! Пожалуйста, дорогая, остановись! Он хочет извиниться!

– Я хочу – что?

– Остановись, Дорин, и он сам тебе все скажет!

– Что ты несешь, черт возьми? – возмутился Линкольн.

– Женщины всегда ждут от мужчин извинений.

– Но я ничего не сделал!

У «Шевроле» вдруг зажглись стоп-сигналы.

– Видишь? – обрадовался Флойд, когда «Шевроле» затормозил у обочины дороги.

Линкольн припарковался сзади и вышел из патрульной машины.

Дорин сидела, сгорбившись, за рулем, ее рыжие волосы были спутаны и всклокочены, руки тряслись. Линкольн открыл дверцу, протянул руку над коленями жены и вытащил ключ из замка зажигания.

– Дорин, – устало произнес он, – тебе придется проехать с нами в участок.

– Когда ты вернешься домой, Линкольн? – спросила она.

– Поговорим об этом после. Пойдем сядем в машину, дорогая. – Он взял ее за локоть, но она высвободилась и для верности ударила его по руке.

– Я просто хочу знать, когда ты вернешься домой, – повторила она.

– Мы уже все обсудили, и не раз.

– Но мы все еще женаты. Ты мой муж.

– И нет смысла возвращаться к этому разговору. – Он снова взял ее за локоть.

Только он извлек ее из «Шевроле», как Дорин, улучив момент, заехала ему прямо в челюсть. Линкольн слегка пошатнулся, в голове у него зазвенело.

– Эй! – Флойд ловко скрутил ей руки. – Послушай, это уж чересчур!

– Пусти меня! – завопила Дорин. Она вырвалась из рук Флойда и снова бросилась на мужа.

На этот раз Линкольну удалось увернуться от удара, что еще больше взбесило его жену. Она снова замахнулась на мужа, но Линкольну и Флойду наконец удалось скрутить ее.

– Мне очень не хотелось бы так поступать, – сказал Линкольн, – но сегодня ты ведешь себя очень неразумно. – Он защелкнул наручники на ее запястьях.

Дорин плюнула ему в лицо. Линкольн утерся рукавом, после чего терпеливо препроводил жену на заднее сиденье патрульной машины.

– О, черт! – воскликнул Флойд. – Нам же придется заводить на нее дело.

– Знаю. – Линкольн вздохнул и сел за руль.

– Ты не можешь развестись со мной, Линкольн Келли! – крикнула Дорин. – Ты обещал, что будешь любить и оберегать меня!

– Я не знал о твоей тяге к бутылке, – возразил Линкольн, разворачивая машину.

Они неспешно возвращались в город, и всю дорогу Дорин ругалась на чем свет стоит. Всему виной было пьянство; именно оно вынуло пробку из бутылки со злыми духами.

Два года назад Линкольн ушел из дома. Этот брак забрал у него не только десять лет жизни, но и очень много усилий. Он был не из тех, кто пасует перед трудностями, но отчаяние в конце концов сломило его. В свои сорок пять лет он вдруг осознал, что жизнь проходит мимо, унылая и бестолковая. Ему бы очень хотелось остаться с Дорин, вновь проникнуться к ней теми нежными чувствами, которые она вызывала у него в начале их брака, когда была красивая и трезвая, а не пьяная и злобная, как сейчас. Иногда он пытался отыскать в своем сердце хотя бы какой-то след той любви, хотя бы искорку в груде пепла, но ничего не осталось. Пепел остыл. Да и сам он устал.

Линкольн пытался поддержать ее, но Дорин не понимала, что ей необходима помощь. Раз в несколько месяцев, когда ее ярость достигала апогея, Дорин уходила в запой. Заканчивалось это тем, что она «брала напрокат» чей-то автомобиль и устраивала свои знаменитые гонки. Горожане уже знали, что нужно держаться подальше от дороги, когда Дорин Келли садится за руль.

Вернувшись в полицейский участок, Линкольн позволил Флойду самому оформить бумаги и отвести нарушительницу в камеру. Даже сквозь две запертые двери были слышны истошные вопли Дорин, которая требовала адвоката. Он подумал, что наверняка смог бы вызвать кого-нибудь для нее, хотя из местных никто за это дело не возьмется. И даже за пределами Транквиля, например в Бангоре, уже никто не примет ее с распростертыми объятиями. Он уселся за свой стол и принялся листать картотеку в поисках адвоката. Желательно того, к кому он давно не обращался. И кого бы не смутили оскорбления из уст подзащитной.

Пожалуй, чересчур много всего навалилось, да еще в такую рань. Он отставил картотеку и провел рукой по волосам. Дорин все еще кричала из камеры. Эта история непременно выплеснется на страницы вездесущей местной газеты, а потом ее подхватит пресса Бангора и Портленда, потому что для всего штата Мэн это лишний повод посудачить и посмеяться. «Начальник транквильской полиции арестовал собственную жену. В очередной раз».

Линкольн потянулся к телефону и только собрался набрать номер адвоката Тома Уайли, как в дверь его кабинета постучали. Подняв взгляд, он увидел стоявшую на пороге Клэр Эллиот и положил трубку.

– Здравствуйте, Клэр, – приветствовал он ее. – Еще не прошли техосмотр?

– Работаю над этим. Но я пришла не по поводу машины. Хочу кое-что показать вам. – Она выложила на стол грязную кость.

– Что это?

– Это бедренная кость, Линкольн.

– Что?

– Бедренная кость. Полагаю, человеческая.

Он уставился на кость, покрытую коркой грязи. Один ее конец был раздроблен, и на всей поверхности виднелись следы звериных клыков.

– Где вы это нашли?

– Возле дома Рейчел Соркин.

– А откуда она у Рейчел?

– Собаки Элвина Клайда приволокли ее во двор. Она не знает, откуда взялась кость. Я была там сегодня утром, осматривала Элвина. Он прострелил себе ногу.

– Опять? – Он закатил глаза, и оба рассмеялись.

Если каждому городку положено иметь своего сумасшедшего, в Транквиле эту роль исполняет Элвин.

– С ним все в порядке, – заверила Клэр. – Но думаю, этот огнестрел нужно зафиксировать в протоколе.

– Считайте, что это уже сделано. У меня целое досье на Элвина и его ранения. – Он жестом указал ей на стул. – А теперь расскажите мне про кость. Вы уверены, что она человеческая?

Клэр села. Хотя фактически их ничто не разделяло, Линкольн почти физически ощущал барьер сдержанности, стоявший между ними. Он почувствовал это с самой первой встречи, когда она, вскоре после переезда в Транквиль, пришла в трехкамерную тюрьму, чтобы осмотреть арестанта, который жаловался на боли в желудке. Она сразу заинтересовала Линкольна. Где ее муж? Почему она одна воспитывает сына? Но ему было неловко задавать ей личные вопросы, было непохоже, что она одобрит вторжение в частную жизнь. Приятная, но скрытная, Клэр, похоже, никого не хотела подпускать слишком близко, а жаль. Она красивая, невысокая, но крепкая, с ясными темными глазами и шапкой кудрявых каштановых волос, в которых уже проступали первые седые пряди.

Положив руки на стол, Клэр чуть нагнулась вперед.

– Я не эксперт, конечно, – призналась она, – но животного с такой костью я не могу себе представить. Судя по размеру, кость детская.

– А других костей рядом не было?

– Мы с Рейчел обыскали весь двор, но ничего не нашли. Собаки могли подобрать ее в лесу. Вам придется осмотреть местность.

– Вполне возможно, что это останки древних индейских захоронений.

– Не исключено. Но, наверное, все-таки нужно передать ее судмедэксперту. – Клэр вдруг повернулась, склонила голову и прислушалась. – Что это за шум?

Линкольн вспыхнул. Из камеры снова доносился крик Дорин – свежий поток брани.

– Будь ты проклят, Линкольн! Ничтожество! Подлый обманщик! Будь ты проклят!

– Похоже, кто-то вас недолюбливает, – сказала Клэр.

Линкольн вздохнул и прижал руку ко лбу.

– Моя жена.

Взгляд Клэр смягчился и стал сочувственным. Похоже, она знала о его проблемах. Как и все жители города.

– Мне очень жаль, – проговорила она.

– Эй, ничтожество! – вопила Дорин. – Ты не имеешь права так обращаться со мной!

С видимым усилием Линкольн снова переключил свое внимание на странную находку.

– Как вы думаете, сколько лет было жертве?

Клэр взяла кость и повертела ее в руках. На мгновение она затихла, исполненная трепета от сознания того, что когда-то эта сломанная кость служила опорой резвому веселому человечку.

– Совсем ребенок, – пробормотала она. – Я бы предположила, что не больше десяти лет. – Положив кость на стол, Клэр не отводила от нее взгляд.

– Последнее время о пропаже детей никто не заявлял, – заметил Линкольн. – Здешним поселениям несколько столетий, и старые кости то и дело обнаруживают. А в прошлом веке довольно часто умирали молодыми.

Клэр нахмурилась.

– Я не думаю, что этот ребенок умер естественной смертью, – тихо возразила она.

– Почему вы так решили?

Она протянула руку к настольной лампе и, включив ее, поднесла кость к свету.

– Вот, – показала она. – Под слоем земли это почти незаметно.

Линкольн полез в карман за очками – еще одно напоминание о прожитых годах, об ускользающей молодости. Наклонив голову, он попытался разглядеть то, что она показывала. Но только когда она аккуратно соскребла ногтем грязь, он увидел клиновидный надрез. Это был след топора.

2

Когда Уоррен Эмерсон наконец пришел в себя, он обнаружил, что лежит возле поленницы, а в глаза ему светит солнце. Последнее, что он помнил, – это полумрак, серебристый налет инея на траве и замерзшие комья земли. Он колол дрова – взмахивал топором и с удовольствием слушал отзвук удара, разносящийся в морозном воздухе. Сосну во дворе дома еще скрывала темнота.

Теперь солнце стояло над деревом, и это значило, что он пролежал на земле довольно долго – возможно, около часа, если судить по расположению светила на небе.

Уоррен медленно приподнялся и сел, его голова болела, как обычно в таких случаях. Руки и лицо занемели от холода; обе перчатки валялись в стороне. Он увидел лежавший рядом топор, лезвие было глубоко засажено в кленовое полено. Наколотые дрова – как раз на дневную растопку, – были разбросаны вокруг. Эти наблюдения, а потом и их осмысление заняли у него много времени. Соображать было трудно – разрозненные и оборванные мысли будто бы уныло тащились откуда-то издалека. Но Уоррен проявлял терпение, зная, что вскоре все встанет на свои места.

Он вышел из дома на рассвете, чтобы наколоть дров на день. Плоды его труда были разбросаны по двору. Он почти уже закончил работу, но стоило ему вонзить топор в последнее полено, как вдруг над ним сомкнулась темнота. Он упал прямо на дрова; наверное, поэтому они и разлетелись в разные стороны. Его нижнее белье было влажным; должно быть, он обмочился, как это всегда с ним случалось во время приступа. Оглядев свою одежду, он заметил мокрые пятна на джинсах.

А рубашка была в крови.

Он с трудом встал на ноги и, пошатываясь, медленно побрел к дому.

На кухне было жарко и душно от натопленной печи; ему стало не по себе, и, когда он дошел до ванной, перед глазами уже стояла мутная пелена. Он присел на побитую крышку унитаза, обхватил голову руками и стал ждать, пока рассеется туман в мозгу. Пришла кошка, потерлась о его

икру и замяукала, требуя внимания. Уоррен потянулся к ней, и прикосновение к мягкой шерсти немного ободрило его.

Лицо постепенно обретало чувствительность, и он уже отчетливо ощущал пульсирующую боль в виске. Ухватившись за край раковины, он поднялся на ноги и посмотрел в зеркало. Над левым ухом седые волосы слиплись от крови. На щеке, словно краска, запеклась кровяная струйка. Он разглядывал собственное отражение в зеркале; шестьдесят шесть тяжелых зим, честная работа и одиночество изрезали его лицо глубокими морщинами. Его единственной собеседницей была кошка, которая сейчас мяукала в ногах, но не от нежности, а от голода. Он любил кошку; однажды ему предстоит оплакивать ее смерть и устраивать мрачные похороны, а потом тосковать по ночам, не слыша ее мурчания, но Уоррен не питал иллюзий насчет взаимности этой любви.

Он разделся, сняв поношенную окровавленную рубашку и пропитанные мочой джинсы. Раздевался он так же тщательно, как и работал, – аккуратно складывая одежду на крышку унитаза. Он включил душ и встал под воду, не дожидаясь, пока она нагреется; дискомфорт длился всего мгновение, и на фоне его холодной и неуютной жизни казался сущим пустяком. Он смыл кровь с волос, и свежую рану защипало от мыла. Должно быть, он повредил кожу головы, когда упал на поленницу. Ничего, заживет, как и все остальные раны. Уоррен Эмерсон был ходячим свидетельством прочности Рубцовых тканей.

Кошка возобновила свое мяуканье, как только он вышел из душа. Этот жалобный писк отчаяния невозможно было слушать, не испытывая чувства вины. Не одеваясь, он прошел на кухню, открыл банку «Фрискис» с кусочками курицы и ложкой наполнил миску Моны.

Радостно мурлыкнув, она набросилась на еду – теперь ей было все равно, дома хозяин или нет. Если бы не его умение работать консервным ножом, кошка не испытывала бы необходимости в его существовании.

Он пошел в спальню одеваться.

Когда-то это была комната его родителей; здесь до сих пор хранились их вещи. Кровать на пружинах, комод с медными ручками, на стенах фотографии в оловянных рамках. Застегивая рубашку, он задержал взгляд на одной из них – темноволосая девочка со смеющимися глазами. «Что сейчас делает Айрис? – подумал он, как делал это каждый день на протяжении всей своей жизни. – Вспоминает ли обо мне?» Взгляд переместился на другое фото. Это был их последний семейный портрет –

улыбающаяся пухленькая мама и отец, скованно чувствовавший себя в костюме и галстуке. А вклинившийся между ними мальчик с зачесанными набок волосами – маленький Уоррен.

Он протянул руку и коснулся пальцами своего лица, такого, каким оно было у двенадцатилетнего мальчика. Он не мог вспомнить этого паренька. На чердаке лежали игрушечные поезда, приключенческие книжки и обломанные цветные карандаши, когда-то принадлежавшие ребенку с фотографии, но то был другой Уоррен – который играл в этом доме и с улыбкой позировал для семейного фото, стоя в окружении родителей. Совсем не тот Уоррен, которого он видел, когда смотрел в зеркало.

Он вдруг испытал непреодолимое желание вновь прикоснуться к игрушкам того ребенка.

Он забрался на чердак и подтащил к свету старый сундук для белья. Голая лампочка покачивалась над головой. Уоррен поднял крышку сундука. Внутри лежали сокровища. Он вытаскивал их по одному, раскладывая на пыльном полу. Банка из-под печенья с полной коллекцией миниатюрных машинок «Матчбокс». Деревянный конструктор. Кожаный мешочек с шариками. И наконец нашел то, что искал, – шашки.

Он разложил доску и расставил шашки: красные со своей стороны, черные со стороны противника.

Мона взобралась на чердак и уселась рядом с ним, из ее рта пахло курицей. Какое-то время она с кошачьим презрением разглядывала доску. Потом грациозно подошла к ней и понюхала одну из черных шашек.

– Это твой первый ход? – спросил Уоррен.

Ход был не слишком удачным, но, в конце концов, чего можно ожидать от кошки? Он двинул за нее черную шашку, и она, казалось, была удовлетворена.

От порывов ветра за окном грохотали распахнутые ставни. Ветки сирени скребли обшивку дома.

Уоррен передвинул красную шашку и улыбнулся своей партнерше.

– Твой ход, Мона.

В половине седьмого пятилетняя Изабель Моррисон прокралась в спальню своей старшей сестры Мэри-Роуз и нырнула к ней под одеяло –

так она поступала каждое буднее утро. Свернувшись клубочком в теплой постели и напевая под нос, она ждала пробуждения Мэри-Роуз. Сестра переворачивалась с боку на бок, ворча и вздыхая, и ее длинные темные волосы щекотали лицо Изабель. Она считала Мэри-Роуз самой красивой девочкой на свете. Сестра напоминала ей спящую красавицу Аврору, ожидающую поцелуя принца. Иногда Изабель сама становилась прекрасным принцем и, хотя девочкам и не полагается целовать друг друга, прикасалась губами к губам сестры и объявляла: «Теперь ты должна проснуться!»

Однажды Мэри-Роуз, притворившись спящей, неожиданно вскочила и, словно хихикающее чудовище, принялась нещадно щекотать Изабель; обе девочки скатились с кровати, слившись в счастливом хохоте и визге.

Вот бы Мэри-Роуз и сейчас ее пощекотала. Вот бы она снова была нормальной.

Изабель приникла к уху сестры и прошептала:

– Ты не собираешься просыпаться?

Мэри-Роуз натянула одеяло на голову.

– Уйди, зараза.

– Мамочка говорит, что пора в школу. Тебе надо вставать.

– Уйди из моей комнаты!

– Но уже пора…

Мэри-Роуз, рассвирепев, резко и зло отпихнула сестру.

Изабель отползла к изножью кровати и улеглась там, замерев в тревожном молчании, потирая ушибленную голень и пытаясь осознать то, что произошло. Никогда еще Мэри-Роуз не била ее. Она всегда просыпалась с улыбкой, дразнила ее Изабелькой-тефтелькой и заплетала ей косы, перед тем как уйти в школу.

Она решила предпринять новую попытку. Девочка на четвереньках подползла к сестринской подушке, отогнула уголок одеяла и прошептала в ухо Мэри-Роуз:

– А я знаю, что мама с папой собираются подарить тебе на Рождество. Хочешь, скажу?

Мэри-Роуз тут же открыла глаза. И повернувшись, в упор взглянула на Изабель.

Съежившись от страха, Изабель соскочила с кровати и уставилась в лицо, которое почти не узнавала. Лицо, которое пугало ее.

– Мэри-Роуз! – прошептала она. И выбежала из комнаты.

Внизу, на кухне, мама, помешивая овсянку на плите, слушала радио, которое заглушали пронзительные крики длиннохвостого попугая Рокки. Когда заплаканная Изабель вбежала на кухню, мама повернулась к ней и проговорила:

– Уже семь часов. Твоя сестра собирается вставать?

– Мамочка, – в отчаянии захныкала Изабель. – Это не Мэри-Роуз!

Ной Эллиот выполнил сальто на скейтборде – оттолкнувшись от обочины, взлетел в воздух, а затем аккуратно приземлился на асфальт. «Есть! Получилось!» От ветра полы его мешковатой одежды разлетались в стороны. Он проехал на скейтборде до учительской парковки, у обочины подпрыгнул на доске и, развернувшись в воздухе, пустился в обратный путь.

Только в эти мгновения он был сам себе хозяином; рассекая на скейтборде, он сам определял свою судьбу, выбирал свой курс. Последнее время слишком многое решали за него другие – несмотря на возмущение и протесты, его увлекали в будущее, которого он не хотел. Но когда он мчался на доске и ветер бил ему в лицо, а земля уходила из-под ног, он принадлежал самому себе. Забывал о том, что вынужден прозябать в этом Богом забытом городишке. Забывал – хотя бы на время этой захватывающей гонки, – что отца уже нет, и больше никогда не будет так, как прежде.

Ной чувствовал, как за ним наблюдают новенькие девчонки. Они сбились в небольшую группку за классами на колесах, их гладкие головки дружно склонялись друг к другу под звонкое хихиканье. Их лица одновременно поворачивались в сторону Ноя, а глаза следили за его движениями. Он редко заговаривал с ними, да и они только иногда заводили беседу, но в обеденное время всегда выходили во двор, чтобы понаблюдать за его произвольной программой.

Ной был не единственным скейтбордистом в старшей школе Нокс, но определенно лучшим, и девчонки неизменно держали его в поле зрения, тогда как на других парней, носившихся на досках по асфальту, не обращали особого внимания. Те ребята всего лишь выпендрежники,

чуваки, которые строят из себя скейтбордистов и разряжаются в специальную одежду для этого вида спорта. Да, прикид подобран правильно – шорты «Бердхаус», обувь «Кевлар» и брюки настолько широкие, что отвороты волочатся по земле, – но все равно они провинциальные выпендрежники. Они же не катались на скейтах с крутыми пацанами в Балтиморе.

Когда Ной снова развернулся, он заметил, как на обочине дорожки блеснули чьи-то светлые волосы. За ним наблюдала Амелия Рейд. Она стояла одна и, как всегда, прижимала к груди книгу. Амелия была типичной «сладкой» девочкой – вся из себя идеальная, прямо-таки золотая. Не то что ее нелепые братцы, которые вечно донимают его в столовой. Ной никогда прежде не замечал, чтобы она наблюдала за ним, и от сознания, что ее внимание сейчас сосредоточено именно на нем, у мальчика задрожали колени.

Он подпрыгнул на доске и едва не потерял ее при приземлении. «Сосредоточься, парень! Не раскисай». Он со свистом пронесся к преподавательской парковке, развернулся и с грохотом помчался по бетонному пандусу. С одной стороны спуск был огорожен перилами. Он вспрыгнул прямо на них. Съезд обещал быть классным.

Если бы Тейлору Дарнеллу не вздумалось оказаться у него на пути.

– С дороги! – заорал Ной, но Тейлор не успел вовремя среагировать.

В последнее мгновение Ной спрыгнул с доски и повалился на землю. Скейтборд, набирая скорость, скатился по перилам и врезался прямо в спину Тейлора.

Дарнелл подпрыгнул от удара.

– Какого черта! – заорал он. – Кто это кидается?

– Я не кидался, старик, – возразил Ной, поднимаясь с земли. Кожа у него на ладонях была содрана, колено пульсировало от боли. – Случайно получилось. Ты просто оказался на пути. – Ной нагнулся поднять скейтборд, который перевернулся при падении.

Тейлор нормальный парень, он одним из первых подошел к Ною знакомиться, когда тот восемь месяцев назад приехал в город. Иногда они даже тусовались вместе, демонстрируя друг другу новые трюки на досках. Поэтому Ной был потрясен, когда Тейлор вдруг ударил его со всей силы.

– Эй! Послушай! В чем дело? – возмутился Ной.

– Ты кинул в меня доску!

– Да нет, не кидал.

– Все видели! – Тейлор оглядел подоспевших зевак. – Вы видели?

Никто ничего не сказал.

– Я же говорю, это вышло случайно, – пояснил Ной. – Извини, старик.

Со школьного двора донесся смех. Тейлор увидел девчонок и догадался, что они наблюдают за перепалкой; его лицо тут же стало пунцовым от злости.

– Заткнитесь! – рявкнул он. – Идиотки!

– Да ты что, Тейлор? – попытался успокоить его Ной. – В чем дело-то?

Остальные скейтбордисты подхватили свои доски и окружили парней. Один из них решил пошутить:

– А знаете, почему Тейлор стоял на пути?

– Почему?

– Да потому что он только стоять и умеет, в отличие от его члена!

Все скейтеры расхохотались, в том числе и Ной. Просто не смог удержаться.

К удару он был совершенно не готов. Казалось, этот убийственный удар кулаком в челюсть обрушился из ниоткуда. У него зазвенело в голове, он зашатался и упал попой на асфальт. Некоторое время он не двигался, но вскоре потрясение сменилось вспышкой ярости – в ушах зазвенело, а перед глазами стало темно. «Он был моим другом – и ударил меня!»

Ной, покачиваясь, поднялся на ноги и бросился прямиком на Тейлора. Мальчишки повалились на землю; Ной оказался сверху. Они катались по асфальту, размахивая руками, но никому не удавалось нанести решающий удар. В конце концов Ной сковал противника, прижав его к асфальту, но чувство было такое, будто он сдерживает шипящую кошку.

– Ной Эллиот!

Он замер, но руки его по-прежнему сжимали запястья Тейлора. Ной медленно повернул голову и увидел директора школы мисс Корнуоллис,

стоявшую прямо над ними. Зрители расступились и наблюдали за происходящим с безопасного расстояния.

– Встаньте! – приказала мисс Корнуоллис. – Оба!

Ной тотчас отпустил противника и поднялся. Тейлор, чье лицо от ярости приобрело багровый оттенок, завопил:

– Он меня толкнул! Он меня толкнул, и я был вынужден защищаться!

– Это неправда! Он первый начал!

– Он бросил в меня скейтборд!

– Ничего я не бросал. Это вышло случайно!

– Случайно? Ты врешь!

– Замолчите! Оба! – крикнула мисс Корнуоллис.

На школьном дворе воцарилась зловещая тишина – все испуганно смотрели на директора. Они никогда еще не слышали, чтобы мисс Корнуоллис кричала. Она была чопорной, но красивой женщиной, носила костюмы и туфли на низком каблуке, а светлые волосы убирала в аккуратный пучок-ракушку. То, что она может так кричать, было для всех открытием.

Переведя дух, мисс Корнуоллис быстро взяла себя в руки.

– Отдай мне свой скейтборд, Ной.

– Но это вышло нечаянно. Я не бил его.

– Ты валял его по земле. Я сама видела.

– Но я его не бил!

Директор вытянула руку.

– Отдай мне доску.

– Но…

– Сейчас же.

Ной подошел к лежавшей чуть поодаль доске. Это был видавший виды скейт с обломанным краем, который Ной замотал изолентой. Доску ему подарили на тринадцатый день рождения. С тыльной стороны он

украсил ее наклейкой с зеленым драконом, из пасти которого вырывается красное пламя, а колеса объезжал на улицах Балтимора, где жил раньше. Он любил свой скейт, потому что с ним были связаны самые дорогие воспоминания в его жизни. Доска напоминала ему обо всем, что осталось в прошлом. Он немного подержал ее в руках, а потом молча протянул мисс Корнуоллис.

Директриса приняла ее с отвращением. Повернувшись к остальным учащимся, повелела:

– Больше никакого скейтбординга на территории школы. Прошу сегодня же унести домой все доски. Если увижу завтра хоть одну, отберу без разговоров. Всем ясно?

Ребята молча кивнули.

Мисс Корнуоллис снова обратилась к Ною.

– Ты остаешься в школе до половины четвертого.

– Но я ничего не сделал!

– Сейчас ты пойдешь ко мне в кабинет. Посидишь там, поразмыслишь о своем поведении.

Ной хотел было поспорить, но вовремя прикусил язык. Все смотрели на него. Он заметил Амелию Рейд, которая все стояла у беговой дорожки, и его лицо вспыхнуло от стыда и унижения. Молча, с поникшей головой, он проследовал за мисс Корнуоллис к зданию школы.

Остальные скейтеры угрюмо расступились, пропуская его. Уже отдалившись от толпы, он услышал, как один из мальчишек процедил:

– Спасибо тебе, Элиотт. Удружил ты нам.

Если желаете почувствовать пульс городка Транквиль, отправляйтесь в ресторанчик «Монаганз». Ежедневно в полдень здесь собирается Клуб динозавров. Собственно, это даже не клуб, а посиделки за чашкой кофе – шесть-семь пенсионеров, которые за неимением других дел собираются возле стойки Надин и с восхищением разглядывают пирожки под пластиковыми колпаками. Клэр понятия не имела, откуда у клуба взялось такое странное название. Впрочем, она подозревала, что чья-нибудь женушка, устав от ежедневных отлучек мужа, однажды ляпнула ему что-нибудь вроде: «Ой, опять ты со своим сборищем динозавров!» Так и прилипло это название, как обычно бывает с меткими определениями. Все члены клуба – мужчины, всем далеко за шестьдесят. Надин было пятьдесят с небольшим, но она и не числилась в

клубе, поскольку работала у стойки. Надо отдать ей должное – Надин хватало чувства юмора, чтобы терпеть дурацкие шутки и сигаретный дым.

Спустя четыре часа после обнаружения бедренной кости Клэр зашла в «Монаганз» перекусить. Динозавры в количестве семи человек, все в оранжевых блейзерах поверх фланелевых рубашек, сидели как обычно – на высоких стульях слева от барной стойки, возле специального аппарата для приготовления молочных коктейлей.

Когда Клэр вошла в кафе, Нэд Тиббетс обернулся и кивнул. Приветствие не было приветливым – скорее вежливым, но мрачным:

– Доброе утро, док.

– Доброе утро, господин Тиббетс.

– Сегодня ожидается жуткий ветер.

– На улице уже зябко.

– Ветер с северо-запада. Может, и снег к вечеру пойдет.

– Чашечку кофе, док? – предложила Надин.

– Спасибо.

Нэд повернулся к остальным динозаврам, которые, по-разному отреагировав на появление Клэр, продолжили беседу. По именам она знала только двоих; остальные были знакомы в лицо. Клэр села с другой стороны стойки, одна, как и было положено чужаку. Конечно, люди относились к ней хорошо. Они улыбались и были вежливы. Но для них, живших здесь с рождения, ее восьмимесячное пребывание в Транквиле было не более чем временной остановкой, попыткой городской девчонки пожить простой жизнью. Казалось, все считали, что зима станет для нее проверкой на прочность. Четыре месяца снежных бурь и гололеда заставят ее вернуться в родной город, как это было с двумя ее предшественниками, сбежавшими от трудностей.

Надин поставила перед Клэр дымящуюся чашку кофе.

– Полагаю, вы уже все о ней знаете, верно? – спросила она.

– Все знаю – о чем?

– О кости.

Надин терпеливо ждала, пока Клэр внесет свой вклад в копилку городских сплетен. Как большинство женщин штата Мэн, Надин была приучена слушать. Вести разговоры считалось здесь привилегией мужчин. Клэр уже имела возможность убедиться в этом. Каждый раз, заходя в местные магазины или на почту, она замечала, что мужчины толпятся у входа и оживленно беседуют, а их жены молча стоят в сторонке и наблюдают.

– Я слышал, это кость ребенка, – проговорил Джо Бартлетт, развернувшись на стуле в сторону Клэр. – Бедренная кость.

– Верно, док? – переспросил другой.

Остальные динозавры тоже обернулись и уставились на Клэр.

– Кажется, вы уже все знаете, – улыбнувшись, ответила она.

– Говорят, на ней приличный след от удара. Ножом или топором. Да еще и звери здорово обгрызли.

– Вот вам сегодня тема-то для разговоров, – фыркнула Надин.

– За три дня в здешних лесах еноты и койоты обглодают кости начисто. Потом еще собаки Элвина полакомятся. Знаете, он ведь их почти не кормит. А такая косточка для них – лакомый кусочек. Возможно, его собаки глодали ее неделями. А Элвину даже невдомек посмотреть, что они там грызут.

– Куда там Элвину, он же вообще думать не умеет! – рассмеялся Джо.

– А может, он и сам подстрелил этого ребенка. Просто принял за оленя.

– Кость с виду очень старая, – вмешалась Клэр.

Джо Бартлетт сделал знак Надин.

– Я решил, что взять. Сделай-ка мне сандвич «Монте-Кристо».

– Ого! Джо у нас сегодня шикует! – воскликнул Нэд Тиббетс.

– А вам, док? – спросила Надин.

– Пожалуйста, сандвич с тунцом и грибной суп.

Клэр обедала и прислушивалась к разговору мужчин, живо обсуждавших, кому могла принадлежать кость. Не слышать было невозможно – трое из них носили слуховые аппараты. Динозавры

помнили события аж шестидесятилетней давности и с удовольствием, словно шариками, жонглировали самыми невероятными версиями. Может, это та девочка, что упала со скалы Лысый Утес? Нет, ее тело нашли, верно ведь? А может, это дочка Джеветта – не она ли сбежала из дома в шестнадцать лет? Нэд возразил: его мама рассказывала, что та живет в Хартфорде; этой девчонке, похоже, сейчас за шестьдесят – наверное, уже бабушка. Фред Муди сказал, мол, его жена Флорида считает, что мертвая девушка не здешняя – наверное, из тех, что приезжали на лето. В Транквиле зорко следили за судьбой своих жителей, и неужели пропустили бы исчезновение местного ребенка?

Надин налила Клэр еще одну чашку кофе.

– Они, наверное, не успокоятся, – заметила она. – Будто бы дело государственной важности обсуждают.

– А все-таки, откуда они узнали про кость?

– Джо – троюродный брат Флойда Спира, нашего полицейского. – Надин начала проворно протирать стойку; от ее тряпки исходил едва уловимый запах хлорки. – Говорят, сегодня из Бангора прибывает какой-то специалист по костям. А я так считаю, что это останки кого-нибудь приезжего.

В самом деле, такой вариант представлялся очевидным – какой-нибудь приезжий. И неважно, шла речь о нераскрытом преступлении или о неопознанном теле, такая версия устраивала всех. В июне население Транквиля возрастало вчетверо – это богатеи из Бостона и Нью-Йорка начинали прибывать на каникулы в свои домики у озера. Здесь, на мирном летнем поселении, они нежились в шезлонгах во дворах своих коттеджей, а их дети плескались в воде. В магазинах Транквиля начинали весело позвякивать кассовые аппараты, отсчитывая доллары, которые приезжие вливали в местную экономику. Кому-то нужно было убираться в коттеджах, ремонтировать шикарные автомобили, доставлять продукты. Денег, которые успевали заработать за это короткое летнее время, местным жителям хватало на то, чтобы пережить зиму.

Именно деньги заставляли их терпеть чужаков. А еще тот факт, что в сентябре, с началом листопада, гости снова исчезали, оставляя городок тем, кто в нем родился и жил.

Клэр закончила обед и пешком отправилась в свой офис.

Центральная улица Транквиля изгибалась вдоль берега озера. В главной части Вязовой улицы располагались автозаправка и сервис Джо

Бартлетта, которыми он управлял в течение сорока двух лет, пока не отошел от дел; теперь две его внучки заправляли бензин и меняли масло. Вывеска над гаражом гордо провозглашала: «Владельцы и распорядители – Джо Бартлетт и внучки». Клэр всегда нравилась эта вывеска; ей казалось, она многое говорит о хозяине, Джо Бартлетте.

У здания почты Вязовая улица сворачивала к северу. С озера уже дул тот самый северо-западный ветер. Он бесчинствовал в узких переулках между зданиями, превращая прогулку по тротуару в преодоление целой серии ледяных коридоров. Из окна, располагавшегося над универсальным магазинчиком, таращился черный кот, будто удивляясь глупости существ, выползших на улицу в такую погоду.

Рядом с магазином располагалось желтое здание в викторианском стиле, где Клэр принимала больных.

Прежде здание служило доктору Помрою одновременно и офисом и домом. На потускневшем стекле входной двери до сих пор сохранилась вывеска: «Медицинский кабинет». И хотя надпись «врач Джеймс Помрой» заменили на «врач Клэр Эллиот, семейный доктор», иногда ей казалось, что на неровном стекле сквозь свеженанесенные буквы, словно призрак, проступает старая надпись, не желающая впускать новую обитательницу.

За стойкой регистратуры болтала по телефону помощница Клэр Вера; когда она листала регистрационный журнал, ее браслеты издавали мелодичный звон. Прическа Веры отражала ее характер – растрепанная, курчавая и неровная. Она прикрыла рукой трубку и сообщила Клэр:

– Мейрид Темпл ждет вас в кабинете осмотра. У нее болит горло.

– Много у нас записей на сегодня?

– Придут еще двое, и все.

«Итого шесть пациентов в день», – встревожилась про себя Клэр. С тех пор как разъехались летние туристы, практика Клэр заметно сократилась. Она была единственным практикующим врачом в Транквиле, и все-таки большинство местных жителей ездили за медицинской помощью в Два Холма, что в тридцати километрах отсюда. И Клэр знала, почему: мало кто в городе верил, что она продержится дольше, чем одну суровую зиму, и люди не видели смысла привязываться к врачу, которая уедет уже к следующей осени.

Мейрид Темпл была одной из немногих пациенток, которых удалось привлечь, и то только потому, что у Мейрид не было машины. Она

прошла полтора километра пешком, чтобы попасть в город, и сейчас, сидя в кресле, отдыхивалась после прогулки по холоду. Мейрид стукнул восемьдесят один год, и у нее не было ни зубов, ни миндалин. Ни почтения к специалисту.

Осмотрев горло Мейрид, Клэр заключила:

– Оно, действительно, очень красное.

– Я это и без вас знаю, – отозвалась Мейрид.

– Но у вас нет температуры. И лимфоузлы не воспалены.

– Но болит ужасно. И глотать не могу.

– Я возьму мазок из зева на анализ. Завтра узнаем, фарингит ли это. Но я думаю, это просто вирус.

Мейрид своими маленькими подозрительными глазками зорко следила за тем, как Клэр вскрывает упаковку с тампоном.

– Доктор Помрой всегда прописывал мне пенициллин.

– Антибиотики не действуют на вирус, госпожа Темпл.

– Но он мне всегда помогал, пенициллин этот.

– Скажите «а-а-а».

Когда Клэр брала мазок, Мейрид поперхнулась. Она напоминала черепаху – вытянула морщинистую шею и беззубым ртом начала хватать воздух. Глаза у нее слезились.

– Помрой практиковал очень долго, – заявила она. – Всегда знал, что делал. Вам всем, молодым докторам, было чему у него поучиться.

Клэр вздохнула. Неужели ее вечно будут сравнивать с доктором Помроем? Его надгробие занимает почетное место на городском кладбище, что на Горной улице. Клэр видела его загадочные записи в старых медицинских картах, и иногда у нее возникало ощущение, будто призрак Помроя ходит за ней по пятам. И конечно, это он встал сейчас между ней и Мейрид. Даже после его смерти горожане говорили о нем, как о своем докторе.

– Давайте послушаем легкие, – сказала Клэр.

Мейрид что-то буркнула и начала раздеваться. На улице было холодно, и она утеплилась. Свитер, хлопковая рубашка, термобелье, бюстгальтер – все это пришлось снять, иначе Клэр не смогла бы приложить стетоскоп к ее грудной клетке.

Сквозь биение сердца Мейрид до Клэр донесся легкий стук в дверь, и она подняла голову.

В кабинет заглянула Вера.

– Звонок по второй линии.

– Ты можешь принять сообщение?

– Это ваш сын. Он не хочет говорить со мной.

– Прошу прощения, госпожа Темпл, – извинилась Клэр и поспешила в свой кабинет к телефону. – Ной!

– Тебе придется заехать за мной. Я не успею на автобус.

– Но сейчас только четверть третьего. Автобус еще не уехал.

– Меня оставили после уроков. Отпустят не раньше половины четвертого.

– Почему? Что случилось?

– Я не хочу говорить об этом.

– Но я же все равно узнаю, милый.

– Только не сейчас, мама. – Он хлюпнул носом, и в его голосе зазвучали слезы. – Пожалуйста. Просто приезжай и забери меня, пожалуйста.

Связь оборвалась. Представив своего сына в слезах, в беде, Клэр тут же перезвонила в школу. Но пока она дозванивалась секретарю, Ной уже ушел из кабинета, а с мисс Корнуоллис ей поговорить не удалось.

У Клэр оставался всего час на то, чтобы закончить с Мейрид Темпл, принять еще двух пациентов и доехать до школы.

Озабоченная цейтнотом и проблемами сына, она вернулась в кабинет осмотров и с тревогой обнаружила, что Мейрид уже оделась.

– Но я еще не закончила осмотр, – сказала Клэр.

– Да нет уж, хватит, – проворчала Мейрид.

– Но, госпожа Темпл…

– Я пришла за пенициллином. А не за тем, чтобы мне совали в горло тампон.

– Пожалуйста, присядьте в кресло. Я понимаю, что мои методы несколько отличаются от методов доктора Помроя, но на то есть причины. Антибиотики не борются с вирусом, зато могут вызвать побочные эффекты.

– Никогда у меня не было никаких побочных эффектов.

– Результат анализа мы получим уже завтра. Если это стрептококк, я пропишу вам ваше лекарство.

– Опять придется тащиться в город. У меня на это полдня уходит.

И тут Клэр поняла, в чем дело. За каждым анализом, каждым новым рецептом Мейрид нужно было пройти пешком почти два километра до города, а потом еще столько же обратно.

Вздохнув, она достала блокнот с бланками рецептов. И в первый раз за все время осмотра увидела улыбку на лице Мейрид. Довольную. Торжествующую.

Изабель тихо сидела на диване, боясь пошевелиться, боясь вымолвить хоть слово.

Мэри-Роуз была очень, очень свирепа. Мама еще не пришла, и Изабель с сестрой были дома одни. Она никогда не видела Мэри-Роуз в таком состоянии – сестра металась взад-вперед по комнате, словно тигрица в клетке, кричала на нее. На нее, Изабель! Мэри-Роуз была такой злой, что ее лицо сморщилось и стало уродливым, она уже не напоминала принцессу Аврору, а походила, скорее, на злую королеву. Изабель не узнавала свою сестру. В ней сидел кто-то очень плохой.

Изабель еще сильнее вжалась в подушки, с опаской наблюдая за тем, как кто-то плохой в обличье Мэри-Роуз носится по гостиной, постоянно бурча: «Никуда не могу пойти, ничего не могу сделать, и все из-за тебя! Постоянно должна торчать дома. Нашли тоже няньку-рабыню! Чтоб ты сдохла. Как я хочу, чтобы ты сдохла!»

«Но я же твоя сестра!» – хотелось крикнуть Изабель, но она не смела даже пикнуть. Она заплакала, и тихие слезы капали на подушки, оставляя мокрые пятна. О, нет. Это еще больше взбесит Мэри-Роуз.

Изабель дождалась, пока сестра повернется к ней спиной, осторожно соскользнула с дивана и бросилась на кухню. Она спрячется там, подальше от Мэри-Роуз, пока не придет мама. Она забилась за буфет и села на холодный кафель, подтянув колени к груди. Если сидеть тихо, то Мэри-Роуз ее не найдет. Она видела часы на стене и знала, что, когда короткая стрелка будет на цифре пять, мама вернется домой. Ей очень хотелось писать, но она понимала, что придется ждать, ведь только здесь она в безопасности.

И тут пронзительно заверещал попугай Рокки. Его клетка размещалась в нескольких шагах от нее, возле окна. Изабель посмотрела на попугая, мысленно призывая его замолчать, но Рокки был не слишком умен и не унимался. Мама не раз говорила: «Мозги у Рокки куриные», – и сейчас он криками доказывал это.

«Тише! Ну, пожалуйста, заткнись, иначе она найдет меня!»

Поздно. На кухне послышались шаги. Открылся ящик кухонного шкафа, и столовые приборы со звоном посыпались на пол. Мэри-Роуз разбрасывала в разные стороны ножи и вилки. Изабель свернулась калачиком и крепче прижалась к стенке буфета.

Предатель Рокки вылупился на нее и пронзительно завопил, как будто хотел сказать: «Вот она! Вот она!»

Мэри-Роуз оказалась в поле зрения Изабель, но на нее она не смотрела. Она уставилась на Рокки. Подошла к клетке и стояла, разглядывая попугая, который продолжал верещать. Мэри-Роуз открыла дверцу клетки и просунула туда руку. Рокки в панике замахал крыльями, взметая перья и корм. Она схватила бедную птицу – трепещущий комок зеленовато-голубого цвета, – и вытащила ее из клетки. Одним ловким движением она свернула попугаю шею. Рокки обмяк.

Мэри-Роуз швырнула тушку об стену. Мертвая птица плюхнулась на пол печальной кучкой перьев.

Немой крик застрял в горле Изабель. С трудом сдержав его, девочка уткнулась лицом в колени, с ужасом ожидая, что сестра точно так же свернет шею и ей.

Но Мэри-Роуз вышла из кухни. А потом из дома.

3

Клэр приехала в четыре часа и застала Ноя сидящим на ступеньках у входа в школу. Она спешно приняла двух своих пациентов и сразу же

поехала в школу, которая находилась в восьми километрах от ее кабинета, но все-таки опоздала на полчаса; судя по виду, сын злился. Он не сказал ни слова, просто залез в пикап и громко хлопнул дверцей.

– Пристегнись, сынок, – попросила она.

Он потянул ремень и щелкнул замком. Некоторое время они ехали молча.

– Я тебя целую вечность дожидался. Почему ты так поздно? – наконец спросил он.

– Мне нужно было принять пациентов, Ной. А почему тебя задержали?

– Я не виноват.

– А кто же виноват?

– Тейлор. Он становится таким придурком. Не знаю, что на него нашло. – Вздохнув, он откинулся на спинку сиденья. – Я-то думал, что мы с ним друзья. А выходит, он меня ненавидит.

Клэр посмотрела в его сторону.

– Ты говоришь о Тейлоре Дарнелле?

– Да.

– А что случилось?

– Все получилось нечаянно. Мой скейтборд врезался в него. И он тут же набросился на меня с кулаками. Ну, я дал сдачи, и он упал.

– Почему ты не позвал учителя?

– Никого рядом не было. А потом вышла мисс Корнуоллис, и Тейлор вдруг завопил, что это я виноват. – Он отвернулся от Клэр, но она успела заметить, как сын украдкой провел рукой по глазам.

«Он так старается казаться взрослым, – подумала она, ощутив внезапный приступ жалости, – но, в сущности, еще совсем ребенок».

– Она отобрала у меня скейтборд, мам, – тихо произнес он. – Ты не можешь вернуть его?

– Завтра я позвоню мисс Корнуоллис. Но прежде хочу, чтобы ты позвонил Тейлору и извинился.

– Но это он набросился на меня! И он должен извиниться!

– Тейлору сейчас нелегко, Ной. Его родители только что развелись.

Сын взглянул на мать.

– Откуда ты знаешь? Он что, твой пациент?

– Да.

– А что у него?

– Ты же знаешь, я не могу говорить об этом.

– Как будто ты вообще о чем-то говоришь со мной, – пробормотал он и снова отвернулся к окну.

Ей хватило ума не заглотить наживку, поэтому Клэр ничего не сказала в ответ, предпочитая молчание неизбежному спору, который мог бы возникнуть между ними, поддайся она на провокацию.

Наконец он снова заговорил, но так тихо, что она едва разбирала слова.

– Я хочу домой, мам.

– Я тебя туда и везу.

– Нет, я имею в виду домой. В Балтимор. Я больше не хочу здесь жить. Здесь нет ничего, кроме деревьев да всяких стариканов, разъезжающих на своих пикапах. Мы здесь чужие.

– Теперь наш дом здесь.

– А мой – нет.

– Ты и не пытался освоиться здесь.

– А разве у меня был выбор? Разве ты меня спросила, хочу ли я переезжать?

– Нам обоим придется привыкнуть к этому городу. Мне тоже нелегко, поверь.

– А зачем нам надо было переезжать?

Крепче сжав руль, она смотрела вперед, на дорогу.

– Ты знаешь, зачем.

Они оба это знали. Балтимор они покинули именно из-за него. Подумав о будущем сына, она ужаснулась своим мыслям. Опасные друзья, которых становилось все больше. Участившиеся звонки из полиции. В перспективе – снова залы суда, адвокаты и психотерапевты. Она представила, что ждет их в Балтиморе и, схватив сына в охапку, опрометью бросилась вон из города.

– Только из-за того, что ты утащила меня в лес, я не стану паинькой, – возразил он. – Я и здесь могу буянить с тем же успехом. Так что вполне можно вернуться.

Она остановилась возле дома и повернулась к сыну.

– Безобразия не помогут тебе вернуться в Балтимор. Либо ты станешь человеком, либо нет. Выбор за тобой.

– Разве я вообще могу делать выбор?

– Можешь, у тебя есть альтернативы. И я хочу, чтобы с этого момента ты делал правильный выбор.

– Ты имеешь в виду то, что сама считаешь правильным. – Он выскочил из машины.

– Ной! Ной!

– Оставь меня в покое! – крикнул он. И, хлопнув дверцей, пошел к дому.

Клэр не последовала за ним. Она сидела, сжимая руль, слишком уставшая и расстроенная, чтобы сражаться с сыном. Она резко сдала назад и вырулила со двора. Им обоим нужно время, чтобы остыть, привести в порядок эмоции и мысли. Свернув на шоссе Тодди-Пойнт, она поехала вдоль берега озера Саранча. Вождение в качестве терапии.

Насколько все было проще, когда был жив Питер, – стоило ему скосить глаза, сын уже смеялся. Клэр с тоской вспоминала те дни, когда они были счастливы, были едины.

«Мы осиротели без тебя, Питер. Я скучаю по тебе. Скучаю каждый день, каждый час. Каждую минуту своей жизни».

Сквозь пелену слез посверкивали огоньки прибрежных коттеджей. Она миновала изгиб шоссе, проехала Валуны, и вдруг огоньки стали не белыми, а голубыми, они будто плясали между деревьев.

Оказалось, что возле дома Рейчел Соркин припарковалась полицейская патрульная машина.

Клэр остановилась на подъездной аллее. Во дворе стояли три автомобиля – два патрульных и белый фургон. На крыльце полицейский штата Мэн беседовал с Рейчел. За деревьями мелькали лучи фонариков.

Клэр увидела Линкольна Келли, который вышел из леса. Это его движущийся силуэт выхватил луч прожектора. Линкольн не был высоким, но выделялся своей осанкой, а уверенная поступь добавляла ему солидности. Он остановился и заговорил с патрульным, потом заметил Клэр и направился к ее пикапу.

Она опустила стекло.

– Нашли еще кости? – поинтересовалась она.

Линкольн нагнулся, принеся с собой аромат леса. Сосен, земли и дымка.

– Да. Собаки вывели нас к реке, – сказал он. – Этот берег здорово размыло весной после всех наводнений. Поэтому кости и оказались на поверхности. Но, боюсь, дикие звери уже растащили большую часть по лесу.

– Медэксперт считает, что это убийство?

– Это уже не в его компетенции. Кости слишком старые. Теперь ими занимается судебный антрополог. Если хотите, можете поговорить с ней. Ее зовут доктор Оверлок.

Он открыл дверцу, и Клэр выбралась из машины. Они вместе двинулись в темноту леса. Сумерки мгновенно сгустились, превращаясь в ночную мглу. Земля под ногами была неровная, устланная опавшими листьями, и, угодив в заросли кустарника, Клэр споткнулась. Линкольн помог ей удержать равновесие. Он, казалось, не испытывал никакого дискомфорта, прокладывая путь в темноте, и его тяжелые ботинки уверенно ступали по земле.

За деревьями показались огоньки, и до Клэр донеслись голоса и журчание бегущей воды. Они с Линкольном вышли из леса на берег речки. Размытый участок уже был огорожен полицейской лентой, натянутой на колышки, а на брезенте лежали извлеченные из земли грязные кости. Клэр узнала большую берцовую кость и какие-то фрагменты, видимо, части таза. Двое мужчин в высоких охотничьих сапогах стояли по колено в воде, осторожно подкапывая берег; на их головах были закреплены фонарики.

Люси Оверлок стояла среди деревьев и разговаривала по мобильному телефону. Она и сама напоминала дерево – высокая и крепкая; Люси,

совсем как лесник, надела джинсы и тяжелые ботинки. Ее волосы, почти совсем седые, были стянуты в тугой и строгий конский хвост. Она заметила Линкольна и, устало махнув ему рукой, продолжила свой разговор по телефону.

– ... пока никаких артефактов, только скелетные останки. Но я вас уверяю, это захоронение не подпадает под закон о могилах [1]. Череп явно принадлежал европеоиду, а не индейцу. Что значит, как я определила? Ну это же очевидно! Черепная коробка слишком узкая, и лицо недостаточно широкое. Нет, конечно. Я не берусь утверждать на сто процентов. Но место захоронения – озеро Саранча, а здесь никогда не было поселений пенобскотов. Это племя даже не рыбачило здесь, это озеро для них всегда было под запретом. – Она подняла глаза к небу и покачала головой. – Разумеется, вы можете сами провести осмотр костей. Но сейчас нам необходимо закончить раскопки, прежде чем здесь похозяйничают звери, иначе мы вообще все потеряем. – Она нажала на отбой и сердито посмотрела на Линкольна. – Битва за право первенства.

– Из-за костей?

– Да это все закон о могилах. Охрана индейских захоронений. Каждый раз, когда мы находим останки, индейцы требуют стопроцентного подтверждения, что это не относится к их племенам. Девяносто пять процентов их, видите ли, не устраивают. – Она перевела взгляд на Клэр, которая сделала шаг вперед, чтобы представиться.

– Люси Оверлок, – объявил Линкольн. – А это Клэр Эллиот. Доктор, нашедшая бедренную кость.

Женщины пожали друг другу руки – деловое приветствие двух профессиональных медиков, встречающихся по невеселому делу.

– Нам повезло, что именно вы увидели кость, – сказала Люси. – Кто-то другой мог бы и не догадаться, что она человеческая.

– Честно говоря, я была не совсем уверена, – ответила Клэр. – Рада, что не вытащила вас сюда из-за какой-нибудь коровьей кости.

– Кость определенно не коровья.

– Мы нашли кое-что еще! – крикнул один из стоявших в речке археологов.

Люси вошла по колено в воду и осветила изрытый берег фонариком.

– Вот, – указал археолог, пронзая землю совком. – Похоже, еще один череп.

Люси надела резиновые перчатки.

– Ладно, давайте освободим его.

Мужчина вонзил совок еще глубже в землю и осторожно поддел какой-то ком. Объект упал прямо в руки Люси. Она выбралась из воды на берег. Опустившись на колени, доктор принялась рассматривать драгоценную находку над брезентом.

Это действительно был еще один череп. Аккуратно перевернув его, Люси осмотрела зубы под лучом прожектора.

– Еще один ребенок. Отсутствуют зубы мудрости, – заметила Люси. – Вижу разрушенные коренные зубы здесь и здесь, но пломбы отсутствуют.

– Значит, стоматолог к ним не прикасался, – заключила Клэр.

– Да, кости старые. Тебе везет, Линкольн. Иначе пришлось бы заняться делом об убийстве.

– Почему ты так думаешь?

Она перевернула череп, и свет упал на макушку, откуда лучами расходились трещины; так бывает с вареным яйцом, если по его скорлупе стукнуть ложкой.

– Думаю, сомнений быть не может, – сказала она. – Ребенок умер насильственной смертью.

И тут тишину прорезала трель пейджера – все вздрогнули от неожиданности. В лесной глуши этот электронный звук казался до странности чужим. Сбивающим с толку. Клэр и Линкольн машинально потянулись к своим пейджерам.

– Это мой, – сообщил Линкольн, взглянув на дисплей.

Не сказав больше ни слова, он направился через лес в сторону патрульной машины. Вскоре Клэр увидела за деревьями проблесковые маячки его отъезжающего автомобиля.

– Похоже, что-то случилось, – заметила Люси.

Полицейский Пит Спаркс уже был на месте и пытался уговорить старика Верна Фуллера убрать дробовик. Наступила ночь, и первое, что увидел

Линкольн, были два отчаянно жестикулирующих силуэта, периодически выхватываемые из темноты светом проблескового маячка патрульного автомобиля Пита. Линкольн остановился на подъезде к дому Верна и осторожно вышел из машины. До него донеслись блеянье овец и неугомонное кудахтанье кур. Звуки действующей фермы.

– Дробовик вам ни к чему, – урезонивал Пит. – Идите в дом, Верн, мы сами во всем разберемся.

– Будто бы вы в прошлый раз разбирались!

– В прошлый раз я ничего не обнаружил.

– Да потому что вы сто лет сюда ехали!

– В чем дело? – поинтересовался Линкольн.

Верн повернулся к нему.

– Это вы, начальник? Тогда скажите этому… этому мальчишке, что я не собираюсь отдавать ему свое единственное средство защиты.

– Я и не прошу сдавать оружие, – устало возразил Пит. – Я просто хочу, чтобы вы перестали им размахивать. Идите в дом и уберите ружье, чтобы никому не навредить.

– Думаю, это разумное предложение, – подтвердил Линкольн. – Мы не знаем, с чем имеем дело, поэтому будет лучше, если вы зайдете в дом и запретесь, Верн. Не уходите далеко от телефона на случай, если придется вызывать подкрепление.

– Подкрепление? – хмыкнул Верн. – Ладно, я так и сделаю.

Полицейские подождали, пока старик, громко топая, зашел в дом и закрыл за собой дверь. После этого Пит сказал:

– Да он слепой, как крот. Хорошо бы забрать у него ружье от греха подальше. Каждый раз, приезжая сюда, я так и жду, что он мне башку снесет.

– Так в чем, собственно, проблема?

– Уф! Он уже в третий раз звонит по девять-один-один. Я и по другим вызовам ношусь как сумасшедший, а приходится еще и сюда по полдня таскаться. Он все жалуется, что какой-то зверь охотится на его овец. А я так думаю, он просто видит собственную тень.

– А почему вызывает нас?

– Потому что Департаменту охоты и рыболовства ехать еще дольше. Я здесь уже второй раз за неделю, но никого не обнаружил. Даже следов койота не нашлось. Сегодня я впервые видел Верна в таком состоянии. Поэтому решил позвать тебя – на всякий случай, а то вдруг решит подстрелить меня вместо хищника.

Линкольн бросил взгляд на дом и увидел в окне силуэт старика.

– Он за нами наблюдает. Может, прочешем территорию, чтобы его не расстраивать?

– Он говорит, что видел зверя у хлева.

Пит зажег свой фонарик, и они двинулись по двору в ту сторону, откуда доносилось блеянье овец. Линкольн чувствовал на себе взгляд Верна, который контролировал каждый их шаг. Ладно уж, уважим старика, подумал он. Пусть даже это обернется бесполезной тратой времени.

Вдруг Пит остановился, а луч его фонарика замер на двери хлева. Она была распахнута настежь.

Что-то здесь не так. С наступлением темноты скотные дворы обычно запирали, чтобы уберечь животных.

Линкольн тоже зажег свой фонарик. Теперь они двигались медленнее, освещая путь дрожащими лучами фонарей. У входа в хлев они остановились. Даже в зловонии скотного двора они смогли различить его – запах крови.

Они вошли внутрь. Овцы тотчас заблеяли еще громче – эти звуки тревожили не меньше, чем крики испуганных детей. Пит описал лучом фонаря полукруг, и он выхватил вилы, суетливых кур и овец, трусливо сбившихся в небольшом загоне.

На устланном соломой полу лежал источник дурного запаха.

Пит первым, пошатываясь, вышел из хлева и бросился в кусты – его рвало.

– Господи. Господи, – бормотал он, держась рукой за стенку хлева.

– Это просто мертвая овца, – удивился Линкольн.

– Никогда не видел, чтобы койот делал такое. Все внутренности наружу…

Линкольн посветил фонариком на землю, изучая следы вокруг двери. Но увидел только отпечатки подошв – свои, Пита и Верна Фуллера. Никаких следов. Возможно ли такое, чтобы зверь не наследил?

У него за спиной хрустнула ветка, и он быстро развернулся, обнаружив прямо перед собой Верна с неизменным дробовиком в руках.

– Это медведь, – заявил старик. – Именно его, медведя, я и видел.

– Медведь бы не сделал такого.

– Я же сам видел. Почему вы мне не верите? «Потому что все знают, что ты ни черта не видишь».

– Он ушел туда, в лес, – сообщил Верн, указывая в ту сторону, где к его участку вплотную подступал лес. – Я шел за ним, пока было светло. Потом потерял его.

Линкольн увидел, что следы его ботинок действительно тянутся к лесу, но Верн несколько раз возвращался и основательно затоптал отпечатки лап зверя.

Он пошел по следам Верна к лесу. У опушки остановился, вглядываясь в темноту. Сплошная стена деревьев казалась непроходимой, и даже луч фонарика не пробивал ее.

Пит уже очухался и теперь стоял рядом.

– Лучше бы подождать до утра, – прошептал он. – Мы ведь не знаем, с кем имеем дело.

– Я уверен, что это не медведь.

– Ну, в общем-то, я не боюсь медведей. Но если это что-то другое… – Пит достал оружие. – Ходят слухи, что на прошлой неделе у водопада Джордан видели пуму.

Линкольн тоже вооружился и медленно двинулся в лес. Он сделал всего несколько шагов, и под его ботинками, словно ружейные выстрелы, затрещали ветки. Внезапно он застыл на месте, вглядываясь в стену деревьев. Казалось, лес сомкнулся вокруг него. Волоски на его загривке встали дыбом.

«Там кто-то есть. Он наблюдает за нами».

Инстинкт самосохранения призывал отступиться. Он попятился, сердце его бешено застучало, а ветки ломались под ногами с таким звуком,

словно что-то взрывалось. Только когда Линкольн и Пит выбрались из леса, странное ощущение неминуемой опасности рассеялось.

Они снова подошли к хлеву, где по-прежнему блеяли овцы. Келли еще раз осмотрел следы на земле. И вдруг напрягся, вскинул голову.

– А что находится за этим лесом? – спросил он.

– О, он огромный, – сказал Верн. – За ним шоссе Барнстаун. Несколько домиков.

«Домики», – подумал Линкольн.

«Семьи».

* * *

Когда Клэр вернулась домой, Ной смотрел телевизор. Раздеваясь в прихожей, она узнала музыкальную заставку из мультика «Симпсоны», звучавшую из соседней комнаты, до нее донеслись громкая отрыжка Гомера Симпсона и раздраженное ворчание Лизы Симпсон. Потом она услышала смех Ноя и подумала: «Как хорошо, что мой сын до сих пор смеется над мультиками».

Зайдя в гостиную, Клэр увидела Ноя, развалившегося на диванных подушках, лицо его по-прежнему озаряла улыбка. Он посмотрел на нее, но ничего не сказал.

Клэр села рядом с ним, положив ноги на журнальный столик, так же, как он. Большие ноги и маленькие ножки, с умилением подумала она. У Ноя так вымахала ступня, что по сравнению с ее ножкой казалась просто комичной.

На телеэкране невообразимо толстый Гомер носился туда-сюда в цветастом гавайском платье и набивал рот едой.

Ной снова рассмеялся, Клэр тоже. Именно так ей и хотелось провести остаток вечера. Они будут вместе смотреть телевизор, жевать попкорн вместо ужина. Она склонилась к сыну, и они нежно соприкоснулись головами.

– Прости, мам, – извинился он.

– Ничего страшного, милый. Извини, что не смогла приехать за тобой вовремя.

– Звонила бабушка Эллиот. Совсем недавно.

– Да? Она хотела, чтобы я перезвонила?

– Думаю, да. – Некоторое время он молча смотрел на экран, хотя уже пустили рекламу. Потом сказал: – Бабушка хотела узнать, как мы сегодня.

Клэр озадаченно взглянула на сына.

– А что такое?

– Сегодня день рождения папы.

На экране Гомер Симпсон, все в том же цветастом гавайском платье, угнал фургон с мороженым и несся на нем с бешеной скоростью, всю дорогу жадно уписывая сладкую добычу. Клэр рассеянно смотрела мультик, думая о своем. «Сегодня твой день рождения. Прошло всего два года после твоей смерти, а мы уже начинаем по кусочкам, по крохам терять память о тебе».

– О, боже, Ной, – прошептала она. – Даже не верится. Я совсем забыла.

Она почувствовала, как его голова тяжело опустилась ей на плечо. И он произнес тихо и пристыженно:

– Я тоже.

Из своей спальни Клэр перезвонила Маргарет Эллиот. Она всегда любила свекровь, и с годами нежность к ней возросла настолько, что Маргарет стала для нее гораздо ближе, чем ее собственные, холодновато-надменные родители. Иногда Клэр казалось, что любви и страсти ее научила именно семья Эллиот.

– Здравствуй, мама. Это я, – приветствовала ее Клэр.

– В Балтиморе сегодня семнадцать градусов и солнечно, – отозвалась Маргарет, и Клэр невольно рассмеялась.

С тех пор как она переехала в Транквиль, сравнение погодных условий стало для них дежурной шуткой. Маргарет очень не хотела, чтобы они покидали Балтимор. «Ты даже не представляешь, что такое настоящий холод, – говаривала Маргарет, – и я буду постоянно напоминать тебе о том, что ты покинула».

– А здесь два градуса, – послушно отрапортовала Клэр. Она выглянула в окно. – Будет еще холоднее. И темнее.

– Ной передал тебе, что я звонила?

– Да. И у нас все в порядке. Правда.

– Точно?

Клэр промолчала. У Маргарет был особый талант угадывать настроение собеседника по одной лишь интонации, и сейчас она уловила некоторую фальшь в голосе невестки.

– Ной сказал, что хочет вернуться, – продолжила Маргарет.

– Но мы только что переехали.

– Ты в любой момент можешь передумать.

– Не сейчас. Я здесь слишком во многое вложилась. В новую практику, в дом.

– Это ведь только материальное, Клэр.

– Нет, все это я делала для Ноя. Я должна остаться здесь ради него. – Клэр немного помолчала, вдруг осознав, что при всей своей любви к Маргарет испытывает некоторое раздражение. Она уже устала от мягких, но настойчивых намеков на то, что ей следует вернуться в Балтимор. – Ребенку всегда нелегко начинать с нуля, но он приспособится. Он еще слишком мал и сам не знает, чего хочет.

– Что ж, думаю, ты права. Ну, а как ты? Тебе самой все еще хочется там жить?

– Почему ты спрашиваешь?

– Потому что знаю, как нелегко пришлось бы мне самой на новом месте. Без друзей, без родных.

Клэр посмотрела на себя в зеркало. Ее усталое лицо. Отражение ее спальни, на стенах которой по-прежнему висят картины. Это всего лишь скопище мебели, место для сна, а не уголок родного дома.

– Вдове нельзя без друзей, Клэр, – заметила Маргарет.

– Может быть, отчасти потому я и уехала.

– Что ты имеешь в виду?

– Там я для всех была только вдовой. Я приходила в свою клинику, и меня встречали грустные сочувствующие взгляды. При мне коллеги боялись смеяться или травить анекдоты. И никто, никто и никогда не

осмеливался заговорить о Питере. Все как будто решили, что при одном только упоминании его имени я разрыдаюсь.

В трубке воцарилось молчание, и Клэр вдруг пожалела о том, что разоткровенничалась.

– Это не значит, что я перестала скучать по нему, мама, – тихо произнесла она. – Я вижу его всякий раз, когда смотрю на Ноя. Сходство между ними просто поразительное. Я как будто наблюдаю, как взрослеет Питер.

– Да, насчет сходства ты права, – согласилась Маргарет, и Клэр испытала облегчение, что в речи свекрови сохранились теплые нотки. – Питер был довольно трудным ребенком. Кажется, я тебе никогда не рассказывала, что он вытворял в возрасте Ноя. Озорство передалось Ною именно от него, Питера.

Клэр расхохоталась. «Да уж, точно не от меня, занудно-добропорядочной матери, самым серьезным преступлением которой была просрочка техосмотра».

– У Ноя доброе сердце, но ему ведь только четырнадцать, – по-дружески предупредила Маргарет. – Не воспринимай его проделки как катастрофу.

Позже, когда Клэр спускалась вниз, она уловила запах горелых спичек и подумала: «Ну вот. Проделки не заставили себя ждать. Он опять накурился тайком». Она пошла на запах, к кухне, и застыла в дверях.

Ной держал в руке зажженную спичку. Увидев мать, он тут же погасил огонь.

– Я больше не нашел свечей, – сообщил он.

Она молча подошла к столу. Ее глаза наполнились слезами, когда она увидела замороженный торт, который сын достал из холодильника. На одиннадцати свечах танцевали язычки пламени.

Ной чиркнул новой спичкой и зажег двенадцатую свечу на торте.

– С днем рождения, папа, – тихо произнес он.

«С днем рождения, Питер», – подумала она и смахнула слезы. Вместе с сыном они задули свечи.

Госпожа Горацио собиралась проткнуть лягушке спинной мозг.

– Им совсем не больно, если сразу проникнуть в стволовую часть мозга, – объясняла она. – После того как вы введете иголку в основание черепа, слегка пошевелите ею, чтобы разрушить все нервные пути, ведущие к мозгу. Это парализует животное, прекращает сознательную жизнедеятельность, но спинномозговые рефлексы сохраняются, и их можно изучать. – Учительница опустила руку в банку и достала оттуда извивающуюся лягушку. Другой рукой взяла препаровальную иглу. Огроменную.

Сдерживая приступ тошноты, Ной сидел, не шелохнувшись, за своей партой в третьем ряду. Он старался держать ноги непринужденно вытянутыми, на его лице застыло скучающее выражение.

Он слышал, как заерзали на стульях одноклассники, прежде всего девчонки. Сидевшая справа от него Амелия Рейд в ужасе прикрыла рот рукой.

Он медленно обвел взглядом класс, при этом мысленно давая каждому ученику прозвище. Ботан. Врун. Жополиз. За исключением Амелии Рейд, ни один из них не вызывал в нем симпатии, ни с кем ему не хотелось завязать дружбу. Впрочем, и с ним никто не хотел дружить, но это его мало волновало. Может, маме и нравится этот городишко, но он не собирается задерживаться здесь надолго.

«Вот только школу закончу – и валить отсюда, валить куда подальше».

– Тейлор, хватит ерзать, сосредоточься, – велела госпожа Горацио.

Ной покосился в сторону и увидел, что Тейлор Дарнелл вцепился в парту обеими руками, уставившись в свой листок с контрольной работой, которую раздали после проверки сегодня утром. Госпожа Горацио вывела на ней красным маркером жирную «двойку» с плюсом. Листок был изрисован злобными каракулями Тейлора. Рядом с унизительной отметкой он написал черными чернилами: «Чтоб ты сдохла, госпожа Говняцио!».

– Ной, ты внимательно смотришь?

Ной покраснел и перевел взгляд на учительницу. Госпожа Горацио подняла лягушку и держала ее в руке, чтобы всем было видно. Казалось, подносить иглу к голове лягушки для нее сущая радость. С сияющими глазами и приоткрытым от удовольствия ртом она вводила иглу в ствол мозга. Задние ножки лягушки заметались, перепончатые лапки задергались от боли.

Амелия вскрикнула и опустила голову, ее светлые волосы рассыпались по парте. По всему классу заскрипели стулья. Кто-то воскликнул в отчаянии:

– Госпожа Горацио, можно выйти?

– … и подвигать иглой взад-вперед, прикладывая некоторое усилие. Не обращайте внимания на дрыгающиеся лапки. Это всего лишь рефлекс. Просто позвоночник посылает импульсы.

– Госпожа Горацио, мне нужно в туалет…

– Потерпи минутку. Вы должны увидеть, как я это делаю. – Она прокрутила иголку, и послышался тихий хруст.

Ною показалось, что его вот-вот стошнит. С трудом сохраняя невозмутимый вид, он отвернулся и сцепил руки под партой. «Только без рвоты, только без рвоты, только без рвоты». Он сконцентрировал внимание на светлых волосах Амелии, которыми всегда восхищался. Волосы Рапунцель. Он смотрел на них, думая о том, как бы ему хотелось их погладить. Он никогда не осмеливался заговорить с Амелией. Она казалась ему сказочной принцессой, недоступной для простого смертного.

– Ну, вот и все, – сообщила госпожа Горацио. – Больше ничего делать не нужно. Я обращаюсь к классу: все видели? Полный паралич.

Ной заставил себя перевести взгляд на лягушку. Она лежала на учительском столе – безвольная, плоская тушка. Все еще живая, если верить старухе Горацио, но не подающая признаков жизни. Он вдруг испытал искреннюю жалость к этой лягушке, представил себя, распластанного на учительском столе, с открытыми глазами и в полном сознании, но совершенно неподвижного. Волны паники ни к чему не приводят, просто фейерверками взрываются в мозгу. Он сам почувствовал себя парализованным, оцепенелым.

– Теперь вам нужно сесть парами, – приказала госпожа Горацио. – Сдвиньте свои парты.

Ной сглотнул и покосился на Амелию. Она беспомощно кивнула.

Он сдвинул их парты. Они не разговаривали; их партнерство было обусловлено лишь близостью парт, но, черт возьми, какое это имело значение, главное – оказаться ближе к ней. У Амелии дрожали губы. Ему очень хотелось утешить ее, но он не знал, как это сделать, поэтому просто сидел молча, все с тем же выражением безразличия на лице. «Скажи ей

что-нибудь хорошее, придурок. Порази ее чем-нибудь. У тебя, может, не будет другого шанса!»

– Лягушка действительно выглядит как мертвая, – заметил он.

Амелия содрогнулась.

Госпожа Горацио уже двигалась по рядам с банкой, в которой барахтались лягушки. Она остановилась возле Ноя и Амелии.

– Берите. Каждая пара работает с одной лягушкой.

Кровь отлила от лица Амелии. Теперь все зависело от Ноя.

Он сунул руку в банку и вынул скользкую лягушку. Госпожа Горацио положила на их парту препаровальную иглу.

– А теперь начинайте, – велела она и двинулась к следующей паре.

Ной посмотрел на лягушку, которую держал в руке. Она тоже уставилась на него, выпучив глаза. Он взял иглу, потом снова посмотрел на лягушку. Эти глаза как будто умоляли его: «Не убивай меня! Не убивай меня!» Он отложил иглу, чувствуя, что тошнота подступает с новой силой, потом с надеждой посмотрел на Амелию.

– Хочешь отличиться?

– Я не могу, – прошептала она. – Не заставляй меня, пожалуйста.

Кто-то из девчонок вскрикнул. Ной обернулся и увидел, как Лидия Липман вскочила со стула и шарахнулась от своего напарника, Тейлора Дарнелла. Послышались глухие удары о дерево – бум, бум, бум, – это Тейлор вонзал иглу в тушку лягушки. Кровь брызнула на парту.

– Тейлор! Тейлор, прекрати сейчас же! – воскликнула госпожа Горацио.

Но он продолжал тыкать иголкой. Бум, бум! Лягушка стала похожа на зеленый фарш.

– «Два» с плюсом, – бормотал он. – Я всю неделю готовился к этой контрольной. Вы не можете ставить мне «два» с плюсом!

– Тейлор, иди к директору!

Он воткнул иголку еще сильнее.

– Вы не можете ставить мне мерзкую «двойку» с плюсом!

Учительница схватила его за запястье и попыталась отобрать иголку.

– Сейчас же отправляйся к мисс Корнуоллис!

Тейлор отдернул руку и спихнул дохлую лягушку на пол. Она отлетела прямо на колени к Амелии. Та с диким визгом вскочила со стула, и маленький трупик плюхнулся на пол.

– Тейлор! – взревела госпожа Горацио. Она снова схватила мальчика за запястье, на этот раз вынуждая его выпустить из руки иглу. – Немедленно выйди из класса!

– Пошла ты на хер!

– Что ты сказал?

Он встал из-за парты и ударом ноги свалил на пол стул.

– Пошла ты на хер!

– С этой минуты ты исключен! Всю неделю ты грубил и вел себя вызывающе. Доигрался, дружок. Больше ты здесь не нужен!

Он пихнул стул ногой. Тот полетел по проходу и врезался в парту. Схватив Тейлора за рубашку, учительница попыталась вывести его за дверь, но он ловко вывернулся и ударил ее по спине. Она завалилась на парту, опрокинув банку с лягушками. Банка разбилась, лягушки выпрыгнули на волю и помчались по полу колышущимся зеленым ковром.

Госпожа Горацио медленно поднялась на ноги, ее глаза полыхали яростью.

– Я добьюсь, чтобы тебя исключили!

Тейлор полез в свой рюкзак.

Госпожа Горацио оцепенела, увидев в его руке пистолет.

– Опусти его, – велела она. – Тейлор, опусти пистолет!

Казалось, вспышка ударила ей в живот. Учительница пошатнулась, обхватила руками живот и рухнула на пол. В ее глазах застыло изумление. Время, казалось, остановилось, замерло на это нескончаемое мгновение, пока Ной в ужасе смотрел, как к его кроссовкам бежит ручеек яркой крови. И тут тишину взорвал испуганный девичий крик. В следующий момент вокруг него царил хаос. Ной слышал, как

загрохотали падающие стулья, видел, как бегущая девочка оступилась и упала коленями на битое стекло. Казалось, воздух пропитался кровью и паникой.

Прогремел следующий выстрел.

Взгляд Ноя, словно камера в замедленном режиме, скользил по убегающим фигурам; он увидел, как Верной Хоббс неуклюже шагнул вперед и с треском врезался в парту. Классная комната превратилась в расплывшееся пятно, в котором мелькали развевающиеся волосы и бегущие ноги. Но сам Ной не мог двинуться с места. Он словно увяз в этом кошмаре, тело отказывалось выполнять команду мозга: «Беги! Беги!»

Его взгляд выхватил из хаоса Тейлора Дарнелла, и к своему ужасу Ной заметил, что дуло пистолета было нацелено в голову Амелии.

«Нет, – подумал он. – Нет!»

Тейлор выстрелил.

Вдруг, откуда ни возьмись, по виску Амелии потекла струйка крови, потом ручеек оказался на щеке, но девочка не упала – широко раскрыв глаза, словно затравленный зверь, она глядела на дуло пистолета.

– Пожалуйста, Тейлор, – шептала она. – Пожалуйста, не надо…

Тейлор снова поднял пистолет.

В это мгновение Ной избавился от парализующего кошмара, ноги снова задвигались, а тело стало слушаться. Мозг тут же отметил множество деталей. Ной видел, как Тейлор вскинул голову и повернулся к нему. Пистолет, описав дугу, тоже оказался направленным на него. Ринувшись на Тейлора, Ной заметил в его глазах удивление.

Из дула вылетела еще одна пуля.

– Я только что узнала, что сюда положили мою пациентку. Почему никто не позвонил мне?

Дежурная медсестра подняла глаза от стола и как будто съежилась, увидев, что вопрос исходит от Клэр.

– М-м… какая пациентка, доктор Эллиот?

– Кейти Юманс. Я видела ее имя на двери одной из палат, но в палате ее нет. Ее карты я тоже не нашла.

– Ее привезли всего несколько часов назад по «скорой». Она сейчас в рентгенкабинете.

– Но меня почему-то никто не известил.

Медсестра опустила взгляд.

– Ее лечащим врачом стал доктор Делрей.

Клэр молча восприняла эту неприятную новость. В общем-то нет ничего необычного в том, что пациенты меняют врачей, иногда в силу самых банальных причин. Два пациента перешли от Эдама Делрея к Клэр. Но то, что именно эта пациентка предпочла другого врача, удивило Клэр.

Когда она впервые оказалась на приеме у Клэр с воспалением мочевого пузыря, шестнадцатилетняя Кейти Юманс, немного отстающая в развитии, проживала со своим отцом. Клэр сразу же обратила внимание на синяки по окружности запястий девушки. Сорок пять минут деликатных расспросов и осмотр малого таза подтвердили подозрения Клэр. Кейти забрали из-под опеки отца-насильника и поместили в приют.

С тех пор девушка расцвела. Ее травмы – как физические, так и душевные – исчезли. Клэр считала Кейти своей победой. С чего бы вдруг девушке менять врача?

Она нашла Кейти в рентгенкабинете. Через смотровое окошко Клэр увидела, что девушка лежит на столе, а над ее ступней висит рентгеновская трубка.

– Могу я спросить, с каким диагнозом ее госпитализировали? – спросила Клэр у технолога-рентгенолога.

– Мне сказали, панникулит правой стопы. Вон ее карта, если хотите, можете взглянуть.

Клэр взяла со стола карту и прочитала запись, сделанную в приемном отделении. Она была продиктована доктором Эдамом Делреем в семь часов утра.

«Белая женщина, шестнадцати лет, наступила на гвоздь два дня назад. Сегодня утром проснулась с высокой температурой, ознобом, распухшей ступней…»

Клэр бегло просмотрела описание физического состояния пациентки, перевернула страницу и прочитала назначенное лечение.

После этого тут же схватила трубку телефона, чтобы передать сообщение на пейджер Эдама Делрея.

Уже через мгновение он вошел в рентгенкабинет, как всегда в своем белом длинном халате, отутюженном и накрахмаленном. Хотя он всегда был приветлив с ней, искренней теплоты в их отношениях не было, и Клэр подозревала, что за внешней сдержанностью северянина скрывается типично мужской дух соперничества, возможно, даже чувство обиды за то, что она увела у него двух пациентов.

И вот теперь, когда он отобрал ее пациентку, Клэр пришлось подавить в себе соревновательный дух. Сейчас ее единственной заботой было благополучие Кейти Юманс.

– Я наблюдала Кейти амбулаторно, – пояснила она. – Я достаточно хорошо знаю ее, и…

– Клэр, это обычная история. – Эдам положил ей руку на плечо, словно утешая. – Надеюсь, вы не принимаете это близко к сердцу.

– Я не по этому поводу звонила вам на пейджер.

– Просто мне было проще принять ее. Я дежурил в службе экстренной помощи, когда ее привезли. А ее опекунша сказала, что Кейти нужен терапевт.

– Я вполне способна вылечить панникулит, Эдам.

– А что, если это перерастет в остеомиелит? Это гораздо сложнее.

– Вы хотите сказать, что семейный доктор недостаточно квалифицирован, чтобы помочь своему пациенту?

– Решение принимала опекунша девушки. Так получилось, что я оказался дежурным врачом.

Клэр уже настолько обозлилась, что предпочла не отвечать. Отвернувшись от доктора Делрея, она посмотрела в окно на свою пациентку. Бывшую пациентку. Ее внимание вдруг привлекла капельница, к которой была подключена девушка, и написанная от руки табличка, прикрепленная к мешочку с декстрозой и водой.

– Ей что, уже вводят антибиотики?

– Только что подвесили, – ответила технолог-рентгенолог.

– Но у нее аллергия на пенициллин! Поэтому я и позвонила вам на пейджер, Эдам!

– Девушка ничего не сказала про аллергию.

Клэр бросилась в соседнюю комнату, отсоединила капельницу и перекрыла подачу раствора. Взглянув на Кейти, она с тревогой заметила, что лицо девушки пылает.

– Эпинефрин, срочно! – крикнула Клэр технологу-рентгенологу. – И бенадрил внутривенно!

Кейти беспокойно ерзала на столе.

– Я как-то странно себя чувствую, доктор Эллиот, – пробормотала она. – Мне так жарко. – На ее шее, покрытой ярко-красными пятнами, вздулись волдыри.

Рентгенолог взглянула на девушку, пробормотала: «О, черт!» и бросилась к шкафчику за набором от анафилактического шока.

– Она мне не сказала, что у нее аллергия, – начал оправдываться доктор Делрей.

– Вот эпинефрин, – сообщила рентгенолог, передавая Клэр шприц.

– Я не могу дышать!

– Все хорошо, Кейти, – успокаивала ее Клэр, вскрывая иголку. – Сейчас тебе станет лучше… – Она проколола кожу девушки и ввела ей дозу эпинефрина.

– Я… не могу… дышать!

– Бенадрил, двадцать пять миллиграммов внутривенно! – крикнула Клэр. – Эдам, вколите ей бенадрил!

Делрей недоуменно уставился на шприц, который рентгенолог только что сунула ему в руку. Он в изумлении ввел лекарство в капельницу.

Клэр вооружилась стетоскопом. Прослушивая легкие девушки, она уловила сильные хрипы с обеих сторон.

– Что с давлением? – спросила она рентгенолога.

– Восемьдесят на пятьдесят. Пульс сто сорок.

– Давай-ка ее в реанимацию.

Три пары рук подхватили девушку и переложили ее на каталку.

– Не могу дышать… не могу дышать…

– Господи, да она и вправду опухает!

– Не останавливаемся! – скомандовала Клэр.

Втроем они выкатили пациентку из рентгенкабинета и помчались по коридору. Свернув за угол, они вкатили ее в распашные двери реанимации. Доктор Макнелли и две медсестры удивленно подняли головы, когда Клэр объявила:

– У нее наступает анафилактический шок!

Реакция последовала немедленно. Персонал реанимации мгновенно доставил каталку в процедурную. Тут же прижали кислородную маску к лицу девушки, а датчики ЭКГ подсоединили к грудной клетке. Через несколько минут в ее вены начала по каплям поступать щедрая доза кортизона.

Когда Клэр наконец вышла из реанимации, оставив пациентку в надежных руках Макнелли и его персонала, сердце у нее по-прежнему колотилось. Она увидела Эдама Делрея, который стоял у столика медсестры и что-то яростно черкал в карте Кейти. Когда она подошла, он быстро закрыл карту.

– Она мне ничего не сказала про аллергию, – повторил он.

– У девушки замедленное развитие.

– В таком случае ей следует носить медицинский браслет. Почему его нет?

– Она не хочет его носить.

– О таких вещах невозможно догадаться!

– Эдам, вы просто должны были позвонить мне, когда ее доставили в клинику. Вы знали, что она моя пациентка и я знакома с историей ее болезни. Нужно было просто спросить.

– Опекунша должна была предупредить меня. Неужели ей никогда не приходило в голову, что…

Его прервал громкий визг радио, донесшийся из отделения неотложной помощи. Они оба подняли глаза, когда сквозь треск раздалось сообщение:

– Больница Нокс, это бригада семнадцать, бригада семнадцать. У нас жертва с огнестрелом, будем через пять минут. Как поняли?

Одна из медсестер выскочила из дверей процедурной и схватила микрофон.

– Реанимация Нокс. Характер ранения?

– Несколько пострадавших в пути. Эта в критическом состоянии, остальных скоро привезут.

– Сколько всего? Повторяю: сколько?

– Точно не знаем. Как минимум трое…

Другой голос вклинился в эфир.

– Больница Нокс, это бригада девять. Мы в пути, огнестрельное ранение в плечо. Как поняли?

Медсестра в панике схватила трубку телефона и нажала кнопку «О»:

– Код бедствия! Передайте код бедствия! Это не учение!

Пятеро врачей. Это все, кого смогли собрать по всей больнице в сумасшедшие минуты перед прибытием первой «скорой»: Клэр, Делрей, реаниматолог Макнелли, главный хирург и один перепутанный педиатр. Никто еще не знал ни подробностей происшествия, ни места, ни количества жертв. Знали только, что случилась страшная беда и что скромная провинциальная больница не готова справиться с ее последствиями. Реанимация походила на пчелиный улей: все галдели, суетились, готовились к приему раненых. Кейти, состояние которой стабилизировалось, срочно вывезли в коридор, чтобы освободить место в процедурной. Хлопали дверцы шкафов с медикаментами, пылали яркие лампы. Клэр подвешивала к капельницам мешочки с растворами, раскладывала инструменты, вскрывала упаковки с бинтами и тампонами.

Приближающийся вой первой «скорой» заставил всех притихнуть на долю секунды. Потом все бросились к дверям принимать первую пострадавшую. Никто не разговаривал; все напряженно вслушивались в надрывный вой.

Сирена резко смолкла, и в поле зрения показались мигающие красные огни.

Когда карета «скорой помощи» припарковалась у приемного покоя, Клэр рванула вперед. Задние двери машины распахнулись, и санитары выкатили носилки с первой пострадавшей. Ею оказалась женщина, уже интубированная. Хирургический пластырь, которым обычно закрепляют трубку, скрывал нижнюю половину ее лица. Повязка на животе была насквозь пропитана кровью.

Ее спешно доставили в травмпункт и положили на операционный стол. Сразу стало шумно, медперсонал дружно принялся за работу – они разрезали одежду пострадавшей, подсоединяли ЭКГ, кислородную маску, надевали манжету для измерения кровяного давления. На кардиомониторе высветился учащенный синусовый ритм.

– Систолическое – семьдесят! – крикнула медсестра.

– Уточняю группу и резус-фактор! – объявила Клэр. Она схватила с лотка венозный катетер 16 и ловко затянула жгут на руке пациентки. Вены едва просматривались, у жертвы был болевой шок. Она проткнула вену иглой и установила пластиковый катетер. Шприцем вытянула несколько пробирок крови, после чего подсоединила к катетеру трубку капельницы. – Еще один раствор Рингера! – крикнула она.

– Систолическое – шестьдесят, пульс едва прощупывается!

– Вздутие брюшной полости, – констатировал хирург. – Думаю, там полно крови. Распакуйте хирургический поднос и подготовьте отсос! – Он бросил взгляд на Макнелли. – Вы первый ассистент.

– Но ее нужно поместить в операционную…

– Некогда. Мы должны обнаружить источник кровотечения.

– Давление пропало! – закричала медсестра.

Первый надрез был быстрым и жестоким – скальпель прошел вдоль брюшной полости, разделив кожу. Сделав более глубокий надрез, хирург добрался до желтого слоя подкожного жира, а потом попал в брюшину.

Кровь, брызнув, хлынула на пол.

– Я не вижу, откуда она идет!

Отсос не успевал откачивать кровь. Макнелли в отчаянии заткнул в брюшную полость два стерильных полотенца и снова извлек их – ткань насквозь пропиталась кровью.

– Вот, кажется, вижу. Пуля задела аорту…

– Господи, как хлещет!

Дежурная сестра, заглянув в дверь, крикнула:

– Еще двоих привезли! Сейчас будут здесь!

Макнелли через стол взглянул на Клэр, и она заметила панику в его глазах.

– Это ваши! – рявкнул он. – Вперед, Клэр.

Сердце билось уже где-то в горле. Доктор Эллиот выбежала из травмпункта и увидела первую каталку, которую уже завозили в один из процедурных кабинетов. Пациентом был хныкающий рыжеволосый мальчик, рубашка на нем была разрезана, а на плече краснела набухшая от крови повязка. Вот и вторая каталка показалась в дверях – на ней лежала светловолосая девочка-подросток с залитым кровью лицом.

«Дети, – подумала Клэр. – Они ведь совсем дети. Бог мой, что же случилось?»

Она сначала подошла к девочке – та плакала, но все-таки могла шевелить конечностями. Взглянув на окровавленное личико, Клэр ощутила панику: у жертвы было огнестрельное ранение в голову. Она все-таки нашла в себе силы взять девочку за руку, спокойно спросить ее имя, даже несмотря на то, что сердце готово было выпрыгнуть из груди. Хватило нескольких вопросов, чтобы убедиться – Амелия Рейд находится в полном сознании и трезвой памяти. Височная рана оказалась поверхностной, и Клэр быстро обработала ее и наложила повязку.

Бросившись к рыжему мальчугану, она заметила, что его уже осматривает педиатр.

– Кого-то еще везут? – спросила она у дежурной сестры.

– Вроде никого. Может, некоторые остались на месте происшествия…

Прибыл второй хирург. Ворвавшись в отделение неотложной помощи, он объявил:

– Я здесь! Кому я понадобился?

– Травмпункту! – отозвалась Клэр. – Нужно отпустить доктора Макнелли.

Он уже подошел к двери травмпункта, когда оттуда, едва не сбив его с ног, выскочила медсестра.

– Есть кровь для Горацио? Группа первая, резус отрицательный! – прокричала она дежурной медсестре.

Горацио? Клэр не узнала пациентку из-за пластыря на лице, но имя было знакомым. Дороти Горацио.

«Учительница биологии у моего сына». Клэр взглянула на часы – половина двенадцатого. Третий урок. У Ноя биология – в кабинете госпожи Горацио.

Приехал еще один доктор, еще одна пара рук – акушер из Двух Холмов. Клэр еще раз заглянула в операционную и убедилась в том, что ситуация под контролем.

Сердце охваченной паникой матери подсказало единственно верное решение.

Она бросилась к машине.

Тридцать два километра дороги слились в пятно из осенних полей, поднимающейся дымки тумана и частокола сосен. Тут и там мелькали фермерские домики с покосившимися крылечками. Вот уже восемь месяцев она колесила по этой дороге, но еще ни разу не ездила на такой скорости, и никогда еще у нее так не тряслись руки и не сжималось от страха сердце. Она преодолела последний подъем, выжав до упора педаль акселератора, и ее «Субару» проскочила мимо знакомого плаката:

«Вы покидаете Два Холма. До скорой встречи!»

А чуть дальше, метров через девятьсот, показался следующий указатель поменьше, краска на нем облупилась:

«Добро пожаловать в Транквиль.

Выход к озеру Саранча.

Население – 910 человек».

Она свернула на Школьное шоссе и увидела мигающие разноцветные огоньки служебных автомобилей. Полицейский патруль припарковался прямо у входа в здание из красного кирпича, рядом стояли две пожарные машины – полный набор спасательной техники для чрезвычайной ситуации.

Клэр выскочила из машины и бросилась к школе, где во дворе, за лентой оцепления, стояли десятки удивленно-испуганных школьников и учителей. Скользнув взглядом по их лицам, она не увидела Ноя.

Полицейский из Двух Холмов преградил ей путь к двери.

– Туда нельзя.

– Но я должна пройти!

– Вход только для работников экстренных служб. Она набрала в грудь воздуха.

– Я доктор Эллиот, – произнесла она спокойным голосом. – Врач из Транквиля.

Полицейский пропустил ее.

Она ворвалась в вестибюль школы. Здание было построено около века назад и уже насквозь пропиталось застоялым запахом подросткового пота и пыли, которую ежедневно вздымают тысячи снующих вверх-вниз ног. Клэр взбежала по ступенькам на второй этаж.

Вход в кабинет биологии был крест-накрест перекрыт полицейской лентой. За ней были видны перевернутые стулья, битое стекло, разбросанные по полу бумаги. Среди руин прыгали лягушки.

А еще в классе была кровь – запекшиеся лужицы виднелись тут и там.

– Мам!

Ее сердце подпрыгнуло от этого звука. Она резко обернулась и увидела своего сына в дальнем конце коридора. В тусклом свете он казался пугающе маленьким, а его забрызганное кровью лицо – бледным и худым.

Клэр бросилась к нему, обхватила руками его неподатливое тело, прижала к себе, насильно заключая в объятия. Она почувствовала, как сначала расслабились его плечи, а потом его лицо уткнулось ей в грудь, и Ной заплакал. Он плакал беззвучно – просто сотрясался от сдерживаемых рыданий, а по щекам катились теплые слезы. Наконец его руки сомкнулись вокруг нее, обняли за талию. Пусть его плечи уже стали широкими, почти мужскими, но сейчас к ней приник ребенок, и в этих слезах выплескивалось детское горе.

– Ты ранен? – спросила она. – Ной, ты весь в крови. Ты ранен?

– Он в порядке, Клэр. Кровь не его. Учительницы.

Она подняла голову и увидела Линкольна Келли. Полицейский стоял в коридоре, и на его мрачном лице отражались недавние трагические события.

– Мы с Ноем только что закончили восстанавливать картину происшествия. Я как раз собирался звонить вам, Клэр.

– Я была в больнице. И узнала, что здесь стреляли.

– Ваш сын выхватил пистолет у того мальчишки, – сообщил Линкольн. – Отчаянный поступок, конечно. Но смелый. Возможно, он спас несколько жизней. – Линкольн перевел взгляд на Ноя и тихо добавил: – Вы можете им гордиться.

– Да не был я смелым, – выпалил Ной. Он отстранился от Клэр, стыдливо утирая слезы. – Я просто испугался. Сам не знаю, почему я это сделал. Я вообще не соображал, что делаю…

– Но ты это сделал, Ной. – Линкольн положил руку на плечо мальчика. Мужское благословение, сухое и грубоватое. Казалось, Ной воспрянул духом от этого простого жеста. «Все-таки мать не может воспитать своего сына рыцарем. Это должен сделать мужчина», – подумала Клэр.

Ной медленно выпрямился, наконец взяв себя в руки.

– Как Амелия? – спросил он у матери. – Ее увезли на «скорой».

– С ней все хорошо. Просто царапина на лице. Думаю, и с мальчиком не будет проблем.

– А… госпожа Горацио?

Она покачала головой. И тихо добавила:

– Я не знаю.

Тяжело вздохнув, он провел рукой по глазам.

– Я… мне нужно умыться…

– Иди, – мягко произнес Линкольн. – Не торопись, Ной. Мама тебя подождет.

Клэр смотрела вслед сыну, пока тот шел по коридору. У кабинета биологии он замедлил шаг и, не удержавшись, заглянул в открытую дверь. И замер на несколько секунд, словно загипнотизированный страшным зрелищем. Потом резко развернулся и поспешил в мужской туалет.

– Кто это сделал? – спросила Клэр у Линкольна. – Кто притащил в школу оружие?

– Тейлор Дарнелл.

Она пристально взглянула на полицейского.

– О, боже. Он же мой пациент.

– То же самое сказал его отец. Пол Дарнелл говорит, что мальчик не может отвечать за свои поступки. У него синдром дефицита внимания, и он не контролирует свои реакции. Это правда?

– Синдром дефицита внимания не провоцирует жестокость. И к тому же у Тейлора его нет. Но я не могу обсуждать этот случай, Линкольн. Не имею права нарушать врачебную тайну.

– Но с этим мальчишкой что-то не так. Если уж вы его врач, может, вам следует взглянуть на него, прежде чем его перевезут в центр заключения для молодых преступников.

– А где он сейчас?

– Сидит в кабинете директора. – Линкольн немного помолчал. – Но предупреждаю, Клэр, не подходите слишком близко.

5

Тейлор Дарнелл, прикованный наручниками к стулу, барабанил ногами по столу директора – бам, бам, бам! Он даже не повернул голову, когда Клэр и Линкольн вошли в кабинет, и как будто не заметил их присутствия. В комнате находились еще два полицейских. Посмотрев на

Линкольна, они выразительно покачали головами. Их мысли нетрудно было угадать: «Этот парень точно псих».

– Нам только что позвонили из больницы, – сказал один из них, обращаясь к Линкольну. – Учительница умерла.

Некоторое время в комнате было тихо; Клэр и Линкольн молча переваривали страшное известие. Потом Клэр тихо поинтересовалась:

– А где мать Тейлора?

– Она возвращается из Портленда. Ездила туда по делам.

– А господин Дарнелл?

– Думаю, носится в поисках адвоката. Он им понадобится.

Тейлор не только не прекратил стучать ногой по столу, но даже ускорил темп.

Клэр поставила на стул свой чемоданчик и подошла к мальчику.

– Ты ведь помнишь меня, Тейлор? Я доктор Эллиот.

Он не ответил, продолжая отбивать злобную дробь. Что-то в его поведении насторожило Клэр. Это не просто вспышка подростковой ярости. Его состояние скорее напоминало наркотический психоз.

Тейлор вдруг поднял голову и уставился на нее немигающим взглядом хищника. Его зрачки расширились, и радужная оболочка потемнела до черноты. Ощерившись и обнажив клыки, он издал гортанный животный звук – то ли рычание, то ли шипение.

Все произошло так быстро, что Клэр не успела среагировать. Мальчик вскочил на ноги и, волоча за собой стул, кинулся на нее.

От мощного удара, усиленного тяжестью его тела, она завалилась на спину. Тейлор впился зубами в ее куртку, разрывая ткань, потроша подкладку. Пух и перья взметнулись белым облаком и осели на пол. Клэр увидела прямо над собой три перекошенных лица – полицейские оттаскивали мальчишку. Наконец им удалось скрутить Тейлора и усадить его на место, хотя тот не оставлял попыток вырваться.

Линкольн схватил ее за руку и помог подняться.

– Клэр… Господи…

– Все в порядке, – заверила она, откашливая пух. – Нет, правда, все нормально.

– Он укусил меня! – воскликнул один из полицейских. – Смотрите, кровь!

Даже будучи прикованным к стулу, мальчишка отчаянно сопротивлялся, пытался вырваться.

– Пустите меня! – истошно вопил он. – Я убью вас всех, если вы не отпустите меня!

– Да его, черт возьми, в клетку надо!

– Нет. Нет, здесь что-то серьезное, – проговорила Клэр. – Похоже, у него наркотический психоз. Фенциклидин или амфетамины. – Она повернулась к Линкольну. – Нужно, чтобы мальчика доставили в больницу. Немедленно.

– Пациент слишком активен, – сказал доктор Чепмен, рентгенолог. – Боюсь, мы не сможем получить четкую картину.

Клэр подалась вперед, пристально разглядывая на мониторе компьютера первый поперечный срез мозга Тейлора Дарнелла. Каждый снимок – сборище пикселей, сформированное тысячами мелких рентгеновских лучей. Направленные под разными углами на одну и ту же плоскость, лучи распознают жидкость, твердую материю и воздух, которые потом передаются на экране с разной плотностью.

– Видите, как все размыто? – Чепмен указал на созданное движением пятно.

– Боюсь, без анестезии мы не сможем его утихомирить.

– Ну, это выход.

Клэр покачала головой.

– У него и так помутнение рассудка. Я не хочу рисковать с анестезией. Мне бы сейчас понять хотя бы общую картину, прежде чем делать поясничную пункцию.

– Вы действительно считаете, что эти симптомы объясняются энцефалитом? – Чепмен посмотрел на нее, в его взгляде мелькнул скептицизм.

В Балтиморе она была уважаемым семейным врачом. А здесь ей все время приходилось что-то доказывать. Сколько времени должно пройти, прежде чем ее новые коллеги перестанут сомневаться в ее суждениях и начнут ей доверять?

– Пока у меня нет других вариантов, – ответила Клэр. – Экспресс-анализ на фенциклидин и метамфетамин дал отрицательный результат. Доктор Форест считает, что это явно органический психоз.

Видимо, Чепмена не впечатлили клинические познания доктора Фореста.

– Психиатрию вряд ли можно назвать точной наукой.

– Но я с ним согласна. Последние несколько дней у мальчика начали проявляться тревожные симптомы. Нельзя исключать инфекцию.

– Сколько у него лейкоцитов в крови?

– Тринадцать тысяч.

– Многовато, конечно, но не так страшно. А дифференциал?

– Высокое содержание эозинофилов. На целых тридцать процентов выше нормы.

– Но ведь у него астма, верно? Может, причина как раз в ней. Во всяком случае я бы не исключил аллергическую реакцию.

Клэр пришлось согласиться. Эозинофилы – разновидность белых телец – обычно размножаются как ответная реакция организма на аллергию и астму. Их высокое содержание может быть вызвано и многими другими болезнями, такими как рак, паразитические инфекции, аутоиммунные расстройства. Иногда выявить причину и вовсе не удается.

– И что теперь? – спросил патрульный, с нарастающим раздражением наблюдавший за ходом врачебной дискуссии. – Можно перевозить его в центр заключения?

– Нужно провести еще несколько анализов, – ответила Клэр. – Возможно, мальчик серьезно болен.

– Или симулирует. Лично мне этот вариант кажется более правдоподобным.

– Если он болен, может так получиться, что однажды вы найдете его мертвым в камере. Я бы не хотела совершать такую ошибку, а вы?

Вместо ответа полицейский, повернувшись, взглянул на своего подопечного через смотровое окно компьютерного томографа.

Тейлор лежал на спине, с наручниками на запястьях и щиколотках. Его голову закрывала камера томографа, но зато как он сучит ногами, пытаясь вырваться, было видно всем. «А сейчас – самое сложное, – подумала Клэр. – Как заставить его лежать смирно во время поясничной пункции?»

– Я не имею права упустить инфекцию центральной нервной системы, – заявила Клэр. – С учетом повышенного содержания лейкоцитов и изменений психического состояния, я вынуждена взять пункцию спинного мозга.

Похоже, Чепмен наконец согласился.

– Исходя из того, что я вижу на скане, мы вполне можем приступать.

Они вывезли Тейлора из рентгенкабинета в отдельную палату. Чтобы переложить сопротивлявшегося мальчика на кровать, потребовалась помощь двух медсестер и санитара.

– Переверните его на бок, – велела Клэр. – В положение эмбриона.

– Он не будет лежать спокойно.

– Тогда вам придется сесть на него. Нам необходимо сделать пункцию.

Общими усилиями они перевернули мальчика на бок, спиной к Клэр. Санитар крепко обхватил Тейлора за бедра, заставив подтянуть колени к груди. Одна из медсестер держала пациента за плечи. Лязгнув зубами, Тейлор едва не откусил ей палец.

– Следите за его зубами!

– Я стараюсь!

Клэр нужно было действовать быстро; долго держать мальчика в неподвижности было сложно. Она приподняла больничный халат, обнажив его спину. В такой позе его позвонки отчетливо проступали под кожей. Она в срочном порядке определила место для пункции – промежуток между четвертым и пятым позвонками в поясничной области – и протерла кожу сначала бетадином, потом спиртом. Надев стерильные перчатки, она взяла шприц с местным анестетиком.

– Ввожу ксилокаин. Ему это вряд ли понравится.

Клэр проколола кожу иглой 25 и начала осторожно вводить анестезирующее средство. От первой же обжигающей капли Тейлор взвился в яростном крике. Клэр заметила испуганный взгляд медсестры. Никому из них еще не доводилось видеть такого пациента, и жестокость, вселившаяся в тело мальчика, повергала в трепет всех присутствовавших.

Клэр взяла спинальную иглу. Она была размера 22, длиной сантиметров семь и сверкала стальным покрытием; на одном конце красовалась насадка для стекания спинномозговой жидкости.

– Держите его. Я прокалываю.

Она пронзила кожу. Ксилокаин уже подействовал, и пациент не должен был чувствовать боли – во всяком случае пока. Она вводила иглу глубже, направляя ее между позвонками, к твердой оболочке спинного мозга. Она почувствовала легкое сопротивление, затем, когда игла проколола оболочку, раздался отчетливый хлопок.

Тейлор снова вскрикнул и задергался.

– Держите его! Крепче!

– Мы стараемся! Нельзя ли поскорее?

– Я уже почти закончила. Еще примерно минута. – Клэр держала пробирку под насадкой иглы, и вскоре в нее стекли первые капли спинномозговой жидкости. К ее удивлению, жидкость оказалась кристально чистой, без примеси крови, не замутненной инфекцией. Признаки менингита отсутствовали. «Так в чем же дело?» – размышляла доктор Эллиот, аккуратно собирая жидкость в три пробирки для анализов. Образцы сразу же поступят в лабораторию, где исследуют содержащиеся в них клетки и бактерии, глюкозу и белок. Но уже сейчас, глядя на жидкость в пробирках, она знала, что все показатели будут в норме.

Клэр извлекла иглу и наложила повязку на место пункции. Все присутствовавшие в палате, казалось, разом вздохнули с облегчением. Процедура была окончена.

Но к разгадке они не приблизились.

* * *

Тем же вечером Клэр обнаружила в крохотной больничной часовне на первом этаже мать Тейлора, застывшую перед алтарем. Они поговорили еще раньше, когда Клэр испрашивала у матери разрешение на

поясничную пункцию. Тогда Ванда Дарнелл казалась комком нервов – руки дергались, губы дрожали. Весь день она провела в дороге – сначала отмахала триста двадцать километров до Портленда, где у нее была назначена встреча с адвокатом по бракоразводному процессу, потом, когда полиция сообщила ей страшную новость, в спешке мчалась обратно.

И вот теперь Ванду, казалось, покинули силы, запасы адреналина были исчерпаны. Миниатюрная женщина в мешковатых пиджаке и юбке, она казалась девочкой, которая, изображая взрослую, нарядилась в мамину одежду. Когда Клэр вошла в часовню, госпожа Дарнелл повернула голову и еле заметно кивнула в знак приветствия.

Устроившись рядом, Клэр заботливо коснулась руки Ванды.

– Из лаборатории пришли результаты анализа спинальной пункции, все в норме. У Тейлора нет менингита.

Ванда Дарнелл испустила глубокий вздох облегчения и чуть ссутулилась под слишком объемистым пиджаком.

– Это ведь хорошо?

– Да. И, судя по компьютерной томографии, у него нет ни опухолей, ни признаков кровоизлияния в мозг. Так что и это тоже хорошо.

– Тогда что с ним? Почему он это сделал?

– Я не знаю, Ванда. А вы?

Она напряглась, будто изо всех сил стараясь придумать ответ.

– Он был словно… не в себе. Почти всю неделю.

– Что вы имеете в виду?

– Он был несдержан, злился на всех. Ругался, хлопал дверьми. Я думала, это все из-за развода. Он так тяжело это переживал…

Клэр очень не хотелось затрагивать следующую тему, но она была вынуждена спросить:

– А как насчет наркотиков, Ванда? Дело в том, что они очень сильно влияют на психику ребенка. Как вы думаете, он не мог баловаться чем-нибудь?

Ванда заколебалась.

– Нет.

– Кажется, вы не слишком уверены в этом.

– Нет, просто… – Она сглотнула, и слезы заблестели в ее глазах. – У меня такое чувство, что он стал совсем чужим. Он мой сын, но я едва его узнаю.

– Были какие-нибудь тревожные признаки?

– Он всегда был трудным ребенком. Поэтому доктор Помрой и считал, что у него, возможно, синдром дефицита внимания. В последнее время стало гораздо хуже. Особенно с тех пор, как он связался с этой ужасной компанией.

– С какой?

– Эти ребята живут на нашей улице. Джей-Ди и Эдди Рейды. И еще этот Скотти Брэкстон. У всех четверых мальчишек уже были неприятности с полицией в марте. На прошлой неделе я сказала Тейлору, чтобы он держался подальше от братьев Рейдов. Вот тогда у нас произошла первая серьезная стычка. И он ударил меня.

– Тейлор ударил вас?

Ванда уронила голову, словно жертва, стыдящаяся своего унижения.

– С тех пор мы почти не общались. А если вдруг и начинали о чем-то говорить, становилось ясно… – Ее голос опустился до шепота. – Что ненавидим друг друга.

Клэр заботливо сжала руку Ванды.

– Можете мне не верить, но неприязнь к собственному сыну-подростку абсолютно нормальное явление.

– Но ведь я еще и боюсь его! Вот что самое страшное. Я не только испытываю к нему неприязнь, но и боюсь! Когда он меня ударил, я почувствовала себя так, словно опять живу с его отцом. – Она дотронулась пальцами до губ, словно вспоминая былую рану. – Мы с Полом до сих пор ведем тяжбу. Боремся за опеку над сыном, который не любит ни его, ни меня.

Пискнул пейджер Клэр. Она просмотрела сообщение и увидела, что ее вызывает лаборатория.

– Извините, – сказала она и вышла из часовни в вестибюль, чтобы позвонить.

Трубку снял Энтони, старший лаборант.

– Доктор Эллиот, лаборатория Бангора только что прислала дополнительные данные по анализам Тейлора.

– Есть какие-нибудь положительные реакции по отдельным исследованиям?

– Боюсь, что нет. В крови не обнаружено никаких признаков алкоголя, марихуаны, опиоидов или амфетаминов. Результат отрицательный по всем наркотическим средствам, о которых вы запрашивали.

– Надо же, а я была так уверена, – произнесла она с некоторым недоумением. – Даже не знаю, что еще могло спровоцировать такое поведение. Наверняка там есть еще какое-то вещество, о котором я забыла запросить.

– Вполне возможно, что есть. Я прогнал его кровь через наш газовый хроматограф, и время удерживания аномального пика составило одну минуту десять секунд.

– Что это значит?

– На какой-то конкретный наркотик это не указывает. Но пик есть, и это свидетельствует о том, что в его крови что-то циркулирует. Вещество может быть вполне безобидным – скажем, пищевая добавка на травах.

– И как узнать, что это?

– Нужно провести расширенный анализ. Лаборатория Бангора с этим не справится, у них нет такого оборудования. Придется забрать кровь еще раз и послать в бостонскую лабораторию. Они могут исследовать на сотни веществ одновременно.

– Давайте сделаем это.

– Понимаете, тут есть проблема. Я еще и поэтому звонил вам на пейджер. Дело в том, что я только что получил указание отменить или прекратить все тесты на наркотики. Подписано доктором Делреем.

– Что? – Она непонимающе покачала головой. – Ведь лечащий врач Тейлора – я.

– Но Делрей пишет указания, которые противоречат вашим. Так что я даже не знаю, что делать.

– Слушайте, я сейчас переговорю с его матерью и проясню ситуацию. – Она повесила трубку и снова направилась в часовню.

Еще не успев открыть дверь, она услышала злобный и резкий мужской голос.

– ... никогда не пыталась контролировать! Дура никчемная, вот ты кто! Неудивительно, что он так разболтался!

Клэр вошла в часовню.

– Что здесь происходит, Ванда?

Мужчина обернулся.

– Я отец Тейлора.

Кризисы в личных отношениях всегда обнажают самое плохое, что есть в людях, но было непохоже, что Пол Дарнелл даже в лучшие времена вызывал симпатию. Совладелец одной из крупнейших аудиторских фирм в Двух Холмах, он выглядел куда более стильно, чем его жена, которая, казалось, сжалась до лилипутских размеров в своем бесформенном костюме. Короткая стычка между бывшими супругами, свидетельницей которой оказалась Клэр, давала достаточно четкую картину их бывшего брака: Пол – агрессор, недовольный и требовательный. И Ванда – всегда уступающая и безропотная.

– Так что там с моим сыном и запрещенными веществами? – спросил он.

– Господин Дарнелл, я пытаюсь установить причину сегодняшних событий. Я как раз спрашивала у вашей жены...

– Тейлор не употреблял никаких таблеток. С тех пор как вы отменили риталин. – Он сделал паузу. – Кстати, он прекрасно себя чувствовал, когда принимал риталин. Я так и не понял, почему вы от него отказались.

– Я отменила этот препарат два месяца назад. А перемена в его поведении произошла совсем недавно.

– Два месяца назад у него все было хорошо.

– Нет. Он был усталым и апатичным. К тому же тот диагноз – синдром дефицита внимания – не был подтвержден. Его диагностировать гораздо

сложнее, чем, скажем, гипертонию, где все измеряется определенными параметрами.

– Доктор Помрой был уверен в диагнозе.

– К сожалению, синдром дефицита внимания превратился в своеобразную палочку-выручалочку, ведь им так легко объяснить сбои в поведении ребенка. Когда ученик не успевает в классе или становится замкнутым, родители непременно хотят найти причину. Я изначально была не согласна с диагнозом доктора Помроя. А если я сомневаюсь, то предпочитаю не сажать ребенка на лекарства.

– И смотрите, что произошло. Он совершенно отбился от рук. И это длится вот уже несколько недель.

– Откуда ты знаешь, Пол? – прервала его Ванда. – Когда ты последний раз проводил время с сыном?

Пол обернулся к бывшей жене с выражением такой ненависти на лице, что Ванда снова съежилась.

– Это ты во всем виновата, – сказал он. – Я знал, что ты с ним не справишься. Ты, как всегда, все испортила, и теперь нашему сыну грозит тюрьма!

– По крайней мере, это не я дала ему пистолет, – тихо произнесла она.

– Что?

– В школу он принес твой пистолет. Ты хотя бы заметил, что он пропал?

Пол взглянул на жену.

– Маленький сучонок! Как он мог…

– Так не пойдет! – вмешалась Клэр. – Нам сейчас нужно думать о Тейлоре. Найти объяснение его поведению.

Пол обратился к Ванде:

– Я попросил Эдама Делрея заняться Тейлором. Он сейчас наверху, проводит осмотр.

Резкое заявление Пола лишило Клэр дара речи. Так вот, значит, почему Делрей стал писать указания; отныне он был лечащим врачом Тейлора. А ее только что отстранили от дел.

– Но его наблюдает доктор Эллиот! – запротестовала Ванда.

– Я знаю Эдама и доверяю его мнению. «Выходит, моему мнению он не доверяет?»

– Эдам Делрей мне совсем не нравится, – сказала Ванда. – Он твой друг, а не мой.

– Совсем не обязательно, чтобы он тебе нравился.

– Если он лечит моего сына, то обязательно.

Пол издал отвратительный смешок.

– Ты по этому принципу выбираешь врача, Ванда? Ищешь, кто лучше тебе мозги запудрит?

– Я делаю так, как лучше для Тейлора!

– Да, и именно поэтому он оказался здесь.

У Клэр наконец лопнуло терпение.

– Господин Дарнелл, – одернула его она, – сейчас не время нападать на жену!

Он повернулся к Клэр, всем своим видом выражая презрение и к ней тоже.

– Бывшую жену, – поправил он. И, развернувшись, вышел из часовни.

Она обнаружила Эдама Делрея на посту дежурной медсестры. Он сидел за столом и что-то писал в карте Тейлора. Хотя был уже поздний вечер, его белый халат был, как всегда, накрахмален и свеж, и Клэр на его фоне почувствовала себя мятой и неухоженной. Конфуз, который с ним сегодня случился во время приступа у Кейти Юманс, был благополучно забыт, и теперь он смотрел на Клэр с привычной раздражающей самоуверенностью.

– Я как раз собирался звонить вам на пейджер, – сообщил он. – Пол Дарнелл только что принял решение...

– Я уже беседовала с ним.

– О! Значит, вы все знаете. – Он виновато пожал плечами, словно извиняясь. – Надеюсь, вы не принимаете это близко к сердцу.

– Это решение родителей. И их право, – скрепя сердце признала она. – Но, поскольку теперь за него взялись вы, я подумала, что вам следует знать – газовый хроматограф показал аномалию в крови мальчика. Я бы посоветовала вам заказать расширенный анализ.

– Не думаю, что в этом есть необходимость. – Он отложил карту и встал из-за стола. – Основные наркотики уже были исключены.

– Но все-таки необходимо установить причину аномалии.

– Пол не хочет дополнительных исследований.

Она озадаченно покачала головой.

– Не понимаю, почему он так противится.

– Думаю, он принял это решение после консультаций со своим адвокатом.

Клэр дождалась, пока он уйдет, и схватила со стола карту. Пролистала ее и остановилась на врачебном дневнике, с нарастающим отвращением вчитываясь в записи Делрея.

«История болезни и физическое состояние пациента записаны.

Заключение:

1. Острый психоз вследствие резкой отмены риталина.

2. Синдром дефицита внимания».

Не в состоянии твердо держаться на ногах, Клэр осела на ближайший стул; ее подташнивало. Так вот на чем они собирались строить линию защиты! Мальчик, мол, не отвечал за свои поступки. Во всем виновата Клэр, которая отменила прием риталина, тем самым спровоцировав психический срыв. Мол, виновата одна она. «В результате я окажусь в суде».

Вот почему Пол так не хотел, чтобы в крови его сына нашли следы какого-либо наркотика. Это могло бы снять вину с Клэр.

В волнении она снова пролистала карту на начало и прочитала указания Делрея.

«Отменить полный анализ крови на наркотики и токсины.

Все последующие вопросы и отчеты лаборатории направлять лично мне. Доктор Эллиот лечащим врачом больше не является».

Резко захлопнув карту, она почувствовала, что тошнота усиливается. Теперь на кон была поставлена не только жизнь Тейлора, но и ее практика, ее репутация.

Клэр вспомнила первое правило «перестраховочной медицины»: прикрыть свою задницу. Суда можно избежать, только если докажешь, что не совершал врачебной ошибки. Если подкрепишь свой диагноз данными лабораторных исследований.

Ей нужно было получить образец крови Тейлора. У нее оставался последний шанс добыть его; к завтрашнему дню в крови не останется никаких следов наркотических веществ, и исследовать будет нечего.

Она направилась в подсобку и, открыв нужный ящик, достала шприц для забора крови, спиртовые тампоны и три пробирки с красными крышками. Ее сердце бешено колотилось, когда она шла по коридору к палате Тейлора. Мальчик уже не был ее пациентом, и она не имела права делать это, но ей необходимо было выяснить, какой наркотик, если он все-таки был, циркулировал в его крови.

Дежурный полицейский, стоявший у дверей палаты, приветственно кивнул ей.

– Мне нужно взять кровь на анализ, – сказала она. – Вы не придержите его руку?

Он не слишком обрадовался этой перспективе, но зашел в палату следом за ней.

«Быстро бери кровь и убирайся отсюда». Дрожащими руками она затянула резиновый жгут и сняла колпачок с иглы. «Быстрее, пока тебя не застукали». Она протерла руку Тейлора спиртом, и он тут же злобно заорал, пытаясь освободиться от цепкой хватки полицейского. У Клэр учащенно забилось сердце, когда она проколола кожу и почувствовала едва заметный, долгожданный толчок, сопровождавший проникновение иглы в вену. «Быстрее, быстрее!» Она заполнила одну пробирку, сунула ее в карман халата, затем опустошила шприц в следующую. Оросив ее темной кровью.

– Я не могу его удержать, – заявил охранник, сражаясь с мальчишкой, который продолжал взбрыкивать и ругаться.

– Я заканчиваю.

– Он пытается укусить меня!

– Держите его! – рявкнула она, чувствуя, что почти оглохла от пронзительных воплей мальчика. Наполняя третью пробирку, она наблюдала за тем, как туда стекает кровь. «Еще немного. Давай же! Давай!»

– Что здесь происходит, черт возьми?

Клэр подняла голову, от неожиданности позволив игле выскользнуть из вены. Кровь из ранки капнула на простыню. Молниеносно сняв жгут, Клэр приложила к руке мальчика марлевый тампон. Пылая от стыда, она обернулась к стоявшим в дверях Полу Дарнеллу и Эдаму Делрею – оба смотрели на нее с недоверием. За их спинами, тоже глядя на нее, стояли две медсестры.

– Она пришла взять у него кровь, – пояснил охранник. – Мальчишка расшумелся.

– Доктор Эллиот не должна здесь находиться, – заявил Пол. – Разве вы не в курсе последних распоряжений?

– Каких распоряжений?

– Теперь я лечащий врач мальчика, – резко бросил Делрей. – Доктор Эллиот не имеет права даже заходить сюда.

Полицейский смерил Клэр взглядом, в котором безошибочно читалась злоба. «Ты меня подставила». Пол вытянул руку.

– Дайте мне пробирки с кровью, доктор Эллиот.

Она покачала головой.

– Я должна исследовать причину аномалии. Она может повлиять на ход лечения вашего сына.

– Он больше не ваш пациент! Отдайте мне пробирки.

Она с трудом сглотнула.

– Извините, господин Дарнелл. Но я не могу.

– Это насилие! – Пол развернулся ко всем присутствовавшим в палате, и его лицо побагровело от ярости. – Именно так это называется! Она напала на моего сына с иглой! У нее нет никакого права на это! – Он посмотрел на Клэр. – Отныне с вами будет общаться мой адвокат.

– Пол, – вмешался Делрей, выступая в роли миротворца. – Я уверен, доктор Эллиот не хочет осложнять себе жизнь. – Он повернулся к ней и попытался ее урезонить. – Хватит, Клэр. Все это напоминает балаган. Отдайте мне пробирки.

Она взглянула на две пробирки, которые держала в руке; стоят ли они того, чтобы ее обвинили в насилии. Чтобы ее лишили привилегий, которыми она пользовалась в больнице. Она чувствовала, что на нее устремлены взгляды всех присутствующих, они наблюдали за ней и даже наслаждались ее унижением.

Она молча отдала пробирки с кровью.

Делрей взял их с видом триумфатора. Потом, обернувшись к охраннику, строго заявил:

– Мальчик – мой пациент. Ясно?

– Яснее некуда, доктор Делрей.

Никто не сказал ни слова, когда Клэр выходила из палаты, но она знала, что все взгляды направлены на нее. Глядя прямо перед собой, она свернула за угол и нажала на кнопку лифта. Только когда двери кабинки закрылись, она позволила себе запустить руку в карман халата.

Третья пробирка с кровью по-прежнему была там.

Она спустилась на лифте в лабораторию и увидела Энтони, сидевшего за рабочим столом в окружении ящиков со склянками.

– У меня есть образец крови мальчика, – сообщила она.

– Для анализа на наркотики?

– Да. Я сама заполню запрос.

– Бланки вон на той полке.

Она взяла формуляр и нахмурилась, прочитав в шапке: «Лаборатории Энсон».

– У нас что, новая лаборатория? Никогда прежде не видела этих бланков.

Энтони поднял взгляд от жужжавшей центрифуги.

– Мы начали работать с «Энсон» несколько недель назад. Больница заключила с ними договор на выполнение комплексных химических и радиоиммунологических анализов.

– Зачем?

– Думаю, все дело в расценках.

Она бегло просмотрела бланк и отметила пункт: «газовая хроматография / масс-спектрометрия; полный анализ на наркотики и токсины». В графе примечаний, в нижней части бланка, она записала: «Мальчик, четырнадцать лет, с очевидным наркотическим психозом и агрессией. Этот анализ исключительно для моих личных исследований. Результаты направить персонально мне». И поставила свою подпись.

Ной открыл дверь на стук и увидел в темноте Амелию. У нее на виске белела повязка, и было понятно, что улыбаться ей больно. При всех стараниях ей удалось лишь слегка приподнять уголки губ.

Ее неожиданный визит застал его врасплох, и он даже не мог сообразить, что сказать, поэтому просто глазел на нее, тупо, как крестьянин, который встретился лицом к лицу с королевской особой.

– Это тебе, – сказала она и протянула ему маленький сверток в коричневой бумаге. – Извини, не нашла красивой упаковки.

Он взял сверток, не отрывая взгляда от лица девочки.

– Ты в порядке?

– Да, вполне. Ты, наверное, слышал, что госпожа Горацио… – Она запнулась, сглатывая слезы.

Он кивнул.

– Мне мама сказала.

Амелия тронула повязку на своем лице. Он снова увидел, как блеснули в ее глазах слезы.

– Я видела твою маму. В неотложной помощи. Она была так добра ко мне… – Амелия обернулась в темноту, как будто проверяла, не следят ли за ней. – Мне пора…

– Тебя кто-нибудь привез сюда?

– Я пришла пешком.

– Пешком? В темноте?

– Здесь недалеко. Я живу на том берегу озера, прямо за пристанью. – Она отошла от двери, слегка тряхнув светлыми волосами. – Увидимся в школе.

– Постой, Амелия! – Он перевел взгляд на сверток, который держал в руке. – Зачем это?

– Это тебе в благодарность. За то, что ты сегодня сделал. – Она отступила еще на шаг, почти растворившись в темноте.

– Амелия!

– Да.

Ной молчал, не зная, что сказать. Тишину нарушал лишь шорох опавших листьев, ковром устилавших лужайку перед домом. Амелия стояла у самой кромки светового пятна, вырывавшегося из открытой двери, и бледный овал ее лица тонул в ночи.

– Может быть, ты зайдешь? – спросил он.

К его удивлению, она, казалось, задумалась над приглашением. Некоторое время поколебалась между светом и тенью, решая, уйти или остаться. Девочка снова оглянулась, словно испрашивая чьего-то разрешения. Потом кивнула.

Ной с ужасом подумал о том, какой беспорядок царит в гостиной. Мама побыла дома всего пару часов, чтобы успокоить его и приготовить ужин. Потом опять помчалась в больницу проведать Тейлора. В комнате так никто и не прибрался, и вещи валялись там, куда их бросил Ной, вернувшись из школы, – рюкзак на диване, фуфайка на журнальном столике, грязные кроссовки возле камина. Он решил пригласить Амелию не в гостиную, а на кухню.

Они уселись за стол, не глядя друг на друга, – представители разных биологических видов, пытающиеся найти общий язык.

Зазвонил телефон, и она подняла взгляд.

– Ты разве не возьмешь трубку?

– Не-а. Это опять какой-нибудь репортер. Они трезвонят весь вечер, с тех пор как я вернулся из школы.

Звонок принял автоответчик, и, как предсказывал Ной, женский голос проговорил:

– Это Дамарис Хорн из «Уикли информер». Я бы очень, очень хотела побеседовать с Ноем Эллиотом, если это возможно, о его удивительном героизме, проявленном сегодня в школе. Вся страна жаждет узнать об этом, Ной. Я остановилась в гостинице «Озерная» и могла бы предложить вам финансовую компенсацию за потраченное на интервью время, если вас это заинтересует…

– Она хочет заплатить тебе за беседу? – спросила Амелия.

– Бред, правда? Мама говорит, что именно поэтому не следует говорить с этой дамой.

– Но ведь люди хотят узнать об этом. О том, что ты сделал. «А что я сделал?»

Он пожал плечами, испытывая смущение от незаслуженной похвалы, и прежде всего от похвалы Амелии. Он молча вслушивался в монолог журналистки. Автоответчик пропищал после окончания записи, и на кухне снова воцарилась тишина.

– Теперь можешь открыть. Если хочешь, – предложила Амелия.

Он посмотрел на подарок. Предмет был завернут в обычную коричневую бумагу, однако Ной все равно вскрывал упаковку аккуратно, стараясь не порвать ее. Было бы невежливо драть бумагу на глазах у девушки. Он бережно отклеил скотч и развернул обертку.

Карманный нож не впечатлял ни размерами, ни внешним видом. Ной заметил царапины на рукоятке и догадался, что он уже не новый. Амелия дарила ему нож, которым уже кто-то пользовался.

– Ух ты! – сумел-таки выдавить он с некоторым энтузиазмом. – Какой хороший.

– Он принадлежал моему папе, – сказала она и тихо добавила: – Моему настоящему папе.

Ной поднял взгляд, когда до него дошел смысл ее слов.

– Джек – мой отчим. – Амелия произнесла последнее слово с заметным отвращением.

– Выходит, Джей-Ди и Эдди…

– Они мне не родные братья. Это дети Джека.

– Знаешь, а я, пожалуй, догадывался. Они совсем на тебя не похожи.

– Слава богу.

Ной рассмеялся.

– Да, я бы тоже не хотел такого родственного сходства.

– Мне не разрешают даже говорить о папе, потому что Джека это бесит. Он не выносит, когда ему напоминают о том, что до него у мамы кто-то был. Но я хочу, чтобы люди знали о моем отце. Я хочу, чтобы все знали, что Джек не имеет ко мне никакого отношения.

Он бережно вложил нож в ее руку.

– Я не могу принять этот подарок, Амелия.

– А я хочу, чтобы ты его принял.

– Он слишком много значит для тебя, ведь он принадлежал папе.

– Поэтому я и хочу, чтобы он был у тебя. – Она тронула повязку на голове, словно напоминая о том, что она перед ним в долгу. – Ты единственный, кто не испугался и что-то сделал. Единственный, кто не сбежал.

Он не посмел сделать унизительное признание: «Я хотел бежать, но от страха даже не мог двинуться с места».

Она бросила взгляд на кухонные часы. Испуг промелькнул на ее лице, и она решительно встала из-за стола.

– Я и не знала, что уже так поздно.

Он проводил ее до двери. Амелия едва ступила за порог, как вдруг мощный свет фар прорезал гущу деревьев. Она повернула голову на свет и, казалось, оцепенела, когда к дому с ревом подкатил пикап.

Открылась водительская дверца, и из машины вышел Джек Рейд – хилый, тщедушный человечек с хмурым лицом.

– Садись в машину, Амелия, – бросил он.

– Джек, откуда ты…

– Эдди сказал мне, где тебя искать.

– Но я уже собиралась идти домой.

– Садись в машину сейчас же.

Она тут же замолчала и послушно скользнула на пассажирское сиденье.

Ее отчим уже садился за руль, но вдруг встретился взглядом с Ноем.

– Она не гуляет с парнями, – сказал он. – Ты должен знать об этом.

– Она зашла на минутку, – злобно ответил Ной. – Что в этом такого?

– Ничего такого, парень, просто моя дочь – это запретная зона. – Рейд забрался в кабину и хлопнул дверцей.

– Да она тебе даже не дочь! – закричал Ной; он знал, что его не услышат за ревом надрывающегося мотора.

Когда пикап сделал круг, выруливая со двора, Ной в последний раз увидел профиль Амелии в пассажирском окне и ее испуганный взгляд, устремленный в лобовое стекло.

6

Первые снежинки, кружась между голыми ветвями деревьев, припорошили место раскопок. Люси Оверлок посмотрела на небо и сказала:

– Этот снег, надеюсь, не надолго? Он должен прекратиться, иначе он нам все испортит.

– Да он уже тает, – обнадежил ее Линкольн.

Ему, столько лет прожившему в лесах, достаточно было втянуть ноздрями воздух, чтобы угадать, что снег скоро кончится. Эти хлопья были всего лишь осторожным шепотом, предупреждением о том, что зима не за горами. Снег ему не досаждал; Линкольн спокойно воспринимал все неудобства, связанные со снегопадами, когда приходилось и дорогу лопатой чистить, и машину откапывать из-под завалов, и ночи коротать без электричества из-за обрыва проводов. Вот только темноту он не любил. А зимой слишком рано темнело. Дневной свет уже угасал, и деревья черными косыми полосами выделялись на фоне неба.

– На сегодня, пожалуй, хватит, – решила Люси. – Упакуем тут все и будем надеяться, что до завтра сугробы вырасти не успеют.

Теперь, когда кости уже не представляли интереса для полиции, Люси и ее помощники из числа студентов-дипломников приняли на себя ответственность за сохранность раскопок. Двое студентов затянули рабочую зону брезентом, закрепив его колышками. Тщетная предосторожность – какой-нибудь лесной мародер, например енот, мог одним махом сорвать брезент.

– Когда вы здесь закончите? – спросил Линкольн.

– Мне бы хотелось провести здесь несколько недель, – ответила Люси. – Но, раз погода портится, придется поторопиться. Первые серьезные заморозки – и придется ждать следующего сезона.

За деревьями промелькнули огни фар. Линкольн увидел, что во двор Рейчел Соркин заезжает еще одна машина.

Он поспешил через лес к дому. За последние несколько дней лужайка перед домом Рейчел превратилась в автостоянку. Рядом с автомобилем Линкольна примостились джип Люси Оверлок и старенькая «Хонда», по-видимому, принадлежавшая какому-то студенту.

А чуть дальше, прямо поддеревьями, припарковался еще один автомобиль – темно-синий «Вольво». Узнав его, Келли приблизился со стороны водительской дверцы.

Стекло немного опустилось.

– Линкольн, – приветствовал его женский голос.

– Добрый вечер, судья Китинг.

– Есть время поговорить?

Линкольн услышал, как щелкнул автоматический замок на дверях. Он обошел автомобиль и сел на пассажирское сиденье. Некоторое время их окружала тишина.

– Что-нибудь еще обнаружили? – поинтересовалась она.

Судья смотрела прямо перед собой, словно выглядывая что-то среди деревьев. В темном салоне автомобиля ее морщин почти не было видно, и она выглядела куда моложе своих шестидесяти шести лет. Моложе и мягче.

– Там было всего два скелета, – сказал Линкольн.

– Оба детские?

– Да. Доктор Оверлок считает, что возраст примерно девять-десять лет.

– Смерть не естественная?

– Нет. Обе смерти насильственные.

Последовала долгая пауза.

– И когда это случилось?

– Это не так-то легко определить. Придется поработать с теми предметами, которые нашли вместе с останками. Они откопали несколько пуговиц, ручку гроба. Доктор Оверлок полагает, что, возможно, это часть семейного кладбища.

Она задумчиво молчала. Следующий вопрос прозвучал тихо и осторожно:

– Выходит, останки совсем старые?

– Им примерно сто лет.

Она глубоко вздохнула. Возможно, Линкольну это только почудилось, но ее поза больше не казалась напряженной. Она как будто испытала облегчение, и ее голова откинулась на подголовник.

– Сто лет, – повторила она. – Тогда не стоит и волноваться. Это не…

– Нет. Это другая история.

Судья по-прежнему смотрела прямо перед собой.

– И все-таки странное совпадение, верно? На том же берегу озера… – Она замолчала. – Интересно, не осенью ли это случилось?

– Люди умирают каждый день, судья Китинг. Умирали они и все эти сто лет… их же надо было где-то хоронить.

– Я слышала, на одной из бедренных костей обнаружили метку от топора.

– Так и есть.

– Люди начнут проявлять любопытство. Вспоминать.

Линкольн уловил страх в ее голосе, и ему захотелось приободрить судью, но он не знал, как к ней подступиться. До Айрис Китинг трудно было дотронуться. Ее эмоциональный барьер был таким неприступным, что он бы не удивился, если, протянув руку, наткнулся бы на броню.

– Это было очень давно, – проговорил он. – Никто уже не помнит.

– Этот город все помнит.

– Помнят очень немногие. Старики. А им вряд ли захочется ворошить прошлое. Так же, как и вам.

– И все-таки это достояние общественности. Да еще репортеры понаехали. Тоже будут выспрашивать.

– То, что случилось полвека назад, не имеет отношения к нашей находке.

– Думаете? – Она повернула к нему голову. – В прошлый раз все начиналось так же. Я имею в виду убийства. Все это случилось осенью.

– Нельзя толковать каждый акт насилия как повторение истории.

– Но история и есть насилие. – Взгляд судьи снова устремился вдаль, к озеру. Наступила ночь, и сквозь голые деревья виднелось только слабое свечение воды. – Разве вы не ощущаете, Линкольн? – тихо спросила она. – Есть что-то тревожное в этом месте. Не знаю, что именно, но я это чувствовала еще ребенком. Мне не нравилось жить здесь, даже тогда. А сейчас… – Она потянулась к ключу зажигания и завела двигатель.

Линкольн выбрался из машины.

– Дорога сегодня скользкая. Будьте осторожны.

– Хорошо. Да, Линкольн, и еще…

– Что?

– Мне сказали, в Огасте новый набор по программе реабилитации алкоголиков. Это хороший вариант для Дорин. Если только вы сможете уговорить ее.

– Я попытаюсь. Надеюсь, что-нибудь да получится.

Ему показалось, что в глазах судьи промелькнула жалость.

– Желаю удачи. Вы заслуживаете лучшего, Линкольн.

– Я справляюсь.

– Конечно. – И тут он понял, что это не жалость. В ее голосе звучало восхищение. – Вы один из немногих мужчин в этом мире, кто всегда со всем справляется.

У гроба стояла фотография госпожи Горацио – с нее улыбалась восемнадцатилетняя девушка, почти красавица. Ной никогда не считал учительницу биологии красивой и уж тем более не думал о том, что когда-то она была молодой. В его понимании Дороти Горацио появилась на этот свет уже в летах, а теперь, после смерти, такой и останется навечно.

В длинной очереди школьников он послушно плелся к гробу, мимо фотографии госпожи Горацио в ее прошлом воплощении, в образе живого человека, женщины. В его сознании это странно знакомое молодое лицо никак не вязалось с лишними килограммами, морщинами и седыми волосами. Сравнение поражало. Как и мысль о том, что на портрете она чуть старше Ноя. «Что происходит, когда мы стареем? – задавался он вопросом. – Куда уходит наше детство?»

Мальчик остановился перед гробом. Он был закрытым – к счастью; Ной сомневался в том, что сможет спокойно смотреть на мертвое лицо учительницы. Страшно было даже представить, как она выглядела под этой крышкой из красного дерева. Ему не особенно нравилась госпожа Горацио. Если честно, совсем не нравилась. Но сегодня, увидев ее мужа и взрослую дочь, рыдавших у гроба, он понял удивительную вещь: даже таких, как госпожа Горацио, любят в этом мире.

В полированной крышке гроба он увидел отражение собственного лица – спокойное и сосредоточенное. Эмоции были глубоко спрятаны под маской безразличия.

На предыдущих похоронах он не мог собраться.

Два года назад они с мамой, взявшись за руки, стояли и смотрели на папин гроб. Крышку сняли, и люди во время прощания могли видеть его худое лицо. Когда пришло время расходиться, Ной отказывался идти. Мама попыталась увести его, но он зарыдал: «Нельзя оставлять папу здесь! Вернись, вернись!»

Он сморгнул подступившие слезы и коснулся рукой гроба госпожи Горацио. Поверхность была гладкой и блестящей. Как у дорогой мебели.

«Куда же уходит наше детство?»

Он вдруг осознал, что очередь перед ним рассеялась, а те, кто стоял сзади, ждали, когда он пройдет вперед. Он отошел от гроба, двинулся вдоль прохода и вышел из дверей морга.

На улице шел легкий снег, и холодные поцелуи снежинок приятно освежали пылающее лицо. Ной порадовался, что за ним не увязались репортеры. Весь день они ходили по пятам со своими диктофонами, рассчитывая услышать хотя бы фразу из уст мальчика, который не побоялся отнять пистолет у преступника. Из уст героя школы Нокс.

Смех, да и только.

Он стоял в сумерках напротив морга и, поеживаясь, наблюдал за тем, как из здания выходят люди. Каждый исполнял соответствующий погоде ритуал: оценивающе смотрел на небо, потом, вздрогнув, плотнее закутывался в пальто. Почти все жители городка пришли отдать последний долг, но он с трудом узнавал людей – в костюмах, галстуках и траурных платьях они выглядели совсем иначе. Никто не надел сегодня джинсов и фланелевых рубашек. Даже начальник полиции Келли был в строгом костюме и галстуке.

Ной наблюдал, как из дверей морга вышла Амелия Рейд. Она дышала часто и глубоко и даже прислонилась к стенке, будто бы за ней гнались и ей нужно было перевести дух.

По улице проехала машина, хрустя шинами по снежному насту.

Ной окликнул девочку:

– Амелия!

Она подняла удивленный взгляд и увидела его. Она заколебалась, глядя по сторонам, словно пыталась удостовериться в том, что переходить безопасно. Ной почувствовал, как забилось сильнее сердце, Амелия двинулась ему навстречу.

– Довольно мрачно там, – заметил он.

Она кивнула.

– Я больше не смогла это слушать. Боялась, что разревусь у всех на глазах.

И я тоже, подумал он, но не посмел признаться.

Они стояли в сумерках, не глядя друг на друга, переминаясь с ноги на ногу, чтобы согреться. Оба подыскивали тему для разговора. Ной глубоко вздохнул и вдруг сказал:

– Ненавижу похороны. Они напоминают мне… – он запнулся.

– Мне они тоже напоминают о папиных похоронах, – тихо проговорила Амелия. И посмотрела в темнеющее небо, откуда сыпались снежные хлопья.

Уоррен Эмерсон шел по обочине дороги, и его ботинки с хрустом опускались на подмерзшую траву. Он был в ярко-оранжевом жилете и оранжевой кепке, но все равно морщился каждый раз, когда в лесу гремел выстрел. Ведь пули не различают цвета. Утро выдалось холодное, гораздо морознее, чем вчера, и его пальцы озябли в тонких шерстяных перчатках. Он сунул руки в карманы и продолжил свою утомительную прогулку, невзирая на холод и зная, что, пройдя километра два, он перестанет замечать его.

Уоррен уже тысячу раз ходил этим маршрутом, во все времена года, и без труда отсчитывал расстояние по хорошо знакомым ориентирам. Вот эта разрушенная каменная стена находится в четырехстах шагах от его дома. А от ветхого амбара Мюрреев его отделяло девятьсот пятьдесят шагов. Через две тысячи шагов, у поворота на шоссе Тодди-Пойнт, он уже знал, что прошел полпути. По мере приближения к городским окраинам ориентиры встречались все чаще. Так же, как и машины – то и дело легковушка или грузовик проносились мимо, разбрызгивая грязь.

Местные автолюбители редко притормаживали, предлагая подбросить до города. Летом было проще – туристы частенько подсаживали его к себе, для них Уоррен Эмерсон, плетущийся по дороге в своих сапогах и мешковатых брюках, был одушевленной частицей местного колорита. Они охотно останавливались и приглашали его в машину. В дороге они засыпали его бесконечными вопросами, всегда на одну и ту же тему: «А что местные делают здесь зимой?», «Вы всю жизнь здесь живете?», «А вы никогда не встречали Стивена Кинга?» Ответы Уоррена редко выходили за рамки привычных «да» или «нет», и эту словесную скупость туристы неизменно находили забавной. Они высаживали его у самого большого супермаркета в городе и так искренне махали ему руками, что можно было подумать, будто они прощаются с лучшим другом. Клевые ребята, эти туристы; каждую осень он с сожалением наблюдал, как они покидают город, сознавая, что впереди его ждут девять месяцев утомительной ходьбы по дороге, когда ни один водитель не остановится, чтобы подвезти.

Горожане боялись его.

Он часто думал так: если бы у него были водительские права, он не смог бы так равнодушно относиться к старикам. Но Уоррен не умел водить. У него был вполне приличный старый «Форд», который пылился в сарае, – отцовский автомобиль 1945 года выпуска, с малым пробегом – но Уоррен не мог им пользоваться. Это опасно и для него самого, и для окружающих. Таков приговор врачей.

Так что «Форд» по-прежнему стоял в сарае – вот уже пятьдесят лет – и блестел так же, как в тот день, когда отец поставил его туда. К хрому время относится милосердней, чем к человеческому лицу. Или к человеческому сердцу. «Я опасен и для себя, и для других».

Руки наконец начали согреваться.

Вынув их из карманов, Уоррен стал размахивать ими в такт ходьбе; сердце забилось чаще, а под шапкой выступил пот. Даже в самые морозные дни он не ощущал холода, если шел быстро и долго.

До города он обычно доходил в расстегнутой куртке и без шапки. Войдя в супермаркет «Кобб энд Моронгз», он почувствовал, что в зале нестерпимо жарко.

Как только за ним закрылась дверь, в магазине воцарилась тишина. Продавщица подняла голову и тут же отвернулась. Две женщины, стоявшие возле овощного прилавка, тотчас прекратили болтовню. Хотя никто не смотрел в его сторону, он чувствовал, что все внимание сосредоточилось на нем; Уоррен взял корзину и двинулся по рядам к секции консервов. Он наполнил корзину теми же банками, что каждую неделю. Кошачьи консервы. Чили с говядиной. Тунец. Кукуруза. Потом перешел к следующей полке за горохом и овсянкой, а оттуда – к овощному прилавку за сеткой лука.

Потом понес отяжелевшую корзину к кассе.

Пробивая товар, кассирша старалась не смотреть на него. Он стоял перед кассой, и его ярко-оранжевая куртка словно кричала: «Посмотрите на меня, посмотрите на меня!» Но никто не смотрел на Уоррена. Никто не встречался с ним взглядом.

Он молча расплатился, подхватил пластиковые пакеты с провизией и, настраиваясь на долгий путь, собрался было уйти. Но уже в дверях вдруг остановился.

На стенде прессы был выставлен свежий номер еженедельной газеты «Транквиль». Это был последний экземпляр. Он уставился в заголовок

передовицы, и пакеты, внезапно выскользнув у него из рук, грохнулись на пол. Дрожащими руками он потянулся за газетой.

«Перестрелка в школе: учительница убита, двое школьников ранены. Арестован 14-летний мальчик».

– Эй! Вы собираетесь платить за газету? – крикнула продавщица.

Уоррен не ответил. Он так и стоял у двери, с ужасом вчитываясь в другой заголовок, почти затерявшийся в правом нижнем углу: «Подросток забил щенка до смерти: обвиняется в жестокости».

В голове пронеслась мысль: «Опять начинается».

Дамарис Хорн завязла в провинциальном болоте и мечтала только об одном – поскорее вернуться в Бостон. «Значит, вот какие наказания придумывает редактор, – возмущалась она про себя. – Стоило нам схлестнуться, и он поручает мне статью, за которую никто больше не берется». Добро пожаловать в Захолустье-На-Озере, известное также под названием Транквиль, штат Мэн. Хорошее название. Местечко было настолько спокойным, что можно было выписывать свидетельство о смерти. Она вела машину по Главной улице, думая о том, что именно так, наверное, выглядел бы город после взрыва нейтронной бомбы: ни людей, ни других признаков жизни, лишь одиноко стоящие здания и пустынные улицы. Здесь должно быть девятьсот десять жителей, так где же они все? В лесах, обгрызают лишайник с деревьев?

Проезжая мимо ресторанчика «Монаганз», она углядела в окне клетчатую рубашку. Есть! Объект в лице местного жителя в традиционном прикиде идентифицирован. (Что за таинственная привязанность к шотландке?) Чуть дальше ей на глаза попался еще один экземпляр: потертый, убого одетый старикан, с пластиковыми пакетами в руках, вышедший из супермаркета «Кобб энд Моронгз». Она притормозила, ожидая, пока он перейдет улицу, и старик пошаркал мимо, опустив голову, всем своим видом выражая вечную усталость. Она видела, как он побрел вдоль берега озера – печальный одинокий силуэт на фоне голых деревьев и серой воды.

Она поехала в сторону гостиницы «Озерная», ставшей ей домом на неопределенное время. Это была единственная местная гостиница, открытая в это время года, и, хотя Дамарис с издевкой называла ее «Тормознутым мотелем», она была рада, что удалось снять хоть какой-то номер при нынешнем наплыве репортеров.

Она вошла в столовую и увидела, что большинство ее коллег-конкурентов до сих пор толпятся у шведского стола с завтраком.

Дама-рис никогда не завтракала в отеле, благодаря чему сегодня первенствовала в утренней гонке. Восемь утра, а она вот уже два с половиной часа на ногах. В шесть успела побывать в больнице, где наблюдала за тем, как мальчика перевозили в его новое пристанище, Центр заключения для молодых преступников штата Мэн. В семь пятнадцать она была у школы и из автомобиля наблюдала, как перед зданием в ожидании первого звонка собираются дети. Подростки в мешковатых одеждах, казалось, всюду выглядят одинаково.

Дамарис подошла к кофейнику и наполнила свою чашку. Потягивая черный кофе, она оглядывала других журналистов, пока ее взгляд не остановился на фрилансере Митчелле Груме. Хотя он явно был не старше сорока пяти, его лицо сплошь состояло из горестных складок, как у печальной собаки. При этом он был довольно подтянутым, скорее даже атлетически сложенным. Самое интересное, что он заметил ее взгляд и теперь тоже смотрел на нее, хотя и с недоумением.

Она отставила пустую чашку и стремительно вышла из столовой. Ей даже не нужно было оглядываться – она и так знала, что Грум смотрит ей вслед.

В Захолустье становится веселее.

Поднявшись в свой номер, она бегло просмотрела записи последних дней. Теперь предстояло самое трудное – свести их в одну статью, способную осчастливить редактора и заинтересовать скучающих домохозяек Новой Англии, которые обычно ходят мимо стендов с таблоидами.

Она села за письменный стол и уставилась в окно, размышляя над тем, как превратить этот трагический, но вместе с тем вполне заурядный эпизод в нечто захватывающее и интригующее. В чем пикантность этой истории? Под каким соусом ее преподнести, чтобы заставить читателя раскошелиться на свежий номер «Уикли информер»?

До нее вдруг дошло, что идея прямо перед глазами.

На другой стороне улицы стояло обветшалое старое здание. Его окна были заколочены досками, а на фасаде осталась потускневшая вывеска «Мебель от Кимболла».

Номер дома был 666.

«Число Зверя».

Как только загрузился ее ноутбук, она быстро пролистала свои заметки, выискивая фразу, на которую обратила внимание еще вчера. Что-то такое говорила женщина в местном продуктовом магазине.

Она нашла то, что искала. «Я знаю, в чем причина школьных событий, – говорила женщина. – Все это знают, но никто не хочет признаться. Боятся прослыть суеверными или необразованными. Но я вам скажу, что это. Безбожие. Люди изгнали Бога из своей жизни. Они заменили Его чем-то другим. А чем – боятся сказать».

«Отлично!» – подумала Дамарис и, ухмыляясь, начала набивать текст.

«На прошлой неделе в пасторальный городок Транквиль, штат Мэн, наведался Сатана…»

Сидя в инвалидном кресле у окна гостиной, Фэй Брэкстон смотрела, как ее тринадцатилетний сын спрыгивает с подножки школьного автобуса и начинает подниматься по длинной проселочной дороге, ведущей к дому. Это был ежедневный ритуал, и она привычно ожидала той минуты, когда худощавая фигурка Скотти, чуть сгорбленная под тяжестью рюкзака, появится в дверях автобуса, а потом он, вытянув шею, с трудом потащит свою ношу к дому, вверх по заросшей травой тропе.

Он ведь еще совсем малыш. Больно видеть, как мало он подрос за прошлый год. На фоне одноклассников, которые обогнали его и по росту, и по весу, Скотти словно застыл в пубертатном периоде, но так стремился стать взрослым, что даже поранил себе подбородок, когда на прошлой неделе пытался сбрить несуществующую бороду. Он ее первенец, ее лучший друг. Она бы даже не возражала, если бы время остановилось и он навсегда остался милым и любящим мальчиком. Но Фэй знала, что детство скоро кончится. Перемены уже начались.

Она уловила первые тревожные признаки несколько дней назад, когда сын, как обычно, вышел из автобуса. Она сидела у окна, наблюдая за тем, как мальчик идет к дому, когда вдруг произошло нечто необъяснимое и пугающее. Во дворе он остановился и уставился на дерево, где сидели три серые белки. Сначала она подумала, что его просто заинтересовало это зрелище. Что он, как его младшая сестра Китти, попытается уговорить их спуститься, захочет приласкать. Каково же было ее удивление, когда он нагнулся, поднял с земли камень и запустил его в дерево.

Зверьки перескочили на верхние ветки.

Она с тревогой смотрела, как Скотти швыряет в дерево другой камень, потом еще и еще, его худое тельце вспрыгивает, словно упругая пружина

ярости, а камни летят и летят вверх. Когда он наконец остановился, дыхание Скотти было тяжелым и прерывистым. Он повернулся к дому.

Увидев выражение его лица, Фэй отпрянула от окна. В это мгновение она вдруг с ужасом подумала: «Это не мой сын».

И вот сейчас, наблюдая за тем, как он идет к дому, она задавалась вопросом, что за мальчик переступит порог. Ее сын, ее настоящий сын, милый и приветливый, или отвратительный незнакомец, внешне похожий на Скотти? Раньше она бы сурово наказала сына за то, что он бросается камнями в животных.

Раньше она не боялась собственного ребенка.

Фэй услышала шаги Скотти на крыльце. Сердце ее учащенно забилось, когда она, развернувшись в своем кресле, увидела сына.

7

Было очень заметно, что четырнадцатилетний Барри Ноултон – копия своей матери. Их внешнее сходство казалось просто поразительным и сразу бросалось в глаза. Барри и Луиза, два жизнерадостных пухлячка, были рыжеволосыми, с ямочками на щеках и трогательными розовыми губками. Улыбки, с которыми они приветствовали Клэр, грозили рассеять ее уныние.

Уже неделю после школьной трагедии Клэр каждое утро просыпалась с тягостной мыслью о том, что ее переезд в Транквиль был ошибкой. Всего восемь месяцев назад она приехала сюда, полная надежд и уверенная в своих силах, потратила почти все свои сбережения на то, чтобы купить медицинскую практику, в успехе которой не сомневалась. Да и с чего было сомневаться? В Балтиморе она добилась успеха. Но всего один громкий иск мог разрушить все, чего она достигла.

Каждый день на работе, завидев идущего по улице почтальона, она внутренне сжималась, с ужасом готовясь к вручению повестки в суд. Пол Дарнелл предупредил, что с ней свяжется его адвокат, и у Клэр не было никаких сомнений в том, что он исполнит свою угрозу.

«Может быть, еще не поздно уехать?» Теперь она задавала себе этот вопрос постоянно. «Может быть, все-таки вернуться в Балтимор?»

Она заставила себя улыбнуться, когда вошла в кабинет для осмотра, где ее уже ждали Барри и его мать. Что ж, хоть одно светлое пятно за сегодняшний день.

Они оба были искренне рады видеть доктора. Барри уже снял ботинки и стоял на весах, терпеливо ожидая, пока стрелка остановится.

– Эй, кажется, я потерял еще полкило! – радостно объявил он.

Клэр заглянула в его медицинскую карту, потом проверила показания весов.

– Вес снизился до ста двадцати трех пятисот. Ты похудел на килограмм. Молодец!

Барри сошел с весов, заставив противовес опрокинуться с громким стуком.

– Мне кажется, что сегодня даже ремень болтается!

– Давай-ка я тебя послушаю, – сказала Клэр.

Барри подошел к столу для осмотра, осторожно встал на подножку и улегся. Он снял рубашку, оголив складки бледной дряблой кожи. Пока Клэр прослушивала его сердце и легкие, измеряла кровяное давление, она чувствовала на себе его взгляд, пытливый и внимательный – мальчик следил за каждым ее движением. Еще на самом первом осмотре Барри признался ей в том, что хочет стать врачом, и с тех пор визиты к ней с периодичностью дважды в месяц он, казалось, рассматривал как экскурсию в свою будущую профессию. Анализ крови – пытка для большинства пациентов – для Барри был увлекательнейшей процедурой, возможностью подробно расспросить и о размерах иголок, и об объемах шприцев, и о назначении каждой из разноцветных пробирок.

Если бы Барри обращал столько же внимания на то, что кладет в рот!

Клэр закончила осмотр и, отступив на шаг, пристально оглядела мальчика.

– Ты делаешь успехи, Барри. Как твоя диета?

Он пожал плечами.

– Да вроде бы все нормально. Я очень стараюсь.

– Ой, он слишком любит поесть! В этом все дело, – объяснила Луиза. – Я стараюсь готовить низкокалорийные блюда. Но вечером с работы приходит его отец с пакетом пончиков и, ну... так трудно устоять. У меня просто сердце разрывается, когда я вижу, как Барри смотрит на нас своими огромными голодными глазами.

– А вы не могли бы уговорить мужа не приносить домой пончики?

– Ой, нет. Мел, у него… как бы это сказать… – Она наклонилась к Клэр и доверительно сообщила: – Проблема с перееданием.

– Правда?

– Я уже давно махнула на него рукой. Но Барри, он еще так молод. Мальчику его возраста совсем ни к чему таскать на себе такой вес. К тому же другие дети, они бывают такими жестокими.

Клэр сочувственно посмотрела на Барри.

– У тебя проблемы в школе?

Взгляд Барри, казалось, потускнел. Он опустил голову, и вся его жизнерадостность словно испарилась.

– Я больше не люблю школу.

– Ребята тебя дразнят?

– Да они уже достали со своими подколами.

Клэр взглянула на Луизу, и та печально покачала головой.

– Он очень способный, но не хочет ходить в школу. Даже не знаю, что с этим делать.

– Вот что я тебе скажу, Барри, – твердо произнесла Клэр. – Мы покажем всем, какой ты решительный и волевой. Ты слишком умный, чтобы позволить кому-то положить тебя на лопатки.

– Ну да, они все далеко не гении, – с надеждой в голосе подтвердил он.

– Но тебе и собственное тело придется победить. Это потребует усилий. И мама с папой должны тебе в этом помогать, а не вредить. – Она посмотрела на Луизу. – Госпожа Ноултон, у вас замечательный умный мальчик, но один он не справится. Это задача для всей семьи.

Луиза вздохнула, уже настроившись на предстоящие трудности.

– Я понимаю, – согласилась она. – Я поговорю с Мелом. Больше никаких пончиков.

Проводив Ноултонов, Клэр зашла к Вере.

– У нас разве нет пациента на три часа?

– Был, – проговорила Вера и, вешая телефонную трубку, озадаченно взглянула на Клэр. – Была записана госпожа Монаган. Но это уже вторая отмена за сегодняшний день.

Клэр уловила какое-то движение в приемной. Сквозь стеклянную перегородку она увидела мужчину, который сидел на диване. Полный невзрачный мужчина всем своим видом демонстрировал, как ему неуютно в офисе врача; печальное выражение лица подчеркивала короткая стрижка, которая совсем ему не шла.

– Кто это?

– Ой, это репортер из какого-то журнала, хочет поговорить с вами. Его зовут Митчелл Грум.

– Надеюсь, ты сказала ему, что я занята.

– Я выдала ему вашу стандартную фразу: «Без комментариев». Но этот тип решил дождаться вас.

– Ну, пусть ждет сколько влезет. Я больше не собираюсь общаться с журналистами. Есть кто-то еще на сегодня?

– Элвин Клайд. Осмотр раны на ноге.

Элвин. Клэр сжала виски, заранее готовясь к приступу головной боли.

– У нас есть освежитель воздуха?

Вера рассмеялась и выставила на стол аэрозоль «Глейд».

– Мы полностью готовы к визиту Элвина. После него вы свободны до конца дня. И это хорошо, потому что у вас сегодня встреча с доктором Сарники. Он только что звонил.

Доктор Сарники заведовал персоналом местной больницы. Клэр только сейчас узнала о том, что ей предстоит с ним встретиться.

– Он сказал, по какому вопросу?

– Насчет письма, которое он только что получил. Сказал, что это срочно. – Вера неожиданно взглянула в окно и тут же вскочила из-за стола. – Черт, опять они! – в сердцах произнесла она и выбежала за дверь.

Клэр посмотрела в окно и увидела, как Вера, тряся всеми своими браслетами и сережками, грозит кулаком двум мальчишкам со скейтбордами. Один из скейтеров срывающимся от злости голосом крикнул ей в ответ:

– Мы не дотрагивались до вашей идиотской машины!

– Тогда кто поцарапал мне дверь, а? Кто? – не унималась Вера.

– Почему вы все время обвиняете нас? Типа, проще все на ребенка свалить!

– Увижу вас здесь еще раз, вызову полицию!

– Это общественный тротуар! Мы имеем право здесь кататься!

Легкий стук по стеклу привлек внимание Клэр. Виновато-грустный Митчелл Грум смотрел на нее через окошко администратора.

Она опустила стекло.

– Господин Грум, я не общаюсь с репортерами.

– Я просто хотел рассказать вам кое-что.

– Если насчет Тейлора Дарнелла, обращайтесь к доктору Эдаму Делрею. Теперь он лечащий врач мальчика.

– Нет, это насчет машины вашего администратора. Ну, той, что поцарапали. Мальчишки здесь ни при чем.

– Откуда вы знаете?

– Я видел, как это произошло, вчера. Какая-то пожилая дама задела ее своей машиной. Я предположил, что она оставит записку на лобовом стекле. Очевидно, она этого не сделала. Думаю, поэтому ваш администратор пришла к другому выводу. – Выглянув на улицу, где все еще шла яростная перепалка, журналист покачал головой. – Почему мы всегда относимся к детям как к врагам?

– Может, потому что они часто ведут себя как инопланетяне?

Он сочувственно улыбнулся.

– Похоже, у вас дома тоже есть представители внеземной цивилизации?

– Да, четырнадцати лет от роду. Думаю, это можно угадать по количеству седых волос на моей голове.

Некоторое время они просто смотрели друг на друга через окошко.

– Вы уверены, что не хотите поговорить со мной? – уточнил он. – Я отниму у вас всего несколько минут.

– Я не могу обсуждать своих пациентов. Это конфиденциальный вопрос.

– А я и не собираюсь расспрашивать вас о Тейлоре Дарнелле. Меня интересует общая информация, обо всех детях этого городка. Вы единственный врач в Транквиле, и, полагаю, вам лучше других известно о том, что здесь творится.

– Но я здесь всего восемь месяцев.

– Но вы наверняка в курсе ситуации с наркоманией среди местных подростков, верно? Это могло бы объяснить поведение мальчика.

– Вряд ли один инцидент, пусть даже такой трагический, позволяет судить о том, что в городе существует проблема наркомании.

Взгляд Клэр обратился к сцене за окном. Мальчишки со скейтами ушли. К дому подъехал почтальон и сейчас о чем-то болтал с Верой у тротуара. Потом вручил ей кипу корреспонденции. Нет ли в этом ворохе почты письма от адвоката Пола Дарнелла?

Грум что-то говорил ей, и Клэр вдруг заметила, что журналист придвинулся ближе, практически просунулся в окошко администратора.

– Позвольте рассказать вам одну историю, доктор Эллиот. Это произошло в прелестном городке Фландерс, штат Айова. Население четыре тысячи. Чистенькое приличное местечко, где все друг друга знают. Горожане исправно посещают церковь, участвуют в работе родительского комитета школы. Так вот, вдруг происходят четыре убийства, и все они совершены подростками. Шокированные обитатели Фландерса в конце концов вынуждены были снять розовые очки и трезво оценить реальность.

– И в чем она заключалась?

– Метамфетамин. Эпидемия наркомании в местных школах. И некогда приличный городок превратился в позор Америки.

– Но какое отношение это имеет к Транквилю?

– А вы вообще читаете местные газеты? Посмотрите, что творится с вашими соседями. Сначала скандал на Хэллоуин. Потом мальчик забивает до смерти собаку, в школе начинаются кулачные бои. И, наконец, эта стрельба.

Клэр снова посмотрела на тротуар, где почтальон по-прежнему трепался с Верой. «Да ради всего святого неси скорее почту!»

– Я несколько месяцев следил за историей во Фландерсе, – продолжал Грум. – Наблюдал за тем, как накапливается критическая масса, которая в конце концов взорвала город. Родители во всем винили школу. Дети кидались на учителей, на собственных родителей. Когда я услышал о проблемах в вашем городе, я сразу же подумал про метамфетамин. Я знаю, что вы должны были взять у Дарнелла пробу на наркотики. Можете мне ответить только на один вопрос: в его крови был обнаружен метамфетамин?

Все еще в рассеянности, она ответила:

– Нет, не был.

– А что-нибудь другое?

Она не ответила. По правде говоря, она и не знала, поскольку еще не получила сведений из бостонской лаборатории.

– Значит, что-то обнаружили, – заключил Грум, по-своему истолковав ее молчание.

– Я не являюсь лечащим врач мальчика. Вам нужно обратиться к доктору Делрею.

Грум презрительно фыркнул.

– Делрей утверждает, что это психоз на почве отмены риталина. Это такой редкий случай, сомнительно, что такое вообще может быть, – ведь существует всего несколько случайных свидетельств.

– Вы не верите в этот диагноз?

Журналист посмотрел ей в глаза.

– Только не говорите мне, что вы в него верите.

Митчелл Грум начинал нравиться Клэр.

Открылась входная дверь, и Вера протопала к своей стойке с почтой в руках. Не церемонясь, она вывалила бумажный ворох на стол. Клэр окинула взглядом стопку конвертов, и у нее пересохло в горле.

– Извините, – сказала она, обращаясь к Груму. – Мне надо работать.

– Фландерс, Айова. Имейте это в виду, – отозвался он и, махнув рукой, вышел из здания.

Забрав почту, Клэр прошла в свой кабинет и закрыла за собой дверь.

Она села за стол и, быстро просмотрев конверты, с облегчением откинулась на спинку кресла. Отсрочка еще на день: ни на одном из конвертов не значился обратный адрес адвоката. Может, Пол Дарнелл блефовал? Может, и не будет никаких судебных исков?

Она позволила себе расслабиться и, запрокинув голову, почувствовала, как отступает напряжение. Потом потянулась к лежащему сверху конверту и вскрыла его. Уже через мгновение она снова была, как натянутая струна.

В конверте лежала записка от Рейчел Соркин – той самой, которая сообщила о ранении Элвина Клайда.

«Доктор Эллиот!

Это письмо я получила сегодня по почте. Думаю, вам следует с ним ознакомиться.

Рейчел.

P.S. Я не верю ни одному слову».

К записке Рейчел было приколото отпечатанное на машинке послание:

«Всем, кого это касается.

Я хочу сообщить вам о тревожном происшествии. Третьего ноября доктор Клэр Эллиот совершила покушение на пациента больницы. Хотя все произошло на глазах нескольких свидетелей, дело не было предано широкой огласке. Если доктор Эллиот является вашим лечащим врачом, возможно, вам стоит пересмотреть свой выбор. Пациенты имеют право знать все о своем докторе.

Обеспокоенный медицинский работник».

В служебном помещении больницы ее ожидали три человека. С доктором Сарники она была знакома и имела о нем очень приятное впечатление. По-домашнему уютный, с мягким голосом, он считался не только заботливым врачом, но и умелым дипломатом – именно ему удалось разрешить недавний трудовой конфликт с медсестрами. Рядом с ним сидел Роджер Хэйс, главный администратор больницы, о котором Клэр почти ничего не знала, кроме того, что он вежлив и улыбчив.

Зато третий человек был ей очень хорошо знаком. Это был Эдам Делрей.

Когда она села по другую сторону длинного стола, коллеги приветствовали ее вежливыми кивками. Нервы у нее были напряжены до предела. На столе перед Сарники лежала копия того же анонимного письма, которое ей переслала Рейчел.

– Вы уже видели это? – осведомился он.

Она мрачно кивнула.

– Одна из пациенток переслала мне копию. Я обзвонила остальных и узнала, что еще шестеро получили то же самое.

– Ко мне это письмо поступило сегодня утром.

– Информация сильно преувеличена, – проговорила Клэр. – Разумеется, я не нападала на пациента. Это письмо преследует одну-единственнуто цель – нанести ущерб моей репутации. – Она в упор посмотрела на Эдама Делрея. Он твердо встретил взгляд, даже не моргнув; в его глазах не промелькнуло и тени вины.

– Что именно произошло третьего ноября? – спросил Хэйс.

Клэр невозмутимо ответила:

– Я взяла пробу крови у Тейлора Дарнелла, чтобы сделать расширенный анализ на наркотики и токсины. Я уже рассказала доктору Сарники, кто еще присутствовал в палате. Кто был свидетелем. Я не нападала на пациента. Это был обычный забор крови.

– Рассказывайте и про все остальное, – вмешался Делрей. – Или вы собираетесь упустить самую важную деталь? А именно то, что вы не имели права брать кровь.

– Так почему вы это сделали? – продолжал расспросы Хэйс.

– У мальчика был наркотический психоз. Я хотела выявить наркотик.

– Никакого наркотика в крови нет, – возразил Делрей.

– Вы не можете этого знать, – парировала она. – Вы не проводили тест.

– Наркотика в крови нет. – Эдам бросил на стол бумажный листок.

Она с волнением уставилась на шапку бланка: «Лаборатории Энсон».

– Вот результаты анализа. Кстати, доктору Эллиот удалось-таки передать в лабораторию пробирку с кровью, не поставив в известность отца мальчика. И не получив от него разрешения. Сегодня утром «Энсон» по факсу передали нам результат. – И добавил с оттенком самодовольства: – Он отрицательный. Никаких наркотиков, никаких токсинов.

Почему лаборатория не выполнила ее инструкции? Почему отчет направили в больницу?

– Но наша лаборатория обнаружила пик на газовом хроматографе, – возразила она. – В крови мальчика что-то было.

Делрей рассмеялся.

– Вы видели наш газовый хроматограф? Он древний. Его за ненадобностью передали из Медицинского центра восточного Мэна. Разве можно доверять его показаниям?

– Но проверочный тест был необходим. – Клэр перевела взгляд на Сарники. – Вот почему я взяла у него кровь. Только потому, что Эдам отказался это делать.

– Она провела несанкционированный забор крови, – уточнил Делрей.

Хэйс вздохнул.

– Не стоит делать из мухи слона, Эдам. Мальчику не причинили вреда, и он, целый и невредимый, сидит сейчас в Центре заключения.

– Она проигнорировала волю отца.

– Один забор крови не повод для судебного преследования.

Клэр встрепенулась.

– Что, Пол Дарнелл намерен обратиться с судебным иском?

– Нет, вовсе нет, – успокоил ее Хэйс. – Я говорил с ним сегодня утром, и он заверил меня, что не собирается ни на кого подавать в суд.

– Я скажу вам, почему он отказывается от судебного преследования, – вмешался Делрей. – Потому что его бывшая жена пригрозила, что будет саботировать любые судебные действия. Это естественная реакция всех брошенных жен. Что бы муж ни предложил, жена все равно возражает.

«Спасибо вам, Ванда», – подумала Клэр.

– Ну, выходит, инцидент исчерпан, – с явным облегчением подвел итог Сарники. – Насколько я понимаю, никаких мер нам предпринимать не нужно.

– А как же письмо? – спросила Клэр. – Кто-то ведь пытается уничтожить мою практику.

– Не знаю, что можно сделать с анонимкой.

– Но она подписана: «Обеспокоенный медицинский работник». – Клэр с вызовом посмотрела на Делрея.

– Нет уж, увольте, – огрызнулся он. – Я к этому не имею никакого отношения.

– Значит, Пол Дарнелл, – сказала она.

– Там были еще две медсестры, помните? Честно говоря, письмо подловатое, вполне в женском духе.

– Что это значит, черт возьми? – в ярости выпалила она. – «В женском духе»!

– Я просто высказываю свое мнение. Мужчины прямолинейны в таких вопросах.

– Эдам, это к делу не относится, – одернул его Сарники.

– Как раз относится, – возразила Клэр. – Это наглядно демонстрирует его истинное отношение к женщинам. Вы хотите сказать, Эдам, что мы все лгуньи?

– Ну, это уж совсем не по делу, – оборвал их спор Сарники.

– Она приписывает мне то, чего я не говорил! Я не рассылал эти письма, и Пол тоже! Зачем нам это нужно? По городу уже и так ползут слухи.

– Все, совещание окончено, – отрезал Сарники и хлопнул рукой по столу, призывая всех замолчать.

И тут они услышали сообщение по больничному радио. Оно казалось едва слышным, потому что двери в комнату были закрыты.

– Угроза жизни, отделение интенсивной терапии. Угроза жизни, отделение интенсивной терапии.

Клэр мигом вскочила из-за стола. Ее пациент с инфарктом как раз находился в отделении интенсивной терапии.

Она выбежала из комнаты и бросилась к лестнице. Два пролета вверх – и она уже в отделении интенсивной терапии. Клэр испытала облегчение – ее пациент находился вне опасности. Тревога исходила из бокса номер шесть, в дверях которого уже толпились медики.

Они расступились, пропуская Клэр.

Первое, на что она обратила внимание, войдя в палату, – это запах. Запах дыма и опаленных волос исходил от крупного мужчины с перепачканным сажей лицом, который лежал на больничной койке. Макнелли, заведующий реанимацией, склонился над головой пациента, безуспешно пытаясь ввести эндотрахеальную трубку. Клэр посмотрела на кардиомонитор.

Прибор показывал синусовую брадикардию. Сердце пациента билось, но медленно.

– Что у него с давлением? – спросила она.

– Кажется, систолическое девяносто, – отозвалась медсестра. – Он такой грузный, я еле прослушиваю пульс.

– Я не могу его интубировать! – крикнул Макнелли. – Давай-ка, еще разок подкачайте его.

Санитар снова прижал кислородную маску к лицу пациента, запуская кислород в его легкие.

– У него шея такая короткая и толстая, что я даже не вижу голосовых связок, – сказал Макнелли.

– Анестезиолог сейчас придет, – сообщила медсестра. – Позвать еще и хирурга?

– Да, позови. Придется делать экстренную трахеотомию. – Он поднял взгляд на Клэр. – Может, у вас получится интубировать его?

Она сомневалась в том, что справится, но хотела попробовать. Сердце ее колотилось, когда Клэр подошла к изголовью кровати и, уже собираясь ввести пациенту в рот ларингоскоп, вдруг заметила, что веки мужчины дрогнули.

Она застыла в удивлении.

– Он в сознании.

– Что?

– Похоже, он в сознании!

– Тогда почему он не дышит?

– Дайте еще кислород! – велела Клэр и отступила, снова пропуская санитара к кровати.

Пока на пациента надевали маску и запускали в легкие кислород, Клэр быстро оценивала ситуацию. Веки пациента действительно подрагивали, как будто он силился открыть их. Но при этом он не дышал, а его конечности казались безвольными.

– Откуда его привезли? – осведомилась она.

– Поступил по «скорой» сегодня днем, – пояснил Макнелли. – Он пожарный-доброволец, на месте пожара с ним случился обморок. То ли удушье, то ли сердечный приступ – в общем, его пришлось вытаскивать из здания. Мы приняли его с диагнозом поверхностные ожоги и подозрение на инфаркт миокарда.

– У него все было нормально, пока он лежал здесь, – добавила медсестра. – Даже разговаривал со мной совсем недавно. Я дала ему дозу гентамицина, и у него вдруг началась брадикардия. И тогда я поняла, что он перестал дышать.

– А почему он принимает гентамицин? – поинтересовалась Клэр.

– Ожоги. Одна из ран была сильно загрязнена.

– Послушайте, мы же не можем всю ночь пичкать его кислородом, – вмешался Макнелли. – Вы позвали хирурга?

– Да, – ответила медсестра.

– Тогда давайте готовить его к трахеотомии.

– Возможно, она ему не понадобится, Гордон, – заметила Клэр.

Макнелли скептически посмотрел на нее.

– Но я не смог ввести ему трубку. Вы сможете?

– Давайте сначала попробуем кое-что другое. – Клэр повернулась к медсестре. – Введите ему ампулу хлорида кальция, внутривенно.

Медсестра вопросительно взглянула на Макнелли, который недоуменно покачал головой.

– С чего это вдруг кальций? – спросил он.

– До того как он перестал дышать, ему ведь дали антибиотик, верно? – уточнила Клэр.

– Да, из-за открытой ожоговой раны.

– И у него случилась остановка дыхания. Но он не потерял сознание. Я думаю, он до сих пор в сознании. Что это означает?

Макнелли внезапно понял ее.

– Нейромышечная блокада. От гентамицина?

Клэр кивнула.

– Мне самой никогда не приходилось наблюдать такую реакцию, но она описана. И противодействующий препарат в этом случае – кальций.

– Я ввожу хлорид кальция, – сообщила медсестра.

Все замерли, наблюдая за процессом. Тишину нарушало лишь нескончаемое шипение кислорода, поступающего в маску. Первыми среагировали веки пациента. Они медленно открылись, и мужчина посмотрел вверх, с трудом фокусируя взгляд на лице Клэр.

– Он дышит! – воскликнул санитар.

Прошло несколько секунд, и пациент закашлялся, шумно вздохнул и снова закашлял. Он поднял руку и попытался сдернуть маску с лица.

– Думаю, он хочет что-то сказать, – догадалась Клэр. – Дайте ему это сделать.

Когда с его лица убрали маску, пациент ответил ей благодарным взглядом.

– Сэр, вы что-то хотели сказать? – спросила Клэр.

Мужчина кивнул. Все подались вперед в надежде услышать его первые слова.

– Пожалуйста, – прошептал он.

– Да? – подбодрила его Клэр.

– Давайте… больше не будем… так делать.

По боксу разнесся дружный смех, а Клэр похлопала мужчину по плечу. Потом повернулась к медсестрам и сказала:

– Думаю, трахеотомию можно отменить.

– Я рад, что хотя бы у кого-то еще осталось чувство юмора, – сказал Макнелли, когда несколько минут спустя они с Клэр вышли из бокса. – В последнее время здесь что-то мрачновато. – Он остановился у поста медсестер и оглядел стройный ряд мониторов. – Не знаю, где будем размещать новых больных, если вдруг поступят.

Клэр удивилась, увидев сразу восемь кардиограмм, бегущих по экранам. Не веря глазам своим, она обернулась и оглядела отделение интенсивной терапии.

Все койки заняты.

– Что же такое творится? – поразилась она. – Ведь еще утром, когда я делала обход, здесь был только один мой пациент.

– Все началось в мою смену. Сначала привезли маленькую девочку с травмой черепа. Потом была авария на шоссе Барнстаун. Следом какой-то полоумный ребенок поджег свой дом. – Макнелли покачал головой. – И так весь день, без конца – пациенты все прибывают.

– Доктор Макнелли, в реанимацию, – заговорило больничное радио. – Доктор Макнелли, в реанимацию.

Он вздохнул и повернулся, собираясь идти.

– Должно быть, полнолуние.

Ной скинул куртку и бросил ее на валун. От гранитного камня шло тепло, накопившееся за солнечный день. Он прищурился и посмотрел на озеро. Ветра не было, и в водной глади, как в зеркале, отражались небо и голые деревья.

– Так хочется, чтобы снова было лето, – вздохнула Амелия.

Он повернулся к ней. Девочка уселась на самом высоком камне, уперев подбородок в обтянутые голубыми джинсами колени. Светлые волосы были убраны за ухо, и на виске просматривалась полоска заживающей раны. Ной внезапно подумал: а вдруг у нее останется шрам, и ему даже захотелось, чтобы остался – пусть крохотный, зато она никогда его не забудет. Каждое утро, глядя в зеркало, она будет видеть этот след от пули и вспоминать Ноя Эллиота. Амелия подставила солнцу лицо.

– Как было бы хорошо пропустить зиму. Хотя бы одну.

Он вскарабкался к ней на камень и устроился рядом. Не слишком близко, но и не далеко. Почти касаясь ее.

– Не знаю почему, но мне хочется зимы.

– Ты даже не представляешь, каково здесь зимой.

– Что ты имеешь в виду?

Она посмотрела на озеро, и в ее взгляде мелькнул ужас.

– Через несколько недель оно начнет покрываться льдом. Сначала появятся ледяные островки вдоль берега. А к декабрю вода полностью затянется льдом, таким толстым, что по нему можно будет ходить. И тогда по ночам начнут раздаваться эти звуки.

– Какие звуки?

– Как будто кто-то стонет. Будто кому-то больно.

Он засмеялся, но, перехватив ее взгляд, тут же умолк.

– Ты мне не веришь, да? – спросила она. – Иногда я просыпаюсь, и мне кажется, что это кошмарный сон. А это просто озеро. Оно издает эти жуткие звуки.

– Разве это возможно?

– Госпожа Горацио говорит… – Она запнулась, вспомнив, что госпожа Горацио умерла. Она снова устремила взгляд на озеро. – Это все из-за

льда. Вода замерзает и расширяется. Она все время бьется, бьется о берега, пытаясь вырваться, но не может, потому что скована льдом. И вот тогда слышен стон. Давление воды все нарастает, нарастает, и озеро уже не может выдержать такой нагрузки. И в конце концов лед трескается. – Она пробормотала: – Неудивительно, что озеро издает такие жуткие звуки.

Ной попытался представить, как водоем будет выглядеть в январе. Берега укроются снегом, а вода превратится в сверкающее полотно льда. Но сегодня яркое солнце так слепило глаза, а от камней исходило такое тепло, что думалось только о лете.

– А куда деваются лягушки? – поинтересовался он.

Амелия повернулась к нему.

– Что?

– Лягушки. И рыба, и все остальное. Ну, утки, понятное дело, мигрируют, улетают в теплые края. Но что делать лягушкам? Как ты думаешь, может, они просто замерзают и превращаются в зеленое мороженое?

Он хотел рассмешить ее и обрадовался, увидев, что на лице девочки появилась улыбка.

– Дурачок! Они не превращаются в мороженое. Они зарываются в ил на самом дне. – Взяв камешек, Амелия бросила его в воду. – Раньше здесь было полно лягушек. Помню, когда я была маленькой, мы собирали их ведрами.

– Раньше?

– Сейчас их не так много осталось. Госпожа Горацио говорит… – И снова пауза – воспоминания об утрате. Она опять вздохнула, а потом продолжила: – Она говорила, что это из-за кислотных дождей.

– Но летом они постоянно квакали. Я часто сидел здесь и слушал.

– Жалко, что тогда я о тебе не знала, – печально произнесла она.

– А я о тебе знал.

Она удивленно посмотрела на него. Чувствуя, что краснеет, Ной опустил взгляд.

– Я все время наблюдал за тобой в школе, – признался он. – Постоянно смотрел на тебя в столовой. Просто ты не замечала. – Его лицо запылало еще сильнее, и он поднялся, стараясь смотреть на воду, а не на девочку. – А ты купаешься? Я приходил сюда каждый день.

– Да сюда все ребята приходят.

– А где же ты была этим летом?

Она пожала плечами.

– У меня болели уши. Доктор запретил мне купаться.

– Облом.

Некоторое время они молчали.

– Ной! – окликнула она его.

– Да?

– Тебе когда-нибудь хотелось… не идти домой?

– Ты имеешь в виду, сбежать из дома?

– Нет, скорее, быть подальше.

– Подальше от чего?

Амелия не ответила. Когда Ной повернулся к ней, она уже поднялась на ноги и стояла, прижав руки к груди.

– Что-то холодает.

Он вдруг тоже почувствовал озноб. Камень еще хранил тепло, но и оно быстро уходило вместе с солнцем, которое закатывалось за деревья.

Озеро покрылось рябью, а потом и вовсе превратилось в черное стекло. Казалось, в этот момент оно жило своей жизнью, как самостоятельное водянистое существо. Он размышлял: верно ли, что Амелия рассказывала про озеро, действительно ли оно стонет по ночам зимой? Вполне возможно, решил он. Вода расширяется при замерзании – это научный факт. Сначала лед покрывает поверхность коркой, а потом, день за днем, корка становится все толще, захватывая все новые слои воды. А в глубине, на самом дне, в ил зарылись лягушки, которым больше некуда деться. Пленницы льда. Погребенные.

Клэр так усердно налегала на весла, что ее лоб стал влажным от пота. Она чувствовала, как ровно весла погружаются в воду, а лодка послушно и плавно скользит по глади озера. За несколько месяцев ее мастерство заметно выросло. В мае она впервые села на весла, и эта попытка была весьма неуверенной. Резко взмахивая одним или обоими веслами, она взметала фонтан брызг; или же гребла одним веслом, и тогда лодка просто ходила кругами. Главное – контроль. Равномерное распределение силы. Плавные, скользящие движения, а не удары по воде.

Теперь она победила греблю.

Клэр оказалась на середине озера. Там она подняла весла, сложила их в лодку и решила отдохнуть. Солнце только что зашло за деревья, и она знала, что очень скоро пот начнет холодить кожу, но сейчас Клэр по-прежнему было жарко, и она наслаждалась сгущающимися сумерками, не чувствуя их прохлады. Вода, покрытая рябью, была густой и черной, как нефть. На берегу горели огоньки в домах – там готовили ужин, там за столом, в уютной домашней обстановке собирались семьи. «Так же, как мы втроем, когда ты был жив, Питер. Не разрушенная семья, а единое целое».

Она смотрела на свет в окошках, и ее захлестнула такая тоска по Питеру, что стало трудно дышать. Летом, когда они ездили кататься на лодке на соседний пруд, Питер всегда садился на весла. Клэр устраивалась на носу и с восхищением смотрела, как он гребет, как ритмично работают его мышцы, а улыбающееся лицо блестит от пота. Она была избалованной возлюбленной, которую заботливо везли по воде.

Она слушала, как плещется вода, наталкиваясь на борт лодки, и почти видела Питера, сидящего напротив и с грустью смотрящего на нее. «Ты должна научиться грести сама, Клэр. Теперь только ты управляешь лодкой».

«Но разве я смогу, Питер? Я уже иду ко дну. Кто-то пытается выжить меня отсюда. И Ной, наш дорогой Ной становится таким чужим и далеким».

Она почувствовала прохладные слезы на лице. Присутствие Питера казалось таким реальным – стоит протянуть руку, и она коснется его. Теплого и живого, из плоти и крови.

Но его не было рядом, в лодке сидела одна Клэр.

Она продолжала дрейфовать, и ветер постепенно относил ее к берегу. В небе зажглись первые звезды. Лодка медленно развернулась, и Клэр

увидела вдалеке кромку северного берега, вдоль которого тянулись летние коттеджи – темные, с заколоченными на зиму окнами.

Внезапный всплеск воды заставил ее встрепенуться. Обернувшись, она взглянула на приближающийся берег и различила силуэт мужчины. Он стоял у воды, слегка нагнувшись, как будто смотрел на озеро. Он вздрогнул и метнулся в сторону. Послышался еще один громкий всплеск, и силуэт скрылся из виду. Это мог быть только один человек.

Клэр быстро утерла слезы и крикнула:

– Доктор Татуайлер! С вами все в порядке?

Голова мужчины вновь вынырнула из темноты.

– Кто это?

– Клэр Эллиот. Я подумала, что вы упали в воду.

Он наконец различил ее в полумраке и помахал рукой. С этим биологом, исследователем водной фауны, она познакомилась несколько недель назад, вскоре после того, как он вселился в снятый на месяц коттедж Элфордов. В то утро оба были на лодках, и, дрейфуя в тумане, случайно столкнулись бортами. Так состоялось их знакомство. С тех пор, когда она проплывала мимо его коттеджа, они здоровались. Иногда биолог демонстрировал ей банки с новинками своей коллекции амфибий. «Шизанутый лягушатник» – так называл его Ной.

Лодка Клэр приблизилась к берегу, и она увидела выставленные в ряд стеклянные банки Макса.

– Как ваша коллекция лягушек, пополняется? – поинтересовалась она.

– Холодает. Они уходят на глубину.

– Нашли еще экземпляры с шестью лапками?

– Одну на этой неделе. Меня действительно начинает беспокоить это озеро.

Между тем лодка Клэр уже причалила к берегу и уткнулась носом в землю. Макс возвышался над ней, длинный, нескладный; его очки посверкивали, отражая лунный свет.

– Это касается всех северных озер, – заметил он. – Деформация земноводных. Массовое вымирание.

– А как ведут себя образцы, которые вы собрали на прошлой неделе?

– Ожидаю результатов. Это может занять несколько месяцев. – Он замолчал и испуганно огляделся по сторонам, заслышав странное жужжание. – Что это?

Клэр вздохнула.

– Мой пейджер. – Она совсем забыла, что он до сих пор болтается у нее на поясе. На дисплее высветился местный номер.

– Обратно долго грести придется, – проговорил он. – Почему бы вам не воспользоваться моим телефоном?

Она звонила из его кухни, разглядывая стеклянные банки, которые были расставлены на столике. Но соленых огурцов в них не было. Она взяла в руки одну из банок, и прямо на нее уставился выпученный глаз. Лягушка оказалась удивительно бесцветной, оттенка человеческой кожи, ее тельце было обсыпано багрянистыми пятнышками. Обе задние лапки разветвлялись на две части, так что получались четыре отдельных плавника. Она прочитала этикетку: «Озеро Саранча. 10 ноября». Вздрогнув, она поставила банку на место.

По телефону заплетающимся языком ответила женщина, она явно была пьяна.

– Алло? Кто это говорит?

– Доктор Эллиот. Вы звонили мне на пейджер? – Клэр поморщилась от грохота, с которым трубку бросили на стол. Она услышала шаги, потом узнала голос Линкольна Келли, который обращался к женщине.

– Дорин, можно мне поговорить по телефону?

– Что за бабы все время тебе звонят?

– Дай мне трубку.

– Ты же не болен. Почему тебе звонит доктор?

– Это Клэр Эллиот?

– О, она уже Клэр! Выходит, близкая знакомая!

– Дорин, я отвезу тебя домой через минуту. А пока позволь мне поговорить.

Наконец он взял трубку.

– Клэр, вы еще здесь? – смущенно спросил он.

– Да.

– Извините, что так получилось.

– Не берите в голову, – отозвалась она и подумала: «Вам и без того забот хватает».

– Люси Оверлок посоветовала мне позвонить вам. Она закончила раскопки.

– Что-нибудь интересное?

– Думаю, вы уже почти все знаете. Захоронению не меньше ста лет. Останки принадлежат двум детям. У обоих очевидные признаки травм.

– Значит, старое убийство.

– Скорее всего. Завтра она будет представлять подробный доклад своим студентам. Возможно, вам это не очень интересно, но она все-таки подумала, что следует вас пригласить. Ведь эти кости нашли именно вы.

– А где будет проходить занятие?

– В лаборатории музея, в Ороно. Я поеду туда, так что, если захотите, можете присоединиться. Я выезжаю около полудня.

На заднем плане захныкала Дорин:

– Но завтра суббота! С каких это пор ты работаешь по субботам?

– Дорин, дай мне закончить разговор.

– Вот так всегда! Ты вечно занят! А со мной никогда не бываешь…

– Надевай пальто и садись в машину. Я отвезу тебя домой.

– Черта с два, я сама могу доехать.

Хлопнула дверь.

– Дорин! – крикнул Линкольн. – Отдай мне ключи от машины! Дорин! – Его голос снова заговорил в трубку, торопливый, нервный. – Мне нужно идти. Увидимся завтра?

– В полдень. Буду ждать.

8

– Дорин старается, – сказал Линкольн, не отрывая глаз от дороги. – Правда старается. Но это нелегко для нее.

– Да и для вас тоже, – заметила Клэр.

– Да, всем несладко. И это тянется уже не один год.

Когда они выезжали из Транквиля, на улице шел дождь. Теперь он сменился мокрым снегом, хлопья которого с тяжелыми шлепками опускались на ветровое стекло. Когда температура опустилась до опасной отметки – не минус и не плюс, а асфальт покрылся тонкой коркой наледи, дорога стала коварной. Клэр была рада тому, что за рулем Линкольн, а не она. Мужчина, проживший сорок пять зим в таком климате, хорошо знаком с суровыми законами.

Протянув руку, он включил стеклообогреватель. Конденсат, скопившийся на стекле, начал рассеиваться.

– Мы уже два года не живем вместе, – пояснил он. – Проблема в том, что она меня не отпускает. А у меня не хватает мужества заставить ее сделать это.

Они оба напряглись, когда впереди идущая машина вдруг резко затормозила и ее начало заносить. Водитель еле успел вырулить на свою полосу, избежав столкновения со встречным грузовиком.

Клэр откинулась на спинку сиденья, сердце у нее бешено колотилось.

– Господи.

– Столько чертовых лихачей развелось!

– Может, нам развернуться и поехать обратно?

– Да мы уже полпути одолели. Так что вполне можем ехать дальше. Или вы хотите все отменить?

Она сглотнула.

– Да нет, если вы считаете, что все в порядке, значит, все в порядке.

– Мы просто не будем спешить. Только надо учесть, что в таком случае мы вернемся домой поздно. – Линкольн взглянул на нее. – Как Ной, справится?

– Он сейчас стал таким самостоятельным. Уверена, у него проблем не будет.

Линкольн кивнул.

– Отличный парень.

– Да, – согласилась она. И добавила с грустной улыбкой: – В основном так.

– Похоже, все не так просто, как кажется на первый взгляд, – предположил Линкольн. – Я все время слышу это от родителей. Говорят, воспитание детей – самая трудная на свете работа.

– И она во сто крат труднее, когда выполняешь ее в одиночку.

– А где отец Ноя?

Клэр молчала. Ответ на этот вопрос всегда давался ей с большим трудом.

– Он умер. Два года назад.

Она едва расслышала его смущенное бормотанье: «Простите». На некоторое время в салоне воцарилась тишина, нарушаемая лишь шорохом дворников, скользивших по ветровому стеклу. Два года прошло, а ей по-прежнему тяжело говорить об этом. Она до сих пор не привыкла к своему новому статусу вдовы. Женщины не должны становиться вдовами в тридцать восемь лет.

А смеющиеся и любящие мужчины не должны умирать от лимфомы в тридцать девять.

Сквозь пелену ледяного тумана впереди просматривались проблесковые маячки аварийных машин. Какое-то происшествие. Но в машине этого мужчины она почему-то чувствовала себя защищенной. В безопасности, огражденной от любого риска. Они медленно проехали вдоль вереницы машин экстренной помощи: двух патрульных автомобилей, эвакуатора и «скорой». «Форд Бронко», который вылетел с дороги, лежал на боку, сверкая обледеневшим днищем. Они молча проехали мимо, отрезвленные жестким напоминанием о том, что жизнь может перемениться в любой момент. Или оборваться. Это была еще одна мрачная нотка в этом и без того унылом дне.

Люси Оверлок прибыла на собственную лекцию с опозданием. Спустя пятнадцать минут после того, как два ее аспиранта и десять студентов-старшекурсников собрались в лаборатории университетского музея, появилась сама Люси в мокром плаще.

– По такой погоде, наверное, стоило все отменить, – заявила она. – Но все равно я рада, что вы пришли.

Она сняла плащ, оставшись в своих неизменных джинсах и фланелевой рубашке – правильная форма одежды, учитывая обстановку, в которой они собрались. Музейный подвал был не только сырым, но и пыльным – гулкая пещера с характерным для хранилищ запахом. Вдоль стен тянулись полки, заставленные сотнями деревянных ящиков, содержимое которых было отмечено потускневшими машинописными этикетками: «Тонингтон № 11: артиллерийские снаряды, наконечники стрел, прочее». «Питтсфилд № 32: частичные скелетные останки, взрослый мужчина».

Посреди комнаты, на широком рабочем столе, укрытые брезентом, лежали новые экспонаты этого тщательно каталогизированного склепа.

Люси щелкнула выключателем на стене. Зажужжали флуоресцентные лампы, и их неестественный свет озарил рабочую поверхность. Клэр и Линкольн присоединились к студентам, кольцом обступившим стол. Резкий свет безжалостно обнажал лица присутствовавших.

Люси откинула брезент.

Остатки двух детских скелетов лежали рядышком, кости были выложены в примерной анатомической последовательности. У одного скелета отсутствовали реберная клетка, часть ноги и правая верхняя конечность. Второй скелет был практически целым, если не считать мелких костей рук.

Люси встала в изголовье стола, возле черепов.

– Перед нами человеческие останки, собранные на месте раскопок номер семьдесят два на южном побережье озера Саранча. Раскопки были завершены вчера. Для большей наглядности я приколола вот здесь, на стене, карту местности. Как видите, место раскопок расположено у самого устья реки Мигоки. Прошлой весной этот район серьезно пострадал от дождей и наводнений, и, видимо, это способствовало тому, что захоронение было обнаружено. – Она перевела взгляд на стол. – Итак, начнем. Во-первых, я хочу, чтобы вы все осмотрели останки. Можете брать их руками, внимательно изучать. Задавайте любые вопросы по поводу места раскопок. А потом мы выслушаем ваши

предположения о возрасте, расе и времени захоронения. Те из вас, кто принимал участие в раскопках, пожалуйста, держите язык за зубами. Давайте посмотрим, к каким выводам придут остальные.

Один из студентов потянулся к черепу.

Люси отошла от стола и принялась наблюдать за тем, как работают студенты. Это действо почему-то вызвало у Клэр ассоциацию с загадочным обеденным ритуалом, пиром над останками: жадные руки тянутся к костям, подносят их к свету, а потом передают по кругу. Поначалу все происходило молча, тишину нарушало лишь шуршание рулеток, которыми студенты измеряли длину костей.

Клэр передали череп с отсутствующей нижней челюстью.

В последний раз она держала человеческий череп, когда училась в медицинском институте. Она поднесла его к свету и повертела в руках. Когда-то она могла назвать каждую впадинку и выпуклость, но за четыре года учебы в голове скопилось так много другой информации, что эти анатомические названия были благополучно забыты; их потеснили практические данные вроде кодов счетов и телефонов больниц. Она перевернула череп и обнаружила, что верхние зубы до сих пор на месте. Третьи коренные зубы еще не прорезались. «Детская челюсть».

Клэр бережно положила череп обратно на стол, ужасаясь тому, что именно она держала в руках. Она вспомнила Ноя в возрасте девяти лет, его волосы – копну темных кудряшек, шелковое прикосновение его личика и невольно уставилась на детский череп, на котором давным-давно не было ни плоти, ни кожи.

Она очнулась от забытья, ощутив на своем плече руку Линкольна.

– У вас все в порядке? – осведомился он.

Клэр кивнула. В резком свете ламп его взгляд казался особенно печальным, почти скорбным. Интересно, подумала она, только ли нас двоих так тронула трагическая участь этого ребенка? Неужели мы одни видим, что это не простая скорлупа из кальция и фосфата?

Одна из студенток, молоденькая и изящная копия Люси, первая задала вопрос:

– Это было захоронение в гробу? И в какой местности находилась могила – в поле или в лесу?

– Местность умеренно лесистая, новая поросль, – пояснила Люси. – Мы обнаружили железные гвозди и фрагменты гроба, но само дерево почти полностью сгнило.

– А почва? – поинтересовался другой студент.

– Глина, умеренно влажная. А почему вы спрашиваете?

– В глине лучше сохраняются останки.

– Правильно. А какие еще факторы помогают консервации останков? – Люси оглядела аудиторию.

Студенты кинулись отвечать с энтузиазмом, который Клэр сочла неуместным. Они были очень увлечены минерализованными останками и, казалось, забыли, что представляли собой эти кости. Живых, смеющихся детей.

– Состав почвы… влажность…

– Температура окружающей среды.

– Насекомые и плотоядные животные.

– Глубина захоронения. Открыто ли оно солнечному свету.

– Возраст покойного в момент смерти.

Взгляд Люси метнулся к той, что произнесла последнюю фразу. Та самая девушка, юный клон Люси, тоже в джинсах и фланелевой рубашке.

– А как возраст покойного влияет на состояние останков?

– Черепа молодых сохраняются дольше, чем черепа пожилых людей, возможно, из-за более сильной минерализации.

– Но это не указывает на то, сколько времени пролежали в земле скелеты. Так можно ли сказать, когда умерли эти люди?

Воцарилась тишина.

Казалось, Люси не разочаровало молчание студентов.

– Правильный ответ таков, – объявила она, – мы не в состоянии это определить. По истечении ста лет некоторые скелеты могут рассыпаться в прах, в то время как другие остаются совершенно нетронутыми. Но все-таки кое-какие выводы мы можем сделать. – Люси потянулась к

столу и взяла в руки большую берцовую кость. – Обратите внимание на длинные кости, на которых хорошо просматривается отслаивание наружных общих пластинок. О чем это говорит?

– О чередовании сухих и влажных условий хранения, – ответила клон Люси.

– Верно. В течение какого-то времени эти останки были защищены гробом. Но потом гроб сгнил, и кости оказались в непосредственной близости к воде, ведь место захоронения находилось возле реки. – Она взглянула на молодого человека, в котором Клэр узнала одного из аспирантов, помогавших в раскопках. Убранные в конский хвост светлые волосы и три золотые сережки в ухе – в прошлом веке он бы легко сошел за жуликоватого матроса. Единственное, что никак не вязалось с этим легкомысленным образом, – школярские очки в металлической оправе. – Винс, – обратилась к нему Люси, – расскажи нам историю наводнений в этом районе.

– Самые ранние сводки, которые мне удалось найти в архиве, датированы тысяча девятьсот двадцатым годом, – рапортовал Винс. – Отмечено всего два эпизода катастрофических наводнений: весной сорок шестого года и прошлой весной, когда река Саранча вышла из берегов. Я полагаю, именно последнее наводнение стало причиной размытия захоронения. Вследствие проливных дождей произошла эрозия русла Мигоки.

– Таким образом, мы имеем два зарегистрированных случая затопления местности, сменявшихся более засушливыми годами, вследствие чего и произошло шелушение и отслаивание кортикального слоя кости. – Люси отложила большую берцовую кость и взяла со стола бедренную. – А вот теперь самая интересная находка. Я прошу обратить внимание на эту отметину на теле бедренной кости. Похоже на зарубку, но кость в таком плохом состоянии, что характер раны определить трудно. Так что мы не можем сказать, имел ли место перелом по типу зеленой веточки. – Она перехватила вопросительный взгляд Линкольна. – Перелом по типу зеленой веточки – это когда кость живого человека выгибается или искривляется в момент нанесения удара острым предметом. Именно по этой реакции можно установить предсмертный или посмертный характер ранения.

– А по этой кости невозможно установить?

– Нет. Она слишком долго пролежала в земле.

– Так как же тогда вы определили, что это убийство?

– Обратим внимание на другие кости. Они подскажут нам ответ. – Люси потянулась к бумажному пакетику. Наклонив его, высыпала содержимое на стол.

Мелкие косточки серыми горошинами застучали по поверхности.

– Кости запястья, – пояснила она. – Это с правой руки. Эти кости довольно плотные – они распадаются не так быстро, как другие. Данные образцы лежали на большой глубине в плотном комке глины, что способствовало их консервации. – Люси принялась ворошить косточки, как швея пуговицы. – Вот, нашла. – Она вытащила один камешек и поднесла его к свету.

Надрез бросался в глаза сразу же – такой глубокий, что казалось, будто кость расщепилась на две части.

– Это оборонительная травма, – констатировала Люси. – Ребенок – давайте считать, что это была девочка, – поднял руки, чтобы защититься от нападения. Лезвие ударило ей в руку – и с такой силой, что почти расщепило кость запястья. Девочка лет восьми-девяти еще мала ростом и не может дать отпор. Зато тот, кто напал на нее с ножом, довольно сильный – во всяком случае, сильный настолько, что смог пробить ей руку. Девочка отворачивается. Возможно, лезвие еще торчит в ее руке, а, может, убийца уже извлек его и готовится нанести новый удар. Девочка пытается убежать, но ее преследуют. Вот она оступилась, или же он валит ее с ног, и она падает на землю ничком. Я полагаю, что именно ничком, потому что на грудных позвонках тоже есть метки, оставленные широким лезвием, возможно, топором, причем нанесены эти удары сзади. Есть также отметина на бедре – от удара сзади, – и это означает, что девочка все еще лежит на земле. Совсем не обязательно, что эти раны смертельные. Если она до сих пор и жива, то у нее наверняка сильное кровотечение. Что происходит дальше, нам неизвестно – кости об этом не расскажут. Мы знаем только, что она лежит на земле лицом вниз, не может бежать и не может защищаться. И кто-то только что нанес ей удар топором в бедро. – Люси бережно положила кость запястья на стол. Этот крохотный осколок был единственным уцелевшим напоминанием о страшной смерти. – Вот о чем мне поведали кости.

Некоторое время все молчали. Потом Клэр тихо спросила:

– А что случилось с другим ребенком?

Словно выйдя из транса, Люси посмотрела на второй череп.

– Этот ребенок был примерно того же возраста. Многие из его костей отсутствуют, а те, что мы имеем, очень плохо сохранились, но могу вам

сказать: он – или она – получил сокрушительный и скорее всего, смертельный удар по черепу. Оба ребенка были похоронены вместе, в одном гробу. Я подозреваю, что они стали жертвами одного и того же нападения.

– Должны были сохраниться какие-нибудь записи, – предположил Линкольн. – Какие-то архивные свидетельства о том, чьи это дети.

– Кстати, их имена нам известны. – Это был Винс, студент-дипломник с конским хвостом. – По дате, отчеканенной на монете, которую нашли в том же слое глины, мы узнали, что их смерть случилась после тысяча восемьсот восемьдесят пятого года. Я покопался в местном архиве и узнал, что семья некоих Гау владела землями у южного берега озера Саранча. Эти кости не что иное, как останки Джозефа и Дженни Гау, брата и сестры, восьми и десяти лет. – Винс застенчиво усмехнулся. – Похоже, ребята, мы раскопали семейное кладбище Гау.

Это открытие не показалось Клэр таким уж забавным, и ее неприятно поразило то, что кто-то из студентов рассмеялся.

– Поскольку они были похоронены в гробу, – объяснила Люси, – мы подозреваем, что там находилась семейная могила. Боюсь, мы потревожили их вечный покой.

– Значит, вам известно, при каких обстоятельствах погибли дети? – уточнила Клэр.

– Документальные подтверждения найти очень сложно, поскольку эта местность была в то время малонаселенной, – сообщил Винс. – Все, чем мы располагаем, это официальные записи из архива округа. В них зафиксирована дата смерти обоих детей Гау: пятнадцатое ноября тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года. В этот же день умерли еще трое членов семьи.

В комнате повисло зловещее молчание.

– Вы хотите сказать, что все пятеро умерли в один день? – переспросила Клэр.

Винс кивнул:

– Похоже, это было массовое убийство.

9

Несколько ломтиков моркови, отварной картофель и микроскопический кусочек куриной грудки.

Луиза Ноултон посмотрела на полупустую тарелку, которую поставила перед сыном, и ее материнское сердце пронзила боль. Она морит голодом собственного ребенка! Она видит это по лицу и голодным глазам мальчика, по его поникшим плечикам. Шестьсот калорий в день! Да разве можно выжить на таком питании! Барри действительно сбросил вес, но какой ценой? От крепкого 120-килограммового мальчика осталась только тень, и, хотя она прекрасно понимала, что Барри необходимо похудеть, ей, как никому другому, было совершенно ясно, что любимый ребенок страдает.

Она села за стол перед своей тарелкой, на которой красовались жареная курица и жареные булочки. Основательный, здоровый ужин для холодного зимнего вечера. Бросив взгляд на мужа, она встретилась с ним глазами. Мел молча покачал головой. Он тоже больше не мог смотреть на то, как голодает их сын.

– Барри, милый, почему бы тебе не съесть одну булочку? – предложила Луиза.

– Нет, мама.

– В ней не так уж много калорий. Соус можно соскрести.

– Я не хочу булочку.

– Ты только посмотри, какие они чудесные! Жир от бекона придает им особый вкус. Только откуси, Барри. Ну же, маленький кусочек! – Луиза поднесла к губам мальчика горячую булочку.

Она не могла сдержаться, не могла подавить в себе порыв накормить этот розовый жадный ротик, который только усилился после четырнадцати лет материнства. Это ведь не просто еда, это любовь, заключенная в форму хрустящей булочки, с которой на пальцы Луизы стекало масло. Она ждала, что сын примет это подношение.

– Я же сказал, что не хочу! – заорал он.

Это был шок сродни пощечине. Луиза в изумлении отпрянула. Булочка выскользнула из пальцев и плюхнулась в лужицу жирного соуса, блестевшего на ее тарелке.

– Барри, – с укором произнес отец.

– Она все время пичкает меня! Неудивительно, что я такой толстый! Вы сами-то посмотрите на себя!

– Мама любит тебя. Посмотри, как ты ее обидел.

У Луизы дрожали губы, и она едва сдерживала слезы. Она глядела на аппетитный ужин, который подала на стол. Два часа она колдовала над ним, вложила в него столько любви. Она ведь так любит своего сына! И вот теперь она увидела свой труд со стороны: усилия, напрасно потраченные толстой и глупой матерью. Она заплакала, и слезы полились в картофельное пюре со сливочным сыром.

– Мам, – застонал Барри. – А, черт! Извини.

– Ничего страшного. – Она подняла руку, словно отмахиваясь от его жалости. – Я понимаю, Барри. Я все понимаю, и больше это не повторится. Клянусь тебе. – Она промокнула слезы салфеткой, и на некоторое время ей удалось взять себя в руки. – Но я так стараюсь и… и… – Она зарылась лицом в салфетку, и ее тело содрогнулось в беззвучных рыданиях. Луиза не сразу услышала слова сына.

– Мам. Мам!

Она судорожно вздохнула и заставила себя посмотреть на сына.

– Можно мне одну булочку?

Она молча протянула ему блюдо. Он взял булочку, разломил пополам и обильно намазал маслом. Затаив дыхание, Луиза следила за тем, как он надкусывает булочку, и блаженство разливается по его лицу. Он так долго мечтал об этом, но отказывал себе в удовольствии. И вот теперь он отдался своему желанию, позволил себе съесть кусочек. И еще один. Она смотрела, как он ест, и испытывала материнское удовлетворение – глубокое, почти первобытное.

Ной оперся о стену здания школы и затянулся сигаретой. Последний раз он курил несколько месяцев назад, и вот теперь дым заставил его закашляться, словно легкие восставали против курева. Он представил, как яды попадают в его грудную клетку – об этом ему постоянно твердила мама, – но в сравнении с убожеством его жизни в этом жутком городе пагубное влияние никотина казалось просто смехотворным. Он сделал еще одну затяжку и снова закашлялся. Нельзя сказать, чтобы курение доставляло ему удовольствие. Но с тех пор, как запретили скейтборды, на переменах все равно больше нечем было заняться. По крайней мере здесь, возле помойки, ему никто не докучал.

До него донеслось мягкое урчание двигателя, и Ной выглянул на улицу. Темно-зеленая машина ползла так медленно, что, казалось, и вовсе не двигалась. Из-за сильно тонированных стекол Ной не смог разглядеть, кто сидел за рулем – мужчина или женщина.

Машина остановилась на противоположной стороне улицы. Ной почему-то был уверен, что водитель смотрит на него – так же пристально, как на него смотрел Ной.

Он бросил сигарету и затоптал окурок. Глупо попадаться на таком пустяке; не хватало ему еще одного ареста. Теперь, когда улики были уничтожены, он развернулся и смело встретил взгляд невидимого водителя. Когда автомобиль уехал, он почувствовал себя победителем.

Ной посмотрел на едва раскуренную, изуродованную сигарету. Зря испортил. Он уже начал подумывать о том, как реанимировать окурок, но тут прозвенел звонок, возвестивший об окончании перемены.

И тут Ной услышал крик. Он доносился со школьного двора. Мальчик выглянул из-за угла и увидел столпившихся на лужайке детей, которые дружно скандировали: – Девки дерутся! Девки дерутся! Пожалуй, на это стоит посмотреть.

Он протиснулся в толпу, пытаясь ухватить кусочек зрелища, пока не вмешались учителя и две сцепившиеся девчонки едва не сбили его с ног. Ной попятился, пораженный жестокостью драки, и отошел на безопасное расстояние. Это было куда хуже, чем любая потасовка между мальчишками; настоящая девчачья свара – девочки царапали друг другу лица, драли волосы. Крики толпы звенели у него в ушах. Он обвел взглядом выстроившихся в круг зрителей и увидел их обезумевшие лица, уловил повисшую в воздухе жажду крови, насыщенную, словно запах мускуса.

Странное возбуждение зародилось у него внутри. Ной почувствовал, как руки сжались в кулаки, лицу стало жарко. Обе девочки были в крови, и это зрелище будоражило. Провоцировало. Он рванул вперед, вклинился в толпу, пытаясь отвоевать место, откуда ему было бы лучше видно; он никак не мог подобраться ближе, и это бесило его.

– Девки дерутся! Девки дерутся!

Ной тоже принялся скандировать вместе со всеми – чем дольше он смотрел на окровавленные лица, тем больше нарастало его возбуждение.

Когда его взгляд случайно упал на Амелию, он разом затих. Девочка стояла в дальнем конце двора и с ужасом смотрела на толпу.

Устыдившись, он отвернулся, чтобы она не заметила его, и бросился к дверям школы.

В туалете он принялся разглядывать свое отражение в зеркале. «Что случилось со всеми там, во дворе? – подумал он. – Что случилось со мной?»

Он ополоснул лицо ледяной водой, но почти ничего не почувствовал.

– Они дрались из-за мальчика, – пояснила Ферн. – По крайней мере, так мне преподнесли эту историю. Все началось с взаимных оскорблений, а дальше, как ты уже знаешь, они вцепились друг другу в волосы. – Она покачала головой. – Я надеялась, что после похорон госпожи Горацио дети станут поддерживать друг друга. Сплотятся. Но это уже четвертая драка за последние два дня. Линкольн, я не могу их контролировать. Мне нужен полицейский, который бы дежурил в школе.

– Ну, это уже перегиб, – с сомнением в голосе проговорил Келли, – впрочем, если хочешь, я могу организовать, чтобы Флойд Спир периодически заглядывал в школу в течение дня.

– Нет, ты не понял. Нам нужен постоянный пост в школе. Думаю, другие меры не помогут.

Линкольн вздохнул и провел рукой по волосам. Ферн казалось, что с каждым днем в них прибавляется седины, так же, как и у нее. Не далее как сегодня утром она заметила предательские белые прядки в своих светлых волосах и с горечью осознала, что из зеркала на нее смотрит женщина средних лет. Впрочем, перемены в лице Линкольна она воспринимала более болезненно, нежели собственный стареющий образ. Возможно, потому, что ее память до сих пор хранила живые воспоминания о том мужчине, каким он был в двадцать пять лет – темноволосый, кареглазый, с волевым лицом. Это еще до того, как его привлекла Дорин. Ферн разглядывала морщины на его лице и уже в который раз думала: «Со мной ты был бы гораздо счастливее, чем с ней».

Они вместе зашли в ее кабинет. Начался четвертый урок, и их шаги гулким эхом разносились по опустевшему коридору. Над головой висела растяжка: «20 ноября – Праздник урожая!» Из класса господина Рубио доносился унылый хор голосов: «Me llamo Pablo. Te llamas Pablo. Se llama Pablo…» [2]

Кабинет был ее личной территорией; в нем отражался стиль ее жизни – все на своих местах, аккуратно и безупречно. Книги строго расставлены по полкам, корешками наружу, никаких лишних бумаг на рабочем столе. Все под контролем. Порядок влиял на детей благотворно, и Ферн искренне полагала, что школа может успешно функционировать только в таком режиме.

– Я понимаю, что все упирается в кадры, – сказала она, – но все-таки хочу, чтобы ты рассмотрел возможность отрядить кого-то из сотрудников в школу.

– Ты же понимаешь, Ферн, что мне придется снять кого-то с патруля, а я не уверен, что это необходимо.

– И что ты там патрулируешь? Пустые дороги! А вся опасность сосредоточена здесь, в этом здании. Именно здесь и нужен полицейский.

Наконец он кивнул.

– Я сделаю все, что смогу, – пообещал он и поднялся.

Его плечи, казалось, согнулись под тяжестью навалившихся проблем. Весь день ему приходится расхлебывать дела в городе, виновато подумала она, и никакой благодарности, одни только требования и критика. И дома его никто не ждет, никто не утешит. Мужчина, который совершил ошибку, женившись не на той женщине, не должен страдать всю оставшуюся жизнь. Тем более такой достойный, как Линкольн.

Ферн проводила его до двери. Они стояли так близко друг к другу, и искушение броситься ему на шею, обнять его было так велико – ей пришлось сжать руки в кулаки, чтобы сдержаться.

– Смотрю на то, что творится, – призналась она, – и все думаю: что я делаю не так, где ошиблась?

– Твоей вины здесь нет.

– Шесть лет я проработала директором, и вдруг мне приходится бороться за то, чтобы восстановить порядок в школе. Бороться за свое место.

– Ферн, я действительно думаю, что это временная реакция на недавний инцидент со стрельбой. Детям нужно время, чтобы оправиться от этого потрясения. – Он ободряюще похлопал ее по плечу и повернулся к двери. – Это пройдет.

Клэр снова заглянула в рот Мейрид Темпл. Картина была знакомой – покрытый налетом язык, тонзиллярные ниши, подрагивающий язычок, свисающий розовым лоскутом. И этот запах, как из старой пепельницы, тот самый, что насквозь пропитал кухню Мейрид, где они сейчас находились. Был вторник – день домашних вызовов, и Мейрид была предпоследней пациенткой в сегодняшнем расписании Клэр. Когда медицинская практика разваливается, когда пациенты перебегают к другим врачам, приходится принимать отчаянные меры. Осмотр Мейрид

на дому, в прокуренной кухне, был как раз такой отчаянной мерой. Годилось все, лишь бы пациентка была довольна.

Клэр выключила свою ручку-фонарик.

– Ваше горло практически в том же состоянии. Есть легкое покраснение.

– Но оно все равно жутко болит.

– Бактериологический анализ отрицательный.

– Вы хотите сказать, что пенициллина больше не дадите?

– Прошу прощения, но у меня нет на это оснований.

Клацнув вставными челюстями, Мейрид устремила на Клэр взгляд своих выцветших глаз.

– Ну, и что за лечение вы мне предлагаете?

– Я вот что вам скажу, Мейрид, – предупреждение болезни лучше лечения.

– И что?

– А то, что… – Клэр покосилась на пачку ментоловых сигарет, лежавшую на кухонном столе. Эту марку обычно рекламировали томные худые красотки в шелковых платьях и меховых боа, неизменно окруженные мужчинами. – Думаю, вам пора бросить курить.

– А что вы имеете против пенициллина?

Клэр предпочла оставить ее вопрос без ответа, вместо этого переключив внимание на дровяную печь, пыхтевшую посреди жарко натопленной кухни.

– Эта печь тоже вредит вашему горлу. Она высушивает воздух и наполняет его дымом и едкими парами. У вас ведь есть масляный обогреватель?

– Дрова дешевле.

– Но вы будете лучше себя чувствовать.

– Дрова мне достаются бесплатно, от племянника.

– Хорошо, – вздохнула Клэр. – Ну, а как насчет того, чтобы отказаться от сигарет?

– А как насчет пенициллина?

Они уставились друг на друга, становясь врагами из-за трехдолларовых таблеток.

В конце концов Клэр уступила. У нее не было сил и желания вступать в полемику – мало того, что в столь поздний час, так еще с такой упертой старухой, как Мейрид Темпл. «В последний раз», – уговаривала она себя, отыскивая в чемоданчике бесплатные образцы антибиотика.

Мейрид подошла к печке и подкинула туда полено. Облако дыма вырвалось наружу, усилив духоту в помещении. Даже у Клэр запершило в горле.

Мейрид схватила каминные щипцы и пошуровала в топке.

– Я еще кое-что слышала про эти кости, – сообщила она.

Клэр продолжала пересчитывать таблетки. Подняв голову, она увидела, что Мейрид внимательно изучает ее. Настороженно. Мрачно.

Старуха развернулась и с шумом захлопнула чугунную заслонку печи.

– Говорят, это старые кости.

– Да, это так.

– И насколько старые? – Тусклые глаза снова поймали взгляд Клэр.

– Им лет сто, а может, и больше.

– Они в этом уверены?

– Думаю, да. А почему вы спрашиваете?

Беспокойный взгляд снова метнулся в сторону.

– Вы даже не представляете, что творится в этих краях. Неудивительно, что они нашли кости на ее земле. Вы ведь знаете, кто она? Впрочем, она здесь не одна такая. На прошлый Хэллоуин они разожгли огромный костер, прямо на кукурузном поле Уоррена Эмерсона. Этот Эмерсон, он тоже из их породы.

– Какой породы?

– Если женщина ведьма, то мужчина кто? Колдун?

Клэр расхохоталась. И очень зря это сделала. Мейрид явно разозлилась.

– А вы порасспросите местных, – настаивала она. – Все вам расскажут про костер на поле Эмерсона в ту ночь. И сразу после этого в городе стали хулиганить дети.

– Но это происходит повсюду. Дети всегда шалят на Хэллоуин.

– Это их священная ночь. Черное Рождество.

Глядя в глаза старухи, Клэр поймала себя на том, что ей совсем не нравится Мейрид Темпл.

– Каждый имеет право на свою веру. Если это никому не причиняет вреда.

– Вот, в этом-то все и дело, верно? Мы просто не знаем наверняка. Видите, что после этого происходит.

Клэр резко захлопнула свой чемоданчик и поднялась.

– Рейчел Соркин занимается своими делами, Мейрид, и не лезет ни в чью жизнь. Думаю, всем в этом городе стоит последовать ее примеру.

И снова кости, думала Клэр по дороге к своему последнему пациенту. Все хотят знать про кости. Кому они принадлежат, когда были захоронены. И вот сегодня возник новый вопрос, совершенно неожиданный для нее: почему их обнаружили во дворе дома Рейчел Соркин?

«Это их священная ночь. Черное Рождество».

На кухне у Мейрид Клэр рассмеялась. Но сейчас, ведя машину в сгущающихся сумерках, она не находила ничего смешного в этом разговоре. Рейчел Соркин определенно была здесь изгоем – женщина с черными волосами, отшельница, обитающая в доме у озера. Так было во все времена: одинокая молодая женщина всегда была объектом подозрений, сплетен. В маленьком городке она тем более казалась аномалией, требующей объяснения. Она – городская сирена, потенциальная соблазнительница, искушение для блудливых мужей. А может, мегера, на которой никто не хочет жениться, или особа нетрадиционной ориентации. А если она столь же привлекательна, как Рейчел, экзотична, отличается странным вкусом и причудами, тогда к подозрениям примешивается любопытство. Любопытство, которое гложет таких, как Мейрид Темпл, целый день сидящих на мрачной дымной кухне с неизменной сигаретой, обещавшей очарование, а

принесшей лишь бронхит и желтые зубы. У Рейчел были белые зубы. Рейчел красива, свободна и немного эксцентрична.

Поэтому Рейчел может быть только ведьмой.

А поскольку Уоррен Эмерсон запалил костер на своем кукурузном поле в ночь на Хэллоуин, он тоже колдун.

Хотя окончательно еще не стемнело, Клэр включила фары, и с подсветкой на приборной доске стало уютнее. Это время года, подумала она, пробуждает во всех нас беспричинные страхи. А между тем зима еще не приблизилась к своей самой темной отметке. Вот когда ночи станут длиннее и начнутся первые серьезные снегопады, которые отрежут город от внешнего мира, этот унылый безлюдный пейзаж станет нашей вселенной. И она будет очень сурова – и судьей, и палачом будут служить темные участки льда да суровый холод ночи.

Клэр подъехала к придорожному столбу с почтовым ящиком, на котором висела табличка «Брэкстоны», и свернула на проселочную дорогу. Дом ее пациентки стоял в окружении заброшенных полей. Голые доски обшивки уже отливали седым налетом старости. На крыльце вязанка дров поддерживала покосившиеся перила. В один прекрасный день, причем в недалеком будущем, все это обещало рухнуть – и перила, и крыльцо, и сам дом. Разведенная сорокаоднолетняя Фэй Брэкстон, проживавшая в этом доме со своими двумя детьми, была такой же разбитой, как и ее жилище. Обе ее ноги были поражены ревматоидным артритом, и она не могла и шагу ступить без посторонней помощи.

Подхватив свой чемоданчик, Клэр поднялась на крыльцо. И сразу почувствовала неладное.

На дворе два градуса тепла, а входная дверь распахнута настежь. Она заглянула в дом и крикнула в темноту:

– Госпожа Брэкстон!

Она слышала, как на ветру хлопают ставни. И еще кое-что – еле различимый топот, удалявшийся вверх по лестнице. Кто-то из детей? Клэр зашла в дом и закрыла за собой дверь. Лампочки нигде не горели, только тусклый дневной свет струился сквозь тонкие шторы гостиной. Она на ощупь двинулась по коридору, шаря рукой по стене в поисках выключателя. Наконец она нашла его и зажгла свет.

Прямо у нее в ногах, на потертом половике, валялась голая кукла Барби. Клэр нагнулась, чтобы поднять ее.

– Госпожа Брэкстон! Это я, доктор Эллиот.

Ответом ей было молчание.

Клэр взглянула на куклу и заметила, что половина ее светлых волос срезана. Когда она в последний раз была в этом доме три недели назад, Китти, семилетняя дочка Фэй Брэкстон, прижимала к себе такую же куклу. Тогда на Барби было пышное розовое платье, а длинные светлые волосы были забраны в хвост зеленой тесьмой.

Холодок пробежал по спине Клэр.

Она снова услышала этот звук: кто-то протопал у нее над головой. Она посмотрела на лестницу, ведущую на второй этаж. Здесь определенно кто-то был, но батареи не работали, в доме было холодно и темно.

Она медленно попятилась назад, потом повернулась и выбежала за дверь.

Из машины она позвонила со своего сотового телефона в полицию. Ей ответил полицейский Марк Долан.

– Это доктор Эллиот. Я нахожусь возле дома Брэкстонов. Что-то здесь не так.

– Что вы имеете в виду, доктор Эллиот?

– Дверь нараспашку, нет ни отопления, ни света. Но я слышала, что наверху кто-то ходит.

– А кто-нибудь из членов семьи дома? Вы проверяли?

– Я предпочла не подниматься на второй этаж.

– Вам нужно только посмотреть. У нас полно вызовов, и я не знаю, когда смогу подослать человека.

– Послушайте, вы можете прислать кого-нибудь прямо сейчас? Я же говорю вам, здесь что-то не так.

Долан тяжело вздохнул. Она представила, как он сидит за рабочим столом и, ухмыляясь, закатывает глаза. Теперь, когда она озвучила свои страхи, ей самой они уже казались смехотворными. Может, она слышала вовсе не шаги, а стук ставней на ветру. Возможно, Брэкстоны куда-то уехали. Полиция прибудет и ничего не обнаружит, а завтра весь город будет подсмеиваться над трусливой докторшей. Ее репутация и так достаточно пострадала на этой неделе.

– Линкольн сейчас где-то в тех краях, – наконец произнес Долан. – Я попрошу его заехать, когда он освободится.

Клэр нажала отбой, уже пожалев о звонке. Выйдя из машины, она оглядела дом. Сумерки уже сгустились в ночь. Отменю вызов и избавлю себя от неловкости, подумала она. И вернулась в дом.

Остановившись у подножия лестницы, Клэр устремила взгляд на площадку второго этажа, но оттуда не доносилось ни звука. Она взялась за перила. Дубовые, крепкие и надежные. Она начала взбираться, подгоняемая гордостью и твердой решимостью не стать объектом насмешек со стороны горожан.

На лестничной площадке она щелкнула выключателем, и ей открылся узкий коридор, стены которого были запачканы отпечатками детских ручек. Она заглянула в первую дверь справа.

Это была спальня Китти. Маленькие балерины танцевали на шторах. На кровати были разбросаны девчачьи пожитки: пластмассовый обруч, красный свитер с орнаментом из снежинок, розовый детский рюкзачок. На полу валялись Барби из драгоценной коллекции Китти. Но они больше не походили на любимиц своей хозяйки. Над ними как будто надругались – одежда была порвана в клочья, конечности зверски вывернуты в разные стороны. Кукольная голова, оторванная от туловища, ярко-голубыми глазками смотрела на Клэр.

Ее опять зазнобило.

Она попятилась в коридор, и ее взгляд упал на соседнюю дверь, за которой открывалась другая комната. В темноте что-то мерцало, какой-то странный люминесцентный свет, похожий на зеленоватое свечение часового циферблата. Она вошла в комнату и зажгла свет. Зеленоватое свечение исчезло. Она находилась в неряшливой комнате мальчика; на кровати и на полу были разбросаны книжки и грязные носки. Мусорная корзина переполнена мятой бумагой и пустыми банками из-под колы. Типичный беспорядок, оставленный тринадцатилетним мальчишкой. Клэр погасила свет.

И снова увидела зеленоватое свечение. Оно исходило от кровати.

Доктор Эллиот посмотрела на подушку, сияющую люминесцентным светом, и коснулась наволочки, холодной и сухой. Теперь она заметила бледные люминесцентные полосы и на стене, прямо над кроватью, а еще одно изумрудное пятно растекалось по простыне.

Топ, топ, топ. Взгляд Клэр метнулся к потолку – до нее донеслось хныканье, тихий детский плач.

Чердак. Дети были на чердаке.

Она вышла из комнаты мальчика, споткнувшись о теннисную туфлю, валявшуюся у порога. Лестница на чердак была крутой и узкой, с хлипкими перилами. Поднявшись на самый верх, Клэр оказалась в кромешной тьме.

Она шагнула вперед и наткнулась на шнур выключателя. Клэр потянула за него, и под потолком зажглась голая лампочка, тускло осветившая лишь небольшой участок пола. По периметру помещения, оставшегося в тени, тянулось нагромождение старой мебели и картонных коробок. Старая вешалка с широкими плечиками, похожими на оленьи рога, отбрасывала устрашающую тень.

Рядом с одной из коробок что-то шевельнулось.

Клэр быстро отодвинула коробку в сторону. За ней, под ворохом старых пальто лежала, свернувшись калачиком, семилетняя Китти. Кожа девочки казалась ледяной на ощупь, но она была жива, и с каждым вздохом из ее горла вырывался слабый стон. Клэр нагнулась, чтобы поднять ребенка, и, дотронувшись до девочки, почувствовала, что ее одежда влажная. В ужасе она поднесла свою руку к свету.

«Кровь».

Вместо предупреждения раздался скрип половиц. «Кто-то стоит у меня за спиной».

Клэр обернулась как раз в тот момент, когда тень бросилась прямо на нее. Тяжелый удар в грудь свалил ее, и доктор Эллиот упала на спину, распластавшись под тяжестью навалившегося на нее тела. Чьи-то ногти вцепились ей в горло. Пытаясь отодрать их, она судорожно металась из стороны в сторону, и тени кружились у нее перед глазами. Вешалка грохнулась на пол. Наконец в островке света промелькнуло лицо противника. Мальчик.

Он сильнее сжал ее горло, и, прежде чем у нее потемнело в глазах, она успела разглядеть его плотно сжатые губы, глаза, сузившиеся до злобных щелочек.

Клэр запустила ногти ему в глаз. Закричав, мальчик отпустил ее. Она успела вскочить на ноги за мгновение до того, как он снова ринулся к ней. Она метнулась в сторону, и мальчик пролетел мимо,

приземлившись на груду картонных коробок, из которых на пол посыпались книги и инструменты.

Они оба заметили отвертку.

И одновременно бросились к ней, но он оказался ближе. Схватив инструмент, он занес ее над головой. Клэр все-таки успела схватить мальчика за запястье в тот момент, когда он собирался нанести удар. Его сила поразила Клэр. Она не смогла устоять на ногах и рухнула на колени. Острие отвертки неумолимо приближалось к ее лицу, хотя она изо всех сил старалась держать его руки на расстоянии.

И тут, сквозь гулкое биение своего пульса, она расслышала голос, звавший ее по имени. И крикнула:

– Помогите!

Тяжелые шаги забарабанили по лестнице. И совершенно неожиданно подросток отвел от нее оружие. Мальчик развернулся, чтобы поразить новую цель, но Линкольн опередил его. Клэр видела, как мальчик упал. Проследила за неясными очертаниями их сцепившихся тел, которые катались по полу среди разбросанных коробок и мебели. Отвертка отлетела в сторону и затерялась в тени. Линкольн прижал мальчишку лицом к полу, и Клэр услышала, как щелкнули у него на запястьях металлические наручники. Но парнишка все равно продолжал бороться, вслепую взбрыкивая ногами. Линкольн подтащил его к опорной балке и крепко привязал своим ремнем.

А потом повернулся к Клэр – дышал он тяжело, а на его щеке виднелась большая ссадина. Только сейчас он заметил девочку, лежавшую среди коробок.

– Она истекает кровью! – воскликнула Клэр. – Помогите мне спустить ее вниз, к свету!

Келли подхватил девочку на руки.

Когда он разместил ее на кухонном столе, девочка перестала дышать. Клэр трижды вдохнула в ее рот воздух, потом попыталась нащупать пульс сонной артерии, но безуспешно.

– Немедленно вызовите «скорую»! – крикнула она Линкольну.

Положив руки на грудную клетку девочки, Клэр начала делать искусственное дыхание. Одежда ребенка намокла, и руки Клэр постоянно соскальзывали. Все больше и больше крови просачивалось

сквозь ткань. «Ей ведь только семь лет. Сколько крови может потерять ребенок? Долго ли я смогу поддерживать жизнь клеток ее мозга?»

– «Скорая» едет! – сообщил Линкольн.

– Хорошо. Мне нужно, чтобы вы разрезали ей блузку. Я должна видеть раны. – Клэр замолчала и еще три раза вдохнула воздух в рот девочки.

Сначала она услышала звук разрываемой ткани, а потом увидела, что Линкольн освободил грудь ребенка.

– Боже, – пробормотал он.

Кровь сочилась из нескольких колотых ран.

Она снова положила руки на грудину и возобновила массаж сердца, но с каждым надавливанием из ран девочки сочилось все больше крови.

Сирена «скорой» завывала уже поблизости, и вскоре в окне кухни замелькали пульсирующие огни, которые исходили от остановившейся во дворе дома машины. Два фельдшера вбежали в дом и, бросив взгляд на стол, где лежала девочка, тут же распаковали свои наборы первой помощи. Пока они проводили интубацию, вводили внутривенную капельницу, подключали датчики электрокардиографа, Клэр продолжала надавливать на грудину.

– Что с сердечным ритмом? – спросила Клэр, не прекращая надавливания.

– Желудочковая тахикардия.

– Давление?

До Клэр донеслось жужжание надувавшейся манжеты тонометра, а потом и ответ:

– Едва прощупывается, около пятидесяти. Раствор Рингера поступает по полной. Вторую капельницу не могу подключить…

Со двора послышался вой еще одной сирены, и по дому снова застучали шаги. На пороге кухни показались полицейские Марк Долан и Пит Спаркс. Долан встретился взглядом с Клэр и тотчас отвернулся, прочитав в ее глазах упрек. «Я же говорила, здесь что-то не так».

– Там, на чердаке, мальчишка, – сообщил Линкольн. – Он уже в наручниках. Теперь нужно найти мать.

– Я осмотрю сарай, – сказал Долан.

– Фэй передвигается с помощью инвалидного кресла! – возразила Клэр. – Она не могла оказаться в сарае. Нужно искать в доме.

Не обратив внимания на ее слова, Долан развернулся и направился к двери.

Доктор Эллиот снова переключилась на девочку. Теперь, когда появился пульс, можно больше не надавливать на грудь. Клэр остро ощущала, что ее руки стали липкими от крови. Она слышала, как Линкольн и Пит бегали из комнаты в комнату в поисках Фэй и как трещала рация «скорой», из которой доносились вопросы от персонала больницы Нокс.

– Какая кровопотеря? – прозвучал по рации голос Макнелли.

– Ее одежда промокла насквозь, – рапортовал врач «скорой». – Как минимум шесть колотых ранений в грудь. Синусовая тахикардия, сто шестьдесят, сердечное давление около пятидесяти. Подключена одна капельница. Вторую пока не можем подключить.

– Дыхание?

– Дыхания нет. Мы ее интубировали и даем кислород. С нами доктор Эллиот.

– Гордон! – крикнула Клэр. – Ей нужна экстренная торакотомия! Срочно вызывайте хирурга, мы везем ее!

– Ждем вас.

На то, чтобы перенести девочку в карету «скорой», потребовалось всего несколько секунд, но Клэр показалось, будто время остановилось. Сквозь пелену ужаса она видела, как трогательное маленькое тельце, опутанное проводами ЭКГ и трубками капельницы, укладывают на носилки, спускают вниз с крыльца, заносят в машину. Клэр и один из фельдшеров забрались вслед за носилками, и двери кареты захлопнулись за ними. Доктор Эллиот стояла на коленях возле носилок, подавая кислород в легкие, и с трудом удерживала равновесие, пока машина громыхала по ухабистой подъездной аллее Брэкстонов и выруливала на шоссе.

На кардиомониторе обозначился неуверенный сердечный ритм девочки. Два преждевременных вентрикулярных сокращения. Потом еще три.

– Преждевременные вентрикулярные сокращения, – констатировал фельдшер.

– Вводите лидокаин.

Фельдшер начал было вводить препарат, но тут машина подпрыгнула на выбоине. Он отскочил назад, ухватившись рукой за трубку капельницы. Катетер выскользнул из вены девочки, и струя раствора Рингера ударила Клэр в лицо.

– Черт, я выдернул трубку! – воскликнул он.

Монитор запищал, подавая сигнал тревоги. Клэр подняла взгляд и увидела прыгающую по экрану цепочку вентрикулярных сокращений. Она тотчас приступила к массажу сердца.

– Подсоединяйте вторую капельницу!

Фельдшер уже вскрывал упаковку, доставая новый катетер. Он затянул жгут на руке Китти и похлопал по коже, пытаясь вызвать вздутие вены.

– Не могу найти вену! Она потеряла слишком много крови.

Девочка находилась в состоянии шока. И ее вены не просматривались.

Кардиомонитор продолжал надрываться сигналом тревоги. По экрану скакали ритмы вентрикулярной тахикардии.

Клэр в панике резко сдавила грудную клетку Китти. Никаких изменений.

До нее донесся жалобный вой дефибриллятора. Фельдшер уже включил зарядное устройство и теперь ловкими движениями устанавливал контакты на груди Китти. Клэр отстранилась, когда он подвел пластины и дал разряд.

На мониторе кривая резко рванула вверх, после чего вернулась к прежней синусовой тахикардии. Оба – и Клэр, и фельдшер – одновременно издали глубокий вздох облегчения.

– Этот ритм долго не продержится, – сказала Клэр. – Нам нужна капельница.

С трудом удерживая равновесие в трясущейся машине, фельдшер затянул жгут на другой руке девочки и снова попытался отыскать вену.

– Не могу найти.

– Что, даже на локтевом сгибе?

– Та уже лопнула. Еще в тот раз, когда мы пытались поставить первую капельницу.

Доктор Эллиот бросила взгляд на монитор. По нему снова бежали ритмы вентрикулярных сокращений. До больницы по-прежнему оставалось несколько километров, а сердечный ритм ухудшался. Срочно требовалась капельница.

– Займитесь реанимацией, – велела она. – А я подсоединю капельницу к подключичной вене.

Они осторожно поменялись местами.

С бешено бьющимся сердцем Клэр опустилась на колени и осмотрела ключицу девочки. Последний раз центральную венозную катетеризацию ребенка она делала много лет назад. Ей предстояло ввести иглу под ключицу и направить к подключичной вене, стараясь не задеть легкое. У нее уже дрожали руки, а в подпрыгивающей машине они вряд ли когда-нибудь перестанут трястись.

«У девочки шок, она умирает. У меня нет выбора».

Она вскрыла набор для центральной венозной катетеризации, протерла кожу бетадином и натянула стерильные перчатки. Потом судорожно вздохнула.

– Продолжайте надавливания, – велела она фельдшеру. Направив кончик иголки под ключицу, Клэр проколола кожу.

Ровным уверенным движением ввела иглу, не прекращая осторожно оттягивать поршень шприца.

Вдруг в нем показалась темная кровь.

– Я попала в вену.

Запищал сигнал тревоги.

– Скорее! У нее желудочковая тахикардия! – крикнул фельдшер.

«Господи, только бы яма на дороге не попалась. Только не сейчас».

Удерживая иглу в неподвижном состоянии, она сняла шприц и продела проводник для катетера в подключичную вену через полую иглу. Теперь, когда проводник зафиксирован, самая деликатная часть процедуры позади. Не теряя ни секунды, Клэр вставила катетер, извлекла проводник и подсоединила капельницу.

– Высший пилотаж, док!

– Лидокаин поступает. Рингер по полной. – Клэр взглянула на монитор.

Все та же желудочковая тахикардия. Она потянулась за пластинами дефибриллятора и уже приложила их к грудной клетке Китти, когда фельдшер предупредил:

– Постойте.

Она посмотрела на монитор. Лидокаин начал действовать: желудочковая тахикардия прекратилась.

Резкое торможение «скорой» возвестило о том, что они прибыли на место. Пока машина разворачивалась и пятилась к дверям приемника, Клэр собиралась с духом.

Задние двери распахнулись, показались знакомые лица Макнелли и его персонала. Несколько пар рук потянулось в салон, чтобы выкатить носилки.

В отделении неотложной помощи их ожидала куцая бригада медиков – только те, кого Макнелли смог мобилизовать за столь короткое время: анестезиолог, две акушерки и доктор Бирн, хирург общей практики.

Бирн тотчас приступил к делу. Скальпелем он надрезал кожу над ребрами Китти и почти силой втолкнул туда пластиковую трубку. Кровь хлынула по трубке в стеклянный резервуар. Мгновенно оценив интенсивность кровотока, хирург решил:

– Придется вскрыть грудную клетку.

Не было времени даже на ритуальную обработку рук перед операцией. Пока Макнелли делал веносекцию на руке девочки, чтобы подключить еще одну капельницу, пока поступала донорская кровь первой группы отрицательного резус-фактора, Клэр надела хирургический халат, натянула стерильные перчатки и заняла свое место напротив Бирна. По его бледному лицу она поняла, что он боится. Он не был торакальным хирургом и, похоже, понимал, что влип по полной программе. Но Китти умирала, а обратиться было больше не к кому.

– Святая Мария, благодати полная… – пробормотал он и взялся за пилу.

Морщась от визга инструмента и костной пыли, Клэр заглянула в расширяющееся отверстие грудной полости. Но увидела только кровь, блестевшую под лампами, словно алый шелк. Обширный гемоторакс.

Когда Бирн вставил в отверстие ранорасширители, Клэр начала отсасывать кровь, временно расчищая полость.

– Откуда же она идет? – бормотал Бирн. – Сердце, похоже, не задето.

«Такая малышка, – с тоской подумала Клэр. – Бедная девочка, совсем еще ребенок...»

– Нужно убрать всю эту кровь.

Когда Клэр опустила отсос глубже, из поврежденного легкого вскинулся крохотный фонтанчик крови.

– Я вижу, – сказал хирург и вставил зажим.

Рядом забил другой фонтанчик, разбавляя темный бассейн крови ярко-красными струйками.

– Их два, – произнес он с торжествующей ноткой в голосе, перекрывая второй источник кровотечения.

– Есть пульс! – крикнула медсестра. – Систолическое семьдесят!

– Подвешиваю вторую упаковку с кровью.

– Вот еще, – заметила Клэр, и Бирн зажал третью фонтанирующую струйку.

Клэр снова произвела отсос крови. Некоторое время они просто смотрели в открытую грудную полость, с ужасом ожидая очередного накопления крови. В операционной стало тихо. Все молча отсчитывали секунды.

Бирн бросил взгляд на Клэр.

– Вы знаете эту молитву Деве Марии, которую я прочитал?

– Ну и?

– Кажется, она подействовала.

Когда доктор Эллиот наконец вышла из отделения неотложной помощи, ее встретил Пит Спаркс. Одежда Клэр была забрызгана кровью, но полицейский, казалось, не замечал этого; за сегодняшний вечер они насмотрелись ужасов, и видом крови их уже было не испугать.

– Как девочка? – осведомился он.

– Перенесла операцию. Как только стабилизируется давление, ее перевезут в больницу Бангора. – Клэр устало улыбнулась Спарксу. – Думаю, с ней все будет в порядке, Пит.

– Мы привезли сюда мальчика, – сообщил он.

– Скотти?

Он кивнул.

– Медсестры отвели его в смотровой кабинет. Линкольн подумал, что вам стоит взглянуть на него. С ним что-то не так.

С нарастающим ощущением тревоги Клэр прошла мимо реанимации и резко остановилась в дверях смотрового кабинета. Она молча глядела перед собой, и чувствовала, как у нее по спине бегут мурашки.

Она чуть не подпрыгнула от неожиданности, когда Пит тихо проговорил:

– Понимаете, что я имею в виду?

– А что с его матерью? – спросила она. – Вы нашли Фэй?

– Да, мы ее нашли.

– Где?

– В подвале. Она так и сидела в инвалидном кресле. – Пит заглянул в кабинет и, будто содрогнувшись от увиденного, в ужасе попятился назад. – У нее была сломана шея. Он столкнул ее с лестницы.

10

Сквозь смотровое окно рентгенкабинета Клэр и технолог-рентгенолог наблюдали за тем, как голова Скотти Брэкстона медленно исчезает в пасти сканера. Его конечности и грудная клетка были крепко привязаны к столу, но кисти рук продолжали дергаться, и содранные запястья оставляли кровавые следы на кожаных сдерживающих ремнях.

– Приличных снимков мы не получим, – заметил технолог. – Слишком уж он дергается. Может, ввести ему еще валиума?

– Ему уже и так ввели пять миллиграммов. Мне не хочется нарушать состояние его вегетативной нервной системы, – возразила Клэр.

– Иначе мы не сможем сделать компьютерную томографию.

У Клэр не было выбора. Наполнив шприц, она вошла в комнату, где находился томограф. Она заметила, что через окошко за ней наблюдает полицейский. Она подошла к столу и потянулась к внутривенной канюле с портом. И вдруг мальчик внезапно разжал руку. Она едва успела отскочить, чтобы не попасть в капкан его пальцев.

Полицейский вошел в комнату.

– Доктор Эллиот?

– Все в порядке, – сказала она, чувствуя, как колотится сердце. – Он просто напугал меня.

– Если что, я здесь. Вводите лекарство, не бойтесь.

Клэр схватила трубку капельницы и, вставив иголку в резиновый переходник, ввела два миллиграмма препарата. Рука мальчика наконец перестала дергаться.

Вернувшись в смотровую, она увидела, как сканер заурчал и защелкал, атакуя голову пациента рентгеновскими лучами. На экране компьютера появился первый срез – изображение верхней части черепа.

– Пока все выглядит нормально, – заметил технолог. – А что вы рассчитываете увидеть?

– Любую анатомическую аномалию, которая могла бы объяснить его поведение. Кровоизлияние, опухоль. Должна же быть какая-то причина. Это уже второй мальчик с неконтролируемой агрессией.

Все обернулись, когда дверь открылась и на пороге появился Линкольн. Трагедия сильно повлияла на него – это было видно по лицу, по темным кругам под глазами, по его печальному взгляду. Для него смерть Фэй Брэкстон – отправная точка для бесконечной череды поздних пресс-конференций и совещаний со следователями из полиции штата. Он закрыл за собой дверь и вздохнул, казалось, с некоторым облегчением, оттого что наконец нашел пусть всего лишь временное, но тихое пристанище.

Он подошел к смотровому окну и взглянул на лежавшего на столе мальчишку.

– Что-нибудь удалось обнаружить?

– Только что пришли предварительные результаты анализов из лаборатории Бангора. В крови не выявлено ни амфетаминов, ни фенциклидина, ни кокаина. Это самые распространенные наркотики,

вызывающие агрессию. Теперь нужно исключить другие причины такого поведения. – Клэр через стекло взглянула на своего пациента. – Все очень похоже на случай Тейлора Дарнелла. Но этот мальчик никогда не принимал риталин.

– Вы уверены?

– Я их семейный врач. От доктора Помроя ко мне перешла медицинская карта Скотти.

Они, чуть сгорбившись, застыли у смотрового окна, словно накапливая силы для продолжительной работы, которая ждала впереди. Они с Линкольном общаются только в кризисных ситуациях. Когда оба утомлены, испуганы или взбудоражены очередной трагедией. Выглядели они при этом не лучшим образом. Они не строили иллюзий в отношении друг друга, потому что вместе переживали тяжелые испытания. «И я все больше восхищаюсь им», – с удивлением подумала Клэр.

– Пошли основные срезы, – объявил технолог.

Клэр и Линкольн разом стряхнули оцепенелую усталость и подошли к компьютерному терминалу. Усевшись перед монитором, она принялась разглядывать поперечные срезы мозга. Линкольн встал у нее за спиной, опершись о спинку стула, и его теплое дыхание согревало макушку Клэр.

– Ну, и что вы видите? – спросил Линкольн.

– Смещений срединных структур нет, – пояснила она. – Скоплений тоже нет. И кровоизлияний.

– Как вы все это понимаете?

– Чем белее изображение, тем плотнее ткань. Кость белая, воздух черный. Если сдвинуться ниже, к основанию мозга, можно увидеть фрагменты клиновидной кости. Я ищу нарушения симметрии. Поскольку большинство патологий затрагивают только одну сторону мозга, я проверяю, нет ли различий между двумя его частями.

На экране появился новый срез.

– Лично мне это изображение не кажется симметричным, – заметил Линкольн.

– Вы правы, оно несимметрично. Но как раз эта асимметрия меня не волнует, поскольку не затрагивает мозг. Это одна из лобных пазух.

– Что вы сейчас смотрите? – поинтересовалась технолог.

– Правую гайморову пазуху. Видите? Она не совсем прозрачная. Что-то ее затеняет.

– Похоже на мукоидную кисту, – заметил технолог. – Иногда это встречается у пациентов с хронической аллергией.

– Но это явно не объяснение его поведения, – сказала Клэр.

Зазвонил телефон. Это был Энтони из лаборатории.

– Возможно, вам будет интересно взглянуть на это, доктор Эллиот, – предположил он. – Готова хроматограмма вашего пациента.

– Что-то обнаружилось в его крови?

– Я не уверен.

– Объясните мне, что это за анализ, – попросил Линкольн. – Что вы здесь измеряете?

Энтони погладил похожий на ящик газовый хроматограф и улыбнулся, словно гордый отец. Настольный агрегат был недавним приобретением, перешедшим по наследству из Медицинского центра восточного Мэна в Бангоре, и Энтони носился с ним, как курица с яйцом.

– Этот аппарат сепарирует смеси на индивидуальные компоненты. За счет равновесия между жидкой и газообразной фазами. Помните школьную химию?

– Химия не была моим любимым предметом, – признался Линкольн.

– Ну… каждое вещество может существовать либо в жидком, либо в газообразном состоянии. Например, если вы нагреваете воду, то получаете пар – это газообразное состояние аш-два-о.

– Да, это понятно.

– Внутри этой машины находится скрученная капиллярная колонка – очень длинная и очень тонкая трубка, которая, если ее распрямить, протянется на половину футбольного поля. Она заполнена инертным газом, который не вступает в реакцию ни с одним веществом. Теперь я делаю вот что: помещаю исследуемый образец вот в этот порт. Образец нагревается до газообразного состояния, и различные типы молекул начинают двигаться вдоль трубки на разных скоростях в зависимости от своей массы. Так происходит их сепарация. На другом конце трубки

установлен детектор, так что показания молекул на выходе фиксирует ленточный самописец. Время исхода каждой субстанции из трубки называется «временем удержания». Этот показатель известен для сотен различных наркотиков и токсинов. Таким образом, тест дает нам возможность определить наличие определенного вещества в крови пациента. – Он взял шприц и вставил его в порт хроматографа. – Наблюдайте за экраном. Смотрите, что происходит, когда я ввожу образец крови пациента. – Энтони выдавил содержимое шприца.

На мониторе появилась неровная линия. Некоторое время все наблюдали за ее изменениями, но Клэр все это казалось просто «шумом» – незначительными, неспецифическими показаниями, свидетельствующими о том, что состав человеческой плазмы, – настоящая биохимическая солянка.

– Потерпите немного, – попросил Энтони. – Это проявится через минуту и десять секунд.

– Что проявится? – спросила Клэр.

Он указал на экран:

– А вот что.

На глазах у Клэр линия неожиданно выстрелила вверх, достигла пика и снова вернулась к прежнему уровню.

– Что это было?

Энтони подошел к принтеру, который уже распечатывал диаграмму странной аномалии. Он оторвал лист и выложил его перед Клэр и Линкольном.

– Вот этот пик, – указал он. – Я никак не могу его идентифицировать. Время удержания вроде бы соответствует стероидам, но точно такой же пик бывает у некоторых витаминов и эндогенного тестостерона. Чтобы определить природу этой аномалии, нужна более совершенная лаборатория.

– Вы упомянули эндогенный тестостерон, – заметила Клэр. – А есть вероятность, что это анаболический стероид? Вещество, которым мог бы злоупотреблять подросток? – Она перевела взгляд на Линкольна. – Это могло бы объяснить симптомы. Культуристы иногда используют стероиды для наращивания мышечной массы. К сожалению, у них есть побочные эффекты, и один из них – неконтролируемая агрессия. Ее еще называют «стероидной яростью».

– Не исключено, – ответил Энтони. – Вполне возможно, что это был анаболический стероид. А теперь посмотрите на это. – Он вернулся к своему столу и, покопавшись, взял другой лист диаграммной бумаги.

– Что это?

– Это хроматограмма Тейлора Дарнелла, снятая в день его госпитализации. – Он положил лист рядом с записью Скотти Брэкстона.

Схема была идентичной. Такой же одиночный и ярко выраженный пик через минуту и десять секунд.

– Это неизвестное вещество, – подытожил Энтони, – присутствовало в крови обоих мальчиков.

– Развернутый анализ крови Тейлора не подтвердил наличие наркотиков и токсинов.

– Да, я звонил в лабораторию по этому поводу. Они поставили под сомнение наши результаты. Как будто я сам придумал эту аномалию. Признаю, наш аппарат устарел, но эти результаты воспроизводятся каждый раз.

– С кем вы говорили?

– С биохимиком из «Лабораторий Энсон».

Клэр снова взглянула на диаграммы. Распечатки лежали одна поверх другой, и линии на них практически совпадали. Два мальчика с одинаковыми странностями в поведении. Одно и то же неизвестное вещество циркулировало в их крови.

– Отошлите им кровь Скотти Брэкстона, – распорядилась она. – Я хочу знать, что это за пик.

Энтони кивнул.

– У меня уже готов запрос, нужна только ваша подпись.

К двум часам пополудни Клэр пересмотрела все рентгеновские снимки, все анализы крови, но так и не приблизилась к разгадке. Усталая, опустошенная, она сидела возле кровати мальчика, разглядывая своего пациента. Все пыталась понять, что же она упустила. Поясничная пункция была в норме, так же как биохимический анализ крови и электроэнцефалограмма. Компьютерная томограмма показала лишь наличие мукоидной кисты в правой гайморовой пазухе – возможно, результат хронической аллергии. Аллергия вполне могла объяснить и

еще одно отклонение в анализе крови: высокий процент эозинофилов. «Как у Тейлора Дарнелла», – вдруг вспомнила она.

Скотти очнулся от валиумного сна и открыл глаза. Поморгав, он уставился на Клэр.

Она погасила свет и собралась уходить. Но даже в темноте был заметен блеск устремленных на нее глаз.

И вдруг до нее дошло, что это блестят вовсе не глаза.

Клэр медленно вернулась к больничной койке. В темноте виднелись белая наволочка и темный контур его головы на подушке. На верхней губе мальчика ярко светилось фосфоресцирующее зеленое пятнышко.

– Садись, Ной, – велела Ферн Корнуоллис. – Нам нужно кое-что обсудить.

Ной мялся в дверях, не решаясь зайти в кабинет директора. На вражескую территорию. Он не знал, зачем его посреди урока вытащили к директору, но, судя по выражению лица мисс К., разговор не предвещал ничего хорошего.

На уроке музыки ребята с интересом уставились на него, когда по школьному интеркому прозвучал строгий голос: «Ной Эллиот, мисс Корнуоллис хочет видеть тебя в своем кабинете. Срочно». Чувствуя на себе взгляды, он отложил свой саксофон и пробрался сквозь ряды стульев и пюпитров к двери. Он знал – одноклассники недоумевают, что же такое он натворил. Он и сам понятия не имел.

– Ной! – Мисс Корнуоллис указала на стул.

Мальчик сел. Он не смотрел на директрису, он разглядывал ее неестественно чистый стол. Слишком чистый для человека.

– Сегодня я кое-что получила по почте, – сказала она. – Мне необходимо задать тебе вопрос. Я не знаю, кто это прислал. Но рада, что получила это письмо, потому что мне необходимо знать, кому из моих подопечных требуется повышенное внимание.

– Не понимаю, о чем вы говорите, мисс Корнуоллис.

В ответ она протянула ему ксерокопию вырезки из газеты. Едва взглянув на листок, Ной тут же почувствовал, как кровь отхлынула от лица. Это была статья из «Балтимор сан»:

«Юноша в критическом состоянии после столкновения с угнанной машиной. Четверо молодых людей задержаны».

«Кто это разнюхал? – подумал он. – И самое главное: зачем им все это?»

– Ты ведь переехал сюда из Балтимора, верно? – уточнила мисс Корнуоллис.

Ной сглотнул.

– Да, мэм, – прошептал он.

– В этой заметке не упоминается никаких имен. Но к ней была приколота записка, в которой мне рекомендовали поговорить с тобой. – Она пристально посмотрела на мальчика. – Речь ведь идет о тебе?

– Кто это прислал?

– Сейчас это не важно.

– Это кто-то из репортеров. – Его подбородок гневно вздернулся. – Они ходили за мной по пятам, приставали с вопросами. А теперь пытаются отомстить мне!

– За что?

– За то, что не стал с ними разговаривать.

Она вздохнула.

– Ной, вчера в машинах трех учителей были разбиты стекла. Тебе что-нибудь известно об этом?

– Вы ищете, кого обвинить в этом. Верно?

– Я просто спрашиваю, знаешь ли ты что-нибудь об этих машинах. Ной посмотрел ей в глаза.

– Нет, неизвестно, – сказал он и поднялся. – Теперь я могу идти?

Директриса ему не поверила; он видел это по ее лицу. Но больше ей было нечего сказать. Она кивнула.

– Иди в класс.

Ной вышел из кабинета и, пройдя мимо стола вездесущей секретарши, выскочил в коридор. Вместо того чтобы вернуться на урок музыки, он

выбежал на улицу и уселся на ступеньки, дрожа от волнения. Он был без куртки, но не замечал холода, изо всех сил сдерживая подступающие слезы.

«Я больше не могу жить здесь, – думал он. – Я не могу жить нигде. Куда бы я ни переехал, все равно все станет известно. О том, что я натворил». Он подтянул колени к груди и принялся раскачиваться взад-вперед. Ему отчаянно хотелось домой, но идти пешком было слишком далеко, а мама не могла за ним приехать.

Он услышал, как хлопнула дверь спортзала и, обернувшись, увидел светловолосую женщину, которая вышла из здания. Он узнал ее; это была та самая журналистка, Дамарис Хорн. Она пересекла улицу и села в машину. Темно-зеленую.

«Это она во всем виновата».

Он перебежал улицу.

– Эй! – закричал он и яростно забарабанил в дверцу машины. – Оставьте меня в покое, черт возьми!

Она опустила стекло и посмотрела на него с хищным интересом.

– Здравствуй, Ной. Ты хочешь поговорить?

– Я просто хочу, чтобы вы перестали портить мне жизнь!

– И как же я порчу твою жизнь?

– Преследуете меня! Рассказываете всем про Балтимор!

– А при чем здесь Балтимор?

Он уставился на нее, вдруг осознав, что она совершенно не понимает, о чем он говорит. Ной попятился назад.

– Все, проехали.

– Ной, я и не собиралась преследовать тебя.

– Это неправда. Я видел вашу машину. Вчера вы проезжали мимо моего дома. И позавчера тоже.

– Нет, не проезжала.

– Вы следили за мной и моей мамой в городе!

– Хорошо, в тот раз это действительно была я. Ну и что с того? Ты хоть знаешь, сколько сейчас в городе репортеров? Сколько вокруг зеленых автомобилей?

Он отступил еще на несколько шагов назад.

– Просто оставьте меня в покое.

– Почему бы нам не поговорить? Ты бы мог рассказать мне, что на самом деле происходит в школе. Из-за чего все эти драки. Ной! Ной!

Он развернулся и побежал обратно к школе.

Два питбуля свирепо рычали и облаивали машину Клэр, царапая когтями дверцу. Она молча сидела внутри закрытого автомобиля, разглядывая обветшалую ферму. Во дворе скопился столетний хлам. На подпорках из кирпичей стоял автоприцеп, рядом громоздились три разобранные машины, все в разных стадиях ремонта. Кошка испуганно высовывала голову из распахнутой дверцы ржавого сушильного аппарата. Здесь многие отличались бережливостью янки, и такие дворы не были редкостью. Семьи, познавшие нищету, дорожили своим барахлом, как сокровищем.

Она посигналила, потом чуть опустила стекло и крикнула:

– Ау! Кто-нибудь дома?

В окне колыхнулась драная штора, и через некоторое время дверь открылась – на крыльцо вышел светловолосый мужчина лет сорока. Он пересек двор и окинул гостью неприветливым взглядом; собаки залаяли и начали прыгать вокруг него. Все в его облике было каким-то тусклым – лицо, редеющие волосы, жидкие, как будто нарисованные карандашом усы. Тусклые и обидчивые.

– Я доктор Эллиот, – представилась она. – Вы господин Рейд?

– Да.

– Я бы хотела поговорить с вашими сыновьями, если можно. Это касается Скотти Брэкстона.

– А что с ним такое?

– Он в больнице. Надеюсь, ваши сыновья смогут подсказать, что с ним произошло.

– Вы же доктор. Разве вы сами не знаете?

– Я полагаю, у него наркотический психоз, господин Рейд. Похоже, он и Тейлор Дарнелл принимали один и тот же наркотик. Госпожа Дарнелл сказала, что Скотти и Тейлор много времени проводили с вашими сыновьями. Если бы я могла поговорить с ними…

– Они вам не помогут, – сказал Джек Рейд, отходя от машины Клэр.

– Возможно, все они экспериментировали с этим наркотиком.

– Мои мальчики достаточно осторожны. – Он развернулся и пошел к дому, всем своим видом выражая недовольство.

– Я не хочу неприятностей для ваших сыновей, господин Рейд! – крикнула она ему вслед. – Я просто пытаюсь собрать информацию.

На крыльцо вышла женщина. Она бросила обеспокоенный взгляд на Клэр, потом что-то сказала Рейду. В ответ он резко впихнул ее обратно в дом. Собаки оставили Клэр в покое и теперь, предчувствуя назревающий конфликт, топтались у крыльца.

Клэр опустила стекло и высунула голову из окна.

– Если мне нельзя поговорить с вашими сыновьями, мне придется попросить полицию сделать это. Вы предпочитаете говорить с начальником полиции Келли?

Он обернулся к ней, его лицо было искажено злобой. Теперь и женщина осторожно высунула голову из-за двери и тоже уставилась на Клэр.

– Разговор будет сугубо конфиденциальный, – пообещала Клэр. – Позвольте мне поговорить с ними, и я не буду привлекать к этому делу полицию.

Женщина что-то сказала Рейду – судя по языку тела, это была мольба. Он презрительно фыркнул и скрылся в доме.

Женщина подошла к машине Клэр. Как и Рейд, она была светловолосой, с лицом бесцветным и унылым, но в ее глазах не было враждебности. Скорее в них угадывалось тревожное отсутствие всяких эмоций, как будто она уже давно похоронила их.

– Мальчики только что пришли из школы, – сообщила женщина.

– Вы госпожа Рейд?

– Да, мэм. Меня зовут Грейс. – Она оглянулась на дом. – Эти мальчишки и так уже натворили дел. Начальник полиции Келли сказал, что если это повторится…

– Ему совсем необязательно знать о нашем разговоре. Я здесь исключительно по делам своего пациента Скотти. Мне необходимо выяснить, какой наркотик он принимал, и я думаю, ваши мальчики могут это знать.

– Это дети Джека, не мои. – Она выразительно посмотрела на Клэр, как будто ей было очень важно донести эту информацию. – Я не могу заставить их говорить с вами. Но вы можете пройти в дом. Только сначала я привяжу собак.

Она схватила обоих питбулей за ошейники и потащила к кленовому дереву, где посадила их на цепь. Псы неистово залаяли и едва не сорвались с цепи, когда Клэр вышла из машины и проследовала за женщиной к крыльцу.

Переступив порог, она почувствовала себя так, будто оказалась в лабиринте низких, загроможденных барахлом подвалов.

– Я схожу за ними, – сообщила Грейс и исчезла на ступеньках узкой лестницы, оставив Клэр одну в гостиной.

Телевизор был настроен на телемагазин. На журнальном столике лежал блокнот, в котором кто-то сделал пометку: «Шанель № 5, 100 мл, $ 14.99». Она вдохнула воздух этого дома, пропитанный плесенью и сигаретным дымом, и подумала, что одними духами вряд ли удастся перебить запах нищеты.

По лестнице загрохотали тяжелые шаги, и в комнату ввалились два подростка. Одинаковые короткие стрижки делали их светловолосые головы неестественно маленькими. Они ничего не сказали, лишь молча посмотрели на Клэр своими пустыми голубыми глазами. Типичная подростковая вежливость.

– Это Эдди и Джей-Ди, – представила их Грейс.

– Я доктор Эллиот, – сказала Клэр.

Она посмотрела на Грейс, и та, поняв значение этого взгляда, тихо вышла из комнаты.

Мальчики плюхнулись на диван, автоматически уставившись в экран телевизора. Даже когда Клэр потянулась к пульту и выключила

телевизор, их взгляды по-прежнему были устремлены на темный экран, как будто по привычке.

– Ваш друг Скотти Брэкстон в больнице, – сообщила она. – Вам это известно?

Последовало долгое молчание. Потом Эдди, младший брат, на вид лет четырнадцати, ответил:

– Мы слышали, что он вчера вечером сошел с ума.

– Это верно. Я его врач, Эдди, и пытаюсь выяснить, почему это произошло. Все, что вы мне расскажете, останется между нами. Мне необходимо знать, какой наркотик он принимал.

Мальчики обменялись взглядами, значения которых Клэр не поняла.

– Я знаю, он что-то принимал, – надавила она. – Так же, как и Тейлор Дарнелл. Это показали анализы крови.

– Тогда почему вы нас спрашиваете? – Теперь говорил Джей-Ди; его голос звучал ниже, чем у Эдди, и дрожал от презрения. – Похоже, вы уже все знаете.

– Я не знаю, что это за наркотик.

– А это таблетки? – поинтересовался Эдди.

– Необязательно. Я полагаю, это какой-то гормон. Он может быть и таблеткой, и инъекцией, и даже каким-нибудь растением. Гормоны – это химические вещества, создаваемые живыми организмами. Растениями и животными, насекомыми. Они по-разному воздействуют на наш организм. Именно тот гормон, о котором мы говорим, делает людей жестокими. Заставляет их убивать. Вы знаете, откуда он его взял?

Эдди потупил взор, как будто боялся смотреть на Клэр.

– Просто сегодня утром я видела Скотти в больнице; он лежит там связанный, словно дикий зверь, – в отчаянии проговорила она. – Да, ему сейчас плохо, но будет гораздо хуже, когда наркотик перестанет действовать. Когда он проснется и вспомнит, что сделал со своей матерью. Со своей сестрой. – Она выдержала паузу в надежде на то, что ее слова проникнут в эти толстолобые головы. – Его мать мертва. Сестра еще не оправилась от ран. Всю оставшуюся жизнь Китти будет помнить, что родной брат пытался убить ее. Этот наркотик искалечил жизнь Скотти. И Тейлора. Вы должны мне сказать, где они его достали.

Оба мальчика напряженно разглядывали столешницу журнального столика, и Клэр могла видеть только их бритые макушки. С тоски Джей-Ди взял пульт и включил телевизор. Телемагазин выдавал очередную порцию рекламы, восхваляя изумительный кулон с искусственным изумрудом на цепочке из 14-каратного золота. Модная и изящная вещица всего за семьдесят девять девяносто девять.

Клэр выхватила пульт из рук Джея-Ди и со злостью выключила телевизор.

– Ну, раз вам нечего мне сказать, думаю, вам придется поговорить с начальником полиции Келли.

Эдди открыл было рот, но, взглянув на старшего брата, прикусил язык. Только тогда Клэр заметила серьезное различие между ними. Эдди определенно боялся Джея-Ди.

Она положила на столик свою визитку.

– Если вы вдруг передумаете, можете связаться со мной вот по этому телефону, – сказала она, взглянув на Эдди. И вышла из дома.

Стоило ей ступить на крыльцо, как питбули с диким лаем попытались атаковать ее, но им помешали цепи. Джек Рейд, ловко орудуя топором, строгал во дворе лучину для растопки. Он даже не попытался усмирить своих псов; возможно, ему доставляло удовольствие смотреть, как они терроризируют непрошеную гостью. Клэр двинулась через двор, мимо ржавой сушилки и остова автомобиля. Когда она проходила мимо Джека Рейда, он вдруг перестал махать топором и посмотрел на нее. Капли пота обрамляли его надбровья и искрились на бледных усах. Он облокотился на рукоятку топора, вонзенного в пень; в его глазах сквозило злорадство.

– Им ведь нечего было рассказать вам, верно?

– Думаю, они много чего могут порассказать. Рано или поздно это всплывает на поверхность.

Собаки залаяли с еще большим остервенением, и их цепи яростно заскребли по дереву. Она покосилась в их сторону, потом перевела взгляд на Рейда, который еще крепче сжал топорище.

– Если хотите неприятностей, – сказал он, – лучше поищите у себя дома.

– Что?

Он мерзко улыбнулся и, взмахнув топором, тяжело опустил его на полено.

Во второй половине дня Клэр сидела в своем кабинете, и тут вдруг зазвонил телефон. Звонок доносился из приемной, и тут же в дверях кабинета возникла Вера.

– Она хочет побеседовать с вами. Говорит, вы были у нее дома сегодня.

– Кто она?

– Амелия Рейд.

Клэр тут же схватила трубку.

– Доктор Эллиот слушает.

Голос Амелии звучал приглушенно.

– Мой брат Эдди… он попросил меня позвонить вам. Сам он боится.

– И что Эдди хочет сказать мне?

– Он хочет, чтобы вы знали… – Последовала пауза, словно связь прервалась. Потом голос девочки снова зазвучал в трубке, он был еле слышен. – Эдди попросил сказать вам про грибы.

– Какие грибы?

– Они все их ели: Тейлор, Скотти и мои братья. Маленькие синие грибы, в лесу.

Линкольн Келли выбрался из своего пикапа, задев ногой упавший сук, хруст которого, словно ружейный выстрел, эхом пронесся над спящим озером. Близился вечер, небо затягивали дождевые облака, и водная гладь казалась черным стеклом.

– Пожалуй, уже не сезон ходить по грибы, Клэр, – сухо произнес он.

– Но мы все-таки попробуем. – Она полезла в багажник своего пикапа и достала две пары грабель, одну из которых вручила Линкольну. Он взял их с явной неохотой. – Грибы должны расти в сотне метров от Валунов, если идти вверх по течению, – сказала она. – Под дубами. Маленькие синие грибы на тонких ножках.

Клэр повернулась к лесу. Они не казались приветливыми, эти голые и абсолютно неподвижные деревья, за которыми сгущалась тьма. Ей не хотелось бродить между ними в столь поздний час, но на завтра предсказывали снегопад. Прошли мощные дожди, к вечеру обещали резкое похолодание, так что можно было предположить, что к

завтрашнему дню все покроется снегом. У них оставался последний шанс обыскать голую почву.

– Это могло бы все объяснить, Линкольн. Природный токсин из грибов, произрастающих в местных лесах.

– И что, ребята ели эти грибы?

– Они придумали нечто вроде ритуала. Съешь гриб, докажи, что ты настоящий мужчина.

Они брели вдоль русла реки, разгребая густой слой опавшей листвы, пробираясь сквозь заросли дикой малины. Землю устилали сухие сучья, и каждый шаг сопровождался громким хрустом. Прогулка по лесу поздней осенью тихой не бывает.

Лес расступился, и перед ними открылась небольшая поляна, окруженная высоченными дубами.

– Думаю, здесь, – предположила Клэр.

Они принялись разгребать листья. С неба вдруг повалил мокрый снег, перемежавшийся с дождем, и земля стала скользкой. Они продолжали работать с тихим упорством, но до сих пор им удалось обнаружить лишь поганки, ведьмины кольца и ярко-оранжевые пецицы.

Синий гриб первым нашел Линкольн. Он заметил крохотный комочек в расщелине между корнями деревьев. Смахнув дубовые листья, он обнажил шляпку гриба. Уже стемнело, и цвет находки им удалось различить только под прямым лучом фонарика. Осыпаемые мокрым снегом, озябшие и несчастные, они опустились на корточки, уже не в состоянии как следует порадоваться. Клэр срезала образец и бережно упаковала его в пластиковый пакет с застежкой.

– Здесь неподалеку живет биолог, специалист по болотам, – сообщила она. – Может быть, он знает, что это за гриб.

Молча ступая по грязи, они пошлепали назад и вскоре вышли из леса. На берегу озера Саранча оба изумленно остановились. Половина береговой линии погрузилась в кромешную тьму. Там, где должны были гореть огни, лишь одинокая свеча мерцала в чьем-то окне.

– Да, ночь совсем неподходящая для отключения электричества, – заметил Линкольн. – Сегодня обещали до минус десяти.

– Похоже, на нашем берегу еще есть свет, – с облегчением проговорила Клэр.

– Все равно держите дрова наготове. Возможно, на проводах образуется наледь. И следующим отключат ваш участок.

Она бросила грабли в багажник и уже собиралась сесть за руль, как вдруг что-то отвлекло ее. Слабое мерцание на поверхности озера; она вполне могла не заметить его, если бы вода не была такой черной.

– Линкольн, – позвала она. – Линкольн!

Он обернулся.

– Что такое?

– Посмотрите на озеро. – Она медленно приблизилась к язычку воды, облизывавшему грязь берега.

Келли последовал за ней.

Поначалу она никак не могла сообразить, что видит перед собой. Какое-то легкое свечение, похожее на отражение луны. Но луны на небе не было, и к тому же полоска света, дрожавшая на воде, фосфоресцировала зеленым. Они взобрались на камень и в изумлении уставились на воду. Зеленая змейка извивалась, разбрасывая вокруг яркие изумрудные блики. Она двигалась не целеустремленно, а скорее лениво, то сжимаясь, то распрямляясь.

Внезапно снег усилился и начал забрасывать своими иголками поверхность воды.

Фосфоресцирующая змейка разбилась на тысячи осколков, утратив свою целостность.

Клэр и Линкольн погрузились в долгое молчание. Потом он прошептал:

– Что это было, черт возьми?

– Вы никогда этого раньше не видели?

– Я прожил здесь всю жизнь, Клэр. И никогда не видел ничего подобного.

Вода стала темной. Непроницаемой.

– А я видела, – сказала она.

– Я не специалист по грибам, – признался Макс Татуайлер. – Но ядовитый могу распознать.

Клэр достала из пакета образец гриба и передала биологу.

– Можете сказать, что это?

Он нацепил очки и под светом керосиновой лампы принялся изучать гриб. Он перевернул его и тщательно осмотрел изящную ножку, синевато-зеленоватую шляпку.

Мокрый снег стучался в окна коттеджа, ветер завывал в печной трубе. Электричество отключили час назад, и в домике Макса уже было прохладно. Усиливавшийся буран, казалось, все больше беспокоил Линкольна. Клэр слышала, как он бродит по комнате, возится с холодной печкой, проверяет задвижки на окнах. Укоренившиеся привычки человека, хорошо знакомого с суровыми зимами. Он разжег в печи газеты и лучину, швырнул в топку полено, но дерево было сырое и давало больше дыма, чем тепла.

Макс выглядел неважно. Он сидел, закутавшись в плед, рядом лежала коробка с бумажными носовыми платками. Живое дрожащее свидетельство того, как страдает человек от зимних простуд и необогреваемых коттеджей.

Наконец он поднял свои слезящиеся глаза.

– Где вы нашли этот гриб?

– Недалеко от Валунов, чуть вверх по течению.

– Каких еще валунов?

– Так называется это место – Валуны. Любимое местечко здешних ребятишек. Этим летом они находили там десятки таких грибов. В этом году они впервые их заметили. Впрочем, нынешний год вообще странный.

– В каком смысле? – уточнил Макс.

– Весной были страшные наводнения. И лето выдалось самое жаркое за всю историю наблюдений.

Макс мрачно кивнул.

– Глобальное потепление. Его признаки повсюду.

Линкольн посмотрел на окно, в которое бились снежные хлопья, и рассмеялся.

– Но только не сегодня.

– Нужно смотреть шире, – возразил Макс. – Погодные условия меняются по всему миру. Катастрофические засухи в Африке. Наводнения на Среднем Западе. Необычные климатические условия приводят к появлению необычных существ.

– Например, синих грибов, – подсказала Клэр.

– Или восьминогих амфибий. – Биолог указал на книжную полку, где были расставлены банки с образцами. Теперь там было восемь банок, и в каждой барахтался уродец.

Линкольн взял в руки одну из банок и уставился на двухголовую саламандру.

– Господи. Вы нашли это в нашем озере?

– В одном из временных бассейнов.

– И вы полагаете, что это связано с глобальным потеплением?

– Я не знаю, чем это вызвано. Как не знаю и то, какой вид окажется следующим в списке пострадавших. – Макс снова сосредоточил взгляд на грибе. – И растительная жизнь, несомненно, подвергается изменениям. – Он снова перевернул гриб и обнюхал его. – От этого чертова холода у меня не дышит нос. Но, кажется, я улавливаю запах.

– Какой?

– Запах аниса. – Он протянул ей гриб.

– Я тоже чувствую его. И что это значит?

Он поднялся и достал с полки «Иллюстрированное пособие по микологии».

– Этот вид произрастает как в лиственных лесах, так и в хвойных, с середины лета до поздней осени. – Он открыл книгу на вкладке с иллюстрациями. – *Clitocybe odora*. Говорушка анисовая. Обладает анисово-укропным запахом, содержит небольшое количество мускарина. Вот и вся информация.

– Выходит, это и есть наш токсин? – уточнил Линкольн.

Клэр снова откинулась на спинку стула и разочарованно вздохнула.

– Нет. Мускарин вызывает главным образом желудочно-кишечные или сердечные расстройства. Но никак не агрессивное поведение.

Макс положил гриб в пластиковый пакет.

– Иногда, – заметил он, – жестокость не поддается объяснению. И это самое страшное. Насколько она неожиданна. Насколько бессмысленна и беспричинна.

Ветер стучался в дверь. Мокрый снег сменился настоящей вьюгой, за окном висела густая белая пелена. Дровяная печь даже не собиралась подавать тепло. Линкольн опустился на корточки, чтобы посмотреть на огонь.

Но он уже потух.

– Сегодня вечером мы с Линкольном видели кое-что необычное. На озере, – начала Клэр. – Это было похоже на галлюцинацию.

Они с Максом сидели у камина в гостиной Клэр. Она заставила его перебраться из холодного коттеджа, предложив ему гостевую комнату в своем доме, и теперь, после ужина, они, потягивая бренди, расположились у огня. Языки пламени лизали полено, но, несмотря на яркий огонь, тепла было недостаточно, чтобы обогреть прохладную комнату. Снежные хлопья носились за окном, и голые ветки форзиции царапали стекло.

– И что вы видели на озере? – спросил он.

– Она струилась по воде возле Валунов. Светящаяся зеленая змейка. У нее не было твердого тела, она жидкая. И меняет свою форму, словно нефтяная пленка. – Клэр сделала глоток бренди и устремила взгляд на огонь. – Потом пошел мокрый снег, и вода взволновалась. А зеленая змейка как будто расчленилась. – Она посмотрела на биолога. – Похоже на бред, верно?

– Возможно, это выброс химикатов. Флюоресцентная краска, например. А может, и биологический феномен.

– Биологический?

Он прижал руку ко лбу, словно пытаясь унять нарастающую головную боль.

– Некоторые штаммы водорослей обладают биолюминесценцией. И определенные бактерии тоже светятся в темноте. Есть один вид бактерий, которые живут в симбиозе со светящимся кальмаром. Кальмар привлекает особей противоположного пола, выставляя светящуюся часть тела, на которой и живут эти бактерии.

Бактерии, подумала Клэр. Плавучее скопление бактерий.

– Подушка Скотти Брэкстона тоже фосфоресцировала, – сообщила она. – Поначалу я подумала, что он просто вымазал ее краской. А теперь начинаю задаваться вопросом, не бактерии ли это.

– Вы делали бактериологическое исследование?

– Я взяла у него назальный мазок на посев. И попросила лабораторию определить все выявленные организмы, но результатов придется подождать. А что вы обнаружили в озерной воде?

– Пока ничего, но, возможно, мне стоит взять еще несколько проб до отъезда.

– А когда вы уезжаете?

– Я арендовал коттедж до конца месяца. Но, поскольку так похолодало, я могу сократить срок аренды и вернуться в Бостон. К центральному отоплению. У меня уже собрано достаточно материала. Образцы из десятка озер штата Мэн. – Он посмотрел в окно, за которым бушевала метель. – Пусть здесь остаются более отважные натуры – такие, как вы.

Пламя угасало. Клэр встала, взяла березовое полено из вязанки и подкинула его в камин. Похожая на бумагу кора схватилась мгновенно, потрескивая и разбрасывая искры. Некоторое время она понаблюдала за игрой пламени, наслаждаясь теплом, чувствуя, как к щекам приливает румянец.

– Не такая уж я и отважная, – тихо возразила она. – Боюсь, мне здесь тоже не место.

Он подлил себе бренди.

– Здесь ко многому приходится привыкать. К изоляции. К людям. С ними не так просто найти общий язык. За тот месяц, что я провел здесь, вы первая, кто пригласил меня на ужин.

Она села в кресло и посмотрела на биолога с еще большим сочувствием. Она вспомнила свое первое знакомство с Транквилем. Прошло восемь месяцев, а как следует познакомиться ей удалось очень с немногими. Ее

предупреждали, что так и будет, что местные жители настороженно относятся к чужакам. Приезжих заносило в Мэн, словно одинокие пушинки – задержавшись на несколько месяцев, они снова разлетались по ветру. С этими местами их не связывали ни предки, ни воспоминания. Постоянство их тоже не привлекает. Жители штата Мэн это знают, а потому относятся к каждому приезжему с подозрением. Они задаются вопросом: а что привело незнакомца сюда, в глушь, какие тайны скрывает его прошлая жизнь? И не привез ли он с собой какую-нибудь заразу, от которой пытается убежать? Жизнь, не удавшаяся в одном городе, чаще всего не удается и в другом.

Жители Мэна знали немало таких историй. Сначала с энтузиазмом купленный новый дом, сад со свежевысаженными нарциссами на клумбах, теплые сапоги для прогулок по снегу и куртки из каталога «Л.Л. Бин» [3]. Проходит одна зима или даже две. Нарциссы цветут, вянут, а потом снова цветут без всякого ухода. Счета за отопление потрясают. С оттепелью начинаются бесконечные штормовые ветра. Побледневший незнакомец начинает совершать вылазки в город, с тоской говорить о Флориде, вспоминать песчаные пляжи, на которых он нежился, города, где нет грязи и снегоуборочных машин. И на фасаде домика, некогда с любовью восстановленного, вскоре появляется новый элемент декора – табличка с надписью «Продается».

Чужаки не отличаются постоянством. Даже Клэр не была уверена, что останется навсегда.

– Тогда почему вы решили сюда переехать? – спросил Макс.

Снова устроившись в кресле, она стала наблюдать за тем, как пламя пожирает березовое полено.

– Я переехала сюда не для себя, из-за Ноя. – Она кивнула в сторону лестницы – комната сына находилась на втором этаже.

Наверху царила тишина; впрочем, Ной был молчалив весь вечер. За ужином он едва ли перекинулся парой слов с гостем. А потом сразу поднялся к себе и закрыл дверь.

– Он красивый мальчик, – похвалил Макс.

– Его отец был очень симпатичным.

– А мама разве не симпатичная? – Бокал Макса был почти пуст, и его лицо, видимо, разрумянилось в тепле. – Вы ведь тоже красивая.

Она улыбнулась.

– Думаю, вы просто выпили.

– Нет, мне сейчас очень… уютно. – Он поставил бокал на столик. – Так это Ной хотел переехать?

– Нет, что вы. Его пришлось тащить силой, он очень упирался. Ной не хотел уходить из своей школы, оставлять друзей. Но именно из-за них мы были вынуждены уехать.

– Плохая компания?

Она кивнула.

– Он попал в историю. Вся его компания влипла. Когда это случилось, я была страшно удивлена. Я не могла руководить им и наказывать тоже не могла. Иногда… – Клэр вздохнула. – Иногда мне кажется, что я окончательно его потеряла.

Березовое полено исчезло, рассыпавшись тлеющими угольками. Языки огня сначала взметнулись, а потом медленно сползли к золе.

– Мне пришлось принимать кардинальные меры, – продолжила она. – Это был мой последний шанс вернуть свое влияние. Через год-два он бы стал слишком взрослым для этого. И слишком сильным.

– И как, получилось?

– Вы хотите знать, кончились ли на этом наши неприятности? Конечно, нет. Вместо этого появились новые проблемы. Этот скрипучий старый дом. Медицинская практика, которая, судя по всему, загибается.

– Разве здесь не нужен доктор?

– У них был городской врач. Старый доктор Помрой, который умер прошлой зимой. Похоже, они не хотят видеть во мне даже его заместительницу.

– Должно пройти время, Клэр.

– Прошло уже восемь месяцев, а мне так и не удалось покрыть свои расходы. Какой-то злопыхатель рассылает анонимные письма моим пациентам. Отпугивает их. – Она посмотрела на бутылку бренди и, подумав: «Да и черт с ним!» – налила себе еще. – В общем, из огня да в полымя.

– Тогда почему вы остаетесь здесь?

– Потому что надеюсь: все изменится к лучшему. Пройдет зима, снова наступит лето, и мы станем счастливее. Есть такая мечта.

А ведь именно мечта заставляет нас жить дальше. – Отхлебнув бренди, она с удовольствием отметила про себя, что очертания огня в камине немного потеряли резкость.

– И о чем же вы мечтаете?

– О том, что мой сын когда-нибудь будет любить меня так, как прежде.

– Вы говорите так, будто у вас есть сомнения на этот счет. Вздохнув, она снова поднесла бокал к губам.

– Быть матерью – значит постоянно сомневаться.

Лежа в кровати, Амелия слышала звуки пощечин, доносившиеся из материнской спальни; она улавливала также сдавленные рыдания, всхлипывания и злобное бурчание, перемежавшее удары.

«Тупая сучка. Не смей идти против моей воли! Слышала? Слышала?»

Амелия с горечью думала о том, чем можно помочь, и о том, что она уже пробовала сделать. Так ничего и не подействовало. Дважды она звонила в полицию; дважды Джека забирали в участок, но через несколько дней он возвращался, и мама принимала его обратно. Все без толку. Грейс слишком слаба. Она боится остаться одна.

«Я никогда, никогда не допущу, чтобы мужчине, который ударил меня, все сошло с рук».

Она заткнула уши и накрылась одеялом с головой.

Прислушиваясь к звукам ударов, Джей-Ди чувствовал, как нарастает в нем возбуждение. Да, папа, так и надо с ними. Ты всегда так говорил. Твердая рука держит баб в узде. Придвинувшись поближе к стене, он прижался ухом к штукатурке. Отцовская кровать стояла прямо по ту сторону стены. Почти каждую ночь Джей-Ди прижимался к стене, прислушиваясь к ритмичным поскрипываниям отцовской кровати и живо представляя себе, что происходит в соседней комнате. Папа особенный, не похожий ни на кого, и, хотя Джей-Ди его побаивался, все равно считал своим кумиром. У него вызывало восхищение то, как Джек управлял домашними, не позволяя женщинам заноситься и показывать свой норов. Именно так учит Великая книга, всегда говорил Джек, мужчина – хозяин и защитник дома. Это разумно. Мужчина крупнее, сильнее; разумеется, ему и быть главным.

Удары стихли, и теперь слышалось лишь поскрипывание кровати, ходившей ходуном вверх-вниз. Этим всегда все и заканчивалось. Небольшая выволочка, а потом старый добрый способ примирения. Джей-Ди возбуждался все сильнее и сильнее, и боль в паху становилась невыносимой.

Он встал и на ощупь прошел мимо кровати Эдди к двери. Эдди крепко спал, дубина. Стыдно иметь брата-размазню. Джей-Ди вышел в коридор и направился в сторону ванной.

На полпути он остановился у закрытой двери, за которой располагалась комната сводной сестры. Он припал ухом к двери, задаваясь вопросом: спит ли Амелия или тоже слушает, как скрипит кровать родителей? Аппетитная малышка Амелия, недотрога. Они живут под одной крышей. Так близко, что Джей-Ди почти слышит ее дыхание, ощущает девичьи ароматы, сквозящие из-под двери. Он подергал ручку и обнаружил, что дверь заперта. Она всегда запирала свою дверь, с той самой ночи, когда он впервые прокрался к ней в комнату, чтобы посмотреть на то, как она спит; она проснулась, когда Джей-Ди принялся расстегивать ее пижаму. Маленькая задира начала кричать, и отец ввалился в комнату с ружьем наперевес, готовый снести голову незваному гостю.

Когда женский визг стих и Джей-Ди прошмыгнул обратно к себе, он услышал голос отца: «Мальчик всегда был лунатиком. Он не соображал, что творит». Джей-Ди вздохнул с облегчением, решив, что пронесло. Но потом отец зашел к нему в комнату и так ударил по лицу, что у него искры посыпались из глаз.

На следующий день в дверь Амелии вставили замок.

Джей-Ди закрыл глаза и почувствовал, как выступили капельки пота над верхней губой, стоило ему представить соблазнительную сестричку, которая лежала в постели, раскинув руки. Он вспомнил ее ноги – такими, как видел их летом, – длинные и загорелые, в белых шортах, оттенявших золотистый цвет бедер. Теперь пот выступил на лбу и ладонях. Он почувствовал, как сильно бьется сердце. Его чувства обострились настолько, что он ощущал звенящую тишину ночи, в которой с электрическими разрядами объединялись и сталкивались энергетические поля.

Он никогда не чувствовал себя таким сильным.

Джей-Ди снова схватился за дверную ручку, и неподатливость вдруг наполнила его яростью. Амелия бесила его своей надменностью, высокомерием. Он опустил руку и, прикоснувшись к самому себе, представил, будто он прикасается к ней и именно ее подчиняет своей

воле. Заставляет ее делать то, чего он хочет. Пусть его тело жаждало лишь секса, но в тот момент, когда наступило облегчение, перед его внутренним взором предстала такая картинка – его пальцы, словно толстая веревка, обвились вокруг изящной шеи Амелии.

12

Ной сунул в тостер два ломтика хлеба и надавил на рычаг.

– Он ночевал у нас, верно ведь?

– Да, у него в коттедже очень холодно. Но сегодня он вернется домой.

– И что, мы будем принимать на постой всех чудаков, которые не умеют растапливать печь?

– Пожалуйста, потише. Он еще спит.

– Это и мой дом! Почему я должен говорить шепотом?

Клэр села за накрытый к завтраку стол и уставилась в спину сына. Ной не хотел смотреть на нее, он стоял, набычившись, у кухонного столика, будто бы тостер требовал от него предельного внимания.

– Ты злишься оттого, что я пригласила в дом гостя? В этом причина?

– Ты едва знаешь его, но все равно приглашаешь этого чудика ночевать.

– Он не чудик, Ной. Он ученый.

– А что, ученые не бывают чудиками?

– Твой отец тоже был ученым.

– И что, теперь мне должен нравиться этот тип?

Наконец тосты выпрыгнули. Ной кинул их на тарелку и уселся за стол. Клэр с изумлением наблюдала за тем, как он взял нож и принялся резать тосты на мелкие-мелкие кусочки. Странно, никогда прежде он так не делал. «Наверное, вымещает свою ярость, – решила она. – На хлебе».

– Похоже, моя мамочка не такая уж безупречная, – заявил он, и Клэр вспыхнула, задетая его жестоким замечанием. – Ты все время говоришь, чтобы я не ввязывался в истории. Но ведь у меня никто не остается ночевать.

– Он просто друг, Ной. Я же имею право дружить с кем-нибудь, верно? – И неосторожно добавила: – Я даже имею право встречаться с мужчинами.

– Что ж, вперед!

– Через четыре года ты станешь студентом колледжа. У тебя будет своя жизнь. Почему я не могу иметь свою?

Ной подошел к мойке.

– Ты думаешь, у меня есть жизнь? – Он рассмеялся. – Да у меня сплошной испытательный срок. За мной же постоянно наблюдают. Все кому не лень.

– Что ты имеешь в виду?

– Учителя смотрят на меня так, будто я уголовник. Только и ждут, когда я что-нибудь выкину.

– Ты что-нибудь натворил? Что привлекло их внимание?

Взъярившись, он повернулся лицом к Клэр.

– Да, это я виноват! Всегда виноват только я!

– Ной, ты от меня что-то скрываешь?

Он со злостью схватил две кофейные чашки и швырнул их в мойку.

– Вот, ты уже считаешь, я что-то натворил! Ты никогда не бываешь довольна. Как бы я ни старался.

– Только не надо жаловаться на то, что ты обязан вести себя безупречно. Я тоже не имею права на ошибку. Ни как мать, ни как врач, и мне от этого тоже бывает тошно. Тем более что, как бы я ни старалась, ты всегда меня в чем-нибудь обвиняешь.

– Я тебя обвиняю только в том, – выпалил он в ответ, – что ты затащила меня в эту дыру.

Он демонстративно вышел из дома, так громко хлопнув дверью, что эхо еще долго висело в тишине.

Клэр потянулась к чашке с еле теплым кофе и остервенело глотнула, чувствуя, как дрожат руки. Что это было? Откуда такая ярость? Да, в

прошлом они спорили, ссорились, но никогда еще он не пытался нарочно обидеть ее. Никогда еще не ранил ее так глубоко.

До ее слуха донеслось фырчанье отъезжавшего школьного автобуса.

Она посмотрела на тарелку сына, на оставшийся несъеденным тост. Он был изрезан на мельчайшие кусочки.

* * *

– Ему здесь не место, доктор Эллиот, – заявила старшая медсестра.

Эйлин Калкин, невысокая и коренастая, с зычным голосом и опытом работы в армейской медицинской службе, неизменно вызывала всеобщее уважение. Врачи всегда прислушивались к тому, что она говорила.

Хотя Клэр была занята – в очередной раз изучала карту Скотти Брэкстона, – она отложила бумаги в сторону и повернулась к Эйлин.

– Сегодня я еще не осматривала Скотти, – сообщила она. – Что, возникли новые проблемы?

– Даже после назначенной вами дополнительной инъекции снотворного в полночь, он так и не уснул. Сейчас он спокоен, но ночью так и не заснул, все время кричал – требовал от охранника, чтобы тот снял с него наручники. Перебудил других пациентов. Доктор Эллиот, этого мальчика необходимо поместить либо в тюрьму для малолетних, либо в психиатрическую клинику. Держать его в больнице невозможно.

– Но я еще не закончила исследования. Анализы по-прежнему в работе.

– Но, если состояние стабильно, разве его нельзя перевезти? Сестры боятся зайти в палату. Они даже не могут сменить ему белье, ведь нужно, чтобы в это время еще трое его держали. Необходимо перевезти его отсюда, и чем скорее, тем лучше.

«Пора принимать решение», – размышляла Клэр, направляясь по коридору в палату Скотти. Если не удастся диагностировать болезнь, угрожающую его жизни, держать его в больнице не получится.

– Доброе утро, док, – кивнув, приветствовал Клэр полицейский, который стоял у входа в палату Скотти Брэкстона.

– Доброе утро. Я так понимаю, он задал вам хлопот.

– Вот уже час как успокоился. С тех пор ни разу не пикнул.

– Мне нужно снова осмотреть его. Вы не могли бы постоять рядом на всякий случай?

– Ясное дело. – Он толкнул дверь и, шагнув в палату, застыл как вкопанный. – Боже правый!

Поначалу Клэр отметила лишь ужас в его голосе. А потом, опережая охранника, рванула в палату. Ее обдало волной холодного воздуха из раскрытого окна, а потом она увидела кровь. Ею была закапана пустая кровать, забрызганы почти вся подушка и одеяло; ею был залит наручник, свисавший с края кровати. На полу, прямо под наручником, собралась красная лужица. Кусок человеческой плоти, валявшийся у края этой лужи, трудно было идентифицировать, если бы не ноготь и белая култышка кости, торчавшие из него. Большой палец мальчика; он отгрыз его.

Застонав, полицейский опустился на пол и уронил голову на колени.

– Господи, – продолжал бормотать он, – Господи…

На полу Клэр заметила отпечатки босых ног. Она подбежала к открытому окну и выглянула наружу, осмотрев землю с высоты второго этажа.

Под окном виднелось месиво из снега и крови. Кровавые следы уходили от здания в сторону леса, который тянулся по периметру больничных владений.

– Он ушел в лес! – воскликнула Клэр и бросилась из палаты к лестнице.

Она сбежала на первый этаж, толкнула дверь пожарного выхода и тотчас провалилась по колено в мокрый снег. К тому времени, как она, обогнув здание, оказалась под окном Скотти, ледяная вода уже насквозь промочила ее ноги. Взяв кровавый след мальчика, она двинулась по огромному сугробу.

Клэр остановилась на опушке, пытаясь разглядеть то, что скрывалось в тени елей. Она различила следы мальчика, теряющиеся в зарослях подлеска; на снегу тут и там алели пятна крови.

Сердце Клэр бешено колотилось, когда она ступила в лес. Самый опасный зверь – раненый зверь.

Без перчаток руки онемели от холода и страха, но она все равно хваталась за обледеневшие ветки, прокладывая путь в чащу леса. У нее за спиной хрустнул сук. Она резко обернулась и едва не вскрикнула от

радости и облегчения – это был полицейский, который все это время следовал за ней.

– Вы видели его? – спросил он.

– Нет. Но следы ведут в лес.

С трудом пробираясь по снегу, мужчина приблизился к ней.

– Охрана идет за нами. И медперсонал из реанимации.

Клэр снова повернулась лицом к лесу.

– Слышите?

– Что?

– Вода. Я слышу шум воды.

Клэр побежала вперед, подныривая под низкие ветки деревьев, спотыкаясь и путаясь в подлеске. Следы мальчика начали вихлять, будто он шел, пошатываясь. В одном месте снег был сбит – там мальчик, видимо, упал. Слишком большая кровопотеря, решила она. Упадок сил, он еле волочил ноги.

Шум воды становился все громче.

Она пробралась сквозь небольшой ельник и выскочила на берег ручья. Дождь и талый снег превратили его в ревущий поток. Она лихорадочно стала выискивать следы мальчика и вскоре обнаружила – их вереница протянулась на несколько метров вдоль ручья.

А потом, у самой кромки воды, след внезапно прерывался.

– Вы видите его? – закричал охранник.

– Он влез в воду!

Клэр с плеском ступила в ручей и сразу оказалась по колено в воде. Она стала шарить руками под водой, вслепую хватаясь за все, на что натыкалась. Под руку попадались ветки, пивные бутылки. Старый ботинок. Она шагнула глубже, по самые бедра, но вода бежала слишком быстро, и Клэр почувствовала, что поток сбивает ее с ног.

Упрямо упершись ногой о камень, она продолжила поиски. Снова погрузила руки в ледяной поток. И нащупала руку.

Разбрызгивая воду, на ее крик примчался полицейский. Больничная сорочка мальчика зацепилась за корягу; им пришлось разорвать ткань, чтобы освободить тело. Они вместе подняли Скотти и, вытащив на берег, уложили прямо на снег. Его лицо было синим. Он не дышал, и пульс у него не прощупывался.

Клэр начала оказывать первую помощь. Три вдувания, наполняющие легкие воздухом, потом надавливания на грудину. Раз-два-три-четыре-пять, раз-два-три-четыре-пять, ее движения были отточены до автоматизма. Когда она в очередной раз сдавила грудную клетку мальчика, кровь хлынула из его ноздрей и полилась на снег. Восстановились кровообращение, прилив крови к мозгу и жизненно важным органам, но при этом возобновилось и кровотечение. Свежая темно-красная струя хлынула из покалеченной руки.

Голоса приближались, и вот уже послышался шум бегущих ног. Клэр отступила в сторону, мокрая и дрожащая, а персонал неотложной помощи принялся укладывать Скотти на носилки.

Клэр вместе со всеми вернулась в больницу, в травмпункт, где уже царили шум и хаос. Кардиомонитор показывал фибрилляцию желудочков.

Медсестра включила дефибриллятор и приложила пластины к груди мальчика. Скотти дернулся, когда электрический разряд прошел по его телу.

– Безрезультатно, – заметил доктор Макнелли. – Возобновляем надавливания. Ввели бретилий?

– Он уже поступает, – сообщила медсестра.

– Всем отойти!

Последовал новый разряд.

– Нет, все равно аритмия, – констатировал Макнелли. И взглянул на Клэр: – Как долго он пробыл под водой?

– Я не знаю. Возможно, около часа. Но он молод, а вода была ледяная. – После погружения в холодную воду можно реанимировать даже полумертвого ребенка. Сдаваться еще рано.

– Температура тела тридцать два градуса, – сообщила медсестра.

– Продолжайте искусственное дыхание, согревайте его. Возможно, у нас есть шанс.

– Почему у него кровь идет из носа? – спросила медсестра. – Он что, ударился головой?

Ярко-красная жидкость струйкой сбежала со щеки мальчика на пол.

– Когда мы вытащили его, кровь уже шла, – ответила Клэр. – Он мог упасть на камни.

– Но ни на коже головы, ни на лице нет никаких ран.

Макнелли снова взялся за дефибриллятор.

– Посторонитесь. Давайте пропустим еще разряд.

Линкольн нашел ее в ординаторской. Переодевшись в хирургический костюм, Клэр свернулась клубочком на диване и оцепенело потягивала кофе; и вдруг до нее донесся шум захлопнувшейся двери. Линкольн прокрался так тихо, что она заметила его присутствие, только когда он опустился рядом с ней на диван и сказал:

– Вам пора домой, Клэр. Вам здесь нечего делать. Пожалуйста, идите домой.

Она заморгала и уронила голову на руки, стараясь не расплакаться. Рыдать при посторонних из-за смерти пациента – значит потерять лицо. Разрушить авторитет профессионала. Сопротивляясь слезам, она напряглась всем телом.

– Должен предупредить вас, – снова заговорил он. – На улице творится что-то невообразимое. Телевизионщики перегородили дорогу своими фургонами. Чтобы добраться до автостоянки, вам придется пройти сквозь строй.

– Мне нечего им сказать.

– Тогда ничего и не говорите. Я помогу вам выйти, если хотите. – Она почувствовала, как рука Линкольна легла ей на плечо. Это было вежливое напоминание о том, что пора идти.

– Я позвонила ближайшим родственникам Скотти, – сказала она, вытирая глаза. – У него осталась только двоюродная тетка по материнской линии. Она только что прилетела из Флориды, чтобы побыть с Китти, пока та не поправится. Я сказала ей, что Скотти умер, и знаете, что она ответила? «Это благословение». – Она взглянула на Линкольна и увидела недоумение в его глазах. – Да, именно так и сказала: благословение. Наказание божие.

Он приобнял ее одной рукой, и Клэр уткнулась лицом в его плечо. Своим молчаливым участием он как будто разрешал ей поплакать, но она не могла позволить себе такую роскошь. Ей еще предстояла встреча с репортерами, и она не хотела выходить к ним с опухшим от слез лицом.

Линкольн был рядом с ней, когда Клэр выходила из больницы. Вместе с потоком холодного воздуха на нее хлынул шквал вопросов:

– Доктор Эллиот! Это правда, что Скотти Брэкстон употреблял наркотики?

– ...слухи о банде подростков-убийц?

– Он действительно отгрыз себе палец?

Ошеломленная криками, Клэр пробиралась сквозь толпу, не различая лиц. Кто-то сунул ей в лицо диктофон, и она уткнулась взглядом в женщину с львиной гривой светлых волос.

– Правда, что этот город имеет свою историю убийств, которая восходит к прошлому столетию?

– Что?

– Те старые кости, что нашли у озера. Это же было массовое убийство. А за сто лет до этого...

Линкольн быстро встал между ними.

– Дайте пройти, Дамарис.

Женщина робко усмехнулась.

– Но я всего лишь выполняю свою работу, сэр.

– Тогда идите и пишите про детей от инопланетян! Оставьте ее в покое.

– Доктор Эллиот! – выкрикнул еще чей-то голос.

Клэр обернулась и, вглядевшись в лицо репортера, узнала Митчелла Грума. Он приблизился, стараясь встретиться с ней взглядом.

– Фландерс, Айова, – тихо произнес он. – Здесь ведь происходит то же самое?

Она покачала головой. И еле слышно произнесла:

– Я не знаю.

13

Уоррен Эмерсон чувствовал, как холод обжигает ему легкие. Сегодня утром уличный термометр показывал минус тринадцать, поэтому он оделся потеплее. Надел две рубашки, свитер и куртку, натянул шапку, рукавицы, плотно обмотал шею шерстяным шарфом, только вот от холодного воздуха нечем защититься – все равно придется вдыхать. От него першило в горле, болела грудь, а в легких ощущались спазмы. Вышагивая по дороге, он пыхтел, словно локомотив: «Хлюп-кхе, хлюп-кхе». Еще не зима, думал он, а вокруг уже все покрылось льдом. Он сковал ветви деревьев, и те казались блестящими и прозрачными. По скользкой дороге Уоррену приходилось идти с особой осторожностью, тщательно отмеряя каждый шаг, – он старался ступать по песку, который набросали на лед. Он затрачивал вдвое больше усилий для удержания равновесия и, добравшись до городских окраин, он уже ощущал дрожь в коленях.

Когда Уоррен зашел в магазин, кассирша супермаркета «Кобб энд Моронгз» подняла голову. Он улыбнулся ей, как обычно с надеждой, что она ответит ему тем же. Уоррен заметил, как уголки ее губ автоматически поползли вверх, но потом, когда кассирша как следует разглядела посетителя, ее улыбка застыла, так и не успев окончательно сформироваться. Женщина отвернулась.

Потерпев молчаливое поражение, Уоррен потянулся за продуктовой тележкой.

Он совершал привычный обход, уныло шаркая по скрипучим половицам. Остановившись у полок с консервами, Уоррен принялся разглядывать банки с кукурузой, зеленой фасолью и свеклой, на которых красовались этикетки с яркими иллюстрациями летнего изобилия. Этикетки врут, подумал он. Разве можно сравнить эти консервированные оранжевые кубики с только что выдернутой из теплой земли морковью, свежей и сладкой. Он стоял, не притрагиваясь к товару, мысленно вспоминая летние овощи, которые сам выращивал и которых ему сейчас так не хватало. Он посчитал, сколько месяцев осталось до весны, и прибавил те, что уходили на созревание нового урожая. Казалось, вся его жизнь состояла из ожидания весны и подготовки к зиме. В голове зародилась мысль: «С меня хватит. На моем веку и так было слишком много зим. Еще одну я не переживу».

Уоррен оставил тележку где полагается, прошел мимо никогда не улыбавшейся кассирши и вышел за дверь.

Он остановился на тротуаре возле дверей «Кобб энд Моронгз» и посмотрел через дорогу, на недавно покрывшееся льдом озеро. Его поверхность искрилась, как безупречно отполированное зеркало, еще не тронутое снежной пылью. Каток, подумал он, вспоминая зимы своего детства, которые он проводил на льду, плавное скольжение, мелодичный скрежет коньков. Скоро на озере появятся дети с хоккейными клюшками, и их яркие зимние куртки, словно конфетти, рассыплются по гладкому льду.

«Но мне зима надоела. Я больше не хочу зимы».

Он втянул холодный воздух и почувствовал, как закололо в легких. Остро. Мучительно.

В окне универсального магазинчика на Вязовой улице снова сидел кот. Он старательно вылизывал себя; его черная как смоль шерстка блестела на солнце. Когда Клэр проходила мимо, кот, прекратив заниматься туалетом, с презрением уставился на нее.

Клэр посмотрела в небо. Оно имело пронзительно-голубой оттенок, как бывает в преддверии ужасно холодной ночи. Через четыре дня после смерти Скотти Брэкстона зима полностью вступила в свои права, заявив о себе со всей суровостью. Тусклая ледяная корка окончательно сковала озеро, а в колонке некрологов сегодняшней утренней газеты появилась дежурная фраза: «Похороны состоятся весной». Когда оттает земля. Очнется после зимней спячки.

«Буду ли я здесь весной?»

Она свернула в Сыромятный переулок. Над дверью одного из домов, раскачиваясь на ветру, словно вывеска закусочной, болталась табличка:

«Полиция города Транквиль»

Клэр прошла прямо в кабинет Линкольна и положила ему на стол свежий номер «Уикли информер». Он взглянул на нее поверх очков.

– Проблемы, Клэр?

– Я только что из ресторанчика «Монаганз», где все только об этом и говорят. Последний опус Дамарис Хорн.

Он бросил взгляд на заголовок: «Маленький городок в тисках зла».

– Но это же бостонский таблоид, – заметил он. – Никто не воспринимает эту муру всерьез.

– Вы читали это?

– Нет.

– А в «Монаганз» все прочитали. И люди так напуганы, что уже собираются вооружаться на случай, если какой-нибудь подросток, попавший под влияние дьявола, вздумает похитить драгоценный пикап или что-нибудь еще.

Линкольн, охнув, снял очки.

– О, черт. Только этого мне не хватало.

– Вчера я зашивала рваные раны трем пациентам. Один из них – девятилетний мальчик, пробивший кулаком окно. У нас столько проблем с детьми в последнее время. А теперь и взрослые начинают сходить с ума. – Она положила обе руки на стол. – Линкольн, вам нельзя дожидаться общегородского собрания, нужно поговорить с людьми немедленно. Вы срочно должны сбить эту истерию. Наши Динозавры открыли сезон охоты на детей.

– Даже идиоты имеют право на свободу слова.

– Тогда хотя бы заткните рты своим людям! Кто этот коп из вашего отдела, которого цитирует Дамарис? – Клэр ткнула пальцем в таблоид. – Читайте.

Он опустил взгляд на абзац, который она указала.

«Что стоит за эпидемией жестокости, охватившей этот городок?

Многие здесь говорят, что знают причины, но их объяснения нежелательны для местных властей, и мало кто отважится произнести это в диктофон. Один местный полицейский (который пожелал сохранить свое имя в тайне) в частной беседе подтвердил опасения горожан: Транквиль захватили сатанисты.

«Нам хорошо известно, что здесь живут колдуны, – сообщил он. – Разумеется, они называют себя викканами и заверяют в невинности своих ритуальных обрядов. Но испокон веку колдовство считалось дьявольщиной, и остается только гадать, что эти так называемые виккане творят в лесах по ночам». В ответ на просьбу рассказать поподробнее он добавил: «Нам неоднократно поступали жалобы от местных жителей, которые слышали барабанный бой в лесу. Некоторые видели даже огни на Буковом Холме, где, как известно, никто не живет».

Барабанная дробь по ночам и загадочные огни в лесах – не одни эти признаки свидетельствуют о том, что не все ладно в этой уединенной деревушке. Слухи о сатанинских ритуалах уже давно стали частью местного фольклора. Одна женщина вспоминает, как еще в детстве слышала рассказы о тайных церемониях и исчезновении новорожденных. Кто-то пересказывает леденящие душу сказки о том, как животных и младенцев приносили в жертву Сатане...»

– Кто из ваших подчиненных давал интервью? – спросила Клэр.

Побагровев от ярости, Линкольн выскочил из-за стола и вылетел за дверь.

– Флойд! Флойд! Кто, черт возьми, беседовал с этой Дамарис Хорн?

Флойд слегка растерялся и дрожащим голосом ответил:

– Э-э... ты сам, Линкольн. На прошлой неделе.

– Но кто-то еще из наших говорил с ней. Я хочу знать, кто!

– Точно не я. – Флойд немного помолчал и заговорщически добавил: – Я, честно говоря, побаиваюсь эту дамочку, Дамарис. Создается впечатление, что она готова сожрать тебя живьем.

По-прежнему кипятясь, Линкольн вернулся к своему столу и сел.

– Нас в отделе шестеро, – обратился он к Клэр. – Я сделаю все, что от меня зависит, и разберусь с этим. Но анонимную утечку информации отследить труднее всего.

– А могла она выдумать эти цитаты?

– Да запросто. Зная Дамарис...

– Насколько хорошо вы ее знаете?

– Лучше, чем хотелось бы.

– Что это значит?

– Ну, в Рио мы сбегать не собираемся, – огрызнулся он. – Она чертовски настойчивая женщина и, похоже, всегда получает то, чего хочет.

– Включая местную полицию.

Она заметила, что в его глазах снова запылал злобный огонек. На мгновение их взгляды встретились, и Клэр вдруг почувствовала, что между ними пробежала искра. Это удивило ее, застало врасплох. В это утро Линкольн выглядел не лучшим образом. Волосы были всклокочены, как будто он нервно трепал их руками, и сам он был еще более помятым, чем обычно – рубашка несвежая, глаза слезились от недосыпа. Все тягота его работы и личной жизни были написаны сейчас на его лице.

В соседнем кабинете зазвонил телефон. И на пороге возник Флойд.

– Только что звонила кассирша из «Кобб энд Моронгз». Доктор Эллиот, вам, возможно, придется туда подъехать.

– Зачем? – удивилась Клэр. – Что случилось?

– Опять старик Уоррен Эмерсон. У него очередной приступ.

На тротуаре собралась толпа прохожих. Какой-то старик в поношенной одежде, лежа на асфальте, бился в эпилептическом припадке. Из раны на коже головы сочилась кровь, и из-за лютого ветра на тротуаре уже подмерзала ярко-красная лужица. Никто из толпы даже не пытался ему помочь; напротив, все держались на расстоянии, словно боясь прикоснуться к нему, даже приблизиться.

Клэр опустилась на колени. Прежде всего ей нужно было уберечь старика от дальнейших травм и проследить, чтобы он не задохнулся. Она перекатила его на бок, ослабила шарф и подложила его концы под щеку, чтобы защитить от соприкосновения с ледяным асфальтом. Его кожа покраснела от холода, но синюшного оттенка не приобрела; пульс был учащенный, но стабильный.

– Давно у него начался приступ? – крикнула она в толпу.

Ответом ей была тишина. Подняв голову, она увидела, что толпа отступила еще дальше и взгляды людей обращены не на нее, а на старика. Слышалось лишь завывание ветра, порывами налетавшего с озера; он трепал полы пальто и шарфы.

– Давно? – повторила она, и в ее голосе проявились нотки раздражения.

– Минут пять, может, десять, – наконец ответил кто-то.

– А «скорую» вызвали?

В ответ зеваки лишь покачали головами, пожали плечами.

– Это же просто старик Уоррен, – объяснила женщина, в которой Клэр узнала кассиршу из супермаркета. – Ему раньше никогда не требовалась «скорая».

– Но сейчас она необходима! – рявкнула Клэр. – Немедленно вызывайте!

– Приступ уже стихает, – возразила кассирша. – Через минуту все кончится.

Теперь конечности мужчины вздрагивали лишь время от времени, мозг выдавал последние вспышки бури. Наконец старик обмяк. Клэр снова проверила его пульс и обнаружила, что он ровный и стабильный.

– Вот видите, все в порядке, – заявила кассирша. – Он всегда отходит.

– Ему нужно наложить швы. И провести неврологическое обследование, – сказала Клэр. – Кто его лечащий врач?

– Раньше был Помрой.

– Да, но сейчас кто-то же должен прописывать ему лекарства, раз он нездоров. Кто-нибудь знает историю его болезни?

– Почему бы вам не спросить у самого Уоррена? Похоже, он очнулся.

Клэр перевела взгляд на старика и увидела, что его глаза медленно открываются. Хотя вокруг стояли люди, он смотрел вверх, на небо, как будто видел его впервые.

– Господин Эмерсон, – позвала она. – Вы можете посмотреть на меня?

Некоторое время он молчал; казалось, забылся, наблюдая за медленным дрейфом облака.

– Уоррен!

Наконец мужчина перевел взгляд на нее, и его бровь удивленно вздернулась, словно старик пытался понять, почему незнакомая женщина обращается к нему.

– У меня был приступ, – пробормотал он. – Верно?

– Я доктор Эллиот. «Скорая» уже едет, и мы отвезем вас в больницу.

– Я хочу домой…

– Вы разбили голову, нужно наложить швы.

– Но у меня кошка… кошка дома.

– С кошкой ничего не случится. Кто ваш доктор, Уоррен?

Казалось, припоминать ему было трудно.

– Доктор Помрой.

– Доктор Помрой скончался. Кто сейчас ваш доктор?

Старик покачал головой и закрыл глаза.

– Неважно. Это уже не имеет значения.

До Клэр донесся приближающийся вой сирены. «Скорая» притормозила у тротуара, и оттуда показались два санитара.

– О, так это Уоррен Эмерсон, – заметил один из них таким тоном, будто встречался с одним и тем же пациентом ежедневно. – У него что, очередной припадок?

– И довольно серьезная рана на голове.

– Ну что, старина Уоррен, – обратился к мужчине санитар, – похоже, тебе придется прокатиться с нами.

Когда «скорая» уехала, Клэр уже не могла сдерживать ярость. Она поглядела вниз, на кровь, которая застыла на асфальте.

– Это неслыханно, господа! – воскликнула она. – Неужели никто не попытался помочь ему? Неужели вам всем все равно?

– Они просто напуганы, – ответила за всех кассирша.

Клэр обернулась к ней.

– По крайней мере вы могли бы уберечь его от травмы. Припадок – это ведь не заразно.

– Мы не припадка боимся. А его.

Клэр недоуменно покачала головой.

– Вы боитесь старика? Да что он вам сделает?

Ее вопрос остался без ответа. Клэр вглядывалась в лица людей, но ни один из них не решился взглянуть на нее. И никто не проронил ни слова.

Когда Клэр добралась до больницы, врач реанимации, уже залатавший рану на голове Уоррена Эмерсона, царапал что-то на дощечке с зажимом.

– Пришлось наложить восемь швов, – сообщил Макнелли. – К тому же у него было незначительное обморожение носа и ушей. Видимо, долго находился на холоде.

– Минут двадцать как минимум, – сказала Клэр. – Как думаете, ему требуется госпитализация?

– Ну, его припадки – это хроническая проблема, а по неврологии у него вроде бы все в порядке. Но он здорово ударился головой. Трудно сказать, с чем была связана потеря сознания – то ли с приступом, то ли с травмой черепа.

– У него есть лечащий врач?

– В настоящее время нет. По нашим записям, последний раз его госпитализировали в 1989 году по предписанию доктора Помроя. – Макнелли поставил свою подпись в реанимационном расписании и поднял глаза на Клэр. – Хотите взять его себе?

– Как раз собиралась предложить, – ответила она.

Макнелли передал ей старую больничную карту Эмерсона.

– Приятного чтения.

В папке хранились записи о госпитализации Эмерсона в 1989 году и краткие отчеты о вызовах врачей «скорой», скопившиеся за несколько лет. Она открыла страницу, датированную 1989 годом, и узнала каракули доктора Помроя. Это была скупая запись, отразившая только основные факты:

«История: 57-летний мужчина, белый, случайно задел левую ступню топором, когда колол дрова пять дней назад. Рана воспалилась, пациенту больно наступать на ногу.

Физическое состояние: Температура 37,2°. На левой ступне резаная рана длиной два сантиметра, края затянулись. Кожный покров вокруг раны теплый, красный, мягкий. Увеличение лимфатических узлов в левой части паховой области.

Диагноз: панникулит.

Назначено: антибиотики внутривенно».

Не обнаружилось ни предыдущей истории болезни, ни записи о социальном статусе пациента – никаких свидетельств, что инфицированная ступня имеет отношение к живому человеку.

Клэр отыскала записи, сделанные врачами «скорой помощи». Двадцать пять страниц хранили историю двадцати пяти вызовов за последние тридцать лет, и все они были связаны с одним и тем же недугом: «Хроническая эпилепсия, припадки...», «припадок, травмирована кожа головы...», «припадок, рваная рана щеки...» Припадок, припадок, припадок. И каждый раз доктор Помрой выпускал Эмерсона из больницы без дальнейшего обследования. Она так и не нашла сведений о какой-либо диагностике.

Пусть пациенты любили Помроя, но в данном случае он явно проявил халатность.

Клэр зашла в комнату для осмотров.

Уоррен Эмерсон лежал на процедурном столе лицом вверх. На фоне новенького, сверкающего оборудования, которое его окружало, одежда старика казалась еще более ветхой и потрепанной. Ему частично сбрили волосы, на коже головы виднелись свежие швы. Услышав, что кто-то вошел, старик медленно повернул голову в сторону Клэр. Казалось, он узнал ее – слабая улыбка тронула его губы.

– Господин Эмерсон, – обратилась к нему Клэр. – Я доктор Эллиот.

– Вы были там.

– Да, когда у вас случился приступ.

– Я хотел поблагодарить вас.

– За что?

– Я не люблю приходить в себя в одиночестве. Я не люблю, когда... – Он замолчал и уставился в потолок. – Можно мне домой?

– Вот об этом я и хотела поговорить с вами. Поскольку доктор Помрой скончался, у вас теперь нет лечащего врача. Хотите, чтобы я стала вашим доктором?

– Мне уже не нужен врач. Мне уже никто не поможет.

Улыбнувшись, она потрепала его по плечу. Под пыльными слоями одежды его тело казалось усохшим, мумифицированным.

– Думаю, я смогу вам помочь. Прежде всего нам с вами нужно попытаться контролировать эти приступы. Как часто они случаются?

– Не знаю. Иногда я просыпаюсь на полу и догадываюсь, что это был приступ.

– А у вас нет домашних? Вы живете один?

– Да, мэм. – Он грустно улыбнулся. – Ну, если не считать кошки, Моны.

– А как вам кажется, часто ли случаются приступы?

Он заколебался.

– Несколько раз в месяц.

– И какие лекарства вы принимаете?

– Я уже давно отказался от них. Никакого толку от этих таблеток.

Клэр раздраженно вздохнула.

– Господин Эмерсон, вы не можете вот так запросто отказаться от лекарств.

– Но они мне больше не нужны. Я уже готов умереть. – Он произнес это тихо, без какого-либо страха, даже без намека на жалость к самому себе. Это была скорее констатация факта: «Я скоро умру, и с этим ничего не поделаешь».

Она уже слышала подобные предсказания от других пациентов. Их доставляли в больницу в далеко не безнадежном состоянии, и тем не менее они с тихой убежденностью говорили Клэр: «На этот раз мне не выкарабкаться». Она пыталась переубедить их, хотя и чувствовала леденящее душу приближение смерти. Казалось, пациенты всегда знали, что конец близок. Если они говорили, что умрут, то непременно умирали.

Глядя в спокойные глаза Уоррена Эмерсона, она снова ощутила этот холодок. Но, отбросив ненужные сомнения, продолжила осмотр.

– Я должна посмотреть ваши глаза, – сказала она, потянувшись за офтальмоскопом.

Он обреченно вздохнул и позволил ей исследовать сетчатку.

– Вы когда-нибудь обращались к невропатологу по поводу ваших припадков? Может быть, к нейрохирургу?

– Было дело, только очень давно. Когда мне было семнадцать. От удивления она резко выпрямилась и убрала офтальмоскоп.

– Но ведь прошло почти пятьдесят лет.

– Он-то мне и сказал, что у меня эпилепсия. И что это на всю жизнь.

– И с тех пор вы не были у невропатолога?

– Нет, мэм. Доктор Помрой – он наблюдал меня, после того как я вернулся в Транквиль.

Клэр продолжила осмотр, но никаких неврологических отклонений так и не обнаружила. Сердце и легкие были в норме, живот не вздут.

– А доктор Помрой никогда не делал вам компьютерную томограмму головного мозга?

– Делал рентген несколько лет назад, после того как я упал и ударился головой. Он подумал, что я мог разбить череп, но все оказалось в порядке. Похоже, у меня чересчур крепкая голова.

– А в какой-то другой больнице вы были?

– Нет, мэм. Я почти всю жизнь прожил в Транквиле. И никуда меня не тянуло отсюда. – В его голосе прозвучали нотки сожаления. – А теперь слишком поздно.

– Слишком поздно для чего, господин Эмерсон?

– Господь не дает нам второй попытки.

Она не обнаружила у старика никаких отклонений. И все-таки ей не хотелось отпускать его в пустой и холодный дом.

К тому же ее беспокоила оброненная им фраза: «Я уже готов умереть».

– Господин Эмерсон, – начала она, – я хочу задержать вас в больнице до завтра, чтобы провести обследования. Нужно убедиться, что никаких иных причин, вызывающих ваши приступы, нет.

– Да я прожил с ними почти всю жизнь.

– Но вы так давно не проходили обследование. Я хочу снова назначить вам лекарства, и мне нужно сделать снимки вашего мозга. Если все будет нормально, завтра я отпущу вас домой.

– Мона не любит голодать.

– Ничего с ней не случится. Сейчас вам нужно думать о себе. О своем здоровье.

– Но я не кормил ее с прошлого вечера. Она будет мяукать…

– Я прослежу за тем, чтобы ваша кошка не голодала, если только в ней причина. Ну как, договорились?

Некоторое время он изучающее глядел на доктора Эллиот, пытаясь решить, может ли он вверить судьбу своего лучшего и, возможно, единственного друга этой едва знакомой женщине.

– Тунец, – сдался он наконец. – Сегодня она ждет тунца.

Клэр кивнула.

– Тунец так тунец.

Вернувшись на пост медсестры, она сразу же позвонила в отделение рентгенологии.

– Я госпитализирую пациента по имени Уоррен Эмерсон. Мне нужна компьютерная томограмма его головы.

– Диагноз?

– Эпилептические припадки. Нужно исключить опухоль мозга.

Она заполняла медицинскую карту Уоррена, когда Эдам Делрей, качая головой, проследовал в отделение неотложной помощи.

– Я только что видел, как из лифта вывозили Уоррена Эмерсона, – обратился он к одной из медсестер. – Кто, черт возьми, госпитализировал его?

Клэр подняла голову, чувствуя, что ее неприязнь к коллеге достигла критической отметки.

– Это сделала я, – холодно произнесла она. – Сегодня у него был припадок.

Делрей фыркнул.

– Эмерсон страдает припадками уже много лет. Он хронический эпилептик.

– В мозге любого человека могут появиться новообразования.

– Послушайте, если вы хотите взять его себе, вас пора причислять к лику святых. Помрой постоянно жаловался на него.

– Почему?

– Никогда не принимал выписанных лекарств. Потому и бьется все время в припадках. К тому же он пользуется медицинской страховкой для малоимущих, так что желаю удачи в получении оплаты. Думаю, деньгам налогоплательщиков можно найти лучшее применение, нежели чем подавать старику Эмерсону завтрак в постель. – Он рассмеялся и вышел из отделения.

Клэр с таким остервенением поставила свою подпись, что перо ручки едва не прорвало бумагу. Все те исследования, которые она хотела провести, да еще ночевка в больнице составляли безусловно немалую статью расходов. Вполне возможно, что память все-таки подвела Эмерсона, и на самом деле доктор Помрой проводил диагностику, хотя она сомневалась в этом. Судя по записям в медицинских картах его пациентов, Помрой был весьма пассивным клиницистом, предпочитающим прописывать новые лекарства, вместо того чтобы тщательно исследовать причины отмеченных симптомов.

Доктор Эллиот вышла из больницы и поехала обратно в Транквиль. Когда она добралась до своего офиса, в голове созрел четкий план: она должна еще раз просмотреть медицинскую карту Эмерсона и доказать самой себе, что ее решение о госпитализации было единственно верным.

Когда Клэр вошла в приемную, Вера разговаривала по телефону. Помахав трубкой, она сообщила:

– Макс Татуайлер звонит.

– Я отвечу у себя в кабинете. А пока найди мне карту Уоррена Эмерсона.

– Уоррена Эмерсона?

– Да, я только что госпитализировала его в связи с припадком.

– Зачем?

Клэр остановилась в дверях своего кабинета и, обернувшись, сурово посмотрела на Веру.

– Почему в этом городе с недоверием относятся ко всем моим заключениям?

– Да нет, мне просто стало интересно, – отозвалась Вера.

Хлопнув дверью, Клэр подошла к своему столу. Теперь придется извиняться перед Верой. И это вдобавок ко всем прочим неприятностям. Ей сейчас совершенно не хотелось говорить с кем бы то ни было; но, пусть и с неохотой, она все-таки взяла телефонную трубку.

– Алло, Макс!

– Я не вовремя?

– Даже не спрашивайте.

– Ой! Тогда я быстренько. Я просто подумал, вам будет интересно это узнать. Синий гриб идентифицировали. Я отправил его микологу, и он согласился с тем, что это *Chtocybe odora*, говорушка анисовая.

– Он токсичен?

– Почти нет. Небольшие количества мускарина вызывают лишь желудочно-кишечные расстройства, да и то неопасные.

Клэр вздохнула.

– Ну вот, опять тупик.

– Похоже на то.

– А что с образцами озерной воды? Результаты еще не готовы?

– Есть кое-какие предварительные выводы. Подождите, я достану распечатку…

В дверь постучали, и на пороге появилась Вера с картой Уоррена Эмерсона. Не сказав ни слова, она положила папку на стол и вышла. В ожидании, пока Макс вернется на линию, Клэр открыла карту и пробежала глазами первую страницу. Она была датирована 1932 годом, годом рождения Эмерсона. Описывались неосложненные роды госпожи Агнес Эмерсон и появление на свет здорового мальчика. Фамилия врача – Хиггинс. Следующие несколько страниц были посвящены записям о регулярных осмотрах ребенка.

Клэр перевернула очередную страницу и нахмурилась, увидев дату – 1956. Интервал между предыдущей записью и этой составлял десять лет. Впервые в карте появилась подпись доктора Помроя. Она стала вчитываться в записи Помроя, но ее отвлек голос Макса, снова прозвучавший в трубке.

– Бактериальные культуры скоро выявят, – сообщил он. – Но пока я вижу, что содержание диоксина, свинца и ртути в пределах безопасной нормы…

Внимание Клэр вдруг привлекла новая запись в карте. То, что Помрой записал в последнем абзаце: «Не совершал никаких жестоких поступков со дня ареста в 1946 году».

– …к следующей неделе мы будем знать больше, – продолжал Макс. – Но пока качество воды кажется вполне удовлетворительным. Никаких признаков химического загрязнения.

– Я должна идти, – прервала она биолога. – Перезвоню позже.

Она повесила трубку и перечитала запись Помроя с начала до конца. Пометка была сделана в тот год, когда Уоррену Эмерсону исполнилось двадцать пять.

В том же году он был выписан из лечебницы для душевнобольных штата Мэн, находящейся в Огасте.

Тысяча девятьсот сорок шестой. В каком месяце Уоррен Эмерсон совершил преступление?

Стоя в подвале здания газеты «Транквиль», где хранились архивы, Клэр смотрела на деревянный шкаф, который занимал всю стену. Каждый ящик был датирован соответствующим годом. Она открыла тот, на котором значился 1946-й, период с июля по декабрь.

В ящике лежали шесть номеров «Транквиля». В 1946 году он выходил ежемесячно. Страницы были хрупкими и пожелтевшими, возле рекламных объявлений красовались женские фигурки с осиными талиями, одетые в пышные юбки и маленькие шляпки. Клэр осторожно пролистала июльский номер, просматривая заголовки: «Рекордная жара компенсирует дождливую весну…», «Невиданный наплыв туристов…», «Осторожно: москиты…», «Задержаны мальчики, незаконно запускавшие фейерверки…» «Парад в честь 4 июля бьет все рекорды по числу зрителей…» Клэр подумала о том, что июльские заголовки мало изменились с тех пор. Лето всегда было сезоном парадов и москитов, и эти статьи вызвали у нее воспоминания о первом лете в штате Мэн. Ей

вспомнились хруст кукурузных початков и вкус сладкого гороха, жгучее прикосновение цитронеллы. То было хорошее лето – видимо, такое же, как в 1946 году.

Она перешла к выпускам за август и сентябрь, в которых не открыла для себя ничего нового – все те же репортажи о рыбных праздниках, религиозных танцах баптистов и соревнованиях пловцов в озере. Были среди них и неприятные новости: в результате аварии с участием трех автомобилей два человека были госпитализированы, по неосторожности хозяйки дом сгорел дотла. Воришки промышляли в супермаркетах. Что ж, даже в краю вечных каникул жизнь не может быть идеальной.

Она достала октябрьский номер газеты, и тут же в глаза бросился крупный заголовок:

15-ЛЕТНИЙ МАЛЬЧИК ЗАРУБИЛ РОДИТЕЛЕЙ, ПОСЛЕ ЧЕГО РАЗБИЛСЯ НАСМЕРТЬ;

ДЕЙСТВИЯ МЛАДШЕЙ СЕСТРЫ ПРИЗНАНЫ САМООБОРОНОЙ.

Имя подростка не упоминалось, однако в газету поместили фотографии убитых родителей – красивая темноволосая пара улыбалась с семейного портрета. Клэр вгляделась в подпись под фотографией, чтобы узнать имена убитых, – Марта и Фрэнк Китинги. Фамилия показалась знакомой; Айрис Китинг – так звали местную судью. Неужели родственники?

Взгляд Клэр скользнул ниже, и на глаза попался другой заголовок: «Кулачная драка в школьной столовой».

А следом еще: «Пропала жительница Бостона; в последний раз девочку видели в компании местных подростков».

Подвал был неотапливаемым, и руки Клэр заледенели. Но холод этот был внутренним.

Она взяла ноябрьский номер и уставилась в первую страницу. В заголовок, который прямо-таки кричал:

14-ЛЕТНИЙ ПОДРОСТОК АРЕСТОВАН ЗА УБИЙСТВО РОДИТЕЛЕЙ. ДРУЗЬЯ И СОСЕДИ ПОТРЯСЕНЫ ПРОДЕЛКАМИ «ВПЕЧАТЛИТЕЛЬНОГО МАЛЬЧИКА».

Холодок пробежал у нее по спине.

«Это повторяется», – подумала она.

14

– Почему вы мне об этом не рассказали? Почему держали в секрете?

Линкольн подошел к двери и закрыл ее. После чего повернулся к Клэр.

– Это было давно. Я не видел смысла ворошить старую историю.

– Но это же история города! А с учетом того, что произошло здесь за последний месяц, связь представляется мне очевидной.

Доктор Эллиот выложила на стол начальника полиции фотокопии статей из газеты «Транквиль».

– Взгляните на это. В сорок шестом году были убиты семь человек, а девочку из Бостона так и не нашли. Похоже, жестокость здесь не внове. – Она постучала по стопке бумаг. – Почитайте эти статьи, Линкольн. Или вы уже знаете все детали?

Келли медленно опустился в кресло и задумчиво уставился на статьи.

– Да, большинство деталей мне известно, – тихо признался он. – Я слышал эти истории.

– Кто вам рассказал?

– Джефф Уиллард. Когда я заступил на службу двадцать два года назад, начальником полиции был он.

– А до этого вы ничего не знали?

– Нет. А ведь я здесь вырос. Пока Уиллард не рассказал мне, я ничего не знал. Люди просто-напросто не говорят об этом.

– Предпочитают делать вид, будто ничего не было.

– Ну, здесь нужно учитывать и вопрос нашей репутации. – Линкольн поднял голову, наконец встретившись с ней взглядом. – Это ведь курортный городок, Клэр. Люди приезжают сюда, чтобы отдохнуть от больших городов, от преступности. Нам совсем не хочется трубить на весь мир о том, что у нас тут свои проблемы. Эпидемия убийств.

Клэр села напротив полицейского, и они посмотрели друг другу в глаза.

– Кто знает об этом?

– Те, кто жил здесь в то время. Старики, кому сейчас за шестьдесят, за семьдесят. Но не их дети. Не мое поколение.

Она в изумлении покачала головой.

– И они столько лет держали это в тайне?

– Вы ведь понимаете, почему? Они не просто город защищают. Речь ведь идет о семьях. Дети, совершившие эти преступления, все были из местных. Их семьи по-прежнему здесь живут и, возможно, до сих пор стыдятся этого. И страдают от последствий.

– Как Уоррен Эмерсон.

– Вот именно. Посмотрите, как он живет. Один, без друзей. Он ведь больше не совершал преступлений, но его все равно избегают. Даже дети, которые понятия не имеют, что в нем такого страшного. Они просто знают от своих бабушек и дедушек, что Эмерсон – человек, от которого нужно держаться подальше. – Линкольн перевел взгляд на фотокопию статьи. – Ну, вот теперь вы знаете историю своего пациента. Уоррен Эмерсон – убийца. Но не единственный.

– Вы должны были провести параллели, Линкольн.

– Хорошо, признаю: кое-какие параллели существуют.

– Их все даже не перечислить. – Она потянулась к стопке вырезок и отыскала статью из октябрьского номера. – В тысяча девятьсот сорок шестом году все началось с драк в школе. Двое учеников были исключены. Потом по городу прокатилась волна вандализма – били стекла, нападали на дома – и опять виновными были признаны подростки. Наконец, в последних числах октября пятнадцатилетний мальчик зарубил своих родителей топором. Младшая сестра, защищаясь, вытолкнула его из окна. – Клэр подняла глаза на полицейского. – И с каждым разом преступления становятся все серьезнее. Как вы это объясните?

– Когда речь идет о жестокости, Клэр, этот вопрос можно адресовать только человеческой натуре. Но факт остается фактом: мы до сих пор не знаем, почему люди убивают друг друга.

– Взгляните на последовательность событий. Вначале был тихий спокойный городок. Потом тут и там начинают шалить дети. Сначала дерутся между собой. А спустя какое-то время начинают убивать людей. В городе паника, все требуют принятия мер. И вдруг – словно по мановению волшебной палочки – все разом прекращается. И город

снова погружается в спячку. – Она замолчала, опустила взгляд. – Линкольн, здесь есть еще одна странность. В больших городах самое опасное время года – лето, когда жара провоцирует повышенную возбудимость у людей. С наступлением холодов преступность резко снижается. Но в этом городе все по-другому. Жестокость пробуждается в октябре и достигает пика в ноябре. – Она подняла на него взгляд. – И тогда, и сейчас убийства начались осенью.

Клэр вздрогнула от внезапно прозвучавшего сигнала пейджера. Она взглянула на номер, высветившийся на дисплее, и потянулась к телефону на столе Линкольна.

На ее звонок ответил техник из отделения компьютерной томографии.

– У нас готова энцефалосцинтиграмма вашего пациента Уоррена Эмерсона. Доктор Чепмен уже едет к нам, чтобы расшифровать ее.

– Вы что-нибудь обнаружили? – поинтересовалась Клэр.

– Отклонения очевидны.

Доктор Чепмен прикрепил снимки к негатоскопу и включил подсветку. На вспыхнувшем экране появились поперечные срезы мозга Уоррена Эмерсона.

– Вот что я имел в виду, – пояснил он. – Вот здесь, распространяется в левую лобную долю. Видите?

Клэр подошла ближе. То, на что указывал ее коллега, представляло собой небольшое сферическое затемнение в передней части мозга, прямо за бровью. Затемнение было однородным, без просветлений. Она просмотрела и другие снимки, но больше никаких отклонений не обнаружила. Если это опухоль, то, похоже, уже локализованная.

– Каково ваше мнение? – спросила она. – Менингиома?

Он кивнул.

– Скорее всего. Видите, какие ровные края? Конечно, потребуется провести диагностику ткани, чтобы установить, злокачественная ли опухоль. Она примерно два сантиметра в диаметре и, похоже, хорошо инкапсулирована. Окружена фиброзной тканью. Думаю, ее можно удалить без остаточных опухолей.

– А она может служить причиной припадков?

– Они у него давно?

– С юности. Уже примерно лет пятьдесят.

Чепмен посмотрел на нее с удивлением.

– И эти массы никогда не исследовали?

– Нет. Поскольку он всю жизнь страдал от эпилепсии, думаю, Помрой счел лишним проводить дополнительное обследование.

Чепмен покачал головой.

– Возможно, мне придется пересмотреть диагноз. Прежде всего потому, что менингиомы крайне редко встречаются у подростков. К тому же менингиома имеет тенденцию к росту. Так что либо она не является причиной эпилепсии, либо это вообще не менингиома.

– Но тогда – что еще?

– Глиома. Метастаз какой-то другой первичной опухоли. – Он пожал плечами. – Это может быть даже давняя инкапсулированная киста.

– Но массы кажутся плотными.

– Скажем, если бы она возникла из-за туберкулезной палочки или какого-нибудь паразита, организм мог бы отреагировать воспалением. Окружить или переплести его рубцовой тканью. Больного проверяли на туберкулез?

– Десять лет назад результат был отрицательный.

– Ну, в любом случае патология налицо. Этому пациенту необходимо провести краниотомию и удалить опухоль.

– Полагаю, это означает, что мы должны перевезти его в Бангор.

– В нашей больнице краниотомию не делают. Мы обычно передаем нейрохирургических больных Кларенсу Ротстейну, в Медицинский центр восточного Мэна.

– Вы его рекомендуете?

Чепмен кивнул и выключил негатоскоп.

– У него золотые руки.

Брокколи на пару, рис и символический кусочек трески.

Луиза Ноултон не знала, хватит ли у нее сил изо дня в день наблюдать, как ее сын голодает. Он потерял еще килограмм, но при этом выражение его лица стало еще более угрюмым, и в нем все чаще сквозило раздражение. От жизнерадостного Барри не осталось и следа.

Луиза посмотрела на сидящего напротив мужа и прочла те же мысли в глазах Мела: «Это все диета. Он такой из-за диеты».

Луиза кивнула на блюдо с картофелем фри, которое она приготовила для себя и Мела.

– Барри, милый, у тебя такой голодный вид! От нескольких ломтиков ничего не будет.

Не обратив никакого внимания на маму, Барри с зубодробительным скрежетом продолжал скрести по тарелке вилкой.

– Барри, прекрати!

Он поднял глаза. Такого пустого и холодного взгляда она еще в жизни не видела.

Дрожащими руками Луиза протянула сыну тарелку с картошкой.

– Пожалуйста, Барри, – пробормотала она. – Съешь одну. Съешь хоть все. Тебе сразу полегчает.

Она удивленно охнула, когда Барри вдруг отодвинул стул и резко поднялся из-за стола. Ни слова не говоря, он пошел прочь, а потом хлопнул дверью своей комнаты. Через мгновение оттуда донеслись непрерывные звуки стрельбы – мальчик включил видеоигру и принялся охотиться на виртуальных врагов.

– Может, что-то случилось в школе? – осведомился Мел. – Ребята опять над ним издеваются?

Луиза вздохнула.

– Я не знаю. Я уже ничего не знаю.

Они сидели, прислушиваясь к нарастающему грохоту выстрелов. К крикам и стонам виртуальных жертв, гибнущих в адском огне «Супер Нинтендо».

Взглянув на влажный и мягкий картофель фри, Луиза вздрогнула. Впервые в жизни она отодвинула от себя тарелку с едой, так и не закончив ужин.

Когда Клэр приехала домой, стереосистема Ноя надрывалась на всю катушку. Головная боль, которая начала набирать обороты во второй половине дня, сжимала череп, словно вонзая когти в лоб. Она повесила пальто и остановилась у подножия лестницы, вслушиваясь в оглушительный грохот барабанов и монотонное завывание солиста. Она не могла разобрать ни слова. Интересно, как я должна контролировать музыкальные пристрастия своего сына, если даже не знаю, о чем поется в этих песнях?

Так больше не может продолжаться. Клэр была не в силах терпеть этот шум, во всяком случае сегодня.

– Ной, сделай потише! – крикнула она.

Музыка грохотала по-прежнему. Невыносимо.

Она поднялась по лестнице, чувствуя, что раздражение сменяется яростью. Дернув ручку, Клэр обнаружила, что дверь заперта. Она постучала и громко крикнула:

– Ной!

Дверь распахнулась не сразу. На нее обрушился мощный шквал музыки, сбивая с ног звуковой волной. Ной заслонил собой дверной проем; мешковатая одежда висела на нем, словно потрепанные ритуальные одеяния.

– Сделай потише! – заорала она.

Он отключил усилитель, и музыка разом смолкла. В ушах зазвенело от внезапной тишины.

– Ты что, хочешь оглохнуть? А меня при этом окончательно свести с ума?

– Тебя не было дома.

– Я была дома. Кричала тебе, только ты меня не слышал.

– Сейчас я тебя слышу, довольна?

– Если ты будешь включать музыку на такую громкость, через десять лет лишишься слуха. Ты живешь не один.

– Разве я могу забыть, ведь ты мне постоянно об этом напоминаешь! – Плюхнувшись на стул, он развернулся лицом к столу. Спиной к ней.

Клэр стала молча наблюдать за ним. Он листал журнал, но по напряженным мышцам его плеч можно было угадать, что он не читает. Он чувствует ее присутствие, ее гнев.

Она зашла в комнату сына и устало опустилась на кровать.

– Извини, что кричала на тебя, – сказала она, немного помолчав.

– Последнее время ты делаешь это постоянно.

– Неужели?

– Да. – Он перевернул страницу.

– Я не хотела, Ной. Просто так все навалилось – мне кажется, я не справляюсь со всеми этими проблемами.

– Мам, все пошло наперекосяк с тех пор, как мы переехали сюда. Все. – Он резко захлопнул журнал и уронил голову на руки. Его голос опустился до шепота. – Я бы так хотел, чтобы с нами был папа.

Некоторое время они молчали. Клэр слышала, как слезы падают на обложку журнала, до нее доносилось судорожное дыхание сына, который изо всех сил старался успокоиться.

Она встала и положила руки ему на плечи. Они были напряжены, затвердели – мальчик изо всех сил пытался сдержать слезы. Как мы похожи, думала она, все время пытаемся контролировать эмоции, держать себя в узде. Питер был самым эмоциональным в их семье – визжал от восторга, катаясь на американских горках, от души хохотал в кинотеатрах. Это он распевал под душем и приводил в состояние тревоги датчики дыма, когда принимался готовить. И никогда не стеснялся лишний раз сказать: «Я люблю тебя».

«Как бы ты расстроился, увидев все это, Питер. Увидев, как мы боимся сделать шаг навстречу друг другу. Как мы оплакиваем тебя, как страдаем из-за того, что тебя больше нет».

– Мне тоже его не хватает, – шепотом призналась она. И позволила себе обнять сына, прижавшись щекой к его волосам, вдыхая мальчишеский запах, который она так любила. – Мне его тоже не хватает.

Внизу кто-то звонил в дверь. «Не сейчас. Только не сейчас».

Она не двинулась с места, не обращая внимания на звонок, забыв обо всем, кроме теплого тела сына.

– Мам, – произнес Ной, высвобождаясь из ее объятий. – Кто-то пришел.

Клэр неохотно выпустила мальчика и выпрямилась. Внезапная возможность была утеряна, и она снова уткнулась взглядом в напряженные плечи сына.

Клэр спустилась вниз, испытывая раздражение оттого, что кто-то снова вторгается в ее жизнь, требует ее внимания и отрывает от сына. Открыв дверь, она увидела Линкольна. Он стоял на лютом ветру; его рука в очередной раз потянулась к кнопке звонка. Начальник полиции ни разу не приходил к ней домой, и Клэр была одновременно удивлена и озадачена его визитом.

– Мне нужно поговорить с вами, – сказал он. – Можно войти?

Она еще не разжигала камин в гостиной, и в комнате было холодно и темно. Клэр тут же включила все лампочки, но от света теплее не стало.

– После того как вы ушли от меня, – начал он, – я долго обдумывал ваши слова. О том, что у здешней жестокости есть своя закономерность. Что существует связь между событиями сорок шестого и нынешнего годов. – Линкольн полез в карман куртки и достал сложенный лист с фотокопией газетной статьи, которую она ему оставила. – Знаете, какая? Ответ прямо перед нами.

– Что за ответ?

– Посмотрите на первую страницу. Октябрьский номер сорок шестого года.

– Я уже читала эту статью.

– Нет, не про убийство. Посмотрите на статью внизу. Возможно, вы не обратили на нее внимания.

Клэр расправила лист на колене. Статья, о которой он говорил, не полностью уместилась на фотокопии, была видна только верхушка. С заголовком: «Ремонт моста через реку Саранча завершен».

– Не понимаю, к чему вы клоните, – призналась она.

– Этот же мост ремонтировали в нынешнем году. Помните?

– Да.

– А почему пришлось его ремонтировать?

– Наверное, разрушился?

С разочарованным видом он провел рукой по волосам.

– Господи, Клэр. Ну, подумайте же! Почему мост нуждается в ремонте? Потому что его смыло. Этой весной у нас был рекордный паводок, река Саранча вышла из берегов, смыла два дома, сорвала целую кучу мостков. Я звонил в Геологическое общество США, и они подтвердили, что в этом году зарегистрирован самый высокий уровень осадков за последние пятьдесят два года.

Она подняла глаза, начиная понимать, что он имеет в виду.

– Значит, в последний раз сильные ливни были…

– Весной сорок шестого года.

Она откинулась на спинку дивана, поражаясь совпадению.

– Ливни, – бормотала она. – Влажная почва. Бактерии. Грибы…

– Вот именно, грибы. Есть новости насчет тех, синих?

Она покачала головой.

– Максу подтвердили их название. Они не слишком ядовиты. Но сильные ливни могли вызвать размножение других грибов. Кстати, известно, что именно грибок вызвал массовую эпидемию пляски святого Вита.

– Это что, тоже припадки?

– По-научному пляска святого Вита называется хореей. Выражается в конвульсивных движениях конечностей, похожих на танец. В истории случались эпидемии этой болезни. Кстати, не исключено, что именно такая эпидемия привела к Сейлемской охоте на ведьм [4].

– Это произошло из-за болезни?

– Да. После холодной и сырой весны урожаи ржи могут быть заражены этим грибком. Люди едят рожь, и у них развивается хорея.

– Мы что, тоже имеем дело с эпидемией пляски святого Вита?

– Нет, я просто хочу сказать, что в истории немало примеров человеческих болезней, проявление которых зависит от климата. В природе все взаимосвязано. Пусть мы считаем, что окружающий мир

находится под контролем, но в действительности на нас влияет множество невидимых микроорганизмов. – Она задумалась, вспомнив об отрицательных анализах Скотти Брэкстона. До сих пор ни из крови, ни из назального секрета не выросло ни одного микроорганизма. Может, она совсем не там искала очаг инфекции? Может, это такой необычный организм, такой неожиданный, что лаборатория посчитала его ошибкой? – На всех детей должен был подействовать общий возбудитель, – заметила она. – Например, одна и та же зараженная еда. Пока мы можем только рассуждать о связи между ливнями и агрессивным поведением. Она может оказаться простым совпадением.

Некоторое время он молчал. Клэр уже много раз разглядывала лицо Келли, восхищаясь сквозившей в нем силой и спокойной уверенностью. Сегодня она заметила в его глазах глубокий ум. Основываясь на разрозненной информации, он смог распознать закономерность, которую она даже не заметила.

– Значит, нам необходимо найти этот возбудитель, – заключил он.

Клэр кивнула.

– Вы можете организовать визит в исправительный центр? Мне нужно поговорить с Тейлором.

– Эта задача может оказаться непростой. Вы же знаете, Пол Дарнелл по-прежнему считает вас виноватой.

– Но Тейлор не единственный пострадавший. Пол не может обвинять меня во всех бедах, которые случились в этом городе.

– Теперь уже нет. – Линкольн поднялся. – Мы должны найти ответ до того, как состоится городское собрание. Я организую вам свидание с мальчиком, Клэр. Что-нибудь придумаю.

Стоя у окна гостиной, она наблюдала, как Келли идет по обледенелой дорожке к своему пикапу. Он шел уверенной походкой мужчины, который вырос в этом суровом климате, – широко расставляя ноги, тяжело приминая снег подошвами своих ботинок. Он подошел к пикапу, открыл дверцу и почему-то оглянулся.

На мгновение их взгляды встретились.

И вдруг, испытав странное удивление, она подумала: «И давно меня тянет к нему? Когда это началось? Даже и не знаю». Вот и еще одно осложнение возникло в ее жизни.

Линкольн уехал, а она все стояла у окна, разглядывая бесцветный пейзаж. Перед глазами были лишь снег, лед и голые деревья, и все это сливалось в унылое темное пятно.

Из комнаты Ноя снова доносилась музыка.

Клэр отошла от окна и погасила лампу. И тут, шумно вздохнув, вспомнила обещание, которое дала Уоррену Эмерсону. Кошка.

Была уже ночь, когда она подъехала к нижнему склону Букового Холма и поставила машину во дворе дома Эмерсона, возле поленницы. Это была идеально сложенная округлая дровяная крепость. Клэр подумала о том, сколько долгих часов, должно быть, потратил Уоррен на такую аккуратную постройку, – с подобным тщанием обычно возводят кирпичные стены. И теперь, в угоду зиме, ему приходится полено за поленом разбирать собственное произведение искусства.

Клэр заглушила мотор и оглядела старый дом. В окнах было темно. Поднимаясь по обледенелым ступенькам на крыльцо, ей пришлось фонариком освещать себе дорогу. Все вокруг казалось кособоким, и у Клэр возникало странное ощущение, будто и ее клонит набок и уносит к краю пропасти, к забвению. Уоррен говорил, что дверь не заперта, и так оно и было. Клэр вошла в дом и зажгла свет.

Пред ее взором предстала кухня с потертым линолеумом и ветхой утварью. На полу сидела маленькая серая кошка и таращилась на гостью. Они напугали друг друга, женщина и кошка, и на некоторое время обе замерли.

Потом животное бросилось вон из кухни и скрылось где-то в доме.

– Иди сюда, киса! Киса! Ты ведь хочешь есть, верно? Мона!

Клэр планировала пристроить Мону в приют для животных. Уоррена Эмерсона уже перевезли в Медицинский центр восточного Мэна на краниотомию, и ему предстояло пробыть там не меньше недели. Клэр не собиралась мотаться сюда каждый день ради кошки. Но, похоже, животное решило иначе.

Раздражаясь все сильнее, Клэр бродила по комнатам в поисках несговорчивой Моны и повсюду зажигала свет. Как и многие фермерские дома той поры, это строение с множеством тесных захламленных комнаток было рассчитано на большую семью. В комнатах скопились кипы старых газет и журналов, бумажные пакеты из магазинов, ящики с пустыми бутылками. В коридоре ей пришлось вихлять в разные стороны, пробираясь по узкому проходу между

стопками книг. Такой беспорядок обычно является признаком умственного расстройства, но Уоррен устроил его с определенной логикой – книги были отделены от журналов, коричневые бумажные пакеты аккуратно сложены и связаны бечевкой. Возможно, за этим скрывалась лишь гипертрофированная бережливость янки.

Во всяком случае кошке-беглянке было где спрятаться в этом доме.

Она обошла весь нижний этаж, но так и не нашла Мону. Должно быть, животное пряталось где-то наверху.

Клэр двинулась вверх по лестнице и вдруг остановилась. Ладони стали влажными. Дежавю, подумала она. Со мной это уже было. Странный дом, странная лестница. И ужас, ожидавший меня на чердаке…

Но здесь никогда не жил Скотти Брэкстон, а наверху может прятаться только испуганное животное.

Сделав над собой усилие, она двинулась дальше и, словно подбадривая себя, крикнула: «Иди сюда, киса!» На втором этаже размещались четыре комнаты, но только одна была открыта. Если кошка пряталась на втором этаже, то наверняка там.

Клэр переступила порог и зажгла свет.

Со всех сторон на нее смотрели черно-белые фотографии – они висели на стенах, стояли на комоде и ночном столике. Целая галерея воспоминаний Уоррена Эмерсона. Клэр прошла к дальней стене и остановилась перед фотографией, с которой улыбались трое – мужчина и женщина средних лет и маленький мальчик. Женщина была круглолицей и невзрачной, в комично сдвинутой набок шляпке. Мужчина, стоявший рядом, казалось, подыгрывал: его глаза лучились смехом. Они держали стоявшего между ними мальчика за плечи, словно без слов объявляя о своих родительских правах.

А вихрастый мальчик – должно быть, маленький Уоррен – улыбался своим беззубым ртом, светясь от родительского внимания.

Ее взгляд скользнул по другим фотографиям, и Клэр увидела все те же лица, запечатленные в разные времена года, в разных местах. Вот портрет матери, с гордостью демонстрирующей испеченный пирог. Вот отец с сыном на берегу реки с удочками. А вот школьная фотография какой-то девочки – возможно, возлюбленной Уоррена, поскольку внизу кто-то подрисовал сердечко и написал: «Уоррен и Айрис – навсегда». Сквозь слезы Клэр разглядывала тумбочку, на которой стоял недопитый

стакан воды. На кровать и подушку, хранившую седые волоски. Кровать Уоррена.

Каждое утро он просыпался в этой комнате совсем один и утыкался взглядом в фотографии своих родителей. И каждый вечер, засыпая, видел перед собой их улыбающиеся лица.

Клэр уже плакала вовсю. О мальчике Уоррене. Об одиноком ребенке, застрявшем в стариковском теле.

Она спустилась на первый этаж и вернулась на кухню.

Бессмысленно охотиться за кошкой, которая не хочет, чтобы ее нашли. Она просто оставит еду в миске и приедет в следующий раз. Открыв дверцу кухонного шкафа, она увидела, что полки заставлены кошачьими консервами. Человеку на этой кухне мало чем можно было поживиться, зато любимица Мона была надежно обеспечена припасами.

«Сегодня она ждет тунца».

Тунец так тунец. Клэр выложила содержимое банки в миску и поставила ее на пол возле плошки с водой. Еще одну миску она наполнила сухим кормом, которого должно было хватить на несколько дней. Потом очистила кошачий туалет. Затем погасила свет и вышла из дома.

Усевшись за руль, она бросила последний взгляд на дом. Почти всю свою жизнь Уоррен Эмерсон провел в этих стенах, лишенный человеческого общения, любви. Скорее всего он и умрет здесь в одиночестве, и только кошка будет свидетелем его ухода.

Клэр вытерла слезы. А потом, вырулив на темную дорогу, поехала домой.

Тем же вечером ей позвонил Линкольн.

– Я говорил с Вандой Дарнелл, – сообщил он. – Сказал ей, что поведение ее сына, возможно, объясняется некоей биологической причиной. Она же повлияла и на других детей в нашем городе, и мы пытаемся выяснить, в чем дело.

– Как она отреагировала?

– Думаю, испытала облегчение. Ведь это значит, что вину можно переложить на какой-то внешний фактор. Что виновата не она. И не семья.

– Я очень хорошо ее понимаю.

– Она дала разрешение на ваше свидание с ее сыном.

– Когда?

– Завтра. В Центре заключения для молодых преступников штата Мэн.

Длинный ряд кроватей тянулся вдоль стены общей спальни. Утреннее солнце заглянуло в расположенное под потолком окно, и яркое пятно света растеклось по худеньким плечам мальчика. Он сидел на кровати, подтянув колени к груди. Опустив голову. Он был совсем не похож на того буйного, извергающего ругательства подростка, которого Клэр видела четыре недели назад. Сейчас перед ней сидел сломленный ребенок, чьи мечты и надежды были растоптаны. От прежнего мальчика осталась лишь физическая оболочка.

Заслышав гулкие шаги по выщербленным половицам, он даже не повернул голову в сторону Клэр. Она остановилась у его кровати.

– Здравствуй, Тейлор. Хочешь поговорить со мной?

Мальчик еле заметно пожал плечами, но, судя по всему, это было некое подобие приветствия.

Она взяла стул; ее взгляд скользнул по грубо сколоченному столику из сосны, стоявшему рядом с его кроватью. Судя по тому, что столешница была исписана матерными словами и инициалами бесчисленных юных обитателей, этот предмет мебели немало повидал на своем веку. Интересно, успел ли Тейлор оставить свою отметину на этой вечной доске отчаяния, подумала она.

Клэр подвинула стул к кровати мальчика и села.

– Все, о чем мы сегодня будем говорить, Тейлор, останется между нами, хорошо? – Он опять пожал плечами, как будто для него это ровным счетом ничего не значило. – Расскажи мне, что случилось в тот день в школе. Почему ты это сделал?

Он прижался щекой к коленям, будто бы больше не мог сидеть прямо.

– Я не знаю, почему.

– Ты помнишь тот день?

– Угу.

– Все?

Он с трудом сглотнул, но ничего не сказал. Его лицо вдруг мучительно исказилось, он закрыл глаза и так сильно зажмурился, что, казалось, еще немного – и кожа на лице лопнет. Он глубоко вздохнул, но вместо дикого рева из его груди вырвался какой-то тонкий жалобный звук.

– Я не знаю. Не знаю, почему я это сделал.

– В тот день ты принес в школу оружие.

– Чтобы доказать, что оно у меня есть. Мне не верили. Говорили, что я вру.

– Кто тебе не верил?

– Джей-Ди и Эдди. Они всегда хвастают, что отец разрешает им стрелять из своих ружей.

Опять сыновья Джека Рейда. Ванда Дарнелл говорила, что они плохо влияют на ее сына, и оказалась права.

– Итак, ты принес в школу оружие, – напомнила Клэр. – Ты собирался использовать его по назначению?

Он покачал головой.

– Пистолет просто лежал у меня в рюкзаке. Но потом я получил «двойку» по контрольной. И госпожа Горацио… она начала кричать на меня из-за той дурацкой лягушки. – Он принялся раскачиваться взад-вперед, обхватив руками колени; его дыхание прерывалось всхлипами. – Мне хотелось убить всех. Я просто не мог сдержаться. Я хотел со всеми расквитаться. – Мальчик перестал раскачиваться и замер, устремив безучастный взгляд в пустоту. – Я больше не злюсь на них. Но теперь уже слишком поздно.

– Возможно, ты не виноват, Тейлор.

– Все знают, что это сделал я.

– Но ты только что сказал, что не контролировал себя.

– И все равно это моя вина…

– Тейлор, посмотри на меня. Не знаю, рассказывал ли тебе кто-нибудь о твоем друге Скотти Брэкстоне.

Мальчик медленно поднял на нее взгляд.

– То же самое произошло с ним. Его мама умерла.

По застывшему от ужаса лицу ребенка Клэр догадалась, что он ничего не знал об этом.

– Никто не может объяснить, что на него нашло. Почему он набросился на нее. Ты не единственный, с кем это случилось.

– Мой отец говорит, это все из-за того, что вы отменили лекарство.

– Скотти не принимал никаких лекарств. – Она замолчала, пытаясь заглянуть в глаза Тейлору. – Или принимал?

– Нет.

– Это очень важно. Ты должен рассказать мне правду, Тейлор.
Кто-нибудь из вас принимал наркотики?

– Я и говорю правду.

Тейлор посмотрел на нее прямым и твердым взглядом. И Клэр ему поверила.

– А что случилось со Скотти? – спросил он. – Его тоже привезут сюда?

Слезы навернулись на глаза Клэр. Она тихо произнесла:

– Мне очень жаль, Тейлор. Я знаю, вы были хорошими друзьями…

– Лучшими. Он мой лучший друг.

– Он попал в больницу. И что-то случилось. Мы пытались помочь ему, но ничего… ничего не вышло…

– Он умер. Так ведь?

Его прямой вопрос требовал честного ответа. И она тихо призналась:

– Да. Боюсь, что да.

Он уткнулся в колени, и слова вперемешку с рыданиями вырывались из его рта.

– Скотти никогда не делал ничего плохого! Он был таким слабаком. Да, Джей-Ди так и называл его: тупой слабак. Я никогда не заступался за него. А должен был вступиться, но так и не сделал этого…

– Тейлор. Тейлор, мне нужно задать тебе еще один вопрос.

– …я боялся.

– Вы со Скотти много времени проводили вместе. Где вы чаще всего бывали?

Он не ответил, продолжая раскачиваться на кровати.

– Мне действительно важно знать это, Тейлор. Где вы проводили свободное время?

Он судорожно вздохнул.

– С… с другими ребятами.

– Где?

– Я не знаю! Все кончено.

– В лесу? У кого-то дома?

Он перестал раскачиваться, и на мгновение ей показалось, что мальчик не расслышал последнего вопроса. Потом Тейлор поднял голову и посмотрел на нее.

– На озере.

На озере Саранча. В центре городской жизни; здесь устраивали пикники и заплывы, соревнования по гребле и рыбалке. Без озера не было бы ни отдыхающих, ни притока денег в городскую казну. Да и самого города тоже, наверное, не было бы.

Ей вдруг пришло в голову, что все так или иначе связано с озером. Вода и ливни. Наводнения и бактерии.

«В тот вечер вода светилась».

– Тейлор, – спросила она, – вы со Скотти купались в озере?

Он кивнул.

– Каждый день.

15

Общегородское собрание было назначено на половину восьмого, и к семи-пятнадцати в школьной столовой уже не осталось свободных мест. Люди толпились в проходах, жались к стенам, мерзли в дверях на

холодном ветру. С того места, где стояла Клэр, был хорошо виден стол президиума. За ним расположились Линкольн, Ферн Корнуоллис и председатель Совета городских выборных Глен Райдер. Остальные пять членов совета занимали места в первом ряду.

Лица многих людей были знакомы Клэр. Большинство из них – родители, с которыми она встречалась на школьных праздниках. Здесь также было несколько ее коллег из больницы Нокс. Присутствовало также человек десять подростков – они сгрудились в дальнем углу столовой, словно готовились отражать нападки взрослых.

Глен Райдер постучал молоточком по столу, но толпа была слишком велика и взволнована, чтобы отреагировать на его призыв. Расстроенный Райдер вынужден был взгромоздиться на стул и крикнуть:

– Призываю всех к порядку, немедленно!

Наконец в столовой стало тихо, и Райдер продолжил:

– Я понимаю, что не всем хватило мест. Знаю, что некоторым приходится стоять на улице, на тринадцатиградусном морозе. Но начальник пожарной службы считает, что мы существенно превысили предел вместимости этого помещения. Другие люди смогут попасть сюда, только если кто-то отсюда выйдет.

– Думаю, детям можно было бы уйти и освободить место взрослым, – проворчал какой-то мужчина.

Один из подростков возразил:

– Мы тоже имеем право присутствовать!

– Это из-за вас, ребята, нам приходится здесь сидеть!

– Если вы собираетесь говорить о нас, мы хотим послушать!

Голоса сразу нескольких человек слились в нестройный хор.

– Никого нельзя гнать отсюда! – прикрикнул Райдер. – Это общественное собрание, Бен. Сюда может прийти каждый. А теперь давайте начнем. – Райдер перевел взгляд на Линкольна. – Комиссар Келли, может быть, вы доложите о насущных проблемах нашего города?

Линкольн поднялся из-за стола. Последние несколько дней измотали его и физически, и морально, это было заметно по его опущенным плечам.

– Месяц был не из легких, – заметил он. Типично сдержанное выражение в духе Линкольна Келли. – Разумеется, всеобщее внимание привлекли убийства. Сначала стрельба в старшей школе второго ноября, а следом происшествие в доме Брэкстонов пятнадцатого ноября. Таким образом, два убийства за две недели. Но больше всего меня пугает то, что, как мне кажется, самое страшное нам еще предстоит. Прошлой ночью мои подчиненные выезжали на восемь вызовов по поводу драк, учиненных подростками. Такого я еще никогда не видел. Я двадцать два года на службе в местной полиции. На моих глазах случались вспышки криминальной активности. Но то, что я вижу сейчас, – как дети калечат друг друга, убивают друг друга, пытаются убить своих близких… – Он покачал головой и сел, не сказав больше ни слова.

– Мисс Корнуоллис! – объявил Райдер.

Из-за стола президиума поднялась директор старшей школы. Ферн Корнуоллис была красивой женщиной, а к сегодняшнему мероприятию она подготовилась основательно и выглядела на все сто. Ее светлые волосы были уложены в изысканный французский пучок, к тому же она – одна из немногих в городе удосуживалась наносить макияж. Но яркая помада на губах лишь оттеняла тревожную бледность ее лица.

– Я готова подписаться под каждым словом комиссара Келли. То, что происходит в нашем городе, эта злоба, жестокость… я тоже такого никогда не видела. И это проблема не только школы. Это проблема ваших семей. Я знаю этих детей! Они росли на моих глазах. Я встречала их на городских улицах, в школьных коридорах. Или же в своем кабинете, когда того требовали обстоятельства. И тех, кто сегодня затевает драки, я бы никогда не назвала трудными детьми. В прошлом ни один из них не проявлял жестокости.

И вдруг я обнаруживаю, что совсем не знаю своих учеников. Я не узнаю их. – Она немного помолчала, потом сглотнула. – Я их боюсь, – тихо добавила она.

– Ну и чья в этом вина? – закричал с места Бен Дусетт.

– Мы никого не обвиняем, – пояснила Ферн. – Мы просто пытаемся понять, почему это происходит. Объединив усилия со средней школой, мы в срочном порядке пригласили пятерых советников-психологов. Сотрудники старшей школы сейчас работают с окружным психологом, доктором Либерман. Пытаются разработать план действий.

Бен поднялся с места. Это был вечно недовольный холостяк лет пятидесяти, потерявший руку во Вьетнаме; он постоянно сжимал свою культю здоровой рукой, словно подчеркивая понесенную им утрату.

– Я могу сказать, в чем проблема, – начал он. – Это касается всей страны. Никакой дисциплины, черт возьми. Когда мне было тринадцать, думаете, я бы посмел схватиться за нож, угрожать своей матери? Да мой старик снес бы мне башку!

– Что вы предлагаете, господин Дусетт? – уточнила Ферн. – Чтобы мы били четырнадцатилетних подростков?

– А почему бы нет?

– Только попробуйте! – крикнул один из ребят, и его поддержал дружный хор детских голосов: «Только попробуйте! Только попробуйте! Только попробуйте!»

Собрание было под угрозой срыва. Линкольн встал и поднял руку, призывая всех к порядку. Начальника полиции Келли уважали в городе, поэтому его жеста было достаточно, чтобы толпа притихла и дала ему слово.

– Пора поговорить о реальных вариантах решения проблемы, – предложил он.

Джек Рейд поднялся со своего места.

– Мы не можем искать решение, для начала нам необходимо понять причину происходящего. Мои мальчишки считают, что это все из-за новеньких – тех, кто приезжает к нам из больших городов. Это они сколачивают банды, а может, и распространяют наркотики.

Ответ Линкольна утонул во внезапном крещендо голосов. По его раскрасневшемуся лицу Клэр поняла, что он взбешен.

– Это не чужая проблема, принесенная издалека, – возразил Линкольн. – Это наше, местное явление. Это наша проблема, ведь именно наши дети попадают в беду.

– Но кто их подтолкнул к этому? – не унимался Рейд. – Кто их спровоцировал? Некоторым здесь просто не место!

Молоточек Глена Райдера все стучал и стучал по столу, но без толку. Джек Рейд взорвал толпу, и теперь кричали все разом. И вдруг во всей этой сумятице послышался женский голос:

– А как же слухи о многовековом сатанинском культе? – Это была Дамарис Хорн, вскочившая со своего места. Трудно было не заметить копну ее белокурых волос. Как и заинтересованные взгляды мужчин, обращенные в ее сторону. – Мы все наслышаны о старых костях, которые

откопали на берегу озера. Я так понимаю, это было массовое убийство. Может быть, даже ритуальное жертвоприношение.

– Это произошло больше ста лет назад, – пояснил Линкольн. – И не имеет никакого отношения к нашим делам.

– А может, и имеет. В Новой Англии издавна бытуют сатанинские культы.

Линкольн явно начинал терять терпение.

– Единственный здешний культ, – огрызнулся он в ответ, – это тот, который вы придумали для своего грязного таблоида!

– Тогда, быть может, вы развеете тревожные слухи, которые бродят по городу, – не сдавалась Дамарис. – И например, объясните, откуда на стене старшей школы взялись три шестерки.

Линкольн устремил удивленный взгляд на Ферн. Клэр сразу же поняла, что означает этот взгляд. Они оба были поражены осведомленностью журналистки.

– А в прошлом месяце обнаружили амбар, залитый кровью, – продолжала Дамарис. – Что вы на это скажете?

– Там просто разлили банку красной краски. А не кровь.

– А огни, что горели на Буковом Холме? Как я узнала, это территория лесного заповедника.

– Минуточку, – вмешалась Лоис Катберт, член городского совета. – Как раз это я могу объяснить. Просто один приезжий биолог, доктор Татуайлер, рыскает по ночам в поисках саламандр. Я сама недавно едва не наткнулась на него в темноте, когда он спускался с холма.

– Хорошо, – уступила Дамарис. – Забудем огни на Буковом Холме. Но я все равно утверждаю, что в городе происходит много странного и необъяснимого. Если после собрания кому-то захочется поговорить со мной об этом, я готова выслушать. – Журналистка снова села.

– Я согласна с ней, – произнес дрожащий голос. В дальнем конце помещения со своего места поднялась маленькая бледная женщина; она нервно куталась в пальто. – В этом городе действительно творится что-то странное. Я это давно чувствую. Вы, конечно, можете все отрицать, комиссар Келли, но у нас здесь поселилось зло. Я не говорю, что это Сатана. Я не знаю, что это. Но жить здесь больше не могу. Я уже выставила свой дом на продажу и на следующей неделе уезжаю. Пока

что-нибудь не случилось с моей семьей. – Она повернулась и вышла из затихшего зала.

Воцарившуюся тишину прорезал тонкий писк пейджера Клэр. Взглянув на дисплей, она поняла, что звонят из больницы. Пробралась к выходу и вышла на улицу, чтобы перезвонить со своего сотового телефона.

После душной столовой ветер казался пронизывающе холодным, и, ожидая ответа, Клэр, поеживаясь, облокотилась о стену здания.

– Лаборатория. Клайв у телефона.

– Это доктор Эллиот. Вы звонили мне на пейджер.

– Я не знаю, нужны ли вам результаты анализов, ведь пациент умер. Я только что получил бумаги по Скотти Брэкстону.

– Да, я хочу знать обо всех результатах.

– Во-первых, у меня есть окончательное заключение из «Лабораторий Энсон» по расширенному анализу на наркотики и токсины. Ничего не обнаружено.

– А что-нибудь насчет пика на хроматограмме?

– Об этом ничего не сказано.

– Это, должно быть, какая-то ошибка. Анализ на токсины должен был что-то показать.

– Но здесь написано только это: «Ничего не выявлено». Мы также получили окончательный результат по назальному секрету. Здесь целый список микроорганизмов, вы ведь просили указать все, что обнаружится. В основном это привычные бактерии. Из группы стафилококков: эпидермальный стафилококк, стрептококк альфа. Обычно мы их не отражаем в отчетах.

– А что-нибудь необычное выросло?

– Да. Вибрио фишери.

Она нацарапала название на клочке бумаги.

– Никогда не слышала о таком организме.

– Вот и мы тоже. Впервые встречаем. Должно быть, какая-нибудь радионуклидная примесь.

– Но я брала образец со слизистой пациента.

– Сомневаюсь, что источник загрязнения находится в нашей лаборатории. Этим бактериям неоткуда взяться в больнице.

– А что это за вибрио фишери? Где она вообще произрастает?

– Я спрашивал у микробиолога из лаборатории Бангора, где они обитают. Она говорит, что этот вид обычно паразитирует на беспозвоночных моллюсках, таких как кальмары или морские черви. Становится их симбионтом. Беспозвоночный моллюск для них – идеальное обиталище.

– А что вибрио дает взамен?

– Обеспечивает энергией светящийся орган.

Ей понадобилось время, чтобы осознать сказанное.

– Вы хотите сказать, что эта бактерия биолюминесцентна?

– Да. Кальмар собирает их в свой полупрозрачный мешочек. А свет их использует для привлечения другого кальмара. Этакий неоновый призыв к сексу.

– Мне нужно идти, – прервала Клэр лаборанта. – Поговорим позже. – Она нажала отбой и поспешила вернуться в школьную столовую.

Глен Райдер по-прежнему пытался утихомирить аудиторию, но стук его молотка снова потонул в хоре перекрикивающих друг друга голосов. Он удивился, поняв, что Клэр направляется к столу президиума.

– Я должна сделать заявление, – объяснила она. – Здоровье жителей нашего города под угрозой.

– Доктор Эллиот, это не имеет прямого отношения к теме сегодняшнего собрания.

– А я думаю, что имеет. Пожалуйста, позвольте мне сказать.

Он кивнул и принялся стучать молотком с удвоенной энергией.

– Доктор Эллиот хочет сделать заявление!

Клэр вышла вперед, и все взгляды тотчас устремились на нее. Она набрала в грудь воздуха и начала:

– Последние события напугали каждого из нас, все начали искать врагов среди своих соседей, в школе. Среди приезжих. Но я полагаю, что всему этому существует медицинское объяснение. Я только что говорила с лабораторией нашей больницы, и теперь у меня есть подтверждение. – Клэр подняла над головой листок бумаги, на котором записала название микроорганизма. – Эта бактерия называется вибрио фишери. Она выросла в слизистой оболочке носа Скотти Брэкстона. То, что мы сейчас наблюдаем, – агрессивное поведение наших детей – может быть симптомом инфекции. Вибрио фишери могла вызвать разновидность менингита, которую невозможно выявить обычными методами. Она могла повлечь за собой то, что мы, врачи, называем «реакцией соседства» – воспаление слизистой оболочки околоносовых пазух, распространилось на мозг…

– Минуточку, – вмешался вскочивший с места Эдам Делрей. – Я практикую здесь вот уже десять лет. И никогда не встречался с этой бактерией… как вы ее назвали?

– Вибрио фишери. Как правило, у человека она не встречается. Но лаборатория определила, что именно этим микроорганизмом был заражен мой пациент.

– И где ваш пациент подцепил его?

– Думаю, в озере. Летом Скотти Брэкстон и Тейлор Дарнелл почти каждый день купались в озере. Как и многие другие дети. Если в озере повышенное содержание вибрио фишери, они вполне могли заразиться.

– Я тоже купалась летом, – вмешалась какая-то женщина. – Да и многие взрослые. Почему же только дети заразились?

– Возможно, все зависит от того, в какой части озера вы купались. Насколько я знаю, тот же характер заражения у амебного менингита. Это воспаление мозга, вызываемое амебами, которые обитают в пресной воде. Чаще всего жертвами инфекции становятся дети и подростки. Когда они плавают в зараженной воде, амеба проникает в слизистую оболочку носа. А оттуда, преодолевая пористый барьер, который называют решетчатой пластинкой, в мозг. Взрослые не заболевают, поскольку их решетчатые пластинки уже запечатаны и предохраняют мозг. У детей такой защиты нет.

– Ну и как же это лечить? Антибиотиками, что ли?

– Видимо, да.

Эдам Делрей издал нарочито громкий смешок.

– Вы что же, предлагаете раздавать антибиотики всем детям, которые проявляют раздражительность? У вас нет доказательств того, что кто-то заразился!

– У меня есть положительный результат посева.

– Только один. И к тому же не из спинномозговой жидкости. С чего же вы взяли, что это менингит? – Он оглядел аудиторию. – Могу заверить всех жителей – никакой эпидемии в городе нет. В прошлом месяце группа педиатров из Двух Холмов получила грант на лабораторное исследование крови и уровня гормонов у детей. Они проводили забор крови у всех подростков в округе. Любая инфекция уже давно проявилась бы в гемограммах.

– О каком гранте вы говорите? – осведомилась Клэр.

– О гранте «Лабораторий Энсон». С целью подтверждения базовых параметров. Они не обнаружили никаких патологий. – Делрей покачал головой. – Эта ваша теория об инфекции – самая безумная идея, которую мне когда-либо доводилось слышать, и к тому же не подкрепленная никакими доказательствами. Вы даже не знаете, растет ли вибрио в нашем озере.

– Знаю, что растет, – возразила Клэр. – Я видела ее.

– Вы видели бактерию? У вас что, микроскопическое зрение?

– Вибрио фишери биолюминесцентна. Она светится. И я видела это свечение в озере Саранча.

– А где культуры, которыми можно подкрепить ваши выводы? Вы брали пробы воды?

– Я видела бактерии незадолго до того, как озеро покрылось льдом. Сейчас, видимо, слишком холодно, чтобы выращивать жизнеспособные культуры. Это означает, что мы не получим подтверждения до тех пор, пока не возьмем пробы воды весной. Бактериям нужно время для роста. Пройдут недели или даже месяцы, прежде чем у нас будет результат. – Клэр немного помолчала, ей не хотелось произносить следующую фразу. – Пока мы не установим, является ли озеро источником заражения, – проговорила она, – я рекомендую не позволять детям купаться в нем.

Тут же начался гул – его следовало ожидать.

– Вы в своем уме? Мы не можем позволить, чтобы подобные заявления получили широкую огласку!

– А как же туристы? Вы отпугнете всех отдыхающих!

– И на что, черт возьми, мы будем тут жить?

Глен Райдер вскочил из-за стола и снова застучал по нему.

– Тихо! Призываю всех к порядку! – Лицо его раскраснелось, он повернулся к Клэр: – Доктор Эллиот, здесь не место и не время предлагать такие радикальные меры. Этот вопрос должен обсуждаться на совете городских выборных.

– Речь идет об охране здоровья населения, – возразила Клэр. – И решение должен принимать департамент здравоохранения. А не политики.

– Еще не хватало привлекать к этому администрацию штата!

– Безответственно не делать этого.

Тут со своего места вскочила Лоис Катберт.

– Я скажу вам, что безответственно! Приходить сюда, не имея никаких доказательств, и в присутствии репортеров заявлять о том, что в нашем озере живут смертоносные бактерии. Вы хотите погубить этот город.

– Если существует угроза здоровью, у нас нет другого выхода.

Лоис повернулась к Эдаму Делрею.

– А как вы считаете, доктор Делрей? Есть опасность для здоровья?

Делрей саркастически усмехнулся.

– Единственное, чем мы рискуем, так это выставить себя на посмешище, если будем серьезно относиться к таким заявлениям. Бактерии, которые светятся в темноте! Может, они еще поют и танцуют?

Зал взорвался дружным хохотом, и Клэр вспыхнула.

– Я знаю, о чем говорю. Я это видела, – настойчиво повторила она.

– Верно, доктор Эллиот! Галлюциногенные бактерии.

Зычный голос Линкольна перекрыл гвалт:

– Я тоже их видел.

Все разом смолкли, когда он встал со своего места за столом президиума. Клэр удивленно обернулась к нему, и он слегка кивнул ей, словно бы говоря: «Нам стоит поддерживать друг друга».

– В тот вечер мы были с доктором Эллиот, – признался он. – И оба видели свечение на озере. Не знаю, что это было. Свечение длилось всего несколько минут, а потом исчезло. Но оно действительно было.

– Я прожила на этом озере всю свою жизнь, – не унималась Лоис Катберт. – И никогда не видела никакого свечения.

– Я тоже!

– И я!

– Эй, комиссар, вы что, с доктором вместе чего-то нанюхались?

Раздался новый взрыв смеха, и на этот раз он относился к ним обоим. Возмущение сменилось насмешками, но Линкольн не отступал; он сносил оскорбления с хладнокровной невозмутимостью.

– Возможно, это какая-то случайность, – продолжила Клэр. – Необычное явление, которое бывает не каждый год. Вероятно, оно связано с погодными условиями. Весенний паводок и жаркое лето – все это мы пережили в нынешнем году. Та же погодная аномалия наблюдалась пятьдесят два года назад. – Смолкнув, она с вызовом оглядела аудиторию. – Я знаю, в этом зале есть люди, которые помнят события пятидесятидвухлетней давности.

В столовой стало тихо.

– А что случилось пятьдесят два года назад? – громко поинтересовался журналист из «Портлендского вестника».

Глен Райдер поспешно вскочил из-за стола.

– Совет примет к сведению ваше сообщение. Спасибо, доктор Эллиот.

– Этот вопрос нужно решить сейчас, – не унималась Клэр. – Следует пригласить специалистов из департамента здравоохранения, чтобы взять пробы воды…

– Мы это обсудим на следующем заседании совета, – твердо повторил Райдер. – Вы свободны, доктор Эллиот.

Клэр отошла от стола президиума, щеки ее пылали.

Ее рекомендации были отклонены, но собрание продолжалось, шумное и озлобленное. О гипотезе Клэр больше не вспоминали; жители как будто единогласно сочли ее незаслуживающей внимания. Кто-то предложил установить комендантский час, чтобы после девяти детей на улицы не выпускали. И тут запротестовали подростки: «А как же гражданские права?» «Кто защитит наши гражданские права?»

– Нет у вас никаких гражданских прав! – огрызнулась Лоис. – Начните лучше с обязанностей!

И пошло-поехало.

В десять вечера, когда все уже охрипли от крика, Глен Райдер наконец объявил собрание закрытым.

Клэр продолжала стоять на своем месте, наблюдая за тем, как медленно пустеет зал. Люди расходились, и никто не смотрел в ее сторону. «Теперь я для них существую лишь в качестве объекта насмешек», – устало подумала она. Ей хотелось поблагодарить Линкольна за поддержку, но она видела, что к комиссару не подступиться: он был окружен плотным кольцом городских выборных, которые забрасывали его вопросами и жалобами.

– Доктор Эллиот! – позвала ее Дамарис Хорн. – Что случилось пятьдесят два года назад?

Клэр поспешила к выходу; за ней хвостом потянулись Дамарис и другие репортеры. Но она повторяла только: «Без комментариев. Без комментариев». Она очень обрадовалась, поняв, что на улице ее оставили в покое.

Казалось, что ледяной ветер разрезает ее пальто. Клэр оставила машину на некотором расстоянии от школы. Она засунула руки в карманы и двинулась по обледенелой дороге, быстро, но стараясь не поскользнуться; фары отъезжавших автомобилей слепили ей глаза. По пути Клэр вытаскивала ключи, но, добравшись до своей машины и потянувшись к замку, она вдруг поняла – что-то не так.

Отступив на шаг, она в ужасе уставилась на обмякшую резину автомобильных покрышек. Все четыре шины были изрезаны. Объятая яростью и разочарованием, она стукнула кулаком по капоту. Раз, другой.

По противоположной стороне дороги к своей машине шел какой-то мужчина; обернувшись, он бросил на нее удивленный взгляд. Это был Митчелл Грум.

– Что-то случилось, доктор Эллиот? – крикнул он.

– Посмотрите на мои шины!

Грум пропустил встречную машину, перешел дорогу и приблизился к ней.

– Господи, – пробормотал он. – Кто-то вас очень не любит.

– Они искромсали все колеса!

– Я бы помог сменить их. Только, боюсь, в вашем багажнике вряд ли найдутся четыре запаски.

Клэр была не в состоянии оценить его вялую претензию на юмор. Отвернувшись от Грума, она снова уставилась на искореженные шины. Колючий ветер жалил лицо, а холод от мерзлой земли, казалось, пробирался сквозь подошвы сапог. Было слишком поздно звонить в гараж Джо Бартлетта; все равно они смогут достать четыре новые покрышки только утром. Она попала в переделку, злилась от этого и с каждой минутой все сильнее замерзала.

Клэр обратилась к Груму.

– Вы не могли бы подбросить меня до дома?

Она понимала, что заключила сделку с дьяволом. Журналист обязательно станет расспрашивать; не прошло и десяти секунд, как он задал именно тот вопрос, которого она ждала:

– Так что же произошло в этом городе пятьдесят два года назад?

Клэр отвела взгляд.

– У меня сейчас нет настроения говорить об этом.

– Понимаю, но все равно рано или поздно это откроется. Дамарис Хорн найдет способ докопаться до правды.

– У этой женщины проблемы с этикой.

– Зато у нее есть тайный осведомитель.

Клэр посмотрела на Грума.

– Вы имеете в виду человека из полиции?

– Вы уже в курсе?

– Имени полицейского я не знаю. Кто это?

– Расскажите мне о том, что случилось в сорок шестом году.

Она снова устремила взгляд на дорогу.

– Все это есть в архивах местных газет. Можете сами прочесть.

Некоторое время он молчал.

– Такое уже было в этом городе, верно? – спросил он. – Я имею в виду убийства.

– Да.

– И вы полагаете, что тому есть биологическое объяснение?

– Все так или иначе связано с озером. Какой-то природный феномен. Бактерии или водоросли.

– А как насчет моей теории? Что это второй Фландерс, штат Айова?

– Здесь дело не в наркотиках, Митчелл. Я тоже думала, что мы обнаружим в крови мальчиков какой-нибудь анаболический стероид. Но окончательное заключение по анализам крови не подтверждает присутствия токсинов. Да и Тейлор отрицает употребление наркотиков.

– Дети часто врут.

– Но об анализах крови этого не скажешь.

Они подъехали к дому Клэр, и журналист повернулся к ней.

– Вы ввязались в жестокую борьбу, доктор Эллиот. Возможно, вы не прочувствовали всю глубину злобы, которая царила в зале, но лично я ощутил ее в полной мере.

– Я не только прочувствовала ее, но и получила доказательство в виде четырех проколотых шин. – Она вышла из машины. – Спасибо, что подвезли. А теперь вы должны мне кое-что сказать.

– В самом деле?

– Имя копа, который откровенничал с Дамарис Хорн.

Он примирительно пожал плечами.

– Я не знаю его имени. Могу только сказать, что видел их вместе, если можно так выразиться, в близком контакте. Темные волосы, среднего роста. Работает в ночную смену.

Она мрачно кивнула.

– Это мы вычислим.

Линкольн поднимался по ступенькам красивого викторианского здания, и каждый шаг приближал его к полному изнеможению. Время было за полночь. Последние несколько часов он провел на экстренном заседании совета городских выборных в доме Райдера, где Линкольну недвусмысленно намекнули, что его дальнейшая работа под вопросом. Совет его нанял и запросто может уволить. Он был наемным служащим Транквиля, а потому должен был стоять на страже его благополучия. Как он посмел поддержать предложение доктора Эллиот о консервации озера?

«Я просто честно высказал свое мнение», – заявил он членам совета.

Но в данном случае честность явно была не лучшей тактикой.

Затем последовала долгая и нудная речь городского казначея, который едва не свел его с ума финансовой статистикой. Сколько денег поступает каждое лето от туристов. Сколько рабочих мест создается в городе. Насколько местная экономика зависит от притока отдыхающих.

Откуда берутся средства на зарплату Линкольна.

Город кормился за счет озера Саранча, не могло быть и речи о его консервации, нельзя допустить утечку информации о том, что оно представляет собой опасность для здоровья людей.

Он ушел с собрания без всякой уверенности в том, что у него есть работа, и даже в том, что она ему нужна. Он уже сел в патрульную машину и проехал полпути до дома, когда от диспетчера поступило сообщение о том, что кто-то еще хочет поговорить с ним сегодня вечером.

Линкольн нажал на кнопку звонка. Ожидая, пока ему откроют, он окинул взглядом улицу и не увидел света ни в одном доме – все окна были плотно зашторены перед лицом черной холодной ночи.

Дверь распахнулась, и его приветствовала судья Айрис Китинг:

– Спасибо, что приехали, Линкольн.

Он зашел. В доме было нестерпимо душно.

– Вы сказали, это срочно.

– Вы уже встречались с членами совета?

– Да, только что.

– И они даже думать не хотят о консервации озера. Так ведь?

Он смиренно улыбнулся.

– А разве были сомнения?

– Я слишком хорошо знаю этот город. Знаю, что думают здешние жители, чего они боятся. И как далеко могут зайти, защищая свою собственность.

– Ну, тогда вы представляете, с чем мне пришлось столкнуться.

Она жестом пригласила его пройти в библиотеку.

– Давайте присядем, Линкольн. Я должна вам кое о чем рассказать.

За каминной решеткой догорал огонь – его язычки все еще вспыхивали на холмике золы. В комнате было так жарко, что Линкольн, опустившись в глубокое плюшевое кресло, задумался, хватит ли у него сил победить сонливость. А потом встать и снова выйти на холод. Айрис села напротив, ее лицо озаряли лишь отблески огня. Тусклый свет выгодно смягчал ее черты, подчеркивая выразительные глаза и словно бы разглаживая морщины шестидесятишестилетней женщины. И только тонкие руки, подпорченные артритом, выдавали ее возраст.

– Нужно было сказать что-нибудь на сегодняшнем собрании, но у меня не хватило мужества, – призналась она.

– Что – что-нибудь?

– Когда Клэр Эллиот говорила про озеро – ну, про ту ночь, когда она видела свечение, – я должна была подтвердить ее слова.

Линкольн подался вперед. Слова судьи прогнали усталость.

– Вы тоже видели его?

– Да.

– Когда?

Она посмотрела на свои руки, вцепившиеся в подлокотники.

– Поздним летом. Мне было четырнадцать, и наш дом стоял возле Валунов. Сейчас его уже нет. Снесли много лет назад. – Она перевела взгляд на огонь и стала смотреть на камин, наблюдая за всполохами пламени. Потом откинулась на спинку кресла; на фоне темной обивки ее серебристые волосы походили на нимб. – Я помню ту ночь, был страшный ливень. Я проснулась и услышала гром. Потом подошла к окну и увидела что-то странное на воде. Свет. Свечение. Оно длилось всего несколько минут, а потом… – Судья Китинг немного помолчала. – Пока я будила родителей, оно пропало, и вода снова стала темной. – Айрис покачала головой. – Разумеется, они мне не поверили.

– А больше вы его не видели?

– Один раз видела. Спустя несколько недель, тоже во время ливня. Но недолго – оно быстро потухло.

– В тот вечер, когда мы с Клэр видели это свечение, тоже был сильный дождь.

Она подняла взгляд на Линкольна.

– Все эти годы я думала, что это была просто вспышка молнии. Или обман зрения. Но сегодня впервые узнала, что не я одна видела его.

– Почему вы не сказали? К вам бы они прислушались.

– Люди начали бы задавать всякие вопросы. Когда я это видела, в каком году.

– В каком году это было, судья Китинг?

Она отвернулась, но он успел заметить, как слезы блеснули в ее глазах.

– В тысяча девятьсот сорок шестом, – прошептала она. – Это было лето сорок шестого года.

В том году родители Айрис Китинг погибли от рук ее пятнадцатилетнего брата. В том году и сама Айрис совершила убийство, в целях самообороны. Она столкнула родного брата из окна мансарды; у нее на глазах мальчик разбился насмерть.

– Теперь вы понимаете, почему я промолчала, – добавила она.

– Своим признанием вы могли бы все изменить.

– Никто не хочет слышать об этом. А я не хочу говорить.

– Это было так давно. Пятьдесят два года…

– Пятьдесят два года – ничто! Посмотрите, как они до сих пор относятся к Уоррену Эмерсону. И в этом тоже моя вина. В детстве мы были так близки. Я считала, что однажды мы станем… – Она вдруг запнулась. Ее взгляд снова замер на камине, в котором догорали угольки. – Все эти годы я избегала его. Притворялась, будто его не существует. И вот теперь я слышу, что, возможно, он ни в чем не виноват, это была всего лишь болезнь. Инфекция мозга. Но теперь слишком поздно просить у него прощения.

– Никогда не бывает слишком поздно. На прошлой неделе Уоррену сделали операцию, и сейчас он идет на поправку. Вы могли бы навестить его.

– Не знаю, что и сказать после стольких лет. Возможно, он не захочет меня видеть.

– Пусть Уоррен сам примет решение.

Судья задумалась, и ее глаза заблестели в свете умирающего пламени. Потом она резко поднялась с кресла.

– Кажется, огонь потух, – сказала она. И, повернувшись, вышла из комнаты.

Во дворе дома Линкольна стояла машина.

Притормозив возле нее, он охнул. Хотя весь день его не было дома, в окнах гостиной горел свет, и он знал, что ждет его внутри. Нет, только не это, подумал Линкольн. Только не сегодня.

Он устало поднялся на крыльцо и обнаружил, что дверь дома не заперта. Когда это Дорин успела своровать новый ключ?

Он застал ее спящей на диване. Тяжелый запах перегара наполнял комнату. Если он сейчас растолкает ее, не избежать очередной пьяной сцены с криками и воплями, с разбуженными соседями. Пусть лучше спит, а разберется он с ней утром, когда Дорин протрезвеет, а сам Линкольн уже не будет валиться с ног от усталости. Он стоял, с печальным удивлением глядя на женщину, которую когда-то взял в жены. Ее рыжие волосы были спутаны, и в них уже виднелась седина. Рот был полуоткрыт. Ее дыхание было шумным – сочетание свиста и хрюканья. И все равно он не испытывал брезгливости, глядя на нее. Его,

скорее, одолевали жалость и недоумение оттого, что когда-то он был в нее влюблен.

А еще – бесконечное чувство ответственности за ее судьбу.

Пожалуй, нужно накрыть ее одеялом. Только Линкольн направился к шкафу, как зазвонил телефон. Он быстро снял трубку, опасаясь, что Дорин проснется и устроит сцену.

На проводе был Пит Спаркс.

– Извини, что я так поздно, – сказал он, – но доктор Эллиот настаивала. Она сказала, что позвонит сама, если я этого не сделаю.

– Это насчет разрезанных шин? Марк уже звонил мне.

– Нет, здесь другое.

– Что случилось?

– Я нахожусь в ее офисе. Кто-то выбил все окна.

16

Стекло валялось повсюду. Сверкающими осколками были усыпаны ковер, журнальный столик и диван в приемной. Сквозь разбитые окна, ничем не защищенные от ночного воздуха, в помещение влетали снежинки и тонким кружевом оседали на мебели.

Потрясенная и притихшая, Клэр прошла в приемную. Окно над столом Веры тоже было разбито – его обломки и расколотые сосульки сверкали на клавиатуре компьютера. Ветер гонял по комнате разрозненные листки бумаги и снег – белую пургу, которая очень скоро осядет на пол и превратится в мокрые кучки мусора.

Она услышала, как Линкольн с хрустом прошел по стеклу.

– Фанеру уже везут, Клэр. Обещают усиление снегопада, поэтому лучше заколотить окна на ночь.

Она все смотрела на снег, устилавший ковер.

– Это все из-за моего выступления на собрании. Так ведь?

– Это не единственное городское здание, пострадавшее от вандализма. На этой неделе было несколько случаев.

– Но для меня это уже второй сигнал за вечер. Сначала шины. Теперь это. Только не пытайтесь убедить меня в том, что это совпадение.

В кабинет заглянул полицейский Пит Спаркс.

– От соседей я ничего не добился, Линкольн. Они позвонили в полицию, только когда услышали звон стекла, но виновника никто не видел. Напоминает историю в гараже Бартлетта на прошлой неделе. Все побили и сбежали.

– Но Джо Бартлетту разбили только одно окно, – возразила Клэр. – А у меня все. Похоже, о работе придется забыть на несколько недель.

Спаркс попытался приободрить ее.

– Да нет, окна вставят за пару дней.

– А компьютер? А испорченный ковер? Снегом занесло весь офис. Как теперь восстанавливать базу данных, счета? Даже не знаю, стоит ли тратить на это силы. Я даже не знаю, хочу ли я начинать все заново.

Она повернулась и вышла из здания.

Доктор Эллиот сидела в своей машине, когда Линкольн и Спаркс через некоторое время вышли из офиса. Они обменялись парой слов, а потом Линкольн подошел к ее пикапу и уселся рядом, на пассажирском сиденье.

Некоторое время оба молчали. Она смотрела прямо перед собой; в глазах было мутно, и проблесковые маячки патрульной машины Спаркса сливались в неясное пятно. Клэр резко и злобно смахнула набежавшие слезы.

– Сигнал, адресованный мне, прозвучал громко и ясно. Я не нужна этому городу.

– Не надо обобщать, Клэр. Это всего лишь один вандал. Один подонок…

– …который, вероятно, выражает мнение всего города. Наверное, мне стоит сегодня же собраться и уехать. Пока они не решили спалить мой дом.

Он промолчал.

– Вы ведь тоже так думаете? – поинтересовалась она, наконец взглянув на Линкольна. – Что мне ничего здесь не светит.

– Сегодня вы слишком много на себя взяли. Разговоры о консервации озера многие могли воспринять как угрозу.

– Мне не следовало ничего говорить.

– Нет, вы должны были сказать это, Клэр. Вы все сделали правильно, и я не единственный, кто так думает.

– Но никто не подошел ко мне и не поддержал.

– Поверьте мне на слово. Здесь есть люди, у которых возникают опасения насчет озера.

– Но ведь его не собираются консервировать? Они не могут этого допустить. Вместо этого они хотят убрать меня. Пытаются выжить меня из города. – Клэр посмотрела на здание своего офиса. – Что ж, у них получилось.

– Вы пробыли здесь меньше года. Должно пройти время…

– И как долго нужно здесь прожить, чтобы стать своей? Пять лет, десять? Всю жизнь? – Потянувшись к ключу зажигания, она завела мотор; из печки тут же вырвался поток холодного воздуха.

– Ваш кабинет можно отремонтировать.

– Да, здание легко восстановить.

– Все можно заменить. Окна. Компьютер.

– А пациентов? Не думаю, что после всего этого ко мне кто-нибудь придет.

– Этого вы не знаете. Вы ведь еще не пробовали.

– В самом деле? – Клэр выпрямилась и бросила на него сердитый взгляд. – Я отдала этому городу девять месяцев своей жизни! Я все время беспокоюсь о своей практике и из-за того, что очень немногие записываются ко мне на прием. Почему кто-то ненавидит меня настолько, что рассылает анонимки моим пациентам? Здесь есть люди, которые просто мечтают подставить мне подножку, и их усилия выжить меня отсюда, похоже, увенчались успехом. Я только сейчас поняла, что здесь мне ловить нечего. Транквиль отказывается от меня, Линкольн. Они хотят еще одного доктора Помроя или, может быть, Маркуса Уэлби [5]. Но не меня.

– Должно пройти время, Клэр. Вы приезжая, людям нужно привыкнуть к вам, убедиться в том, что вы не собираетесь их бросить. Именно поэтому Эдаму Делрею везет больше. Он местный, и все знают, что он никуда не денется. Предыдущий врач, приехавший сюда из другого штата, продержался полтора года. Не смирился с нашими зимами. Тот, кто был до него, пробыл меньше года. Местные считают, что и вы не пробудете здесь долго. Они выжидают, хотят понять, сможете ли вы перезимовать. Или уедете, как все ваши предшественники.

– Зима меня не пугает. Я справлюсь и с темнотой, и с холодом. Не могу смириться лишь с тем, что я для всех чужая. И никогда не стану своей. – Она глубоко вздохнула; ее злость вдруг испарилась, сменившись усталостью. – Даже не знаю, с чего я решила, что у меня все получится. Ной так не хотел переезжать, но я его заставила. И теперь вижу, какую глупость совершила…

– А все-таки, Клэр, почему вы приехали сюда? – Он спросил так тихо, что его голос почти потонул в шепоте воздуха, вырывавшегося из радиатора.

Линкольн никогда не задавал ей этого вопроса, хотя в нем не было ничего странного. Элементарная информация, которой она никогда с ним не делилась. «Почему я приехала в Транквиль». Он ждал ее ответа, и молчание затянулось, но Клэр все меньше и меньше хотелось откровенничать с полицейским.

Он почувствовал, что ей неловко, и отвел взгляд в сторону, решив не лезть ей в душу. Когда Линкольн снова заговорил, он будто бы обращался вовсе не к ней, а просто размышлял вслух.

– Те, кто приезжает сюда, – начал он, – мне всегда кажется, будто они бегут от чего-то. От ненавистной работы, бывшего мужа. Бывшей жены. В их жизни произошла какая-то трагедия.

Она осела набок, ощутив, как ее щека коснулась ледяного стекла. «Откуда он знает? – подумала она. – О многом ли догадался?»

– Они приезжают сюда и думают, что обрели рай. Например, на время отпуска. Или просто проезжают мимо, и название города привлекает их внимание. Транквиль. Спокойствие. Именно здесь можно спрятаться, укрыться от невзгод. Они останавливаются в местном агентстве по недвижимости и рассматривают фотографии на стенах. Все эти фермерские домики, коттеджи на берегу озера.

«Это была фотография белого домика, перед которым цвели нарциссы, а рядом красовался клен с только что распустившимися листочками. У

меня во дворе никогда не рос клен. Я никогда не жила там, где по ночам можно смотреть на небо и видеть звезды, а не городские огни».

– Им интересно пожить в маленьком городке, – продолжал Линкольн. – Где никто не запирает двери, а соседи выходят встретить вас с кастрюлями в руках. Но все это скорее фантазии, чем реальность, потому что таких городков, какие рождает их воображение, не существует. И проблемы, от которых они бегут, следуют за ними по пятам, из одного дома в другой.

«Ной говорил мне, что не хочет переезжать. Он говорил, что возненавидит меня, если я силой увезу его из Балтимора, от его друзей. Но нельзя позволять четырнадцатилетнему мальчику управлять твоей жизнью. Я мать. Я несу ответственность. Я знала, что так будет лучше для него, для нас обоих. Вернее, я так думала».

– На какое-то время возникает иллюзия, будто все получилось, – продолжал Линкольн. – Новый дом, новый город – это отвлекает от воспоминаний о прошлой жизни. Каждый надеется, что новая обстановка, новые возможности помогут решить все проблемы. Где и когда еще начинать новую жизнь, как не летом у озера, думают приезжие.

– Он угнал машину, – призналась Клэр.

Линкольн не ответил. Ей стало интересно, что бы она увидела сейчас в его глазах, если бы повернулась. Разумеется, не удивление; похоже, он уже знал или догадывался о том, что ее приезд в Транквиль был жестом отчаяния.

– Это не единственное преступление, которое он совершил. После того как его арестовали, я узнала и многое другое. Кражи в магазинах. Граффити. Налеты на ближайшие продуктовые магазины. Они занимались этим все вместе, Ной и его приятели. Трое мальчишек, которым просто стало скучно, и они решили внести разнообразие в свою унылую жизнь. В жизнь своих родителей. – Клэр откинулась на спинку сиденья, и ее взгляд снова устремился на пустынную улицу. Начался снегопад – снежинки, падая на лобовое окно, тут же таяли, и оставшаяся от них вода текла по стеклу, словно слезы. – Самое страшное, что я ничего об этом не знала. Вот так – он почти ничего не говорил мне, мы были словно чужие. Когда в ту ночь мне позвонили из полиции и сообщили об аварии – ведь Ной сидел в угнанной машине, – я сказала им, что это ошибка. Мой сын не мог совершить ничего подобного. Мой сын остался ночевать у своего друга. Но оказалось, что это не так. Он сидел в службе экстренной медпомощи с рваными ранами на голове. А его друг – один из хулиганов, – находился в коме. Наверное, стоит

порадоваться, что мой сын никогда не забывает пристегивать ремень безопасности. Даже в угнанной машине. – Клэр покачала головой и насмешливо вздохнула. – Другие родители были удивлены не меньше моего. Они тоже не могли поверить в то, что их мальчики совершили преступление. И считали, что Ной уговорил их сделать это. Что именно Ной оказывал дурное влияние. Чего еще ожидать от мальчишки, который растет без отца? Им было безразлично, что мой сын – самый младший в компании. Все валили на него, потому что у него нет отца. И потому что я слишком много работаю и больше забочусь о чужих семьях, чем о своей.

Снег пошел сильнее, укрывая лобовое стекло белым одеялом, отрезая их от внешнего мира.

– Самое ужасное в том, что я согласилась с ними. Наверняка я что-то сделала не так, что-то недодавала сыну. И постоянно думала: как же все поправить?

– Собраться и покинуть родной дом – мера радикальная.

– Я искала чуда. Волшебного решения всех проблем. Мы дошли до того, что начали ненавидеть друг друга. Я не могу контролировать его поступки. И что самое ужасное – не могу выбирать ему друзей. Я прекрасно видела, к чему все идет. Еще одна угнанная машина, еще один арест. Еще одна серия бестолковых бесед с психологами…

Клэр глубоко вздохнула. Лобовое стекло уже покрылось толстым слоем снега, и она чувствовала себя заживо погребенной, замурованной рядом с этим мужчиной.

– А потом, – продолжила она, – мы посетили Транквиль.

– Когда?

– Как-то осенью, в выходные. Чуть больше года назад. Отдыхающие почти разъехались, но погода еще стояла чудесная. Бабье лето. Мы с Ноем сняли коттедж на озере. Каждое утро, просыпаясь, я слышала крики гагар. И больше ничего. Только гагары и тишина. Вот чем мне запомнились те выходные – ощущением полного покоя. Мы вдруг перестали ссориться. Нам было хорошо вдвоем. И именно тогда я поняла, что хочу уехать из Балтимора… – Она покачала головой. – Думаю, вы правильно классифицировали меня, Линкольн. Я, так же как и все другие приезжие, пыталась убежать от прошлой жизни, от проблем. Но не знала, куда мне ехать. Знала только, что больше не могу оставаться там, где жила.

– А сейчас?

– И здесь я тоже не смогу остаться, – нервно произнесла она.

– Не принимайте поспешных решений, Клэр. Вы провели здесь не так уж много времени и еще не успели наладить полноценную практику.

– Прошло девять месяцев. Все лето и осень я просидела в своем офисе в ожидании пациентов. Но в основном ко мне обращались туристы. С вывихами или расстройством желудка. Лето прошло, и они разъехались по домам. И я вдруг осознала, как мало у меня местных пациентов. Я надеялась, что продержусь и смогу завоевать их доверие. Это могло бы произойти в ближайшие год-два. Но после того, что случилось сегодня, у меня нет шансов. На собрании я сказала то, что должна была сказать, но местным это не понравилось. Теперь у меня один выход – собраться и уехать. С надеждой на то, что еще не поздно вернуться в Балтимор.

– Вы так легко сдадитесь?

Он нарочно решил спровоцировать ее. Разозлившись, Клэр повернулась к Линкольну.

– Легко? А что же тогда трудно?

– Против вас настроены далеко не все горожане. Речь идет о нескольких излишне нервозных личностях. Вас поддерживает гораздо больше людей, чем вы думаете.

– И где же они? Почему никто не принял мою сторону? Вы были единственным.

– Некоторые просто растерялись. Или побоялись выступить.

– Неудивительно. Им бы тоже изрезали шины, – саркастически заметила она.

– Это очень маленький городок, Клэр. Люди здесь думают, что знают друг друга, но, когда доходит до дела, оказывается, что они ошибаются. Каждый держит секреты при себе. Мы огораживаем свою частную территорию и никому не позволяем пересекать ограждение. Выступить на городском собрании – значит выставиться на всеобщее обозрение. Большинство предпочитает молчать, пусть даже они согласны с вами.

– Да, только эта молчаливая поддержка не поможет мне заработать на жизнь.

– Нет, не поможет.

– И нет никакой гарантии, что теперь хотя бы один пациент переступит порог моего кабинета.

– Да, риск есть.

– Тогда зачем мне оставаться? Назовите хотя бы одну причину, по которой мне следует остаться в этом городе.

– Я не хочу, чтобы вы уезжали.

Такого ответа она не ожидала. Она уставилась на Линкольна, силясь в темноте понять что-нибудь по его лицу.

– Этому городу нужен такой человек, как вы, – пояснил он. – Чтобы немного встряхнуть нас. Чтобы заставить нас задуматься о вопросах, которые мы раньше не осмеливались себе задать. Ваш отъезд станет большой потерей, Клэр. Потерей для всех нас.

– Вы что же, заявляете это от имени всех горожан?

– Да. – Он запнулся. И тихо добавил: – И от себя.

– Я что-то не совсем понимаю, о чем вы.

– Я и сам не понимаю. Даже не знаю, зачем я это говорю. Ни вам, ни мне от этого лучше не будет. – Он вдруг резко схватился за ручку на дверце и собрался было нажать на нее, но Клэр, протянув руку, остановила Линкольна. Он замер, по-прежнему сжимая ручку, уже готовый выйти на холод.

– Я всегда думала, что вы меня недолюбливаете, – призналась она.

Линкольн взглянул на Клэр с удивлением.

– Как же я давал вам это понять?

– Не словами.

– Тогда чем же?

– Вы никогда не говорили со мной ни о чем личном. Как будто не хотели, чтобы я что-то знала о вас. Меня это не задевало. Я поняла, что здесь так принято. Люди живут замкнуто, так же, как и вы. Но через некоторое время, когда мы узнали друг друга лучше, а эта незримая стена все равно стояла между нами, я подумала: может, это не только оттого, что я приезжая. Может, все дело во мне самой. Ему что-то не нравится во мне.

– Все дело в вас, Клэр.

Она помолчала.

– Понимаю.

– Я знал, что произойдет, если рухнет эта стена между нами. – Его плечи поникли, как будто на них давил груз его печали. – Человек привыкает ко всему, даже к несчастьям, если они продолжаются слишком долго. Я был женат на Дорин много лет и принимал этот брак как данность. Я сделал неправильный выбор, взял на себя ответственность и потом старался для нее изо всех сил.

– Нельзя из-за одной ошибки губить свою жизнь.

– Когда речь идет о другом человеке, которому ты можешь причинить боль, не так легко быть эгоистом и думать только о себе. Гораздо проще оставить все как есть и смириться. Стать толстокожим.

Порыв ветра сдул покрывало с лобового стекла, оставив на нем лишь потеки от растаявших снежинок. Теперь свежий снег, кружась, ложился на стекло, застилая белым мимолетный образ ночи.

– Клэр, если вам показалось, что я не проникся к вам симпатией, – заключил он, – так это только потому, что я изо всех сил старался не делать этого.

Линкольн снова потянулся к двери, собираясь открыть ее. И снова Клэр удержала его прикосновением, накрыв ладонью его пальцы.

Он обернулся к ней. На этот раз их глаза встретились, и никто не стал отводить взгляд.

Линкольн обхватил ее лицо ладонями и поцеловал. И, прежде чем успел отстраниться, пожалеть о своем внезапном порыве, Клэр прижалась к нему, отвечая на его поцелуй.

Его губы, их вкус казались новыми и незнакомыми. Поцелуй чужака. Мужчины, чья тоска по ней, которая так долго скрывалась, наконец выплеснулась со всем жаром. Линкольн притянул ее к себе, и она тоже заразилась этой лихорадкой, почувствовала, как запылали ее щеки и тело. Он произнес ее имя один раз, потом другой, словно вполголоса удивляясь тому, что Клэр оказалась-таки в его объятиях.

Свет фар внезапно проник сквозь заснеженное лобовое стекло. Они шарахнулись друг от друга и виновато смолкли, прислушиваясь к звуку

приближающихся шагов. Кто-то постучал по пассажирской дверце. Линкольн опустил стекло, и в салон ворвалась стайка снежинок.

В окно смотрел полицейский Марк Долан. Увидев Линкольна и Клэр, он произнес лишь короткое «О!». Один звук – и целый океан смысла.

– Я… э-э… я заметил, что двигатель у дока включен, и решил проверить, все ли в порядке, – объяснил Долан. – Знаете, все эти отравления угарным газом…

– Все нормально, – заверил его Келли.

– Да. Хорошо. – Долан отстранился. – Доброй ночи, Линкольн.

– Доброй ночи.

Долан уже ушел, а они все молчали. Наконец Линкольн проговорил:

– Завтра весь город будет знать об этом.

– Я в этом не сомневаюсь. Мне очень жаль.

– А мне нет. – Выходя из машины, он небрежно усмехнулся. – По правде говоря, Клэр, мне плевать. Все, что было в моей жизни плохого, тут же становилось предметом обсуждения в городе. Теперь, когда мне впервые хорошо, пусть поговорят и об этом.

Она включила дворники. Через расчищенную часть стекла Клэр увидела, как Линкольн, махнув ей на прощание, направился к своей машине. Долан еще не уехал, и начальник полиции остановился поговорить с ним.

По дороге домой Клэр вдруг вспомнила, что говорил Митчелл Грум о тайном осведомителе Дамарис Хорн.

«Темноволосый, среднего роста. Работает в ночную смену». Марк Долан, догадалась она.

На следующее утро Линкольн отправился на юг, в Ороно. Выспаться ему не удалось, из головы все не выходили события прошлого вечера. Городское собрание. Разговор с Айрис Китинг. Налет на офис Клэр. И сама Клэр.

Больше всего он думал о Клэр.

Проснувшись в семь утра с тяжелой головой, он спустился вниз. Взгляд на Дорин, все еще спавшую на диване в гостиной, подействовал на него,

словно холодная, отрезвляющая пощечина. Она лежала с полуоткрытым ртом, свесив руку с дивана; ее рыжие волосы казались грязными и спутанными. Он постоял над ней, размышляя о том, как убедить ее уйти без особого крика и слез, но из-за усталости решил оставить эту проблему на потом. Заботы о Дорин всю жизнь забирали у него массу энергии. От одного только взгляда на нее Линкольн чувствовал, как тяжелеют конечности, будто бы Дорин воплощает собой силу земного притяжения.

– Прости, дорогая, – тихо проговорил он. – Но я хочу жить дальше.

Он сделал один телефонный звонок, а потом вышел из дома, оставив там спящую Дорин. Чем дальше он отъезжал от дома, тем легче становилось у него на душе. Удаляясь от Транквиля, Линкольн чувствовал, как покидают его верхние слои депрессии – словно слезает ороговевшая кожа. Дороги были расчищены, асфальт посыпан песком; он надавил на акселератор, набирая скорость, и с каждым оборотом двигателя будто бы сбрасывал все новые и новые слои. Ему казалось, что если он прибавит газу, помчится еще быстрее, то в нем возродится прежний, настоящий Линкольн – очищенный, обновленный и посвежевший. Он мчался мимо полей, по которым ветер гонял белые облака свежевыпавшего снега. «Не снижай скорости, не останавливайся, не оглядывайся». Его поездка имела определенную цель, в голове у него был четкий план, но сейчас он попал во власть новых ощущений, был охвачен счастливой лихорадкой гонки, бегства.

Когда часом позже Линкольн въехал на территорию Университета Мэна, он чувствовал себя обновленным и бодрым, как будто всю ночь проспал в уютной постели. Он припарковал машину и двинулся по университетском городку, с радостью подставляя лицо обжигающе холодному ветру.

Кабинет Люси Оверлок располагался в помещениях факультета физической антропологии. Высокая, в неизменных голубых джинсах и фланелевой рубашке, она больше походила на лесоруба, чем на профессора.

Она протянула ему свою мозолистую руку, по-деловому кивнула и села за свой стол. Даже сидя она выглядела крупной и мужеподобной.

– По телефону вы сказали, что у вас есть вопросы по поводу останков с озера Саранча.

– Я хочу побольше узнать о семье Гау. Как они погибли. Кто убил их.

Она подняла одну бровь.

– С арестом по этому преступлению вы опоздали как минимум на сто лет.

– Меня волнуют обстоятельства их смерти. Вам не удалось обнаружить в архивах какие-нибудь заметки об этом убийстве?

– Кое-что нашел Винс – мой аспирант. Он использует дело Гау для своей кандидатской диссертации. Реконструкция старого убийства по останкам. Он несколько недель потратил на поиски информации. Видите ли, не все старые газеты сохранили свои архивы. А ваш район был таким малонаселенным в то время, что интереса для газетчиков не представлял.

– Так как же погибла семья Гау?

Она покачала головой.

– Боюсь, история стара, как мир. К сожалению, жестокость в семье – явление распространенное не только в сегодняшней жизни.

– Кто убил – отец?

– Нет. Семнадцатилетний сын. Его труп нашли через неделю, он висел на дереве. Очевидно, самоубийство.

– А какой мотив? Может, мальчик был психически нездоров?

Люси откинулась на спинку стула, и ее загорелое лицо озарил свет, лившийся из окна. Годы работы под открытым небом сказались на состоянии ее кожи, и сейчас зимний свет безжалостно подчеркивал каждую веснушку, каждую морщинку.

– Мы не знаем. Судя по всему, семья жила обособленно. Если посмотреть по картам, приложенным к документам о праве на собственность, владения семейства Гау захватывали весь южный берег озера. И, похоже, у них не было соседей, которые могли бы хорошо знать мальчика.

– Значит, семья была богатой?

– Это вряд ли, но крупными землевладельцами их можно назвать. Винс сказал, что земли отошли к Гау в конце восемнадцатого века и оставались в их собственности до этого… события. Потом их распродали по частям. Застроили.

– Винс – это тот неопрятный парень с хвостом?

Люси рассмеялась.

– Все мои студенты неопрятные. Похоже, это необходимое условие для успешного окончания аспирантуры.

– И где я сейчас могу найти Винса?

– В девять часов он должен появиться в своем кабинете. В подвальном этаже музея. Я позвоню ему и предупрежу, что вы зайдете.

Линкольн бывал здесь и раньше. На этот раз широкий деревянный стол был завален не человеческими останками, а глиняными черепками, а окна наглухо засыпаны снежными сугробами. Отсутствие естественного освещения, сырые каменные ступени – все это вызвало у Линкольна ощущение, будто он спустился в подземную пещеру. По обе стороны узкого коридора тянулись полки хранилища, заставленные коробками с памятниками материальной культуры. Бирки на них уже покрылись грибком. «Нижняя челюсть человека (мужчины)» – все, что Линкольн смог разобрать на одной из них. «Деревянный ящик, – с грустью подумал он, – вот безымянное пристанище для кости, которая когда-то принадлежала живому мужчине». Он углубился в лабиринт, и в горле запершило от пыли, плесени и едва уловимого сладковатого дыма, которого становилось все больше по мере того, как Линкольн продвигался в глубь подвала. Марихуана.

– Господин Бретано! – крикнул он.

– Я здесь, комиссар Келли, – ответил чей-то голос. – Возле чучела филина сворачивайте налево.

Сделав еще несколько шагов, Линкольн набрел на стеклянный ящик, в котором сидел огромный рогатый филин. Келли свернул налево.

«Кабинет» Винса Бретано представлял собой письменный стол и шкаф с документами, втиснутые между полками с экспонатами. Хотя пепельницы нигде не было видно, в воздухе по-прежнему висел тяжелый аромат травки; молодой человек, которого явно смущало присутствие копа, скрестив руки, заранее занял оборонительную позицию за столом. Пристально глядя парню в глаза, Линкольн протянул ему руку.

Немного поколебавшись, Винс пожал ее. Значение этого жеста было понятно обоим: договор между ними заключен и уже вступил в силу.

– Присаживайтесь, – предложил Винс. – Можете поставить эту коробку на пол, только осторожней со стулом, он немного шатается. Здесь все шатается. Сами видите, какой шикарный у меня кабинет.

Линкольн снял со стула коробку и поставил ее на пол. Содержимое зловеще загрохотало.

– Кости, – пояснил Винс.

– Человеческие?

– Гориллы. Я использую их в качестве учебного пособия. Раздаю студентам-выпускникам и прошу поставить диагноз, только не уточняю, что кости не человеческие. Вы бы только слышали, какие безумные ответы они дают. Начиная от акромегалии и заканчивая сифилисом.

– Сложные у вас вопросы.

– Ну, знаете, вся наша жизнь состоит из сложных вопросов. – Откинувшись на спинку стула, Винс принялся задумчиво разглядывать Линкольна. – Ваш визит из этой же серии. Обычно полиция не тратит время на убийства столетней давности.

– Семья Гау интересует меня по другой причине.

– И какой же?

– Я полагаю, что их гибель может иметь отношение к сегодняшним проблемам Транквиля.

Винс был явно озадачен.

– Вы имеете в виду недавние убийства?

– Их совершили совершенно обычные дети. Подростки, которые просто сорвались и начали убивать. Мы пригласили детских психологов, чтобы они обследовали каждого ребенка в городе, но они не в состоянии объяснить это явление. Поэтому я и задумался о том, что случилось с Гау. Провел параллели.

– Вы имеете в виду, что убийцы – подростки? – Винс пожал плечами. – Жестокость – естественная протестная реакция на ущемление прав. Когда власти начинают закручивать гайки, молодежь всегда бунтует. Так было и так будет.

– Это не протест. Речь идет о бешенстве среди детей, которые вдруг начинают убивать друзей и близких. – Он запнулся. – То же самое случилось пятьдесят два года назад.

– Что именно?

– Тысяча девятьсот сорок шестой год, Транквиль. Семь убийств, совершенных за один месяц – ноябрь.

– Семь? – Глаза Винса за стеклами очков в металлической оправе стали совсем круглыми. – И это в городе, где живет – сколько человек?

– В сорок шестом году в Транквиле проживало семьсот человек. Мы снова столкнулись с этой трагедией, история повторяется.

Винс издал удивленный смешок.

– Ого, комиссар, в вашем городе социологам будет чем заняться! Но не стоит валить все на детей. Обратите внимание на взрослых. Когда детей с раннего возраста окружает насилие, они усваивают, что только силой можно решить все проблемы. Папа обожает свое всемогущее ружье, ходит с ним на улицу и забавы ради стреляет в оленей. Ребенок усваивает, что убийство – это удовольствие.

– Весьма справедливое замечание.

– Наше общество прославляет насилие! И мы сами вкладываем оружие в руки наших детей. Спросите любого социолога.

– Не думаю, что социологи смогут объяснить это.

– Хорошо. Каково ваше объяснение, комиссар Келли?

– Ливни.

Воцарилось долгое молчание.

– Не понял.

– И сорок шестой год похож на нынешний погодными условиями. Все началось в апреле, с проливных дождей. Местный мост смыло, утонул скот…

Винс закатил глаза.

– Наводнение библейского масштаба!

– Послушайте, я далек от религии…

– Меня тоже верующим не назовешь, комиссар Келли. Я ученый.

– Значит, вы тоже ищете закономерности в природе, верно? Взаимосвязи. Вот и я провожу параллель между нынешним годом и

сорок шестым. В апреле и мае в нашем городе выпало рекордное количество осадков. Река Саранча вышла из берегов, серьезно пострадали прибрежные дома. Потом дожди прекратились – в июле и августе осадков не было. На самом деле и в тот, и в этот год наблюдалась рекордная жара. – Он набрал в грудь воздуха и медленно выдохнул. – И наконец в ноябре, – продолжил он, – началось это.

– Что?

– Убийства.

Винс молчал, его лицо словно бы окаменело.

– Я понимаю, что это звучит бредово, – признался Линкольн.

– Вы даже не представляете, насколько бредово это звучит.

– Однако взаимосвязь существует. Доктор Эллиот полагает, что это какой-то природный феномен. Появление в озере новой бактерии или водорослей, вызывающих сбой в психике. Я читал, что подобные явления наблюдались в южных реках. Есть какой-то микроорганизм, уничтожавший рыб миллионами. Он вырабатывает некое ядовитое вещество, которое воздействует на человека. Вызывает нарушение внимания, а порой и приступы ярости.

– Вы, должно быть, имеете в виду динофлагелляту, фистерию.

– Да. Это похоже на то, что происходит у нас. Поэтому я и хочу узнать про семью Гау. В частности, отмечались ли сильные ливни в год их смерти. Официальных данных о наводнениях в тот период не существует, никто их не регистрировал. Мне нужны исторические свидетельства.

Винс наконец понял Линкольна.

– Вы хотите посмотреть мои статьи из старых газет.

– Там может быть информация, которая меня интересует.

– Наводнение. – Откинувшись на спинку стула, Винс нахмурился, словно припоминая нечто важное. – Странно. Кажется, я встречал что-то насчет наводнения… – Аспирант развернулся к своему шкафу, выдвинул ящик и начал рыться в папках. – Где же я это видел? Где, где… – Он достал папку с пометкой: «Ноябрь 1887, „Вестник Двух Холмов“. В ней лежали копии газетных статей.

– Ливни должны были пройти весной, – заметил Линкольн. – Мы не найдем упоминаний о них в ноябрьских выпусках…

– Нет, здесь должно быть кое-что по делу Гау. Я помню, что делал выписки отсюда. – Он пролистал фотокопии и вдруг замер, уставившись на смятую страницу. – Ага, вот она, датирована двадцать третьим ноября. Заголовок: «Семнадцатилетний юноша уничтожил собственную семью. Пять жертв». Дальше идет перечисление имен: господин и госпожа Теодор Гау, их дети, Дженифер и Джозеф и мать госпожи Гау, Альтея Фрик. – Он отложил страницу в сторону. – Теперь я вспоминаю. Это было в разделе некрологов.

– Что именно?

Винс отыскал следующую копию.

– Некролог по поводу кончины матери госпожи Гау. «Альтея Фрик шестидесяти двух лет, зверски убитая на прошлой неделе, была похоронена тринадцатого ноября вместе с остальными членами семьи Гау. Уроженка Двух Холмов была дочерью Петраса и Марии Госс, преданная жена и мать двоих детей. Сорок один год была замужем за Донатом Фриком, который утонул прошлой весной, – голос Винса вдруг затих, аспирант потрясенно взглянул на Линкольна, – во время наводнения на реке Саранча.

Ошеломленные этим подтверждением, они молча уставились друг на друга. На полу у ног Винса шумел обогреватель, а его светодиод излучал оранжевое сияние. Но в тот момент Линкольн не чувствовал тепла – только холод. Ему казалось, что он уже никогда не сможет отогреться.

– Несколько недель назад, – снова заговорил Линкольн, – вы упоминали об индейцах, пенобскотах. Говорили, что они отказывались селиться на берегах озера Саранча.

– Да. Для них это табуированное место, так же как и подножие Букового Холма, где протекает река Мигоки. Они считали это место опасным.

– А вы знаете, почему оно считалось опасным?

– Нет.

Линкольн задумался.

– Название Мигоки – я так понимаю, это на языке пенобскотов?

– Да. Это искаженное «санкаделак мигаки», так они называли эту местность. «Санкаделак» на их языке – это что-то вроде слова «река».

– А что означает второе слово?

– Давайте я перепроверю. – Винс снова развернулся на стуле и снял с полки потрепанную книжицу «Язык пенобскотов». Пролистав ее, он быстро нашел нужную страницу. – Вот. Я оказался прав насчет «санкаделак». На языке пенобскотов это «река» или «поток».

– А другое слово?

– «Мигаке» означает «драться» или… – Винс запнулся. И поднял взгляд на Линкольна: – «Убивать».

Они снова уставились друг на друга.

– Вот откуда взялось это табу, – тихо проговорил Линкольн.

Винс сглотнул.

– Да. Это Река Убийств.

17

– Жирная жопа, – прошептал Джей-Ди Рейд из секции тромбонов. – У Барри жирная жопа!

Ной оторвался от нот и украдкой покосился на своего соседа Барри Ноултона. Отчаянно стараясь не сбиться с ритма, бедолага крепко сжимал в руках саксофон; его лицо приобрело пунцовый оттенок, и он снова покрылся потом, как это всегда случалось, когда мальчик нервничал. Барри Ноултон потел в спортзале. Потел, когда спрягал глаголы на уроках французского. Потел, когда с ним заговаривала девчонка. Сначала он заливался краской, потом на его лбу и висках проступали капельки пота, и уже в следующее мгновение они начинали стекать по лицу Барри, словно расплавленное жарой мороженое по сахарному рожку.

– Твою мать, у него такая жирная жопа, что, если запустить в космос, у нас появится новая луна.

Капля пота скатилась по лицу Барри и упала на саксофон. Он так крепко сжимал инструмент, что у него побелели костяшки пальцев.

– Отвали от него, Джей-Ди, – обернувшись, сказал Ной.

– О-о! Теперь тощая жопа ревнует, ей тоже хочется внимания. У меня отсюда такой вид открывается! Толстая жопа и тощая жопа – отличная парочка!

– Я сказал, отвали!

Оркестр вдруг разом смолк, и в наступившей тишине произнесенное Ноем «отвали!» показалось чуть ли не криком.

– Ной, что у вас там происходит?

Обернувшись, Ной увидел, что господин Санборн нахмурился и смотрит в его сторону. Господин Санборн был отличным парнем, да что там говорить – любимым учителем Ноя, но этот человек никогда не замечал, что творится на уроках в его классе.

– Ной задирается, сэр, – доложил Джей-Ди.

– Что? Да это он сам задирается! – запротестовал Ной.

– Я так не думаю, – осклабился Джей-Ди.

– Он нам мешает! Лезет со своими идиотскими шутками!

Господин Санборн устало сложил руки на груди.

– Могу я спросить, что это за шутки?

– Он сказал… он сказал… – Ной осекся и посмотрел на Барри, который напрягся так, что казалось, вот-вот лопнет. – Он оскорбил нас.

Ко всеобщему изумлению, Барри вдруг резко толкнул ногой пюпитр; тот с грохотом рухнул на пол, и листки с нотами разлетелись в разные стороны.

– Он дразнил меня жирной жопой! Вот как он меня обзывал!

– Эй, это никакое не оскорбление, это правда! – возразил Джей-Ди.

Класс взорвался хохотом.

– Прекратите! – заорал Барри. – Хватит ржать надо мной!

– Барри, пожалуйста, успокойся.

Барри повернулся к господину Санборну.

– Вы никогда не принимаете никаких мер! Никто не принимает! Он измывается надо мной, а всем на это насрать!

– Барри, тебе нужно успокоиться. Пожалуйста, выйди в коридор и остынь.

Барри бросил свой саксофон на стул.

– Спасибо вам за все хорошее, господин Санборн, – сказал он и вышел из класса.

– Ой! Луна зашла, – прошептал Джей-Ди.

Ной все-таки не выдержал.

– Заткнись! – крикнул он. – Заткнись же наконец!

– Ной! – Господин Санборн постучал по пульту дирижерской палочкой.

– Это он виноват, а не Барри! Джей-Ди постоянно над ним издевается! Да и все остальные тоже! – Ной оглядел своих одноклассников. – Вы все, абсолютно все измываетесь над Барри!

Господин Санборн еще сильнее застучал палочкой.

– Все вы придурки!

Джей-Ди рассмеялся.

– Кто бы говорил!

Ной сорвался с места, его мышцы напряглись до предела: еще немного – и он набросится на Джея-Ди. «Я убью его!»

Чья-то рука схватила Ноя за плечо.

– Довольно! – рявкнул господин Санборн, оттаскивая мальчика в сторону. – Ной, я сам разберусь с Джеем-Ди! А ты выйди в коридор и успокойся.

Ной стряхнул с плеча руку учителя. Ярость, которая вспыхнула в нем с такой опасной силой, все еще сотрясала его, но мальчику все-таки удалось взять себя в руки. Он бросил на Джея-Ди прощальный взгляд, в котором читалось: «Еще раз попадешься мне на пути, пеняй на себя», – и вышел из класса.

Он нашел Барри в раздевалке. Пыхтя и обливаясь потом, мальчик пытался открыть свой шкафчик, но никак не мог совладать с шифром замка. Отчаявшись, Барри с раздражением стукнул по шкафу кулаком, потом развернулся и уперся в него спиной, словно пытаясь раздавить тяжестью своего тела.

– Я убью его, – сказал он.

– Вместе убьем, – подхватил Ной.

– Я не шучу. – Барри взглянул на него, и Ной вдруг понял, что Ноултон действительно не шутит.

Прозвенел звонок, и урок кончился. Высыпав из классов, толпа учащихся наводнила коридоры. Ной стоял в раздевалке, глядя вслед Барри, – толпа тут же поглотила потеющего увальня. Он не заметил, что рядом стоит Амелия. Девочка коснулась его руки.

Вздрогнув от неожиданности, Ной посмотрел на нее.

– Я все знаю про тебя и Джея-Ди, – сказала она.

– Тогда, значит, знаешь и то, что меня выгнали из класса.

– Джей-Ди придурок. Еще никто не осмеливался выступить против него.

– Нуда, я тоже зря это сделал. – Ной ввел шифр замка и открыл дверцу своего шкафа. Она распахнулась с характерным щелчком. – Не стоило из-за него глотку драть.

– Стоило. Жаль, что не все такие смелые, как ты. – Она склонила голову, золотистые волосы рассыпались по щекам. Девочка отвернулась.

– Амелия!

Она посмотрела на него. Как часто в прошлом Ной украдкой бросал на нее взгляды, просто чтобы полюбоваться ее лицом. Как часто фантазировал о том, что прикасается к этому лицу, этим волосам. Целует ее. Возможности для этого были, но ему не хватало смелости взять и сделать это. И вот теперь Амелия смотрела на него с такой нежностью, что он уже не мог совладать с собой. Открытая дверца шкафа надежно маскировала их, защищая от посторонних глаз. Он взял девочку за руку и осторожно притянул к себе.

Она с удовольствием приблизилась, ее глаза были широко раскрыты, а щеки пылали. Их губы соприкоснулись всего лишь на мгновение, так осторожно, будто бы ничего и не произошло. Обменявшись взглядами, они поняли, что обоим не хватило этого краткого мига. Что оба хотят попробовать еще.

Их губы снова слились в поцелуе. Более осмысленном, глубоком, смелом. Он обнял ее, и на ощупь она оказалась такой же нежной, как он и представлял – словно благоухающий глянцевый шелк. Теперь и она обнимала его – рука Амелии обвивала его шею так, словно он уже целиком принадлежал ей.

Но вдруг дверца шкафа резко отлетела в сторону, и перед ними возникла чья-то фигура.

– Какая трогательная сцена, – насмешливо улыбнулся Джей-Ди.

Отпрыгнув в сторону, Амелия уставилась на своего сводного брата.

– Ах ты, дешевая потаскушка! – рявкнул Джей-Ди, толкнув девочку.

Амелия толкнула его в ответ.

– Не смей прикасаться ко мне!

– О! Ты предпочитаешь, чтобы тебя лапал Ной Эллиот?

– Ну все! – сжимая кулаки, Ной двинулся на Джея-Ди. И вдруг застыл на месте. Господин Санборн вышел из музыкального класса и остановился в коридоре, наблюдая за ними.

– Пойдем выйдем, – тихо предложил Джей-Ди; и глаза его засверкали. – На парковку. Прямо сейчас.

Ферн Корнуоллис выскочила из здания школы и помчалась по сугробам к школьной парковке. Когда она наконец добралась до дерущихся мальчишек, ее новые кожаные лодочки промокли насквозь, а пальцы ног одеревенели. Но сейчас ей было не до этого. Она пролезла сквозь толпу зевак и схватила одного из драчунов за куртку. «Опять Ной Эллиот», – раздраженно подумала она, оттаскивая мальчика от Джея-Ди Рейда. Последний хрипел, как разъяренный бык; он угодил плечом прямо в грудь Ною, и тот, увлекая за собой Ферн, неуклюже упал на асфальт.

Директриса упала на спину, испачкав шерстяной пиджак пылью и грязью. Она с трудом поднялась на ноги, попутно подтягивая чулки. Неконтролируемая ярость пульсировала в ней, и она снова попыталась разнять драчунов, на этот раз схватив за воротник Джея-Ди. Она с такой силой рванула его на себя, что лицо мальчишки побагровело, и он закашлялся, но все равно продолжал размахивать кулаками, пытаясь задеть Ноя.

На выручку Ферн подоспели еще двое учителей; они схватили Джея-Ди за руки и оттащили в сторону.

– Держись подальше от моей сестры, Эллиот!

– Я никогда не трогал твою сестру! – кричал Ной в ответ.

– Да, только я видел совсем другое.

– Значит, ты слепой и тупой!

– Увижу еще раз вас вместе, убью обоих!

– Прекратите! Оба! – закричала Амелия, проталкиваясь сквозь толпу и вставая между мальчиками. – Ты такой идиот, Джей-Ди!

– Лучше уж идиот, чем школьная шлюха.

Амелия вспыхнула и покрылась ярким румянцем.

– Заткнись!

– Шлюха! – рявкнул Джей-Ди. – Шлюха, шлюха!

Высвободившись, Ной врезал кулаком в челюсть Джея-Ди. Громкий хруст кости прозвучал так же неожиданно, как ружейный выстрел в морозном воздухе.

Кровь брызнула на снег.

– Нужно срочно принимать меры, – заявила госпожа Любек, учительница истории. – Ферн, когда лес охватывает пожар, надо тушить его комплексно, нельзя размениваться на маленькие очажки пламени.

Ферн, одетая в чужой спортивный костюм, хлебнула горячего чаю. Она знала, что все сидящие за столом наблюдают за ней, ожидая какого-нибудь решения, но черт с ними, пусть подождут, решила она. Сначала нужно согреться, чтобы к ее обмороженным ступням, которые директриса укрыла полотенцем, снова вернулась чувствительность. От спортивного костюма пахло какими-то духами и дезодорантом. Так же как и от его владелицы, круглолицей мисс Будде, учительницы физкультуры. К тому же костюм был растянут и висел на бедрах. Стараясь, чтобы это было незаметно, Ферн тихонько вздрогнула, а потом обвела взглядом пятерых педагогов, которые сидели за столом. Через два часа у нее была назначена встреча с окружным школьным инспектором, которому Ферн должна была представить новый план действий. А для этого нужно было заручиться поддержкой коллег.

В комнате помимо нее сидели заместитель директора, двое учителей, завуч по воспитательной работе и окружной психолог, доктор Либерман. Последний был единственным мужчиной среди присутствующих, а потому сразу принял высокомерный вид, столь характерный для представителей сильного пола, когда они находятся в окружении женщин.

– Думаю, пора действовать жестче, – высказалась учительница английского и литературы. – Не бояться драконовских мер. Если для этого потребуются привлечение вооруженной охраны и исключение хулиганов, значит, так и будем делать.

– Я бы не стал прибегать к таким мерам, – вызывающе возразил доктор Либерман. – Впрочем, это только мое мнение.

– Мы уже проводили усиленные консультации, – сказала Ферн. – И занятия по разрешению конфликтных ситуаций. Практиковали временное отстранение от учебы, содержание под арестом, уговаривали, умоляли. Мы даже убрали из школьного меню десерты, чтобы сократить потребление сахара. Но дети совершенно неуправляемы, и я не знаю, кто в этом виноват. Знаю только, что мои учителя уже бессильны бороться с этим, и я готова обратиться в правоохранительные органы. – Она бросила взгляд на своего заместителя. – А где же комиссар Келли? Он разве не присоединится к нам?

– Я оставила сообщение диспетчеру. Сегодня утром комиссар Келли задерживается.

– Должно быть, всему виной ночные проверки на дорогах, – саркастически заметила госпожа Любек.

Ферн повернулась в ее сторону.

– Что?

– Я слышала об этом в «Монаганз». Динозавры активно обсуждают это.

– И что же они говорят? – Вопрос Ферн прозвучал излишне резко, она сама не ожидала этого. Директриса с трудом взяла себя в руки, чувствуя, что щеки предательски вспыхнули.

– О, прошлой ночью комиссар Келли и эта доктор Эллиот слишком долго прогревали машину. Я хочу сказать, конечно, этот бедняга заслуживает передышки после стольких лет… – Увидев выражение лица Ферн, госпожа Любек прикусила язык.

– Послушайте, может, мы все-таки вернемся к нашим насущным проблемам? – вмешался Либерман.

– Да. Разумеется, – прошептала Ферн. «Это всего лишь сплетни. Линкольн открыто встал на защиту женщины, и город тут же решил, что они спят вместе».

Совсем недавно городские сплетники считали новой пассией Линкольна саму Ферн. Ложные слухи поползли потому, что директриса и начальник полиции на протяжении долгого времени вместе работали над программой ОППН [6]. Она заставила себя забыть о Клэр Эллиот и направила свое раздражение на Либермана, который явно пытался захватить бразды правления в свои руки.

– Грубая сила не работает в этой возрастной группе, – вещал он. – На подростковой стадии развития личности дети восстают как раз против власти. Жесткие меры, которыми вы пытаетесь установить эту власть, не принесут положительных результатов.

– Мне неважно, как они воспримут эти меры, – возразила Ферн. – Моя задача – предотвратить убийства.

– Тогда пригрозите, что они лишатся чего-то важного. Спорта или экскурсий. Вот, например, тот бал, который запланирован. Для них ведь это важное событие, верно?

– Мы уже дважды отменяли танцы по случаю праздника урожая, – заметила Ферн. – Первый раз в связи с гибелью госпожи Горацио, а потом – из-за участившихся драк.

– Но не кажется ли вам, что полезно припасти для них что-то позитивное? Морковку за хорошее поведение. Я бы не стал отменять бал. Какие еще стимулы можно придумать?

– Как насчет страха смерти? – пробормотала англичанка.

– Нам нужно положительное подкрепление, – возразил Либерман. – Нам нужно что-то хорошее. Позитив. Позитив.

– Бал может обернуться катастрофой, – высказалась Ферн. – Две сотни детей в одном спортзале. Достаточно одной драки, и мы получим оголтелую, орущую толпу.

– Значит, надо заранее отсеять самых буйных. Это я и имею в виду, говоря о положительном подкреплении. Тот, кто нарушает правила поведения, автоматически не допускается на праздник. – Он сделал паузу. – Вот, скажем, те два мальчика, что дрались сегодня.

– Ной Эллиот и Джей-Ди Рейд.

– Начните с них. Это послужит примером для остальных.

– Я отстранила их от учебы до конца недели, – сообщила Ферн. – Сейчас за ними приедут их родители.

– Я бы на вашем месте немедленно довел до сведения всей школы, что эти мальчики не допущены на праздник и такая же участь впредь ждет всех нарушителей порядка. Сделайте из них антигероев. Пусть на их примере все видят, чего делать нельзя.

Молчание затянулось; все смотрели на Ферн, ожидая ее решения. Она так устала отвечать за все, устала отбиваться от обвинений в свой адрес. Но вот появился доктор Либерман, который учит ее, что делать, и она даже обрадовалась тому, что можно ему подчиниться. Переложить ответственность на кого-то другого.

– Хорошо. Бал состоится, – заключила она.

Раздался стук в дверь. Когда в комнату вошел Линкольн, сердце Ферн забилось быстрее. Вместе с начальником полиции в помещение ворвался характерный зимний запах. Сегодня он был без формы, в джинсах и старой охотничьей куртке, а в его волосах застряло несколько сверкающих снежинок. Он выглядел усталым, но утомление лишь усиливало его мужскую привлекательность. И она в который раз подумала: «Тебе нужна хорошая женщина, которая бы холила тебя и лелеяла».

– Извините за опоздание, – сказал он. – Я только что вернулся в город.

– Собственно, мы уже заканчиваем, – сообщила Ферн. – Но нам необходимо переговорить, если у вас есть время. – Директриса поднялась из-за стола и смутилась от его удивленного взгляда, которым он окинул ее убогий наряд. – Мне пришлось вмешаться в очередную драку, и меня в результате толкнули на землю, – объяснила она. И поправила куртку. – Экстренная смена декораций. Цвет, правда, не мой.

– Вы не пострадали?

– Нет. Хотя больно расставаться с хорошими итальянскими туфлями.

Линкольн улыбнулся, словно подтверждая, что даже в столь непритязательном виде Ферн остается обаятельной и остроумной и что он это ценит.

– Тогда я подожду вас в приемной, – пообещал он, выходя.

Она не могла просто встать, выйти и догнать его. Нужно было красиво обставить свой уход. Освободилась она минут через пять и, когда вышла, обнаружила, что Линкольн в приемной уже не один. С ним была Клэр Эллиот.

Казалось, они даже не заметили появления Ферн, так были поглощены друг другом. Их руки не соприкасались, но Ферн заметила в лице Линкольна столько силы и одухотворенности, сколько никогда не замечала. Он как будто очнулся от долгой зимней спячки и снова ожил.

Боль, которую она испытала в это мгновение, была почти физической. Она сделала шаг навстречу, но вдруг поняла, что ей нечего сказать. «Что он нашел в ней и не нашел во мне?» – задумалась она, глядя на Клэр. Все эти годы Ферн наблюдала за тем, как рушится брак Линкольна, и надеялась, что время станет ее союзником. Образ Дорин поблекнет, и освободившееся место займет она. И вот появилась приезжая, совершенно обычная женщина в грубых зимних сапогах и коричневом свитере, которая взяла и обошла ее. «Ты здесь лишняя, – злобно подумала Ферн, когда Клэр повернулась к ней. – И всегда будешь лишней».

– Мне позвонила Мэри Дилаханти, – объяснила Клэр. – Я так понимаю, Ной опять подрался.

– Ваш сын отстранен от учебы, – сурово произнесла Ферн, отбросив всякие церемонии. Ей очень хотелось причинить боль этой женщине, и она обрадовалась, увидев, как поморщилась Клэр.

– Что случилось?

– Он подрался из-за девочки. Очевидно, Ной стал распускать руки, и брат девочки вступился за свою сестру.

– Я не могу поверить. Мой сын никогда не упоминал ни о какой девочке…

– Сегодня проблема общения с детьми особенно актуальна, тем более если родители слишком заняты работой. – Ферн хотелось задеть ее за живое, и ей это явно удалось, потому что Клэр покраснела, ощущая свою вину.

Госпожа Корнуоллис хорошо знала, как поддеть любого родителя, знала уязвимые места – самобичевание и бесконечное чувство ответственности.

– Ферн, – одернул ее Линкольн. В его голосе звучал упрек.

Директриса повернулась к нему и вдруг устыдилась собственного поведения. Она вышла из себя, дала волю чувствам, показала себя с самой худшей стороны, в то время как Клэр досталась роль невинной жертвы.

Уже более мягким тоном она продолжила:

– Ваш сын находится под школьным арестом. Можете забрать его домой.

– Когда ему можно будет вернуться в школу?

– Я еще не решила. Поговорю с учителями и выслушаю их рекомендации. Наказание должно быть достаточно суровым, чтобы впредь ему было неповадно. – Она многозначительно посмотрела на Клэр. – У него ведь уже были неприятности, верно?

– Только та история со скейтбордом…

– Нет, я имею в виду то, что было раньше. В Балтиморе.

Клэр потрясенно взглянула на директрису. «Выходит, я не ошиблась, – с удовлетворением подумала Ферн. – Мальчик всегда был проблемным».

– Мой сын, – с тихим вызовом произнесла Клэр, – не хулиган.

– И тем не менее у него были неприятности с законом.

– Откуда вам это известно?

– Я получила вырезки из балтиморской газеты.

– Кто их прислал?

– Я не знаю. И к делу это не относится.

– Еще как относится! Кто-то пытается погубить мою репутацию, выжить меня из города. Теперь начали охоту и за моим сыном.

– Но ведь газеты не врут, верно? Он действительно угнал машину.

– Это случилось сразу после смерти его отца. Вы можете себе представить, каково двенадцатилетнему мальчику стать свидетелем смерти своего отца? Какая это травма для него. Ной до сих пор не оправился от удара. Да, он все еще злится. Все еще скорбит. Но я его знаю и говорю вам: мой сын не мерзавец.

Ферн не стала возражать. Бессмысленно спорить с разъяренной матерью. Для нее совершенно очевидно, что доктор Эллиот ослеплена любовью к сыну.

– А кто второй мальчик? – поинтересовался Линкольн.

– Разве это имеет значение? – удивилась Ферн. – Ной должен отвечать за свое поведение.

– Но ты сказала, что драку затеял другой мальчик.

– Да, чтобы защитить свою сестру.

– Ас девочкой ты говорила? Она подтвердила, что нуждалась в защите?

– Мне не нужны никакие подтверждения. Я видела, как дрались два мальчика. Выбежала, чтобы разнять их, и меня повалили на землю. То, что произошло, было отвратительно. Жестоко. Даже не могу поверить, что ты сочувствуешь мальчишке, который напал на меня…

– Напал?

– Физический контакт был. Я упала.

– Ты намерена предъявить обвинение?

Она открыла рот, чтобы сказать «да», но в последний момент остановилась. Предъявить обвинение – значит предъявлять доказательства в суде. И что она скажет под присягой? Она видела ярость на лице Ноя, знала, что ему хотелось ударить ее. То, что он так и не поднял на нее руку, – это детали; дело ведь в том, что он намеревался так поступить, выражение его глаз было жестоким. Но видел ли это кто-нибудь еще?

– Нет, я не хочу предъявлять обвинение, – сказала она. И великодушно добавила: – Я дам ему возможность исправиться.

– Я уверен, Ферн, Ной будет тебе благодарен за это, – заверил он.

А она печально подумала: «Не его благодарность мне нужна. А твоя».

– Может, все-таки поговорим? – спросила Клэр.

Вместо ответа Ной съежился, словно амеба, и придвинулся к пассажирской дверце.

– Рано или поздно, дорогой, нам придется поговорить об этом.

– А зачем?

– Затем, что тебя отстранили от учебы. И теперь мы даже не знаем, когда тебе разрешат, если вообще разрешат, вернуться в школу.

– Ну, не вернусь в школу, и что с того? Я все равно там ничему не научился. – Он отвернулся и уставился в окно, давая понять, что разговор окончен.

Клэр молча вела машину, ее взгляд хоть и был устремлен на дорогу, но она едва ли замечала, что там происходит. У нее перед глазами всплыл образ ее пятилетнего сына – мальчик свернулся калачиком на диване и был слишком расстроен, чтобы рассказать, как его в тот день дразнили в школе. Он никогда не отличался словоохотливостью, подумала она. Всегда замыкался в себе, окружая себя стеной молчания, и с годами эта стена стала еще более толстой и непробиваемой.

– Я все думаю, что нам делать дальше, Ной, – начала она. – Мне нужно понять, чего хочешь ты. Правильно ли я поступаю, по твоему мнению. Ты ведь знаешь, что с работой у меня не все в порядке. А теперь, когда окна разбиты, а ковры изуродованы, пройдут недели, прежде чем я снова смогу принимать пациентов. Если они вообще захотят прийти… – Клэр вздохнула. – Я просто хотела найти место, где бы тебе было хорошо, где мы оба могли бы начать новую жизнь. А сейчас мне кажется, что я лишь все испортила. – Она въехала во двор дома и заглушила мотор. Некоторое время мать и сын сидели молча. Потом она повернулась к нему. – Можешь не рассказывать мне ни о чем прямо сейчас. Но потом нам придется все обсудить. Мы должны принять решение.

– Какое еще решение?

– Стоит ли нам вернуться в Балтимор.

– Что? – Он вздернул подбородок и наконец посмотрел на маму. – Ты хочешь сказать, уехать отсюда?

– Ты же сам постоянно твердишь, что хочешь вернуться в Балтимор. Сегодня утром я звонила бабушке Эллиот. Она сказала, что ты можешь приехать прямо сейчас и пожить у нее немного. А я приеду потом, когда упакую вещи и выставлю дом на продажу.

– Ты опять за свое. Решаешь за меня, как мне жить.

– Нет, я прошу тебя помочь мне сделать выбор.

– Ты не просишь. Ты уже все решила.

– Это неправда. Однажды я совершила ошибку и больше не хочу повторять ее.

– Ты хочешь уехать, я правильно понял? Все эти месяцы я мечтал вернуться в Балтимор, но ты меня не слушала. Теперь ты решаешь, что пора валить отсюда, и при этом спрашиваешь: «Чего ты хочешь, Ной?»

– Я спрашиваю, потому что это важно для меня! Я всегда считалась с твоими желаниями.

– А если я скажу, что хочу остаться? Что, если у меня появился друг, который мне очень дорог, и она живет здесь?

– Все эти девять месяцев ты говорил только о том, как ты ненавидишь это место.

– И тогда это тебя не волновало.

– Чего же ты хочешь? Что я могу сделать, чтобы ты был счастлив? Есть хоть что-нибудь, что может доставить тебе радость?

– Ты опять кричишь на меня.

– Я так стараюсь, но никак не могу тебе угодить!

– Хватит орать на меня!

– Ты думаешь, легко быть твоей матерью? Думаешь, с другой матерью тебе было бы лучше?

Он ударил кулаком по торпеде, а потом повторил этот жест еще и еще раз в такт своим выкрикам:

– Хватит – на – меня – орать!

Она уставилась на сына, пораженная силой его ярости. И тем, что из его ноздри вдруг вытекла яркая капелька крови. Она упала и скатилась на куртку.

– У тебя кровь…

Он машинально коснулся верхней губы и уставился на свои окровавленные пальцы. Из носа вытекла еще одна капля; она скатилась по лицу и тоже упала на куртку, превратившись в ярко-красное пятно.

Ной распахнул дверцу машины и побежал к дому.

Поспешив за ним, Клэр обнаружила, что он заперся в ванной.

– Ной, открой.

– Оставь меня в покое.

– Я хочу остановить кровотечение.

– Оно уже кончилось.

– Можно мне посмотреть на тебя? Все нормально?

– О Господи! – взревел он, и Клэр услышала, как что-то упало на пол и разбилось. – Почему ты не можешь просто уйти?

Клэр все стояла, глядя на запертую дверь и молясь, чтобы она открылась; но было ясно, что она не откроется. Между ними уже и без того выросло слишком много запертых дверей, а эта была лишь очередной преградой, которую она даже не надеялась преодолеть.

Зазвонил телефон. Бросившись на кухню, она устало подумала: «На сколько же меня хватит?»

В телефонной трубке кричал знакомый встревоженный голос:

– Док, вы должны срочно приехать сюда! Ее нужно осмотреть!

– Элвин? – удивилась Клэр. – Это Элвин Клайд?

– Да, мэм. Я у Рейчел. Она не хочет ехать в больницу, поэтому я решил позвонить вам.

– Что случилось?

– Я точно не знаю. Но вам лучше приехать как можно скорее, потому что она залила кровью всю кухню.

18

Когда Клэр прибыла к дому Рейчел Соркин, уже смеркалось. Стоя на крыльце, Элвин Клайд наблюдал за своими собаками, которые носились по двору.

– Плохо дело, – мрачно сообщил он, когда Клэр поднялась по ступенькам.

– Как она?

– Сумасшедшая дуреха, вот она кто. Взяла и выставила меня вон, а я ведь просто пытался ей помочь, понимаете. Говорит: «Иди на улицу, Элвин, а то кухня тобой провоняет». – Мужчина опустил голову, и его простоватое

лицо приняло совсем унылое выражение. – Она была так добра ко мне, когда я поранил ногу и все такое. Я тоже хотел отплатить ей добром.

– Вы это уже сделали, – потрепав его по плечу, заверила Клэр. Обтянутое замызганным пальто, его плечо на ощупь напоминало вязанку хвороста. – Пойду посмотрю, что с ней.

Клэр зашла на кухню. Ее взгляд тотчас упал на дальнюю стену. «Кровь», – тут же подумала она, увидев яркие брызги. И вдруг разглядела надпись, нанесенную красной краской на дверцы кухонного шкафа: «САТАНИНСКАЯ БЛУДНИЦА».

– Я знала, что это произойдет, – тихо проговорила Рейчел. Она сидела за кухонным столом, прижимая к голове целлофановый пакет со льдом. Кровь запеклась на ее щеке, кровью были забрызганы черные волосы. Под ногами валялись осколки битого стекла. – Рано или поздно.

Клэр подвинула себе стул и села рядом с Рейчел.

– Позвольте, я осмотрю вашу голову.

– До чего же невежественны люди. Достаточно одному идиоту завести их, и все превращается… – Она нервно хохотнула. – В охоту на ведьм.

Клэр осторожно сняла пакет со льдом с головы Рейчел. Хотя рана была неглубокой, она сильно кровоточила и требовала наложения как минимум десятка швов.

– Это из-за битого стекла?

Рейчел кивнула и поморщилась, словно любое движение причиняло ей боль.

– Я не заметила, что летит камень. Меня так взбесила эта краска и то, что они сделали с моей кухней. Я даже не догадалась, что они спрятались во дворе и наблюдают за мной. Я стояла, разглядывала шкафы, и вдруг сюда влетел камень. – Она жестом указала на окно, уже забитое досками. – Элвин помог.

– А как он оказался здесь?

– О, этот сумасшедший все время бродит по моему двору со своими собаками. Он увидел разбитое окно и зашел узнать, что случилось.

– Это очень любезно с его стороны. Вам все-таки повезло с соседом.

Рейчел хмыкнула.

– Верно. Сердце у него все-таки есть.

Клэр открыла свой чемоданчик и достала набор для наложения швов. А потом стала обрабатывать рану Рейчел бетадином.

– Вы не теряли сознание?

– Не помню.

– Не уверены?

– Кажется, меня все же оглушило. Я очнулась на полу, но не могу вспомнить, как я на него осела.

– Сегодня ночью вам необходимо побыть под присмотром. Не дай бог, откроется внутричерепное кровотечение…

– Я не могу лечь в больницу. У меня нет страховки.

– Вам нельзя оставаться дома одной. Я могу организовать экстренную госпитализацию.

– Но у меня нет денег, доктор Эллиот. Мне нечем заплатить за пребывание в больнице.

Молча разглядывая пациентку, Клэр задумалась, стоит ли давить на нее.

– Хорошо. Но если вы останетесь дома, кто-то должен побыть с вами.

– У меня никого нет.

– Может, подруга? Соседка?

– Не знаю, о ком вы.

Раздался громкий стук в дверь.

– Эй! – прокричал с улицы Элвин. – Можно мне зайти в туалет?

– Вы уверены, что не знаете? – спросила Клэр, бросив многозначительный взгляд в сторону Элвина.

Рейчел закрыла глаза и вздохнула.

Когда Клэр вышла на крыльцо дома Рейчел, на темный двор въехала патрульная машина. Доктор Эллиот и Элвин наблюдали за тем, как, выйдя из машины, к ним приближается полицейский. Когда мужчина оказался в луче света, Клэр узнала в нем Марка До-лана. Она удивилась,

увидев его, поскольку обычно он дежурил в ночную смену. Долан никогда ей не нравился, а сегодня, памятуя о словах Митчелла Грума, она тем более не обрадовалась встрече с ним.

– Что-то случилось? – осведомился он.

– Я вам звонил больше часа назад, – сердито пробурчал Элвин.

– А, да, мы сегодня задыхаемся от вызовов. Вандализм – это цветочки по сравнению со всем остальным. Так что случилось? Кто-то разбил окно и проник в дом?

– Речь идет не просто о вандализме, – возразила Клэр. – Здесь преступление на почве ненависти. В окно бросили камень, и Рейчел Соркин получила ранение в голову. Она могла серьезно пострадать.

– С чего вы взяли, что это на почве ненависти?

– На нее напали из-за ее религиозных убеждений.

– При чем здесь религия?

– Она же ведьма, ты, чертов дебил! – рявкнул Элвин. – Все это знают!

Долан снисходительно улыбнулся.

– Элвин, называть ее так не слишком-то любезно с твоей стороны.

– Ничего в этом дурного нет, если она и в самом деле ведьма! Если ей это не мешает, черт с ней, мне тоже все равно. По мне, так ведьма лучше, чем вегетарианка. Хотя ей я и это готов простить.

– Я бы не стал называть ее убеждения религиозными.

– Да мне плевать, как ты их назовешь. То, что женщина верит во всяких там фей-змей, не дает никому права швырять в нее камни!

– Это самое настоящее преступление на почве ненависти, – настойчиво произнесла Клэр. – Не отмахивайтесь от него, как от простого вандализма.

Улыбка Долана сменилась презрительной усмешкой.

– К этому происшествию отнесутся со вниманием, если оно того заслуживает, – заверил он. И, поднявшись на крыльцо, прошел в дом.

Клэр и Элвин некоторое время молчали.

– Она заслуживает большего, – наконец проговорил он. – Она хорошая женщина и заслуживает того, чтобы к ней относились лучше.

Клэр подняла на него глаза.

– Вы тоже хороший человек, Элвин. Спасибо, что согласились остаться с ней сегодня.

– Да уж, я попал, – пробормотал он, спускаясь с крыльца. – Пойду только отведу собак домой, а то они ее бесят. Да, и еще одну глупость нужно сделать. Раз уж пообещал ей.

– Какую такую глупость?

– Помыться, – буркнул он и направился к лесу; собаки помчались за ним по пятам.

Поздно ночью, когда Ной уже спал, наконец позвонил Линкольн.

– Раз десять хватался за трубку, – признался он, – но так и не удалось позвонить, дергают постоянно. Приходится работать по две смены подряд, чтобы управиться со всеми вызовами.

– Ты слышал о нападении на дом Рейчел Соркин?

– Марк что-то говорил об этом.

– Может, он сообщил и о том, что он настоящий болван?

– А что он сделал?

– В том-то то и дело, что ничего. Он не отнесся к этому нападению всерьез. Предпочел квалифицировать его как мелкое хулиганство.

– Он сказал, что там просто разбили окно.

– Да, и еще оставили надпись на кухне: «Сатанинская блудница».

Воцарилось молчание. Когда Линкольн снова заговорил, она уловила в его голосе едва сдерживаемую злость.

– Черт возьми, эти слухи о дьявольщине зашли слишком далеко. Мне придется побеседовать с этой Дамарис Хорн, пока она не принялась строчить о проклятиях индейцев-пенобскотов.

– Ты не рассказывал ей о своем разговоре с Винсом?

– Нет, черт побери. Я вообще стараюсь ее избегать.

– Если все-таки будешь с ней беседовать, можешь задать ей вопрос о ее добром друге, полицейском Долане.

– Неужели это правда?

– Об этом мне рассказал журналист Митчелл Грум. Он видел их вместе.

– Я уже спрашивал Марка, общался ли он с ней. Он категорически отрицает. Без доказательств я не могу принять меры.

– А ты веришь ему на слово?

Молчание.

– Честно говоря, не знаю, Клэр, – вздохнул он. – В последнее время я узнал о своих соседях и друзьях такое, о чем раньше и не догадывался. Лучше бы я всего этого не знал. – Его голос стал добрее: – Вообще-то я звоню тебе не для того, чтобы обсуждать Марка Долана.

– А для чего?

– Поговорить о том, что произошло вчера. Между нами.

Она закрыла глаза, приготовившись слушать о раскаянии и сожалениях. С одной стороны, ей хотелось бы отвязаться от него, освободиться. И уехать из этого города, не оглядываясь, не терзаясь сомнениями о правильности этого решения.

Но с другой стороны, ей хотелось быть с ним, очень хотелось.

– Ты подумала над тем, о чем я говорил? – осведомился он. – Может, все-таки останешься?

– Ты все-таки хочешь этого?

– Да.

Он произнес это, не колеблясь. Он не освобождал ее, и Клэр испытала одновременно и радость, и тревогу.

– Не знаю, Линкольн. Я все еще раздумываю о причинах, которые вынуждают меня уехать.

– А как насчет причин, по которым тебе лучше остаться?

– Кроме тебя, меня здесь ничего не держит.

– Давай поговорим об этом. Я могу приехать прямо сейчас. Она хотела, чтобы Линкольн приехал, но боялась последствий.

Боялась, что примет необдуманное решение, что одно его присутствие окажется решающим аргументом в пользу того, чтобы она осталась в Транквиле. Существовало так много причин, которые вынуждали ее уехать. Достаточно было выглянуть в окно, увидеть глухую темноту ноябрьской ночи и понять, как убийственно холодно на улице...

– Я могу быть у тебя через десять минут.

Она сглотнула. И кивнула невидимому собеседнику:

– Хорошо.

Как только Клэр повесила трубку, ее охватила паника. Как она выглядит? Что с прической? Чисто ли в доме? Она без труда распознала природу этих беспорядочных мыслей, в которых таилось извечное женское желание произвести впечатление на возлюбленного, и удивилась тому, что испытывает такое в столь позднюю пору своей жизни. С возрастом не всегда приходит мудрость, подумала она с грустной улыбкой.

Клэр намеренно не стала смотреться в зеркало и вместо этого спустилась в гостиную, где заставила себя заняться разведением огня в камине. Если Линкольн так хочет навестить ее в столь поздний час, пусть увидит ее такой, какая она есть. Женщиной с испачканными золой руками и пахнущими дымом волосами. Настоящей Клэр Эллиот, усталой и совсем непривлекательной. Пусть посмотрит на меня такую, с вызовом подумала она, и станет ясно, нужна ли я ему на самом деле.

Она набросала дров и хвороста и чиркнула спичкой, поджигая смятые газеты. Огонь занялся сразу и уже не требовал внимания, но Клэр все равно не отходила от камина, с каким-то детским удовлетворением наблюдая за тем, как друг за другом загораются хворост и дрова. Дерево было сухим, поэтому сгорало быстро и давало много тепла. Она и сама была как это дерево, сухое и нетронутое. Уже и не помнила, когда горела в последний раз.

Раздался звонок в дверь. И она тут же превратилась в комок нервов. Принялась судорожно сбивать с рук золу, но все кончилось тем, что Клэр испачкала брюки.

«Пусть увидит настоящую Клэр. И сам решит, нужно ли ему это».

Она вышла в прихожую, на мгновение остановилась, чтобы успокоиться, и открыла дверь.

– Входи, – пригласила она.

– Здравствуй, Клэр, – ответил он и как будто растерялся, не зная, что еще сказать.

Их взгляды встретились, но ненадолго – через мгновение каждый снова смотрел в свою сторону. Линкольн переступил порог, и она увидела, что его куртка припорошена мелким снегом, а за его спиной, в темноте ночи, вьется белая метель.

Она закрыла дверь.

– Я вожусь с камином в гостиной. Снимай куртку.

Он разделся, и, вешая его куртку на вешалку, Клэр почувствовала, что от подкладки исходит тепло. Раньше они просто встречались и говорили, а сегодня она впервые по-настоящему ощущала его присутствие, тепло его тела, впитывала его запах, смешанный с ароматами дыма и тающего снега. Ощущение было настолько сильным, что, даже стоя к нему спиной, она чувствовала на себе его взгляд.

Клэр проводила Линкольна в гостиную.

В камине уже пылал огонь, и его свет ярким полукругом озарял комнату. Клэр села на диван и погасила настольную лампу. Света от огня было вполне достаточно; в тени она как будто искала убежища. Линкольн сел рядом, на некотором, вполне комфортном расстоянии. Нейтральная позиция – то ли друг, то ли любовник, то ли просто знакомый.

– Как дела у Ноя? – наконец спросил он, сохраняя нейтральность даже в разговоре.

– Долго злился, а потом лег спать. В некотором роде ему хочется быть жертвой, хочется чувствовать себя так, будто весь мир против него. И я не могу заставить его думать по-другому. – Она вздохнула и прикрыла глаза ладонью. – Девять месяцев он пилил меня за то, что я, злодейка, силой заставила его переехать сюда. А сегодня, когда я сказала, что подумываю о возвращении в Балтимор, он просто взорвался. Обвинил в том, что я не считаюсь с ним и его желаниями. Что бы я ни делала, я все равно неправа. Не могу угодить ему.

– Тогда тебе остается только угождать самой себе.

– Слишком уж эгоистично.

– Разве?

– Приходится сделать вывод, что я все-таки не лучшая мать.

– Я вижу, как ты стараешься, Клэр. Точно так же, как и другие родители. – Он замолчал и тоже вздохнул. – А теперь и я создаю тебе дополнительные трудности, усложняю тебе жизнь, и как раз в тот момент, когда тебе это меньше всего нужно. Но, Клэр, пойми, для меня другого времени не будет. Я должен сказать тебе это, прежде чем ты примешь решение. Прежде чем покинешь Транквиль. Прежде чем станет слишком поздно вообще что-то говорить, – тихо добавил он.

Наконец Клэр взглянула на него. Линкольн сидел, опустив глаза, устало подперев голову рукой.

– Я не собираюсь обвинять тебя в том, что ты хочешь уехать, – продолжил он. – Этот город не слишком приветлив, долго привыкает к чужакам и далеко не всем доверяет. Но по-настоящему злобных людей – единицы. В большинстве своем наши жители такие же люди, как везде. Некоторые из них невероятно великодушны. Таких еще поискать… – Его голос стих, будто бы его красноречие иссякло.

Воцарилось молчание.

– Ты опять говоришь от лица всех горожан, Линкольн? Или от себя?

Он покачал головой.

– Я говорю что-то не то. Хотел сказать кое-что, но снова пустился в бесплодные рассуждения. Я очень много думаю о тебе, Клэр. Да что там говорить, я думаю о тебе постоянно. Я не знаю, что мне с этим делать, со мной такое впервые. Я стал витать в облаках.

Она улыбнулась. Он всегда представлялся ей этаким суровым янки, немногословным и практичным. Мужчиной, который обеими ногами стоит на земле и никогда не витает в облаках.

Он поднялся и рассеянно остановился у камина.

– Я приехал, чтобы сказать тебе именно это. Знаю, что у нас есть сложности. Прежде всего Дорин. А еще у меня совершенно нет опыта отцовства. Но уверяю тебя, у меня полно терпения, когда дело касается важного. – Он откашлялся. – Не надо провожать меня.

Когда она вышла в прихожую, Линкольн уже подошел к вешалке, собираясь достать свою куртку. Клэр положила руку ему на плечо, и он обернулся. Куртка соскользнула с вешалки и упала на пол.

– Вернись, давай посидим еще немного. – Эта просьба, произнесенная шепотом, и улыбка на ее губах были тем самым приглашением, которого он ждал.

Линкольн коснулся ее лица, погладил по щеке. Она уже забыла, каково это – чувствовать прикосновение мужской руки. Ощущение всколыхнуло в ней такую острую и неожиданную жажду, что, закрыв глаза, она издала стон. Еще один стон вырвался, когда Линкольн поцеловал ее и их тела соприкоснулись.

Они целовались по пути в гостиную и даже не заметили, как оказались на диване. Одно из поленьев рассыпалось в камине, взметнув удивительно яркое облако искр и всполохов. «Из выдержанного дерева и костер жарче». Жар собственного костра пожирал Клэр, спаляя дотла любые попытки сопротивления. Они лежали на диване, прижавшись друг к другу, гладя, ощупывая, исследуя друг друга. Высвободив рубашку из его брюк, Клэр подсунула под нее руку и провела по широкой спине Линкольна. Его кожа оказалась на удивление прохладной, как будто весь жар он отдал своим поцелуям, которыми покрывал ее лицо и шею. Она расстегнула рубашку и вдохнула запах его тела. За то время, что они были знакомы, она порой улавливала этот аромат, он каким-то образом отпечатался в ее памяти и сейчас казался одновременно и знакомым, и возбуждающим.

– Если нужно остановиться, – пробормотал он, – то лучше сделать это сейчас.

– Я не хочу останавливаться.

– Я не готов… то есть, я хочу сказать, я не подготовился…

– Ну и ладно. Хорошо, – сказал ее собственный голос, хотя Клэр и сама не знала, хорошо ли, она просто-напросто жаждала его прикосновений.

– Ной, – вспомнил он. – Что, если Ной проснется…

Только тогда она открыла глаза и увидела прямо над собой его лицо. Она впервые видела его таким – черты, озаренные отблесками огня, и взгляд, полный желания.

– Наверху, – пробормотала она. – Моя спальня.

Его губы медленно расплылись в улыбке.

– А замок на двери есть?

В ту ночь они занимались любовью три раза. Сначала безумное столкновение тел, сплетение конечностей и содрогание от внутреннего взрыва. Потом медленное совокупление любовников, не сводящих друг с друга глаз, знающих друг друга на ощупь и по запаху.

А в третий раз они занимались любовью на прощание.

Проснувшись еще до рассвета, они уже привычно потянулись друг к другу в темноте. Слова были не нужны; их тела, объятые новой общей гармонией, скользнули друг к другу, словно две половинки, стремящиеся слиться в единое целое. Когда Линкольн беззвучно опустошился в нее, казалось, будто пролились слезы – одновременно и счастливые, и горькие. Счастливые – потому что он нашел ее. А горькие – оттого, что им предстоит столкнуться с печалями. С яростью Дорин. С сопротивлением Ноя. С горожанами, которые могут так и не принять ее.

Линкольн не хотел, чтобы утром Ной застал их в одной постели; ни он, ни Клэр не были готовы к последствиям. Было еще темно, когда Линкольн оделся и вышел из дома.

Из окна своей спальни она наблюдала за тем, как отъезжает его пикап. Слышала громкий хруст льда под колесами. Похоже, ночью мороз усилился, и сегодня будет намного тяжелее дышать. Свет задних фар уже растворился в темноте, а Клэр все стояла у окна, глядя на искрящиеся под луной сосульки. Она уже ощущала его отсутствие. И к этому примешивалось еще одно неожиданное и тревожное чувство: материнской вины за то, что она так эгоистично пошла на поводу собственных желаний, собственной страсти.

Она вышла в коридор и подошла к двери Ноя. В его комнате было тихо; зная, как крепко он спит, Клэр не сомневалась – он не слышал, что творилось в ее спальне. Она шагнула за порог и опустилась на корточки возле его постели.

Когда Ной был маленьким, Клэр часто наблюдала за его сном, гладила по волосам, вдыхала запах теплого белья и мыла. Теперь он избегал физических контактов; она уже забыла, когда в последний раз сын позволял ей прикоснуться к нему. «Если бы только я могла вернуть тебя прежнего». Она наклонилась над ним и поцеловала в бровь. Он застонал и перевернулся на другой бок, спиной к ней. Даже во сне он отстраняется от меня, подумала Клэр.

Она уже хотела было подняться, но ее взгляд внезапно упал на подушку, и она оцепенела. Там, где только что лежала щека Ноя, осталась фосфоресцирующая зеленая полоска.

Не веря глазам своим, она коснулась ее и почувствовала влагу и тепло, словно мальчик плакал. Клэр уставилась на кончики своих пальцев.

Они призрачно поблескивали в темноте.

19

– Мне необходимо знать, что произрастает в этом озере, Макс. Прямо сегодня.

Макс жестом пригласил ее войти в коттедж и закрыл дверь, чтобы оградиться от пронизывающего ветра.

– Как Ной себя чувствует?

– Я осмотрела его с головы до ног, и внешне он совершенно здоров, если не считать забитого носа. Я уложила его в постель; он пьет соки и противоотечные препараты.

– А что с фосфоресцирующим веществом? Вы отдали его на анализ?

– Да. Сразу же отправила мазок в лабораторию.

Клэр сняла пальто. Макс наконец-то научился разжигать огонь в дровяной печи, и в коттедже было нестерпимо душно. Она бы предпо

чла снова оказаться на ледяном ветру. Здесь, в захламленной гостиной Макса, да еще в дыму она едва дышала.

– Я только что сварил кофе, – сообщил он. – Присаживайтесь… если, конечно, найдете свободный стул.

Клэр окинула взглядом тесную комнатушку и решила отправиться вместе с ним на кухню.

– Расскажите мне про анализы проб воды. Про те, что вы брали из еще не замерзшего озера.

– Результат пришел только сегодня утром.

– Почему вы мне сразу не позвонили?

– Потому что там и рассказывать-то нечего. – Макс порылся в бумагах, разложенных на кухонном столике, и протянул Клэр компьютерную распечатку. – Вот. Окончательный анализ из лаборатории.

Она просмотрела длинный список микроорганизмов.

– Большинство из них мне незнакомо, – сказала она.

– Это потому, что они не патогенные, не вызывают болезни человека. В этом списке типичные бактерии и водоросли, которые встречаются в любом северном водоеме с пресной водой. Содержание колиформных организмов высокое, но в пределах нормы, что указывает лишь на протечку в септической системе какого-нибудь дома, находящегося на береговой линии. Но в целом, ничем не примечательный бактериальный спектр.

– А как же фосфоресцирующие вибрио?

– Нет. Если вибрио и были когда-то в этом озере, то долго они не прожили, а значит, вряд ли были источником болезни. Скорее всего, вибрио не патогенные, а лишь случайные бактерии. Безобидные, как и все другие, которые мы таскаем в своем организме.

Она вздохнула.

– То же самое мне сказали в департаменте здравоохранения.

– Вы им звонили?

– Сегодня утром. Я была в такой панике из-за Ноя.

Он протянул ей кофе. Она сделала глоток, потом отставила чашку, засомневавшись, на какой воде Макс варил кофе – бутылированной или из-под крана.

Из озера.

Ее взгляд скользнул к окну, на безграничное белое пространство, в которое превратилось озеро Саранча. С этим водоемом была неразрывно связана их повседневная жизнь. Летом они купались и плавали в этой воде, рыбачили, выуживая рыбу из глубин. Зимой скользили по застывшей озерной глади на коньках, утепляли дома, защищаясь от натиска безжалостных ветров, кружащих над ледяной пустыней. Без этого озера городок Транквиль прекратил бы свое существование, превратившись в еще одну долину среди бескрайних лесов.

Просигналил ее пейджер. На дисплее высветился незнакомый номер с кодом Бангора.

Она перезвонила с телефона Макса, и ей ответила медсестра из Медицинского центра восточного Мэна.

– Доктор Ротстейн попросил позвонить вам, доктор Эллиот. Насчет вашего пациента с краниотомией, которого привезли на прошлой неделе, господина Эмерсона.

– Как Уоррен себя чувствует после операции?

– Видите ли, его уже несколько раз посещали психиатр и социальный работник, но, кажется, ничего не помогает. Поэтому мы вам и звоним. Мы подумали, раз он ваш пациент, возможно, вы знаете, как разрешить эту проблему.

– Какую проблему?

– Господин Эмерсон отказывается принимать лекарства. Хуже того, он перестал есть. Сейчас он пьет только воду.

– Он как-то объясняет это?

– Да. Говорит, что ему пора умереть.

С тех пор как Клэр виделась с ним последний раз, Уоррен Эмерсон еще больше усох, казалось, жизнь, словно воздух из надувного шарика, постепенно уходила из него. Он сидел в кресле у окна, сосредоточенно разглядывая расположенную возле здания парковку, где, словно мягкие хлебные батоны, выстроились заснеженные машины. Он даже не обернулся, когда Клэр вошла в палату, и продолжал пялиться в окно – уставший от жизни старик, купающийся в свете серого дня. Ей даже показалось, что Уоррен не догадывается о ее присутствии.

И тут он произнес:

– Знаете, все это ни к чему. Так что смело можете оставить меня в покое. Когда приходит твой час, ты это чувствуешь.

– Но ваш час еще не пришел, господин Эмерсон, – возразила Клэр.

Наконец он повернулся, и если даже и удивился ее появлению, то вида не показал. У нее возникло ощущение, что его уже ничто не удивляет. Для него не существует ни радости, ни боли. С тупым равнодушием он наблюдал за ее приближением.

– Ваша операция была удачной, – сказала она. – Опухоль извлекли, и велика вероятность, что она доброкачественная. У вас есть все шансы на полное выздоровление. На возвращение к нормальной жизни.

Ее слова, казалось, не произвели никакого впечатления на старика. Он снова отвернулся к окну.

– У такого, как я, не может быть нормальной жизни.

– Но мы можем контролировать припадки. Возможно, нам даже удастся избавиться от них раз и...

– Меня все боятся.

Эти слова, произнесенные с такой покорностью и обреченностью, все объясняли. Он страдает болезнью, от которой нет лекарств, от которой нельзя излечиться. И нет хирургической операции по удалению страха и отвращения, которые испытывали к нему соседи.

– Я вижу это по их глазам, – признался он. – Вижу каждый раз, когда прохожу мимо них по улице или случайно задеваю в магазине. Они шарахаются, как будто их обожгли кислотой. Все боятся прикоснуться ко мне. Вот уже тридцать лет до меня никто не дотрагивался. Только врачи и медсестры. Люди, у которых нет выбора. Вы же видите, я ядовит. И опасен. Я городское чудовище.

– Нет, господин Эмерсон. Вы не чудовище. Все эти годы вы обвиняете себя в том, что случилось много лет назад, но я не верю в вашу вину. Это болезнь. Вы не отвечали за свои поступки.

Старик не смотрел на нее, и Клэр сомневалась, что он ее слышит.

– Господин Эмерсон!

Уоррен по-прежнему смотрел в окно.

– Очень любезно с вашей стороны, что пришли проведать меня, – пробормотал он. – Но только не надо меня обманывать, доктор Эллиот. Я знаю, что я сделал. – Он глубоко вздохнул и как будто бы еще больше съежился. – Я так устал. Каждую ночь засыпаю с мыслью о том, что уже не проснусь. С надеждой на это. И каждое утро, открывая глаза, испытываю разочарование. Люди считают, что это так трудно – бороться за жизнь. Но знаете, на самом деле это просто. Гораздо труднее умереть.

Клэр нечего было сказать в ответ. Она посмотрела на поднос с нетронутой едой, который стоял на подоконнике. Куриная грудка в соусе, горка риса, зернышки которого поблескивали крохотными жемчужинками. И хлеб, основа жизни. Жизни, которая так опостылела Уоррену Эмерсону. «Я не могу заставить тебя жить, – подумала Клэр. – Я могу насильно кормить тебя жидкостями через нос, но не способна вдохнуть радость в твою грудь».

– Доктор Эллиот!

Обернувшись, Клэр увидела стоявшую в дверях медсестру.

– Вам звонит доктор Клевенджер из патологии, пытается застать вас. Он на третьей линии.

Клэр вышла из палаты Уоррена Эмерсона и сняла трубку на посту дежурной медсестры.

– Клэр Эллиот слушает.

– Я рад, что поймал вас, – сказал Клевенджер. – Доктор Ротстейн предупредил меня, что вы приедете сегодня, и я подумал, что, может быть, вы зайдете к нам в патологию и посмотрите эти срезы. Ротстейн уже спускается.

– Что за срезы?

– С опухоли, которую удалили вашему пациенту во время краниотомии. Целая неделя ушла на то, чтобы установить природу этой ткани. Я только сегодня получил срезы.

– Это менингиома?

– Ничего похожего.

– Тогда что же?

В его голосе она почувствовала нотки восторга.

– Это невероятно, вы должны сами на это посмотреть.

Ферн Корнуоллис увидела приветственный транспарант под потолком спортивного зала и вздохнула.

«Старшая школа Нокс – лучшее всех!!!»

Надо же, ученики так старались, готовили этот транспарант, карабкались по высоченным лестницам, чтобы закрепить его на балках, но даже не удосужились проверить грамматику. Позор для школы, учителей и для самой Ферн, но снимать растяжку и исправлять ошибку слишком хлопотно. Впрочем, когда выключат свет, начнет грохотать музыка, и воздух наполнится парами подростковых гормонов, вряд ли кто заметит этот ляп.

– Вечером обещали снегопад, – сообщил Линкольн. – Как думаешь, может, стоит отменить мероприятие?

«Кстати, о гормонах». Ферн обернулась, и у нее внутри все задрожало – так случалось каждый раз, когда она видела его. Удивительно, но он не замечал ее тоскующего взгляда. Мужчины так слепы!

– Мы уже два раза переносили праздник, – возразила она. – Детям нужна какая-то отдушина, чтобы пережить этот ужасный месяц.

– Говорят, выпадет до ста пятидесяти миллиметров осадков, к полуночи снег усилится.

– К тому времени бал уже закончится. Они все разойдутся по домам.

Линкольн кивнул, с явным беспокойством оглядывая спортзал, который украсили бело-голубыми лентами и серебристыми воздушными шарами. Холодные краски зимы. Группка девчонок – почему вся работа вечно достается девочкам? – накрывала столы, устанавливала чашу для смешивания пунша и подносы с печеньем, раскладывала одноразовые тарелки и салфетки. В дальнем углу лохматый парень настраивал аппаратуру, и усилитель периодически исторгал мерзкие звуки, от которых закладывало уши.

– Пожалуйста, убавь звук! – крикнула Ферн, прикладывая руку ко лбу. – С этими детьми я вконец оглохну.

– Может, это и к лучшему, они ведь такую ужасную музыку слушают.

– Да, городской рэп в наших лесах. Такими движениями только опавшие листья раскидывать.

– Известно, сколько народу придет сегодня?

– На первый праздник в этом учебном году? Полагаю, полный зал. Четыре класса, минус тридцать восемь потенциальных смутьянов, которых не допустили.

– Их уже так много?

– Я провожу упреждающую политику, Линкольн. Один проступок – и тебя отстраняют от учебы на неделю. И даже не пускают на территорию школы.

– Ну, это существенно облегчит мою задачу. В ночную смену я сегодня поставил и Долана, и Пита Спаркса, так что по крайней мере двое будут все время присматривать за порядком.

Оглушительный грохот подноса заставил их обернуться – на полу валялось рассыпанное печенье. Светловолосая девочка с ужасом посмотрела под ноги. Потом развернулась и обрушила свой гнев на стоявшую рядом темноволосую подружку.

– Ты поставила мне подножку.

– Да нет, что ты.

– Ты весь день меня толкаешь!

– Послушай, Донна, не надо валить на меня, если у тебя самой ноги заплетаются!

– Хватит! – вмешалась Ферн. – Поднимайте все с пола, иначе обе будете наказаны!

К директрисе повернулись два злобных лица.

– Но, мисс Корнуоллис, она… – почти в один голос сказали девочки.

– Вы слышали, что я сказала?

Девочки обменялись ядовитыми взглядами, и Донна пулей вылетела из спортзала.

– Вот что у нас творится, – вздохнула Ферн. – Вот с чем мне приходится иметь дело. – Она подняла голову и посмотрела на высокие окна спортзала. Дневной свет угасал.

На улице закружились первые снежинки.

Сумерки были тем временем суток, которого она боялась больше всего. С наступлением темноты страхи Дорин Келли рвались наружу, словно джинны из закупоренных кувшинов. При свете дня в ней еще теплилась надежда, хотя и тонкая, как паутинка, но Дорин вполне могла мечтать о том, что она снова молода, очаровательна и соблазнительна, и Линкольн вернется к ней, как бывало уже не раз. Но непременным условием его возвращения была трезвость. О, как же она старалась не срываться! Она снова и снова пыталась убедить Линкольна в том, что на этот раз она завязала окончательно. Но потом снова появлялась знакомая жажда, похожая на першение и зуд в горле, и она снова сворачивала на скользкую дорожку, снова чувствовала вкус кофейного бренди на языке, а потом уже неслась по наклонной, не в силах остановить падение. Но больнее всего было не сознание собственного малодушия или потери человеческого достоинства. Больнее всего видеть отвращение в глазах Линкольна.

«Вернись ко мне. Я все еще твоя жена, и ты обещал любить меня и заботиться обо мне. Вернись же, вернись ко мне снова!»

За окном мерк серый дневной свет, и вместе с ним угасали надежды, которые она лелеяла весь день. Надежды ложные и несбыточные – в минуты просветления она это отчетливо понимала. С наступлением ночи к ней возвращалась ясность мысли.

И отчаяние.

Она села за кухонный стол и налила первую рюмку. Как только кофейный бренди обжег желудок, Дорин почувствовала тепло, растекающееся по венам, приносящее блаженное отупение. Она налила еще рюмку – и вот уже онемели губы, лицо. И притупились страхи.

После третьей дозы она уже не испытывала ни боли, ни отчаяния. Более того, каждый глоток прибавлял самоуверенности. Естественной самоуверенности. Когда-то ей удалось влюбить его в себя; значит, она сможет сделать это еще раз. Она до сих пор сохранила фигуру, хорошую фигуру. А он ведь мужчина, верно? Его можно упросить. Главное – поймать момент его слабости.

Дорин неуклюже поднялась из-за стола и надела пальто.

На улице начинался снегопад – мягкие кружевные хлопья медленно падали с черного неба. Снег был ей на руку; разве придумаешь лучшее украшение для волос, чем блестящие снежинки? Она шагнет за порог его дома с длинными распущенными волосами и нежным румянцем на щеках. Он пригласит ее войти – не сможет не пригласить, и наверняка

между ними проскочит искорка страсти. Да-да, именно так все и произойдет. Со снежинками в волосах.

Но до его дома пешком не дойти. Значит, надо подыскать машину.

Она пошла по улице в сторону супермаркета «Кобб энд Моронгз». Оставался час до закрытия, и припозднившиеся покупатели торопились по пути домой прихватить еще один пакет молока или пачку сахара на всякий случай. Как Дорин и ожидала, перед магазином было припарковано несколько автомобилей, у некоторых работали и двигатели, и печки. В холодную ночь нет ничего хуже, чем сесть в свою машину и обнаружить, что двигатель не заводится.

Дорин шла по тротуару, оглядывая машины и решая, какую выбрать. Только не пикап – это все-таки не дамская машина, и конечно же не «Фольксваген», у нее есть дела поважнее, чем мучиться с его кондовой коробкой передач.

Зеленый седан. Вот то, что нужно.

Она бросила взгляд на дверь супермаркета, убедилась в том, что никто не выходит, и скользнула в машину. Водительское сиденье было удобным и теплым, воздух из печки приятно грел колени. Она переключила передачу, нажала на газ и лихо рванула от обочины. В багажнике что-то грохнуло.

Она уже отъехала, когда чей-то голос крикнул вслед:

– Эй! Эй, верните мою машину!

Петляя по улицам, она проехала несколько кварталов, прежде чем сообразила, как включить фары, еще один квартал остался позади, пока она разобралась со стеклоочистителями. Теперь ничто не мешало обзору, и она видела перед собой дорогу. Дорин прибавила газу, и седан слегка занесло на свежем снегу. Огибая углы, она слышала, как в багажнике что-то перекатывается и звякает. Она доехала до дома Линкольна и остановилась на подъездной дорожке.

В доме было темно.

Она вылезла из машины, спотыкаясь, взошла на крыльцо и забарабанила в дверь.

– Линкольн! Линкольн, мне нужно поговорить с тобой! Ты все еще мой муж!

Она все стучала и стучала, но свет так и не зажегся, а дверь была заперта. Сукин сын, он забрал у нее ключи, и она не может войти!

Дорин вернулась в машину и долго сидела там, не заглушив мотор и не выключив печку. Снег все падал, бесшумно ложась на ветровое стекло. Линкольн обычно не дежурит в ночь на субботу, так где же он? Она мысленно перебрала все места, где он мог коротать вечер, терзаясь мучительными догадками. Она не была дурой и прекрасно понимала, что Ферн Корнуоллис давно положила глаз на Линкольна. Да и других охотниц, должно быть, немало, кто же устоит перед мужчиной в форме полицейского? Тревога нарастала в ней, и Дорин, застонав, принялась раскачиваться взад-вперед. «Вернись домой, вернись домой. Вернись ко мне».

Даже печка не могла унять озноб, пробиравший Дорин до самых костей, до самого сердца. Сейчас ей был необходим живительный глоток бренди, только он мог согреть ее, вернуть к жизни. И тут она вспомнила про позвякивание стекла в багажнике. Господи, пусть это будет что-нибудь хорошенькое. Что-нибудь покрепче газировки.

Неуклюже выбравшись из машины, Дорин подошла к багажнику и открыла крышку. Ей не сразу удалось сфокусировать взгляд, но, даже после того, как это произошло, она решила, что у нее галлюцинации. «Какие красивые, зеленые. Как банки с изумрудами, мерцающими в темноте. Она потянулась к одному из них, но за спиной раздался звук мотора, и она резко обернулась.

Приближающийся свет фар ослепил ее. Застигнутая врасплох, она, чтобы защитить глаза, прикрыла их рукой.

Из машины выбрался какой-то человек.

Доктор Фрэнсис Клевенджер оказался миниатюрным тощим человеком с птичьим лицом. На его хрупкой фигурке лабораторный халат болтался так, будто это был плащ-дождевик с отцовского плеча. Все эти особенности плюс абсолютно гладкое лицо, лишенное какой бы то ни было растительности, делали его значительно моложе. Он скорее походил на бледного подростка, чем на патоморфолога высшей категории. Он выпорхнул из-за стола, чтобы поприветствовать Клэр и доктора Ротстейна, нейрохирурга, оперировавшего Уоррена Эмерсона.

– Стеклышки просто классные! – воскликнул Клевенджер. – Я ожидал увидеть что угодно, только не это. Идите скорей, смотрите! – Он жестом указал на учебный бинокулярный микроскоп.

Клэр и Ротстейн сели по обе стороны микроскопа и склонились над окулярами.

– Ну, что видите? – поинтересовался Клевенджер, прямо-таки пританцовывая от нетерпения.

– Скопление клеток, – сообщил Ротстейн. – Похоже, астроциты. И еще что-то, напоминающее рубцовую ткань.

– Так, хорошо для начала. Доктор Эллиот, а вы видите что-либо, заслуживающее внимания?

Клэр отрегулировала окуляр и вгляделась в предметное стекло. Она могла идентифицировать большинство клеток, благо еще не забыла лекции по гистологии, прослушанные в медицинском университете. Она распознала звездочки астроцитов, присутствие макрофагов – своеобразных чистильщиков, которые наводят порядок в организме после вторжения инфекции. Увидела и то, что успел заметить Ротстейн: завитки гранулированной ткани, или рубцевание – возможно, последствия сильного воспаления.

Повернув предметное стекло, она стала рассматривать следующую группу клеток. Перед глазами возник необычный рисунок – завиток фиброзного вещества толщиной в несколько клеток образовывал микроскопическую тканевую оболочку.

– Я вижу здесь инкапсуляцию, – доложила она. – Слой рубцовой ткани. Может, это киста? Какой-то инфекционный процесс, который иммунная система сумела оградить защитной стенкой?

– Уже теплее. Помните его компьютерную томограмму?

– Да. В мозге были обособленные массы с кальцинозом.

– После того как пациент был доставлен к нам, ему сделали магнитно-резонансную томографию, – добавил Ротстейн. – Она показала примерно то же. Обособленное инкапсулированное поражение ткани с кальцинозом.

– Верно, – одобрил Клевенджер. – А то, что сейчас идентифицировала доктор Эллиот, и есть защитная стенка. Иммунная система организма сформировала рубцовую ткань, которая обособила очаг воспаления.

– Каким же микроорганизмом была вызвана инфекция? – поинтересовался Ротстейн, отрываясь от микроскопа и глядя на Клевенджера.

– Вот в чем загадка, верно?

Клэр медленно переместила препарат. И то, что она увидела на этот раз, потрясло ее.

– Что это такое, черт возьми? – произнесла она.

Клевенджер издал возглас почти детского восторга.

– Вы нашли его!

– Да, но я не знаю, что это.

Ротстейн снова прильнул к микроскопу.

– Бог мой. Я тоже не знаю, что это.

– Опишите его, доктор Эллиот, – попросил Клевенджер.

Клэр молчала, крутя ручку перемещения препарата. То, что она видела, напоминало причудливую архитектурную форму, частично обызвествленную.

– Похоже на выродившуюся ткань. Даже не знаю, можно ли это назвать артефактом, – такое впечатление, будто какой-то микроорганизм сжался в гармошку, а потом окаменел.

– Отлично. Отлично! – воскликнул Клевенджер. – Мне нравится это определение – «окаменел». Словно ископаемое.

– Да, но какое?

– А вы уменьшите изображение и взгляните на общую картину. Клэр снизила степень увеличения, пытаясь поймать общий вид.

Микроорганизм приобрел более четкие очертания, и стало видно, что он как будто скручен в спираль. Клэр в недоумении посмотрела на Клевенджера.

– Это какой-то паразит, – предположила она.

– Да! И разве это не чудо?

– Какого черта делал паразит в мозге моего пациента? – удивился Ротстейн.

– Похоже, он пробыл там много лет. Проник в серое вещество, вызвав временный энцефалит. Иммунная система запустила ответную реакцию на воспаление. Произошел мощный выброс лейкоцитов, эозинофилов и прочих клеток. В конце концов организм пациента берет верх и окружает паразита защитной стенкой, заключает его в грануляционную ткань, обособляет. Паразит погибает. Происходит его обызвествление – или окаменение, если угодно. И вот, по прошествии многих лет, он предстает перед нами в таком виде. – Он кивнул на микроскоп. – Мертвый паразит, упакованный в рубцовую ткань. Возможно, он-то и является причиной приступов. Капсула, содержащая мертвого червя, влияет на мозг.

– О каком паразите идет речь? – осведомилась Клэр. – Мне известен только один вид, проникающий в мозг, – это цистицерк.

– Совершенно верно. Я не берусь с точностью идентифицировать этот образец – он уже выродился. Но почти с уверенностью могу сказать, что мы имеем дело с болезнью под названием цистицеркоз, вызываемой личинкой *Taenia solium*. Свиным цепнем.

Ротстейн был поражен.

– Я всегда считал, что *Taenia solium* встречается только в слаборазвитых странах.

– Чаще всего. Его можно встретить в Мексике, Южной Америке, иногда в Африке и Азии. Поэтому я так и разволновался, когда увидел этот срез. Встретить случай цистицеркоза здесь, в северном Мэне, это просто сенсация. Она определенно заслуживает публикации в «Медицинском журнале Новой Англии». Но прежде нам нужно выяснить, когда и где пациент мог подцепить личинку этого паразита.

– Судя по всему, по заграницам он не ездил, – сказала Клэр. – Говорит, что всю жизнь прожил в этом штате.

– Тогда это тем более сенсация. Я проведу анализ на антитела, чтобы подтвердить диагноз. Если это действительно *Taenia solium*, он даст положительный результат при иммуноферментном анализе на сыворотку и цереброспинальную жидкость. А есть в истории болезни отметка о первичной реакции на воспаление? Может быть, какие-то симптомы, которые подскажут нам, когда он заразился?

– Какие именно симптомы? – уточнил Ротстейн.

– Ну, скажем, развившийся менингит или энцефалит. Или первый приступ эпилепсии.

– Эпилептический припадок впервые случился, когда ему еще не было восемнадцати лет.

– Это тоже подсказка.

– А какие еще симптомы могли проявиться?

– Возможны какие-нибудь едва уловимые признаки. Он мог симулировать опухоль головного мозга и целый спектр психических расстройств.

По спине Клэр побежали мурашки.

– Насильственное поведение? – подсказала она.

– Возможно, – согласился Клевенджер. – Я, правда, не встречал упоминания об этом в справочных материалах. Но агрессивность вполне может быть вызвана обострением болезни.

– Когда Уоррену Эмерсону было четырнадцать лет, – сообщила Клэр, – он убил своих родителей.

Мужчины в ужасе уставились на нее.

– Я этого не знал, – пробормотал Ротстейн. – Вы никогда не упоминали об этом.

– Это не имело отношения к его клиническому состоянию. По крайней мере, я так думала. – Клэр снова посмотрела в микроскоп, на паразита, образ которого врезался в ее память. «Первичная инфекция, вызванная личинками паразита, с последующей симптоматикой энцефалита. Раздражительность. Даже жестокость».

– Я очень давно окончила университет, – призналась она. – И уже мало что помню про *Taenia solium*. Каков жизненный цикл этого организма?

– *Taenia solium* относится к классу цестодов, – пояснил Клевенджер. – Обычно живет в желудочно-кишечном тракте хозяина. В организм человека попадает со свининой, зараженной личинками. У личинки есть присоски, которыми она закрепляется на внутренней стенке тонкого кишечника, и там обживается, питаясь поступающей пищей. Личинки могут жить в кишечнике десятилетиями, не вызывая никаких побочных симптомов, их длина может достигнуть трех метров! Иногда черви выходят наружу, изгоняются. Можете себе представить, каково это – проснуться однажды утром и обнаружить рядом с собой в постели такое чудище.

Поморщившись, Ротстейн и Клэр обменялись взглядами.

– Сладких снов, – пробормотал Ротстейн.

– Так как же личинка проникает в мозг? – не унималась Клэр.

– Это происходит в разные периоды жизненного цикла червя. После созревания в кишечнике человека червь начинает откладывать яйца. Когда эти яйца выходят наружу, они заражают почву и растения, которые мы употребляем в пищу. Люди проглатывают их, яйца проникают в кишечный тракт, и кровь разносит их во все органы, включая мозг. Там по прошествии нескольких месяцев они развиваются в личинки. Но это для них тупик, поскольку они не могут расти в замкнутом пространстве, без питательных веществ. Поэтому они сидят там до самой смерти, формируя маленькие кармашки из защитной оболочки. В этом и кроется причина эпилептических припадков вашего пациента.

– Вы сказали, что эти яйца заражают почву, – уточнила Клэр. – И как долго они живут без хозяина?

– Несколько недель.

– А в воде? Могут они жить, например, в озере?

– В моих справочниках об этом ничего не сказано, но, думаю, такое возможно.

– Можно ли провести иммуноферментный анализ по *Taenia solium* с целью выявления существующей инфекции? Дело в том, что у меня есть еще один пациент с похожей симптоматикой. Мальчик из Центра заключения.

– Вы полагаете, в этом штате это не единственный случай?

– Возможно, в Транквиле их немало. Это могло бы объяснить, почему такое количество детей отличаются агрессивным поведением.

– Эпидемия цистицеркоза в Мэне? – Ротстейн явно был настроен скептически.

Клэр волновалась все больше.

– У обоих мальчиков, которых я госпитализировала, была одна и та же аномалия в гемограмме: высокий процент эозинофилов. Тогда я думала, что это связано с астмой или аллергией. Но сейчас понимаю, что причина совсем в другом.

– Паразитическая инфекция, – заметил Ротстейн. – Она резко повышает количество эозинофилов.

– Совершенно верно. И Уоррен Эмерсон мог оказаться источником инфекции. Если он вынашивал в своем кишечнике трехметрового червя, значит, годами сеял вокруг себя яйца паразитов. Утечка в его канализации могла загрязнить почву и грунтовые воды. Яйца смывало в озеро, и они попадали в организм любого, кто там купался. Кто случайно глотнул воды.

– Слишком много догадок, – возразил Клевенджер. – Вы занялись постройкой карточного домика.

– Даже временной период совпадает! Дети могли заразиться летом, когда купались в озере. Вы сказали, что яйца развиваются в личинку за несколько месяцев. Сейчас осень, и симптомы начинают проявляться. Ноябрьский синдром. – Она запнулась, внезапно нахмурившись. – Единственное, чего я не могу объяснить, так это их компьютерные томограммы.

– Возможно, они сделаны на самой ранней стадии заражения, – предположил Клевенджер, – когда личинки еще маленькие, и их трудно обнаружить. А защитная оболочка еще не сформировалась.

– Что ж, есть простой метод выявления паразитов, – подвел итог Ротстейн. – Анализ ИФА.

Клэр кивнула.

– Если кто-то покажет антитела к *Taenia solium,* тогда наша теория окажется прочнее карточного домика.

– Мы можем начать с Уоррена Эмерсона, – предложил Ротстейн. – И того мальчика из Центра заключения. Если оба результата будут отрицательными, тогда на вашей теории можно будет сразу поставить крест. Но если окажутся положительными…

Клевенджер, как истинный ученый, радостно потирал руки в предвкушении эксперимента.

– Что ж, друзья, беремся за иглы и жгуты, – заявил он. – Нам предстоит проколоть достаточно рук.

20

Джей-Ди глумился над ней, стоя под дверью спальни, обзывал ее шлюхой, подстилкой, потаскушкой. Амелия сидела на кровати, зажав

уши руками, пытаясь заглушить голос сводного брата, зная, что, если начнет отвечать ему, будет только хуже. В последнее время Джей-Ди был злым как черт, нарывался на драку со всеми подряд.

Вчера, когда его отправили домой из школы, она допустила ошибку, назвав его ублюдком. Он ударил ее так, что у нее долго звенело в ушах. Рыдая, она бросилась к матери, но, разумеется, от Грейс никакой поддержки не дождешься.

– Ты же знаешь, какой он, – сказала мама; и в ее голосе, как всегда, сквозило: «У меня своих проблем хватает». – Просто держись от него подальше.

Весь день Амелия избегала брата, запирая дверь спальни и пытаясь сосредоточиться на домашних заданиях, но сейчас она уже ничего не соображала. Чуть раньше она слышала, как Джей-Ди скандалил внизу, дрался с Эдди, кричал на мать и даже на Джека. Может, скоро Джек и Джей-Ди поубивают друг друга. Каков отец, таков и сын. Она бы не стала оплакивать ни того, ни другого.

Теперь Джей-Ди подошел к ее двери и принялся оскорблять.

– Тебе нравятся маленькие пиписки? Поэтому ты связалась с этим придурком Ноем Эллиотом? Я покажу тебе настоящий член! Я покажу тебе, на что он способен! Или тебе больше нравится огрызок Ноя? – Рассмеявшись, он принялся повторять: – Мелкий огрызок! Мелкий огрызок!

В конце концов даже у Джека лопнуло терпение, и он крикнул снизу:

– Заткнись, Джей-Ди! Ты мешаешь мне смотреть телевизор!

И тут Джей-Ди бросился вниз по лестнице, чтобы завязать драку с Джеком. Амелия слышала их раздраженные голоса в гостиной, постепенно перераставшие в дикие вопли. Большая счастливая семья. Крики сменились грохотом. Вот уже падает мебель, бьется стекло. Господи, что же будет дальше? Теперь к этому хаосу присоединилась и мама, рыдавшая над осколками любимой лампы. Амелия посмотрела на учебники, разложенные на кровати, на список заданий, которые надеялась сделать к понедельнику, и поняла, что теперь уже ничего не успеет. Надо было пойти на праздник, подумала она. Если все равно нельзя делать уроки, лучше бы повеселилась.

Впрочем, веселья праздник не обещал, ведь Ноя Эллиота там не было.

Она услышала, как очередная лампа грохнулась на пол, и мать завыла:

– Почему ты ничего не сделаешь, Джек? Почему ты никогда ничего не делаешь? – Последовал громкий звук пощечины, и причитания Грейс сменились рыданиями.

Переполнившись отвращением, Амелия запихнула учебники в рюкзак, схватила куртку и осторожно вышла из комнаты. Они даже не услышали, как девочка спустилась по лестнице. Краем глаза она видела, что творится в гостиной, – полуусыпан стеклом, красный и разъяренный Джей-Ди, стоит, набычившись, перед отцом и мачехой.

Амелия скользнула за дверь в снежную ночь.

Она двинулась по шоссе Тодди-Пойнт, поначалу не сознавая, куда идет; ей просто хотелось оказаться как можно дальше от них. Добравшись до лодочной пристани, она почувствовала, что холод начал проникать под ее одежду, а мокрый снег – таять на лице. Нужно пойти хоть куда-нибудь; бесцельная прогулка в ночи была глупой и опасной. Но она знала только одно место, куда ей действительно хотелось, только один дом, где ей были бы рады.

От этой мысли у нее радостно забилось сердце. Девочка ускорила шаг.

«С каких это пор школьницы начали носить кружевное белье?» – удивлялся про себя Линкольн, наблюдая за тем, как ученики заполняют танцпол. Он вспомнил танцы времен своей молодости, девочек с аккуратными прическами, в платьицах пастельных тонов и атласных мини-юбках. Сегодняшние девочки в своих черных кружевных нарядах на тонких бретельках выглядели скорее как расфуфыренные вампирши. Некоторые даже губы накрасили черным; их по-зимнему бледные лица в темном зале наводили на Линкольна мысли о бродячих покойниках. Мальчики тоже не отставали – почти все они, как и девочки, носили серьги. Пит Спаркс, стоявший рядом, заметил:

– В таких прикидах и пневмонией заболеть недолго. Не поверю, что матери разрешают им выходить из дома в таком виде.

– Держу пари, что их матери даже не догадываются об этом, – согласился Линкольн. Он видел, как некоторые девочки подъезжали к школе скромно одетыми, а потом ныряли в туалет и выплывали оттуда в откровенных нарядах.

Из динамиков вырывалась громкая музыка. Уже через несколько минут такого грохота Линкольну отчаянно захотелось сбежать.

Он вышел из дверей спортзала в холодную ночь.

Снег падал тихо и медленно; серебристые снежинки посверкивали в свете фонаря. Стоя под козырьком здания, он поднял воротник куртки и принялся с наслаждением вдыхать чистый морозный воздух.

У него за спиной хлопнула дверь, и он услышал голос Ферн:

– Тебя тоже хватило ненадолго?

– Вышел подышать.

Она подошла и остановилась рядом. На ней было пальто, и это означало, что она собиралась задержаться на улице.

– Линкольн, у тебя никогда не было такого ощущения, что ответственности уж слишком много? Что ты готов послать всех к черту и просто уйти?

Он печально усмехнулся.

– Такие мысли посещают меня как минимум дважды в день.

– Но ты никуда не уходишь.

Он посмотрел на нее.

– Ты тоже.

– Но не потому, что мне этого не хочется. Просто не вижу альтернативы. – Ферн подняла голову и посмотрела на падающие снежинки. – Дорин не заслуживает тебя. Никогда не заслуживала.

– Ферн, не людям решать, что они заслужили – плохое или хорошее.

– И все равно ты достоин лучшего. Все эти годы я наблюдаю за тем, каким несчастным она тебя сделала, и не перестаю думать о том, как это несправедливо. Как она эгоистична. Жизнь не должна быть несправедливой. Мы имеем право на счастье. – Она замолчала, собираясь с духом, чтобы сказать главное. Он знал, что она хочет сказать; всегда знал и всегда избегал ее признаний, понимая, что последствия будут унизительными для нее и болезненными для него. – У нас еще есть время, – договорила она.

Он горестно вздохнул.

– Ферн…

– Мы могли бы вернуться к тому, что было. До появления Дорин.

Он покачал головой.

– Нет.

– Почему?

Он услышал в ее голосе мольбу, отчаяние и с трудом заставил себя посмотреть ей в глаза.

– Есть другой человек, который мне очень дорог.

Она отступила назад, удаляясь в тень, но он успел заметить слезы в ее глазах.

– Кажется, я уже знаю об этом.

– Извини.

– Нет. Нет, тебе не надо извиняться. – Она покачала головой и рассмеялась. – Так уж складывается моя жизнь.

Она развернулась и пошла к двери. Задержалась у входа, расправила плечи, словно обретая прежнюю уверенность. «Почему Ферн не стала моей избранницей?» – подумал он. Полюби он ее, женись на ней, у них мог бы получиться вполне счастливый союз. Она была довольно привлекательна, умна. И все-таки чего-то не хватало в их отношениях. Какой-то искры, магии.

Он печально смотрел ей вслед. Ферн открыла дверь спортзала, и оттуда вырвалась мощная звуковая волна, в которой смешались крики и топот бегущих ног.

– Что здесь происходит? – проговорила Ферн и бросилась в зал; следом за ней устремился и Линкольн.

Внутри творилось что-то невообразимое. Чаша с пуншем опрокинулась, и клубничного цвета лужа уже растекалась по полу. Все так же грохотала музыка, но теперь половина школьников испуганно жалась к стене. Остальные толпились кружком возле стереосистемы. Линкольн не мог разглядеть, что происходит в центре этого круга, но слышал, как грохнулся на пол динамик, а Пит Спаркс и учителя закричали:

– Разойдитесь! Назад, назад!

Пока Линкольн протискивался в центр круга, еще один усилитель опрокинулся в лужу пунша. Раздался оглушительный скрежет,

подростки зажали уши и начали пятиться назад, отступая перед снопом искр, взметнувшихся вверх.

В следующее мгновение музыка вырубилась. Как и свет в зале.

Темнота длилась всего несколько секунд, потом включилось аварийное освещение, но даже этой короткой паузы было достаточно, чтобы толпу охватила паника. Обезумевшие подростки ринулись к выходу. Линкольн чувствовал, как они толкаются и спотыкаются, кто-то упал прямо к его ногам; он вслепую нагнулся и, дернув девочку за платье, помог ей удержать равновесие.

Наконец включилось аварийное освещение – одинокая лампа в дальнем углу зала. В ее тусклом свете обозначились бегущие тени, спотыкающиеся и падающие фигуры.

И тут зрение Линкольна выхватило из полутьмы сцену, от которой ему стало не по себе. Пит Спаркс упал на колени и, казалось, был настолько потрясен, что не заметил оказавшегося возле него толстяка. Мальчишка нагнулся и вытащил из кобуры Пита пистолет.

Линкольн находился слишком далеко, чтобы обезоружить мальчика одним силовым приемом. Он сделал несколько шагов вперед и застыл на месте, когда к нему повернулось перекошенное от ярости лицо мальчика. Линкольн узнал его. Это был Барри Ноултон.

– Опусти пушку, сынок, – тихо попросил Линкольн. – Просто положи ее на пол.

– Нет! Нет, мне надоело терпеть издевательства!

– Мы поговорим об этом. Но сначала опусти оружие.

– Будто бы кто-то хочет со мной разговаривать! – Барри обвел толпу бешеным взглядом. – Вы, девчонки, даже и не думаете об этом! Только смеетесь надо мной! Все время я слышу только смех. – Его взгляд перекинулся на другую часть зала. – Или ты, гад! Как ты меня назвал? Толстожопым? Ну-ка, скажи это теперь! Давай, смелее!

– Положи оружие, – повторил Линкольн, медленно расстегивая свою кобуру.

Это был крайний вариант; он вовсе не хотел стрелять в мальчика. Он должен уговорить его сдать оружие. Убедить. Все что угодно, только бы не допустить выстрелов. У него за спиной раздались торопливые шаги, и краем глаза он заметил, как Ферн выводит за дверь группу школьников.

Но оставались еще десятки тех, кто неподвижно застыл у дальней стены и никак не мог выйти.

Линкольн снова шагнул вперед. Мальчик тут же развернулся к нему.

– Ты все сказал, Барри, – сказал Линкольн. – А теперь пойдем в другую комнату и поговорим.

– Он назвал меня толстожопым. – В голосе мальчика звучала злоба. Отчаяние чужака.

– Мы поговорим с тобой вдвоем, только ты и я, – пообещал Линкольн.

– Нет. – Мальчик снова повернулся к заложникам, которые трусливо жались к стене. – Теперь я с ними поквитаюсь.

Клэр не стала включать радио в машине; тишину нарушал лишь мерный шорох дворников, смахивающих снег с лобового стекла. Всю дорогу от Бангора она провела в глубокой задумчивости, но, добравшись до окраин Транквиля, поняла, что из разрозненных фактов в голове сложилась целостная картина. Отправной точкой в ее теории был Уоррен Эмерсон.

Дом Эмерсона находится у подножия Букового Холма, всего в полутора километрах от озера, если идти вверх по течению реки. Место довольно обособленное, требующее автономной системы канализации со стоком в выгребную яму. Если паразит развивался в его кишечнике, значит, Эмерсон был постоянным источником заражения. Достаточно одной прорехи в его обветшалой выгребной яме, да еще в год наводнений – и яйца паразита уже в реке Мигоки.

А потом в озере.

Красивое и логичное объяснение, подумала она. Это вам не эпидемия бешенства. И не вековое проклятие, нависшее над городом. Все дело в микроорганизме, личинке паразита, которая проникает в человеческий мозг и, вырастая, причиняет вред. Все, что требовалось для подтверждения диагноза, – положительный иммуноферментный анализ крови. Еще один день – и она будет знать наверняка.

Вой сирены возвестил о приближении патрульной машины. Она посмотрела в зеркало заднего вида и увидела проблесковые огни полицейской машины из Двух Холмов. Обогнав автомобиль Клэр, машина унеслась в направлении Транквиля. Через мгновение в поле зрения показался и второй автомобиль, следующий в том же направлении, но уже в сопровождении кареты «скорой помощи».

Далеко впереди проблесковые огни патрулей исчезли за поворотом на дорогу, ведущую к старшей школе.

Клэр поехала следом.

Повторение драмы месячной давности – машины служб экстренной помощи, брошенные возле пристройки, где располагался спортзал, плачущие и обнимающие друг друга подростки на дороге. Только на этот раз с ночного неба сыпал снег, и огни патрульных машин блекли в белой, похожей на марлю пелене.

Клэр подхватила свой чемоданчик и поспешила к зданию школы. Но на полпути ее остановил офицер Марк Долан, одетый в бронежилет. Взгляд, которым он ее наградил, подтверждал давние подозрения Клэр: их антипатия была взаимной.

– Туда нельзя, – заявил он. – У нас захват заложников.

– Есть пострадавшие?

– Пока нет, и мы хотим обойтись без жертв.

– Где Линкольн?

– Пытается уговорить мальчишку. А вам придется отойти, доктор Эллиот. Нельзя подходить к зданию.

Клэр приблизилась к толпе. Она видела, как Долан повернулся к начальнику полиции Двух Холмов и начал что-то обсуждать с ним. Здесь командовали мужчины в форме, для них она лишь одна из толпы штатских.

– Линкольн там совсем один, – сказала Ферн. – Эти чертовы герои даже не собираются ему помогать.

Клэр обернулась и увидела директрису – с растрепанными, облепленными снегом волосами.

– Я оставила его там, – тихо проговорила Ферн. – У меня не было выбора. Я должна была вывести детей…

– А кто еще там остался?

– Несколько десятков ребят. – Она посмотрела на здание; по ее щекам сползали мокрые снежинки. – У Линкольна есть пистолет. Почему бы ему не воспользоваться оружием?

Клэр снова бросила взгляд на спортзал – картина происходящего была абсолютно ясна. Психически неуравновешенный мальчик. В зале десятки заложников. Линкольн не будет действовать сгоряча, не станет хладнокровно стрелять в мальчика, если можно этого избежать. Раз до сих пор не было слышно стрельбы, значит, оставалась надежда на бескровное разрешение ситуации.

Она взглянула на полицейских, собравшихся возле патрульных машин, заметила их возбуждение, услышала встревоженные голоса. Эти копы из маленького городка, столкнувшиеся с проблемами мегаполиса, рвались в бой, стремились к действию, любому действию.

Марк Долан подал знак двум офицерам, которые уже стояли наготове по обе стороны от двери спортзала. Поскольку начальник полиции находился в здании, Долан принял на себя властные полномочия, позволив тестостерону взять над собой верх.

Клэр по сугробам помчалась к патрульным машинам. Долан и начальник полиции Двух Холмов удивленно уставились на нее, когда она присела на корточки рядом с ними.

– Вам сюда нельзя! – рявкнул Долан.

– Только не вздумайте отправлять туда вооруженных людей!

– У мальчишки есть оружие.

– Из-за вас погибнут люди, Долан!

– Они погибнут, если мы не будем действовать, – возразил начальник полиции Двух Холмов. Он подал знак трем копам, притаившимся за соседней машиной.

Клэр с тревогой наблюдала за тем, как копы подкрадываются к зданию и занимают позицию у дверей.

– Не делайте этого, – попросила она Долана. – Вы что же, не понимаете, какая там ситуация…

– А вы понимаете?

– Но стрельбы не было. Дайте Линкольну возможность договориться.

– Здесь командует не Линкольн. А теперь, доктор Эллиот, уйдите с глаз моих долой, иначе я вас арестую!

Клэр смотрела прямо перед собой, на двери спортзала. Снегопад усилился, и в этом белом вихре полицейские казались призраками, бредущими к зданию.

Один из них потянулся к ручке двери.

Они зашли в тупик. Линкольн и мальчик стояли лицом друг к другу, и далекий свет аварийной лампы разгонял полумрак разделявшего их пространства. Мальчик по-прежнему сжимал в руке пистолет, но до сих пор только периодически помахивал им в воздухе, наводя ужас на прижавшихся к стене учеников. Он пока ни в кого не целился, даже в Линкольна, который держал руку на кобуре, готовый в любой момент достать свой пистолет. За спиной Барри стояли две девочки, и выстрел был бы слишком рискованным. Линкольн полагался на свою интуицию – она подсказывала, что мальчика еще можно уговорить, что даже в таком взбешенном состоянии он борется с самим собой, ему нужно, чтобы кто-нибудь уверенный и спокойный научил его, как быть.

Линкольн медленно снял руку с кобуры. Теперь руки его были опущены – он стоял перед мальчиком в совершенно нейтральной позе. В позе доверия.

– Я ничем не обижу тебя, сынок. И думаю, что ты тоже не хочешь никому зла. Ты ведь выше этого. Ты лучше.

Мальчик дрогнул. И уже начал приседать, намереваясь положить пистолет на пол, но вдруг передумал и снова выпрямился. Обернулся к своим одноклассникам, которые трусливо прятались в тени.

– Я не такой, как вы. Я не похож ни на кого из вас.

– Тогда докажи это, сынок, – подбодрил его Линкольн. – Положи пистолет.

Мальчик обернулся к нему. Казалось, в этот момент пламя его ярости начало усмиряться и затухать. Он словно метался между бешенством и рассудком, и взгляд Линкольна казался ему якорем спасения.

Шагнув к Барри, начальник полиции протянул руку.

– Давай его мне, – тихо предложил он.

Мальчик кивнул. И, глядя в глаза Линкольну, протянул ему пистолет.

Двери с треском распахнулись, и зал огласил отрывистый шум бегущих ног. Словно в тумане Линкольн смотрел на фигуры, разом возникшие отовсюду. Вопящие ученики помчались прочь в поисках укрытия. В

резком луче света застыл ошалевший Барри Ноултон, сжимая в руке пистолет. Линкольн уже прекрасно знал, что сейчас произойдет. Он видел, как мальчик, по-прежнему сжимая пистолет в руке, повернулся навстречу полицейским. Увидел разогретых адреналином людей с оружием наизготовку.

– Отставить огонь! – крикнул Линкольн.

Его голос потонул в грохоте выстрелов.

Звуки стрельбы на миг парализовали толпу на улице. Но уже в следующую секунду все пришло в движение – дети истерически заорали, а копы бросились к зданию.

Из спортзала выбежала учительница, крича:

– Нужна «скорая»!

Клэр пришлось продираться сквозь хлынувший из дверей встречный поток. Поначалу она видела только беспорядочное месиво фигур – мужчины в бронежилетах, бумажные транспаранты, порхавшие в темноте, словно привидения… В воздухе пахло потом и страхом.

И кровью. Пробираясь к толпе полицейских, Клэр едва не угодила в красную лужу. В центре толпы на полу сидел Линкольн, обнимая обмякшее тело мальчика.

– Кто отдал приказ? – охрипшим от гнева голосом спросил он.

– Полицейский Долан подумал…

– Марк? – Линкольн поднял взгляд на коллегу.

– Это было совместное решение, – сообщил Долан. – Комиссар Орбисон и я… мы знали, что мальчик вооружен…

– Он хотел сдаться!

– Мы не знали!

– Убирайся, – рявкнул Линкольн. – Давай, проваливай отсюда!

Долан развернулся и, оттолкнув стоявшую рядом Клэр, направился к двери.

Она опустилась на колени рядом с Линкольном.

– «Скорая» подъехала.

– Уже поздно, – проговорил он.

– Дай мне посмотреть на него!

– Ты уже ничего не сможешь сделать. – Он взглянул на Клэр, и в его глазах заблестели слезы.

Она взяла мальчика за запястье и не обнаружила пульса. Линкольн разжал руки, и Клэр увидела голову мальчика. То, что от нее осталось.

21

В ту ночь он нуждался в ней. Тело Барри Ноултона увезли, закончилась мучительная встреча с убитыми горем родителями, и Линкольн оказался в плену репортеров, под прицелами фотовспышек. Дважды он срывался и плакал прямо перед телекамерами. Он не стыдился своих слез, не скупился на гневные высказывания по поводу методов разрешения кризиса. Он знал, что тем самым предъявляет тяжкое обвинение своему начальству, городу Транквиль. Но сейчас это не имело значения. Он твердо знал одно: мальчика подстрелили, как оленя в сезон охоты, и кто-то должен за это ответить.

Ведя машину сквозь целую галактику снежинок, он вдруг понял, что ему невыносима даже мысль о возвращении домой, где его ждала еще одна одинокая ночь.

Вместо этого он поехал к дому Клэр.

С трудом выйдя из машины, утопая по щиколотку в снегу, он чувствовал себя несчастным странником, который ищет приюта. Он взошел на крыльцо ее дома и долго стучал в дверь, но никто не отвечал; его охватило отчаяние при мысли о том, что ее нет дома, что здесь его никто не ждет. И что остаток ночи ему суждено провести без нее.

Но вдруг наверху зажегся свет, и его теплое сияние заставило светиться падающие снежинки. Через минуту дверь открылась, и на пороге показалась она.

Линкольн ступил за порог. Никто не проронил ни слова. Она просто обняла его, прижала к себе. Он был припорошен снегом, который тотчас растаял от ее тепла, смочив холодными каплями ее фланелевую сорочку. Но она не выпускала его из своих объятий, даже когда талый снег расплылся лужицей у ее голых ступней.

– Я ждала тебя, – призналась она.

– Я был не в состоянии ехать домой.

– Тогда оставайся здесь. Со мной.

Наверху они разделись и скользнули под одеяло, еще хранившее тепло ее тела. Он пришел не для того, чтобы заниматься любовью, он искал утешения. Она дала ему и то, и другое, и он быстро уснул в изнеможении.

Первое, что он увидел, когда проснулся, было ослепительно голубое небо за окном. Клэр спала, уютно прижавшись к нему, и завитки ее волос рассыпались по подушке. Он разглядел серебристые прядки седины в ее русых волосах, и эти первые возрастные штрихи вдруг показались ему такими трогательными, что у него снова навернулись слезы на глаза. «Полжизни без тебя», – подумал он. Полжизни прожито впустую, до этого самого момента.

Он нежно поцеловал ее в голову, но Клэр не проснулась.

Он одевался, глядя в окно на мир, который так преобразился после ночного снегопада. Пушистая снежная мантия накрыла его машину, превратив ее в гигантский сугроб. Заснеженные ветки деревьев согнулись под тяжестью одеяний, а там, где раньше была лужайка, теперь простиралось искрящееся на солнце алмазное поле.

На дороге показался пикап, который свернул к дому Клэр. Спереди на нем был закреплен снегоочиститель, и поначалу Линкольн решил, что Клэр попросила кого-то расчистить подъездную дорогу. Но вот водитель вышел из машины, и Линкольн увидел форму транквильского полицейского. Это был Флойд Спир.

Флойд направился прямиком к сугробу, под которым прятался автомобиль Линкольна, и расчистил табличку с номерными знаками. Потом поднял вопросительный взгляд на дом. «Теперь весь город будет знать, где я провел ночь».

Линкольн спустился вниз и открыл входную дверь как раз в тот момент, когда Флойд поднял руку, чтобы постучать.

– Доброе утро, – приветствовал его Линкольн.

– М-м… доброе утро.

– Меня ищешь?

– Да, я… я заезжал к тебе домой, но тебя не нашел.

– Я не выключаю пейджер.

– Знаю. Но я… ну, мне не хотелось сообщать тебе эту новость по телефону.

– Что за новость?

Флойд уставился на свои облепленные снегом ботинки.

– Плохая новость, Линкольн. Мне очень жаль. Это связано с Дорин…

Линкольн ничего не ответил. И, как ни странно, ничего не почувствовал, будто бы холодный воздух, который он вдыхал, заморозил ему и сердце, и ум. Голос Флойда звучал отдаленно, слова Линкольн разбирал с трудом.

– …ее тело нашли на Слокам-роуд. Не знаю, как ее занесло туда. Должно быть, это случилось поздним вечером, примерно тогда же, когда и происшествие в школе. Но в любом случае время смерти уточнит судмедэксперт.

– Как… как это случилось? – с трудом выдавил из себя Линкольн.

Флойд колебался – сначала опустил взгляд, потом снова посмотрел вверх.

– Мне кажется, ее сбила машина. Полиция штата уже выехала на место.

По затянувшейся паузе Линкольн догадался, что Флойд что-то недоговаривает. Наконец Спир осмелился поднять взгляд на шефа и с мучительной неохотой произнес:

– Вчера вечером, около девяти, диспетчеру поступил звонок о пьяном водителе, который вихлял по Слокам-роуд. Примерно в том районе мы и нашли Дорин. Вызов поступил как раз тогда, когда мы были в школе, так что на место выехать было некому…

– А свидетель запомнил номера машины?

Флойд кивнул. И печально добавил:

– Машина зарегистрирована на доктора Эллиот.

Линкольн почувствовал, как кровь отлила от лица. «Машина Клэр?»

– По регистрации выходит, что это коричневый пикап «Шевроле».

– Но она была не на пикапе! Вчера вечером я видел ее в школе. Она приехала на старом седане «Субару».

– Линкольн, я просто сказал, что свидетель назвал номер машины доктора Эллиот. Поэтому может… может, я все-таки осмотрю пикап?

Линкольн вышел на улицу в одной рубашке, но по пути к гаражу так и не ощутил холода. Сунув руку в сугроб, он нащупал ручку и поднял дверь.

В гараже стояли обе машины Клэр, пикап занимал место справа. Первое, что заметил Линкольн, – это лужи талого снега под колесами обоих автомобилей. Совершенно очевидно, что на машинах ездили в последние два дня, поскольку вода еще не испарилась.

Онемение тут же сменилось тошнотворным предчувствием ужаса. Он подошел к переднему бамперу пикапа. При виде крови, размазанной по крылу, земля ушла у него из-под ног, и мир, казалось, перевернулся.

Ни слова не говоря, он развернулся и вышел из гаража.

Пробираясь по сугробам, он смотрел на окна дома, где сейчас спали Клэр и ее сын. Он не мог придумать, как избавить ее от предстоящей пытки, как оградить от боли, которую сам сейчас испытывал. У него не было выбора. Разумеется, она все поймет. И возможно, однажды даже простит его.

Но сегодня… сегодня она его возненавидит.

– Ты ведь понимаешь, тебе нужно держаться подальше от нее, – тихо произнес Флойд. – Черт возьми, тебе даже близко нельзя к ней подходить. Дорин была твоей женой. А ты только что провел ночь с… – Его голос затих. – Это дело расследует полиция штата, Линкольн. Они захотят поговорить с тобой. С вами обоими.

Глубоко втянув морозный воздух, Линкольн почувствовал, как он обжег легкие. Эта физическая боль была желанной.

– Тогда свяжись с ними по радио, – велел он. И нехотя направился к дому. – Я должен поговорить с Ноем.

Она не понимала, как такое могло случиться. Она как будто проснулась в параллельном мире, где люди, которых она знала, которых любила, были совершенно неузнаваемы. Вот Ной, ссутулившийся на кухонном стуле, наэлектризованный яростью до такой степени, что, казалось, даже воздух гудит вокруг него. А рядом Линкольн, мрачный и далекий, задающий вопрос за вопросом. Никто из них не смотрел на Клэр; было ясно, что они бы предпочли беседовать с глазу на глаз, но ее все-таки не просили уйти. Да она бы все равно не ушла; она понимала, куда клонит

Линкольн со своими вопросами, как осознавала и весь ужас драмы, разворачивающейся у нее на глазах.

– Мне нужно, чтобы ты был предельно честен со мной, сынок, – говорил Линкольн. – Пойми, я не пытаюсь строить козни. И не пытаюсь заманить тебя в ловушку. Я просто должен знать, куда ты ездил на пикапе вчера вечером и что произошло.

– А кто сказал, что я вообще куда-то ездил?

– Но пикап явно выводили из гаража. Под ним талый снег.

– Моя мама...

– Твоя мама ездила вчера на «Субару», Ной. Она это подтвердит.

Взгляд Ноя метнулся к Клэр, и она заметила упрек в его глазах. «Ты на его стороне».

– Ну, и кому какое дело, что я ездил на нем? – возмутился Ной. – Я же вернул его на место, верно?

– Да, верно.

– Ну, ездил без прав. Отправьте меня за это на электрический стул.

– Куда ты ездил на пикапе, Ной?

– Катался.

– Где именно?

– По окрестностям, ясно?

– Почему ты задаешь ему эти вопросы? – уточнила Клэр. – Что ты хочешь у него узнать?

Линкольн не ответил; его внимание было целиком сосредоточено на мальчике. «Как же он отдалился от меня, – подумала Клэр. – Как мало я знаю этого человека. Что ж, с добрым утром. Вот оно, просветление».

– Речь ведь не идет о простой автомобильной прогулке? – осведомилась Клэр.

Линкольн наконец посмотрел на нее.

– Вчера вечером сбили человека. Возможно, твоим пикапом.

– Откуда ты это знаешь?

– Свидетель видел, как пикап хаотично двигался по дороге, и позвонил в полицию. Это было в том районе, где нашли тело.

Она рухнула на стул, как будто ее кто-то толкнул. «Тело. Значит, кто-то погиб».

– Куда ты ездил на пикапе вчера вечером, Ной? – снова спросил Линкольн.

Ной вдруг поднял на него испуганный взгляд.

– К озеру, – еле слышно произнес он.

– Куда еще?

– Только к озеру. По шоссе Тодди-Пойнт. Я ненадолго останавливался у лодочной пристани. Потом начался сильный снегопад, и мы побоялись увязнуть там, поэтому я… я поехал домой. Я уже был дома, когда мама вернулась.

– Мы? Ты сказал, «мы не хотели увязнуть».

Ной смутился.

– Ну, то есть я.

– Кто был с тобой в пикапе?

– Никого.

– Говори правду, Ной. Кто был с тобой, когда ты сбил Дорин?

– Кого?

– Дорин Келли.

«Жену Линкольна?» Клэр так резко вскочила со стула, что он опрокинулся.

– Хватит. Прекрати этот допрос!

– Ее тело нашли сегодня утром, Ной, – продолжал Линкольн, как будто вовсе и не слышал Клэр; его тихий монотонный голос с трудом маскировал боль. – Она лежала на обочине Слокам-роуд. Недалеко от того места, где свидетель видел пикап. Ты мог бы остановиться и помочь

ей. Мог бы позвать кого-нибудь на помощь. Она не заслужила такой смерти, Ной. Одна, в холодной ночи. – Клэр уловила боль в его голосе, но не только ее, еще и вину.

Пусть его брак остался в прошлом, Линкольн все равно чувствовал свою ответственность за Дорин. Ее смерть налагала на него новое бремя вины.

– Ной не оставил бы ее без помощи, – возразила Клэр. – Я в этом уверена.

– Возможно, ты только думаешь, что знаешь его.

– Линкольн, я понимаю, что тебе сейчас тяжело. Понимаю, что ты потрясен. Но ты ведешь себя неадекватно, пытаясь свалить вину на первого попавшегося.

Линкольн посмотрел на Ноя.

– У тебя ведь уже были неприятности с законом, верно? Ты ведь уже угонял машины.

Ной сжал кулаки.

– Вы и это знаете?

– Да, знаю. Спир уже звонил твоему инспектору в Балтиморе.

– Тогда зачем вы тратите время на эти расспросы? Вы ведь уже решили, что я виновен!

– Я хочу выслушать твои объяснения.

– Я уже все объяснил!

– Ты сказал, что катался вокруг озера. Ты выезжал и на Слокам-роуд, так ведь? Ты понял, что сбил ее? Тебе не пришло в голову, что следует выйти и хотя бы взглянуть, черт возьми?

– Прекрати, – одернула его Клэр.

– Я должен знать!

– Я не позволю, чтобы полицейский допрашивал моего сына без адвоката!

– Я спрашиваю не как полицейский.

– Но ты ведь полицейский! И больше никаких вопросов! – Она встала за спиной у сына, положила руки ему на плечи и твердо посмотрела в глаза Линкольну. – Ему больше нечего рассказывать.

– Рано или поздно ему все равно придется отвечать, Клэр. Полиция штата будет задавать те же вопросы и еще много других.

– Ной и с ними не станет говорить. Без адвоката.

– Клэр, – произнес Линкольн, и в его голосе явственно прозвучала злость. – Она была моей женой. Мне необходимо знать.

– Ты собираешься арестовать моего сына?

– Это не мне решать…

Клэр крепче сжала плечи Ноя.

– Если ты не собираешься арестовать его, и у тебя нет ордера на обыск, тогда я попрошу тебя покинуть мой дом. Я хочу, чтобы вы с полицейским Спиром убрались с моей частной территории.

– Существует неопровержимая улика. Если бы Ной был со мной откровенен и признался…

– Что за улика?

– Кровь. На твоем пикапе.

Она потрясенно уставилась на Линкольна, чувствуя, что ужас разрывает ее грудь.

– Твоим пикапом недавно пользовались. Кровь на переднем крыле…

– Ты не имел права, – проговорила она. – У тебя не было ордера на обыск.

– Мне он не понадобился.

Смысл его слов открылся ей со всей очевидностью. «Прошлой ночью он был моим гостем. Я сама дала ему разрешение находиться в своем доме. Обыскивать мою собственность. Я впустила его как любовника, а он действовал против меня».

– Я хочу, чтобы ты ушел, – повторила она.

– Клэр, прошу тебя…

– Убирайся из моего дома!

Линкольн медленно поднялся. В его лице не было злобы, лишь глубокая печаль.

– Скоро его будут допрашивать, – сказал он. – Советую тебе срочно нанять адвоката. Не знаю, как скоро ты сможешь это сделать воскресным утром... – Он посмотрел на стол, потом снова перевел взгляд на Клэр. – Мне очень жаль. Если бы в моих силах было что-то изменить... если бы я только мог помочь...

– Сейчас я должна думать о сыне, – прервала она Линкольна. – Теперь он – моя главная забота.

– Если ты совершил преступление, это обязательно выяснится, – обратился он к Ною. – И тебя накажут. У меня не будет ни капли жалости к тебе. Мне просто жаль, что этим ты убьешь свою мать.

Эти люди не собирались уходить. Клэр стояла у окна и смотрела, как Линкольн и Флойд топчутся у забора. Они не оставят нас без присмотра, подумала она. Боятся, что Ной сбежит.

Линкольн обернулся, чтобы взглянуть на дом, и Клэр отскочила от окна. Она не хотела, чтобы он видел ее, не хотела даже на мгновение встретиться с ним взглядом. Отныне между ними все было кончено. Смерть Дорин все изменила.

Она вернулась на кухню, где сидел Ной, и устроилась напротив.

– Расскажи мне, что случилось, Ной. Расскажи все.

– Я же все рассказал.

– Вчера вечером ты выгнал из гаража пикап. Зачем?

Он пожал плечами.

– Ты это и раньше делал?

– Нет.

– А если честно, Ной?

Он поднял на нее взгляд, потемневший от злости.

– Ты обвиняешь меня во лжи. Так же, как и он.

– Я пытаюсь добиться от тебя прямого ответа.

– Я дал тебе прямой ответ, но ты мне не веришь! Хорошо, думай что хочешь. Я беру пикап каждый вечер, чтобы просто покататься. Намотал уже тысячу километров – разве ты не заметила? Хотя где ж тебе? Тебя ведь никогда не бывает дома!

Клэр была потрясена этой вспышкой ярости. Неужели такой он меня видит? – ужаснулась она. Матерью, которая никогда не уделяет время сыну? Она проглотила обиду, заставляя себя не отвлекаться от событий прошлой ночи.

– Хорошо, я верю твоему слову, ты взял пикап впервые. А теперь скажи, зачем ты это сделал.

Ной опустил глаза; это лишний раз доказывало – он пытается что-то скрыть.

– Просто захотелось.

– Ты поехал на лодочную пристань и остановился там?

– Ты видел Дорин Келли?

– Я даже не знаю, как она выглядит!

– Ты видел хоть кого-нибудь?

Молчание.

– Я не видел никакой женщины по имени Дорин. Дурацкое имя.

– Это не просто имя. Она была человеком, и теперь ее нет. Если ты хоть что-нибудь знаешь...

– Не знаю.

– Линкольну кажется, будто ты что-то знаешь. На нее снова устремился этот злобный взгляд.

– И ты веришь ему, так ведь? – Он резко отодвинул стул и встал.

– Сядь.

– Я тебе не нужен. Тебе нужен этот господин Коп. – Когда он направился к двери кухни, Клэр заметила слезы в его глазах.

– Куда ты?

– Какая разница? – Он вышел из кухни, громко хлопнув дверью.

Выйдя вслед за ним, Клэр увидела, что он направляется к лесу. Он был без куртки, в одних джинсах и хлопковой рубашке, но, казалось, даже не замечал холода. Злость и обида толкали его вперед, в неизвестность, в снег.

– Ной! – крикнула она.

Он уже дошел до озера и теперь свернул налево, в соседние владения.

– Ной! – Она бросилась за ним по снегу.

Мальчик был уже далеко, и с каждым своим озлобленным шагом все увеличивал дистанцию между ними. «Он не вернется». Выкрикивая его имя, Клэр побежала следом.

– Да.

Слева от нее замаячили две фигуры. Линкольн и Флойд услышали ее крик и тоже бросились в погоню. Они почти догнали его, когда Ной оглянулся и увидел их.

Мальчик побежал к озеру.

– Не трогайте его! – заорала Клэр.

Флойд схватил Ноя за шиворот у самой кромки льда и резко потянул назад. Они оба завалились в глубокий снег. Ной первым вскочил на ноги и, уже не владея собой, бросился на Флойда с кулаками. Когда Линкольн схватил его и повалил на снег, Ной продолжал выть и метаться.

Флойд выкарабкался из сугроба и достал пистолет.

– Нет! – завизжала Клэр, и, не помня себя от ужаса, полетела по снегу. Она подбежала к сыну как раз в тот момент, когда Линкольн защелкивал наручники у него за спиной. – Не сопротивляйся, Ной! – взмолилась она. – Прекрати драку!

Ной обернулся к ней. Его лицо было так искажено яростью, что она не узнала сына. «Кто этот мальчик? – испугалась она. – Я его не знаю».

– Пус-ти-те ме-ня! – завопил он. Яркая капля крови скатилась из его ноздри и упала в снег.

Клэр потрясенно уставилась на красное пятнышко, потом перевела взгляд на сына, который дышал, словно затравленный зверь, шумно выпуская горячий воздух. Тонкая струйка крови поблескивала на его верхней губе.

Издалека доносились чьи-то голоса. Клэр обернулась и увидела бегущих к ним людей. Когда они приблизились, она разглядела форму.

Полиция штата.

22

Шум сводил ее с ума. Амелия Рейд навалилась на письменный стол и обхватила голову руками, пытаясь защититься от звуков, которые летели со всех сторон. В соседней комнате гремела жуткая музыка Джея-Ди, дьявольским сердцебиением долбясь в стену. А внизу, в гостиной надрывался телевизор, включенный на максимальную громкость. С музыкой она еще могла смириться, это был всего лишь раздражающий фон, затрагивавший лишь самые внешние уголки сознания. Но голоса выступавших по телевизору людей обманом заползали в голову, отвлекая от книги, которую она пыталась читать.

Она раздраженно захлопнула книгу и спустилась вниз. Джека она застала в привычной вечерней позе на клетчатом раскладном кресле, с пивом в руке. Его Королевское Величество, пердящее на троне. Насколько же отчаялась мама, что вышла за него замуж? Амелия даже в мыслях не допускала для себя такой партии, не представляя, как можно жить с этим рыгающим за столом животным, которое раскидывает по полу гостиной, словно какашки, свои грязные носки.

А ночью ложиться с ним в постель, терпеть прикосновение его лап…

У нее вырвался невольный стон отвращения, и Джек мигом оторвался от вечерних новостей. Он посмотрел на Амелию, и на его бесцветном лице отразился интерес, какая-то догадка. Она знала, в чем причина, и инстинктивно прикрыла грудь руками.

– Ты не мог бы сделать потише? – попросила она. – Мне тяжело заниматься.

– Так закрой свою дверь.

– Уже закрыла. Но телевизор работает слишком громко.

– Это мой дом, знаешь ли. Тебе повезло, что я приютил тебя. Я вкалываю целый день. И имею право расслабиться в своем собственном доме.

– Но я не могу сосредоточиться. Мне надо делать уроки.

Джек то ли рыгнул, то ли хохотнул.

– Девчонке вроде тебя совсем не обязательно корпеть над учебниками. Тебе вообще мозги не нужны.

– Что это значит?

– Найди себе богатого мужика, покрути перед ним задницей и будешь обеспечена до конца своих дней.

Она сдержалась, чтобы не ответить грубостью. Джек умышленно провоцировал ее. Она видела эту гнусную ухмылку на его губах, видела, как вздернулись тонкие усы. Ему нравилось злить ее, он упивался ее страданиями. Ничем другим ему было не добиться ее внимания, и Амелия знала, что его заводила любая ее эмоция, пусть даже ярость.

Пожав плечами, она перевела взгляд на экран телевизора. Для общения с Джеком лучше всего подходило ледяное спокойствие. Достаточно было нацепить маску полного равнодушия – и он начинал беситься. Только так она могла показать ему, кто он есть на самом деле. Ничтожество. Пустое место. Уставившись в телевизор, она чувствовала, что обретает власть над ним. К черту этого мерзавца. Он не тронет, не достанет ее, потому что она этого не позволит.

До нее не сразу дошел смысл того, что она увидела на экране. Коричневый пикап, буксируемый полицейским грузовичком, расплывчатый силуэт мальчика с опущенной головой, которого под конвоем ведут в полицейский участок Транквиля. Когда Амелия наконец поняла, что происходит, она совсем позабыла о Джеке.

– ...четырнадцатилетний мальчик задержан для дачи показаний. Тело сорокатрехлетней Дорин Келли было обнаружено сегодня утром на дальнем участке Слокам-роуд, к востоку от Транквиля. По показаниям анонимного свидетеля, пикап подозреваемого был замечен на этом отрезке дороги вчера около девяти вечера, и найденная улика вывела полицию на юношу. Жертва, жена начальника полиции Транквиля Келли, долгое время страдала от алкоголизма, что подтверждают жители города...

На экране появилось лицо женщины, в которой Амелия узнала кассиршу из супермаркета «Кобб энд Моронгз».

– Дорин была трагической фигурой. Она никогда и никому не причинила вреда, и я даже не могу поверить, чтобы кто-то посмел

сделать с ней такое. Только чудовище могло оставить ее умирать на дороге.

На экране возникли носилки с накрытым телом, которые грузили в карету «скорой».

– Для жителей города, по иронии судьбы названного Транквиль, эта смерть стала новым ударом. Напомним, вчера произошла трагедия в старшей школе...

– О чем они говорят? – всполошилась Амелия. – Что произошло?

В водянистых глазах Джека вспыхнула отвратительная искорка удовольствия.

– Слышал сегодня в городе, – сказал он. – Сынку докторши хана. «Ной? Да нет, не может быть, чтобы он говорил о Ное».

– Сбил вчера ночью жену начальника полиции на Слокам-роуд. Так говорит свидетель.

– Кто именно?

Довольное выражение расплылось по всему лицу Джека, и его губы скривились в мерзкой улыбке.

– Хороший вопрос, а? Кто же это видел? – Он поднял брови, изображая удивление. – О! Чуть не забыл. Это ведь тот самый парень, по которому вы все сохнете? Ты ведь считаешь его необыкновенным. Да, пожалуй, ты права. – Он снова посмотрел на экран и расхохотался. – В тюрьме он будет смотреться необыкновенно.

– Отвали, мать твою! – Амелия выбежала из комнаты и бросилась вверх по лестнице.

– Эй! Эй, ну-ка, вернись и попроси прощения! – заорал Джек. – Черт возьми, тебе придется меня уважать!

Не обращая внимания на его гневные вопли, она направилась прямиком в спальню матери и закрылась там. «Только бы он оставил меня в покое на пять минут. Только бы позволил сделать один-единственный звонок...»

Она схватила трубку и набрала номер Ноя Эллиота.

К ее разочарованию, после четырех гудков включился автоответчик, заговоривший голосом его матери.

– Это доктор Эллиот. Сейчас я не могу ответить на ваш звонок, поэтому оставьте сообщение. Если у вас срочный вызов, свяжитесь со мной по пейджеру через оператора больницы Нокс, и я перезвоню вам, как только смогу.

Дождавшись звукового сигнала, Амелия выпалила:

– Доктор Эллиот, это Амелия Рейд. Ной не сбивал ту женщину! Он не мог этого сделать, потому что был со…

Дверь спальни распахнулась.

– Какого черта ты делаешь в моей комнате, маленькая сучка? – взревел Джек.

Амелия бросила трубку и с вызовом посмотрела на отчима.

– Проси прощения, – велел Джек.

– За что?

– За то, что нагрубила мне, черт побери!

– Ты имеешь в виду за «отвали, мать твою»?

Он отвесил ей такую пощечину, что у нее искры посыпались из глаз. Она прижала руку к горящей щеке, но не отвела взгляда. И пока она в упор смотрела на Джека, в ней как будто зарождалась невиданная силища. Когда он снова поднял руку, чтобы ударить ее, она даже не моргнула. Она продолжала смотреть на него; ее взгляд красноречиво предупреждал о том, что, если он ударит еще раз, то очень, очень пожалеет об этом.

Он медленно опустил руку, так и не осмелившись нанести удар. Он даже не попытался остановить ее, когда девочка вышла из спальни и направилась в свою комнату. Он не двинулся с места и после того, как она громко хлопнула своей дверью.

Клэр и Макс Татуайлер стояли у стола Линкольна и даже не собирались уходить. Они пришли в полицейский участок вместе, и сейчас Макс, достав из своего портфеля топографическую карту, под удивленным взглядом Линкольна раскладывал ее на столе.

– Что я должен здесь увидеть? – спросил Линкольн.

– Это объяснение болезни моего сына. И всего, что творится в этом городе, – настойчиво произнесла Клэр. – Ной нуждается в госпитализации. Вы просто обязаны освободить его из-под стражи.

Линкольн нехотя поднял на нее взгляд. Всего двенадцать часов назад они были любовниками. А теперь он с трудом заставлял себя смотреть на нее.

– Он не показался мне больным, Клэр. Кстати, сегодня утром он бегал быстрее нас.

– Болезнь поражает мозг. Это паразит *Taenia solium,* и при первичной инфекции он может вызывать изменения в психике. Если Ной инфицирован, его нужно лечить. *Taenia solium* может стать причиной воспаления мозга и менингита. Именно эти симптомы я замечала у него последние несколько дней. Раздражительность, ярость. Если его не поместить в больницу, если у него в мозге образуется киста и потом прорвется… – Она запнулась, пытаясь сдержать слезы. – Пожалуйста, – прошептала она. – Я не хочу потерять сына.

– На самом деле, – вмешался Макс, – мальчик не отвечает за свои поступки. Так же, как и остальные дети.

– Но как к детям попал этот паразит? – поинтересовался Линкольн.

– От Уоррена Эмерсона, – объяснила Клэр. – Патоморфолог из Медицинского центра восточного Мэна почти уверен в том, что поражение его мозга было вызвано *Taenia solium,* свиным цепнем. Вероятно, Эмерсон годами болел. И был носителем инфекции.

– А вот как от него заразились дети, – сказал Макс. Он разгладил карту местности, разложенную на столе. – Эту теорию выдвинула Клэр. Вот нижняя часть реки Мигоки. Здесь видны и возвышения дна русла, и схема заводнения, и даже ее подземные части.

– И о чем это говорит?

– Смотрите сюда. – Макс ткнул пальцем в карту. – Это примерное расположение фермы Уоррена Эмерсона, в полутора километрах от озера вверх по течению. Возвышение шестьдесят метров. Река Мигоки протекает по его владениям, в непосредственной близости от выгребной ямы. Возможно, канализационная система у него совсем старая. – Макс посмотрел на Линкольна. – Вам понятно значение факта местонахождения фермы?

– Вы имеете в виду загрязнение реки?

– Вот именно. Прошлой весной у вас был рекордный паводок, и вода подходила прямо к выгребной яме Эмерсона. Вполне вероятно, что яйца паразита смыло в реку и унесло дальше. В озеро.

– А как эти яйца попали в выгребную яму?

– Из организма Уоррена Эмерсона, – пояснила Клэр. – Он был инфицирован много лет назад, когда съел непрожаренную свинину, содержавшую личинку червя. Личинки развиваются и живут в кишечнике человека десятилетиями. Они откладывают яйца.

– Если Эмерсон носил паразита в своем желудочно-кишечном тракте, – сказал Макс, – значит, он периодически испражнял яйца в канализацию. Прореха в яме, высокий паводок – все это могло спровоцировать выброс яиц в реку. А оттуда в озеро. Самая высокая их концентрация здесь, в месте впадения Мигоки в озеро. – Макс указал на Валуны. – А это как раз излюбленное место купания местной детворы. Я прав?

Линкольн вдруг поднял голову, обеспокоенный суетой, поднявшейся где-то в здании. Все трое обернулись, когда распахнулась дверь и в кабинет заглянул перепуганный Флойд Спир.

– У мальчика припадок! Мы вызываем «скорую».

Клэр бросила на Линкольна перепуганный взгляд и выбежала из кабинета. Один из полицейских попытался остановить ее, но Линкольн рявкнул:

– Она врач! Пропустите ее! – Клэр уже неслась по коридору к камерам.

Дверь в первую камеру была открыта. Внутри на корточках сидели двое полицейских. Все, что она успела разглядеть, это ноги сына, содрогающиеся в конвульсиях. Потом она заметила кровь на полу, возле его головы, и увидела, что лицо мальчика тоже окровавлено.

– Что вы с ним сделали? – закричала она.

– Ничего! Мы нашли его в таком состоянии. Должно быть, ударился головой об пол…

– Отойдите. Дайте мне пройти!

Копы посторонились, и Клэр упала на колени возле Ноя. Паника почти парализовала ее. Ей пришлось заставлять себя думать, абстрагируясь от ужасной мысли о том, что это ее сын, ее единственный ребенок и что он может умереть прямо у нее на глазах. «Большой эпилептический припадок. Дыхание сбивчивое». Она слышала хриплое бульканье в его

горле; когда мальчик судорожно пытался вдохнуть воздух своими голодными легкими, его грудную клетку сотрясали бешеные спазмы.

«Переверни его на бок. Не позволяй ему аспирировать!»

Она схватила его за плечо. Еще одна пара рук пришла ей на помощь. Боковым зрением она увидела рядом с собой Линкольна. Они вместе перевернули Ноя на бок. Он все еще бился в конвульсиях, колотясь головой об пол.

– Нужно что-то подложить под голову! – крикнула она.

Подоспевший Макс схватил с койки одеяло и передал Клэр. Она осторожно приподняла голову Ноя и подсунула одеяло. Как часто, когда он был маленьким и засыпал на диване, она подкладывала ему под голову подушку. Но сейчас перед ней был не спящий малыш; с каждым новым спазмом шея мальчика напрягалась, из нее выпирали мышцы, похожие на веревки. И кровь – откуда идет кровь?

Снова послышалось хриплое бульканье, и Клэр увидела, как вздулась его грудь, а из ноздри вытекла свежая струйка крови. Значит, это не из раны; у него снова носовое кровотечение. Неужели это кровь булькает в его горле? Она наклонила его лицо вниз, чтобы очистить рот от крови, но оттуда вытекла лишь тонкая струйка, смешанная со слюной. Припадок утихал, конечности уже не сотрясались с такой силой, но хрипы усилились.

«Прием Хаймлиха. Иначе задохнется».

Удерживая его на боку, она положила одну руку на верхнюю часть брюшной полости, а другую – на спину. Потом сдавила живот, направляя силу на грудную клетку.

Из его горла вырвался воздух. Значит, это неполная обструкция, подумала она с облегчением. В его легкие все еще поступал воздух.

Она повторила прием. Снова уперлась основанием ладони в его живот и резко надавила на него. Из легких вырвался новый поток воздуха, и дыхание очистилось – причина обструкции была удалена из горла и уже выскальзывала из одной ноздри. Когда Клэр увидела, что это было, она в ужасе отшатнулась.

– Боже правый! – закричал один из полицейских. – Что это еще, мать твою?

Червь извивался в розовой пене из крови и слизи. Он выползал наружу, сворачиваясь блестящими петлями, судорожно вырываясь на волю. Клэр

была настолько потрясена зрелищем, что лишь молча наблюдала за тем, как червь выбирается из носа ее сына и сползает на пол. Там он свернулся спиралью, но один его конец приподнялся, словно голова кобры, решившей глотнуть воздуха.

В следующее мгновение червь, извиваясь, скользнул под койку.

– Где он? Достаньте его! – заорала Клэр.

Макс уже стоял на четвереньках, пытаясь заглянуть под койку.

– Я его не вижу…

– Нам необходимо его идентифицировать!

– Вот, я его нашел, – сообщил Линкольн, стоявший на коленях возле Макса. – Он еще двигается…

Вой «скорой» отвлек внимание Клэр. Она обернулась к двери – оттуда доносились приближающиеся голоса и металлический лязг каталки. Дыхание Ноя облегчилось – грудная клетка поднималась и опускалась без спазмов, пульс был учащенным, но ровным.

В камеру ворвались санитары. Клэр уступила им место, и они начали подключать капельницу и аппарат искусственного дыхания.

– Клэр, – позвал ее Линкольн. – Тебе стоит на это посмотреть.

Она приблизилась и опустилась на колени рядом с ним, заглядывая в узкую щель под койкой. Освещение в камере было тусклым, и разглядеть хоть что-то в тени провисшего матраса было непросто. Но там, куда попадал свет, виднелось несколько комочков пыли и каких-то лоскутков. А между ними дергалась ярко-зеленая змейка, извиваясь фосфоресцирующими петлями.

– Он светится, Клэр, – сказал Линкольн. – Вот что мы видели в ту ночь. На озере.

– Биолюминесценция, – заметил Макс. – Некоторые черви обладают такой способностью.

Клэр услышала, как щелкнула пряжка удерживающего ремня на носилках. Обернувшись, она увидела, что санитары уже вывозят Ноя из камеры.

– Кажется, у него стабильное состояние, – сообщил ей санитар. – Отвезем его в реанимацию больницы Нокс.

– Я поеду следом за вами, – пообещала она и посмотрела на Макса. – Мне необходим этот образец.

– Езжай с Ноем, – сказал Макс. – Я сам отвезу червя в отделение патологии.

Она кивнула и последовала за сыном.

Клэр стояла в рентгенкабинете, напряженно вглядываясь в снимки на экране негатоскопа.

– Что скажете? – спросила она.

– Томограмма без особенностей, – констатировал рентгенолог, доктор Чепмен. – Все срезы кажутся симметричными. Я не вижу ни сгустков, ни кист. Нет и признаков кровоизлияния в мозг. – Он оторвался от снимков, когда в кабинет вошел доктор Тейер, невролог, – Клэр попросила его быть лечащим врачом Ноя. – Мы изучаем томограмму. Я не вижу никакой аномалии.

Тейер нацепил очки и вгляделся в снимки.

– Согласен, – кивнул он. – А вы что скажете, Клэр?

Клэр доверяла обоим врача, но сейчас речь шла о ее сыне, и она не могла переложить ответственность на других. Они это понимали и потому подробно обсуждали с ней результаты каждого анализа крови и рентгена. Сейчас они так же откровенно делились с ней своим удивлением. Оно читалось на лице Чепмена, который снова склонился над негатоскопом. В его очках отражались рентгеновские снимки, и она не видела его глаз, но нахмуренные брови подсказывали, что он затрудняется с ответом.

– Я не вижу здесь никаких объяснений припадка, – заметил он.

– А я не вижу никаких противопоказаний для спинномозговой пункции, – добавил Тейер. – Учитывая клиническую картину, я бы предпочел сделать ее.

– Ничего не понимаю. Я была почти уверена в диагнозе, – проговорила Клэр. – Вы не находите признаков цистицеркоза?

– Нет, – отозвался Чепмен. – Никаких паразитарных кист. Как я уже сказал, мозг выглядит вполне нормально.

– Так же, как и анализы крови, – подхватил Тейер. – За исключением слегка повышенного уровня лейкоцитов, но это можно отнести на счет стресса.

– Но дифференциал у него не в норме, – заметила Клэр. – Высокий уровень эозинофилов может указывать на паразитическую инфекцию. У других мальчиков уровень эозинофилов тоже был повышен. Тогда я не обратила на это внимания. А теперь вижу, что пропустила важнейшую деталь. – Она снова посмотрела на снимки. – Я видела паразита собственными глазами. Он выполз из ноздри моего сына. Все, что нам нужно, – это идентифицировать его.

– Возможно, он не имеет никакого отношения к припадкам, Клэр. Этот паразит мог вызвать другую болезнь. Скорее всего обычный аскаридоз. Он распространен по всему миру. Я видел в Мексике мальчика, который при кашле выплюнул этих червячков. Но аскариды не вызывают нервных расстройств.

– Зато их вызывает *Taenia solium.*

– Что, уже идентифицировали паразита из мозга Уоррена Эмерсона? – поинтересовался Чепмен. – Это действительно *Taenia solium?*

– Иммуноферментный анализ будет готов завтра. Если у него будут выявлены антитела к *Taenia,* мы будем знать, что имеем дело именно с этим паразитом.

Тейер, разглядывая снимки, покачал головой.

– Но здесь не видно никаких паразитарных кист. Впрочем, возможно, на такой ранней стадии они не визуализируются. Но тем временем нужно исключить другие варианты. Энцефалит. Менингит. – Он выключил подсветку негатоскопа. – Пора делать спинномозговую пункцию.

В кабинет заглянула администратор отделения рентгенологии.

– Доктор Тейер, вам звонят из патологии.

Тейер снял трубку телефона, висевшего на стене. Через пару минут он повесил трубку и обратился к Клэр.

– Похоже, у нас есть ответ по червю. Тому, что вышел из носа вашего сына.

– Его идентифицировали?

– Фотографии и микроскопические срезы были отправлены электронной почтой в Бангор. Паразитолог медцентра восточного Мэна только что подтвердил природу червя. Это не *Taenia*.

– Тогда, значит, аскарида?

– Нет, это семейство *Annelida*. Кольчатые черви. – Он в недоумении покачал головой. – Должно быть, какая-то ошибка. Совершенно очевидно, что они неправильно его идентифицировали.

Клэр нахмурилась.

– Я незнакома с семейством *Annelida*. Что это?

– Обычные дождевые черви.

23

Клэр сидела в темной больничной палате Ноя, прислушиваясь к его беспокойной возне. После взятия пункции он все пытался высвободиться и уже сбил две капельницы. Тейер наконец уступил просьбам медсестер и разрешил дать ему успокоительное. Но даже со снотворным и выключенным светом он не спал, а ерзал взад-вперед, бормоча ругательства. Она уже не могла спокойно смотреть на эту бесконечную борьбу.

Вскоре после полуночи в палату зашел Линкольн. Она видела, как открылась дверь и из коридора в палату проник луч света – она узнала силуэт Линкольна, неуверенно застывший в дверном проеме. Потом он вошел и сел на стул, стоявший напротив нее.

– Я разговаривал с медсестрой, – сообщил он. – Она говорит, что состояние стабильное.

Стабильное. Клэр покачала головой. Без изменений, вот что подразумевало такое состояние – ни лучше, ни хуже. Отчаяние – вот что она вкладывала в это определение.

– Кажется, он стал поспокойнее, – заметил Линкольн.

– Его накачали успокоительным. Это необходимо после спинномозговой пункции.

– Результаты уже известны?

– Менингита нет. Энцефалита тоже. В цереброспинальной жидкости не обнаружено ничего, что могло бы объяснить причину его состояния. А

теперь и моя теория о паразите приказала долго жить. – Изнемогая от усталости, Клэр тяжело откинулась на спинку стула и грустно усмехнулась. – Никто мне не может ничего объяснить. Как он мог вдохнуть дождевого червя? Это какой-то абсурд, Линкольн. Дождевые черви не светятся. Они не паразитируют в теле человеке. Здесь какая-то ошибка…

– Тебе нужно пойти домой и поспать, – сказал он.

– Нет, мне нужны ответы. Мне нужен мой сын. Мне необходимо вернуть его таким, каким он был до смерти своего отца, до всей этой трагедии, когда он еще любил меня.

– Он любит тебя, Клэр.

– Я уже ничего не знаю. Я так давно не чувствовала этой любви. С тех пор как мы переехали сюда. – Она все смотрела на Ноя, вспоминая времена его детства, когда она наблюдала за его сном. Когда ее любовь к сыну заслоняла все на свете. Когда она любила его без памяти. – Ты не знаешь, каким он был раньше, – проговорила она. – Ты видел его только в худших проявлениях. С самой уродливой стороны. В качестве подозреваемого в совершении преступления. Ты даже не представляешь, каким милым и любящим он был в детстве. Он был моим лучшим другом… – Она смахнула слезы с глаз, радуясь, что в палате темно. – Я просто жду, когда этот мальчик вернется ко мне.

Линкольн поднялся и подошел к ней.

– Я знаю, ты считаешь его своим лучшим другом, Клэр, – произнес он. – Но он не единственный твой друг.

Она позволила ему обнять себя за плечи, поцеловать в лоб, но даже в эти минуты думала: «Я больше не могу ни доверять тебе, ни зависеть от тебя».

«Теперь у меня никого нет, кроме меня самой. И моего сына».

Он как будто почувствовал тот незримый барьер, который она возвела между ними, и медленно выпустил ее из своих объятий. А потом молча вышел из палаты.

Всю ночь она просидела на стуле у постели Ноя, периодически погружаясь в дрему и просыпаясь каждый раз, когда медсестра заходила проверить состояние пациента.

Когда Клэр открыла глаза навстречу удивительно ясному рассвету, она вдруг обнаружила, что ее мысли прояснились. Ной наконец мирно спал.

И хотя ей тоже удалось немного поспать, ее мозг не отключался ни на минуту. Оказывается, он усердно работал всю ночь, пытаясь разгадать тайну дождевого червя и понять, каким образом он проник в тело сына. И сейчас, стоя возле окна и глядя на снег, она удивлялась тому, как же она могла упустить столь очевидный ответ.

С поста дежурной медсестры она позвонила в Медицинский центр восточного Мэна и попросила к телефону доктора Клевенджера из отделения патологии.

– Я пытался дозвониться вам вечером, – сказал он. – Оставил сообщение на вашем домашнем автоответчике.

– Это насчет иммуноферментного анализа Уоррена Эмерсона? Я как раз и звоню по этому поводу.

– Да, у нас готов результат. Боюсь разочаровать вас, но антител к *Taenia solium* не выявлено.

Она помолчала.

– Понятно.

– Вы, я вижу, не слишком-то удивлены. В отличие от меня.

– Ошибки быть не может?

– Есть вероятность, но очень маленькая. Чтобы быть абсолютно уверенными, мы также провели тест по тому мальчику, Тейлору Дарнеллу.

– И он тоже отрицательный.

– О, так вы уже все знаете.

– Нет, я не знала. Просто догадалась.

– Что ж, тот карточный домик, который мы построили, рухнул. Ни у одного пациента не обнаружено антител свиного цепня. Не могу объяснить причины бешенства у детей. Знаю только, что дело не в цистицеркозе. И еще мне непонятно, откуда у господина Эмерсона взялась та киста в мозге.

– Но вы ведь полагаете, что это была какая-то личинка?

– Ну да, или странный результат окрашивания.

– А мог это быть другой паразит – не *Taenia?*

– Что за паразит?

– Тот, что проникает в организм через нос. Он сворачивается внутри одной из пазух и сидит там, никому не видимый. А потом организм его исторгает или он умирает самостоятельно. Биологические яды, которые он выделяет, абсорбируются непосредственно мембранами носа и попадают в кровь хозяина.

– А разве на томограмме этого не видно?

– Нет. В том-то все и дело, что паразит выглядит вполне безобидно. Как сгусток слизи. – Во всяком случае, так было у Скотти Брэкстона.

– Если паразит сидел в пазухе, как он проник в мозг Уоррена Эмерсона?

– Вспомните анатомию. Между мозгом и лобной пазухой всего лишь тонкая костная перегородка. Паразит мог разрушить ее.

– Знаете, теория просто великолепная. Беда в том, что нет такого паразита, который бы вписался в такую клиническую картину. Во всяком случае в справочниках я такого не встречал.

– А может, что-то не попало в справочники?

– Вы хотите сказать, что это какой-то совершенно новый вид паразита? – Клевенджер расхохотался. – Если бы! Это была бы научная сенсация. Мое имя как первооткрывателя было бы увековечено в истории. *Тения клевенджерия*. Красиво звучит, верно? Но пока в моем распоряжении лишь выродившаяся неопознаваемая личинка. И ни одной живой твари, которую можно было бы показать и описать.

«Только дождевой червь».

По дороге в Транквиль она вдруг поняла, что ей недостает нескольких фрагментов для полной картины. Получить их можно только от Макса Татуайлера. Она даст ему возможность объясниться с глазу на глаз; ведь он был ее другом, и она могла бы ему позволить оправдаться. Она была замужем за ученым и знала, какая лихорадка пожирает их, когда они оказываются на пороге открытия. Да, она понимала, почему Макс мог спрятать образец и держать его в секрете, пока еще нет подтверждений, что он открыл новый вид паразита. Но что было непонятно и уж совсем непростительно, – что он скрыл информацию от нее и врачей, которые лечат Ноя. Информацию, которая была жизненно необходима ее сыну.

Ее злость усиливалась с каждым километром.

«Сначала поговори с ним, – напомнила она себе. – Ты можешь ошибаться. Возможно, Макс не имеет к этому никакого отношения».

Подъезжая к окраинам Транквиля, она была уже настолько взволнована, что решила не откладывать встречу. Ей хотелось немедленно объясниться с Максом.

Она поехала к его коттеджу.

Его машины видно не было. Оставив автомобиль на подъездной дорожке, она направилась к крыльцу и вдруг заметила следы, уходящие от дома. Она пошла по ним к лесу и вскоре увидела, что они обрываются на пятачке примятого снега, смешанного с грязью. Она присела на корточки и рукой в перчатке разгребла потревоженный снег. Примерно на двенадцатисантиметровой глубине Клэр нащупала слой рыхлой почвы и опавших листьев. Зачерпнув пригоршню земли, она увидела что-то блестящее и извивающееся на ладони. Дождевой червь. Она снова зарыла его в землю и вышла из леса.

На крыльце она поискала лопату, зная, что она где-то обязательно должна быть. Инструмент с примерзшими к черенку комьями земли обнаружился возле поленницы, вместе с топориком.

Дверь оказалась незапертой; Клэр вошла в коттедж и сразу поняла, почему Макс не позаботился о сохранности своего жилища. В доме почти не осталось его личных вещей. То, что она увидела, – мебель, посуда – должно быть, предоставлялось в аренду вместе с коттеджем. Она обошла спальни, кухню и обнаружила лишь некоторые забытые вещи ученого: коробку с книгами, корзину с грязным бельем, кое-какую еду в холодильнике. К стене гостиной кнопками была прикреплена топографическая карта реки Мигоки. Он вернется за этим, подумала Клэр. И я его дождусь.

Ее взгляд упал на коробку с книгами. На ней сохранился почтовый ярлык с указанием имени и адреса получателя: «Лаборатории Энсон».

Это было название справочной лаборатории, где делали анализы крови Скотти и Тейлора и откуда пришли отрицательные результаты по токсинам. «Фальшивки? – удивилась она про себя, – но, если так, что они пытались скрыть?» Именно эта лаборатория недавно выдала грант Педиатрической группе Двух Холмов на забор крови у местных подростков. Почему «Энсон» заинтересовались детьми Транквиля?

Она достала сотовый телефон и позвонила Энтони из лаборатории больницы Нокс.

– Что вам известно о «Лабораториях Энсон»? – спросила она. – Как получилось, что именно с ними наша больница подписала договор?

– Ну, это странная история. Обычно мы отсылали все пробы по газовой хроматографии, массовой спектрометрии и радиоиммуноанализу в лабораторию «Бладтек» в Портленд. А месяца два назад вдруг стали работать с «Энсон».

– Кто принимал решение?

– Наш главный патолог. Смена партнера имела смысл, поскольку «Энсон» предоставил серьезные скидки. Больница не смогла устоять. Мы на этом экономим десятки тысяч баксов.

– Вы не могли бы разузнать о них поподробнее? Мне это нужно срочно. Можете связаться со мной по пейджеру.

– А что именно вы хотите выяснить?

– Все. Занимаются ли они чем-то еще помимо диагностики. И что за интерес у них к Транквилю.

– Попробую.

Она нажала отбой. Даже с включенным электрическим отоплением в комнате было прохладно. Она разожгла огонь в дровяной печи и приготовила завтрак из скудных припасов Макса. Кофе и тост с маслом, сморщенное яблоко. К тому времени, как она управилась с едой, печь так раскалилась, что от жары Клэр стало клонить в сон. Она снова позвонила в больницу узнать о состоянии Ноя, после чего села у окна и стала ждать.

Не может же он избегать ее вечно.

Когда она в изумлении открыла глаза и поняла, что задремала, ей показалось, что прошло всего несколько минут. Шею ломило от неудобной позы. Было три часа, и утренний свет уступил место блеклым послеполуденным лучам.

Она встала и, растирая затекшую шею, стала бесцельно слоняться по домику. Прошла в спальню, вернулась на кухню. Где же он? Должен же он вернуться за своим грязным бельем!

Она остановилась в гостиной, и ее взгляд привлекла топографическая карта на стене. Она подошла ближе, внезапно обратив внимание на Буковый Холм, высота 294 метра. Что там говорила Лоис Катберт на городском собрании? Речь тогда зашла о том, что люди видели огни на холме; ходили слухи, будто по ночам в лесу собираются сатанисты.

Лоис объяснила природу этих огней. «Просто один приезжий биолог, доктор Татуайлер, рыскает по ночам в поисках саламандр. Я сама недавно едва не наткнулась на него в темноте, когда он спускался с холма».

В распоряжении Клэр оставался всего лишь час дневного света; ей нужно было успеть найти то, что она искала. И она уже знала, с чего начать.

Она вышла из коттеджа и села в машину.

Снег облегчит ее поиски. Она свернула на дорогу, ведущую к Буковому Холму. Приближаясь к владениям Эмерсона, она сбавила скорость и заметила, что дорога к его дому не расчищена. После того как она приезжала сюда последний раз кормить кошку, прошел снегопад, но свежей колеи от колес не просматривалось. Она проехала мимо. Других домов поблизости не было, и асфальтовая дорога сменилась проселочной. Когда-то давно здесь проходила лесовозная просека; сейчас ею пользовались лишь охотники да любители пеших прогулок, прокладывавшие себе путь к вершине холма, откуда открывался панорамный вид. Городские снегоуборочные машины еще не расчистили ее после недавнего снегопада, и передвигаться по ней на «Субару» было довольно сложно. Но до нее здесь проезжала другая машина; Клэр видела следы протектора.

Через несколько сотен метров следы свернули с дороги и резко оборвались у сосновых зарослей. Никакой машины поблизости не стояло; тот, кто приезжал сюда, явно уже уехал. Разве что оставил после себя глубокие следы ног в сугробах.

Она вышла из машины и вгляделась в отпечатки подошв. Их оставили большие ботинки – мужского размера. Они уходили в лес, потом возвращались назад – таких кругов было несколько.

Клэр часто слышала о том, что снег – лучший друг охотника. Сейчас она и сама была охотником, идущим по следу в самую чащу. Она не боялась заблудиться. На случай темноты у нее был припасен фонарик, в кармане лежал мобильный телефон, а по следам всегда можно было вернуться к машине. Справа она услышала шум воды и догадалась, что где-то поблизости находится река. Следы тянулись параллельно берегу, слегка забирая вверх, к нагромождению массивных валунов.

Клэр остановилась, невольно залюбовавшись зрелищем. Тающий снег, стекая по камням, снова замерзал, образуя голубоватые ледяные водопады. Стоя на месте древнего оползня, она размышляла, куда могли деться следы. Неужели Макс забрался на вершину по этим камням?

Ветер до блеска отполировал ледяные глыбы. Это было бы смертельно опасное восхождение.

Шум реки снова привлек ее внимание. Она посмотрела вниз, где бегущая вода размыла снег, и заметила отпечаток подошвы, оставленный на черной земле. Если он перебрался через речку, почему тогда его следов нет на противоположном берегу?

Она шагнула в реку, и тут же ледяная вода просочилась в шнуровочные отверстия ее ботинок. Она сделала следующий шаг, и вот уже вода хлынула в ботинки, омыла манжеты брюк. Только тогда она заметила расщелину между камнями.

Ее было почти не видно за раскидистым кустом, который летом наверняка покрывался густой листвой. Чтобы добраться до расщелины, ей пришлось пройти по колено в воде. Выбравшись на каменистый берег, она протиснулась в узкий лаз, за которым открылось некое подобие пещеры.

Здесь было достаточно просторно, чтобы стоять в полный рост. Хотя в пещеру проникал лишь тусклый свет из лаза, Клэр смогла различить смутные очертания окружающего пространства. Слышно было, как капает, стекая по каменным стенам, вода. Солнце, должно быть, заглядывало сюда с другой стороны. Есть ли еще один проход? Ей показалось, что впереди, под арочным сводом камней, замаячил слабый свет. Значит, там еще одна пещера.

Она пролезла под аркой и почти сразу же рухнула вниз, покатившись по камням. Приземлилась Клэр на мокром валуне. От удара болела голова, а перед глазами все плыло. Она лежала, выжидая, пока прояснится сознание. Наверху что-то зашуршало и захлопало крыльями. «Летучие мыши».

Постепенно пульсирующая боль в голове сменилась монотонной ноющей болью, но перед глазами по-прежнему вспыхивали галлюциногенные зеленые огоньки. Симптомы отслоения сетчатки, с тревогой подумала она. Скоро ослепну.

Она медленно поднялась на ноги, пытаясь опереться о стену пещеры. Но вместо камня под рукой оказалось что-то скользкое и мягкое. Она вскрикнула и отскочила в сторону, всполошив еще одну стаю летучих мышей.

«Она двигается. Стена двигается».

На ощупь стена была холодной, не похожей на шкурки перепуганных мышей. Ее пальцы до сих пор были влажными. Содрогнувшись, она начала вытирать руку о брюки и вдруг заметила свечение. Оно исходило от руки, в темноте выделяя ее контур. В изумлении Клэр подняла голову к потолку пещеры и увидела россыпь огоньков, подобных звездочкам в ночном небе, зеленым звездочкам. Однако эти звезды двигались, волнообразно раскачиваясь взад-вперед.

Она шагнула вперед, ступая по лужам, и остановилась в центре пещеры. Ей пришлось на мгновение зажмуриться – движущиеся звезды создавали полную иллюзию качки.

«Вот источник», – пронеслось у нее в голове. Макс обнаружил источник паразитов, пещеру, в которой, возможно, тысячелетиями гнездились эти особи. Тепло от органических разложений и тел сотен летучих мышей поддерживало здесь постоянный микроклимат, независимый даже от смены времен года.

Она достала фонарик и направила луч света на скопление зеленых звездочек на стене. На свету звездочки утратили свои очертания, и вместо них проступила слипшаяся масса червей – этакая огромная медуза со множеством щупалец, присосавшихся к камню. Клэр выключила фонарик. В темноте снова зажглись звезды, возродилась зеленая галактика.

Биолюминесценция. Черви использовали бактерии вибрио фишери в качестве источника света. Когда пещеру затапливало, личинки червей вместе с вибрио смывало в реку. А оттуда в озеро Саранча. «Мы лишь случайные хозяева», – подумала она. Летом, во время купания, достаточно было хлебнуть воды, и личинка через носовые ходы проникала в тело человека, который становился ее хозяином. Спрятавшись в пазухе, личинка созревала, выделяя гормон, а потом умирала. Вот откуда аномалия в хроматограмме Тейлора Дарнелла и Скотти Брэкстона: в их крови присутствовал гормон, который выделял паразит.

Татуайлер и, возможно, «Энсон» знали о существовании этого гормона, так же как и об этих червях, но почему-то не сообщили ей. Превратив ее жизнь и жизнь ее сына в ад.

В ярости она схватила с земли камень и запустила его в зеленые звезды. Он отскочил от потолка и со странным металлическим звоном приземлился на пол пещеры. Новая стая летучих мышей выпорхнула из пещеры.

На мгновение Клэр замерла, пытаясь идентифицировать звук, который только что слышала. Осторожно пробираясь в полумраке, она двинулась в дальний угол пещеры, куда отскочил камень. Здесь было не так много червей, и в отсутствие их сияния темнота сгустилась почти до черноты.

Она снова включила фонарик и посветила себе под ноги. Что-то отражало свет фонарика. Клэр нагнулась и увидела валявшуюся на земле походную кофейную кружку.

А рядом мужской ботинок.

Задыхаясь, она отскочила в сторону. Луч фонарика бешено заплясал в ее руках, выхватывая из темноты невидящие глаза Макса Татуайлера. Он неуклюже сидел на земле, привалившись спиной к стене пещеры. Ноги были неестественно вытянуты вперед. На губах выступала пена, ее капли были видны и на куртке – там они смешивались с темным пятном крови от пулевого ранения в горло.

Она попятилась назад, повернулась и, поскользнувшись, упала в лужу.

«Беги. Беги».

Клэр тут же вскочила на ноги и в панике бросилась к лазу. Мыши тревожно хлопали крыльями, кружа над ее головой. Она пролезла под низким арочным сводом и оказалась в первой пещере. Ее тяжелое дыхание эхом отражалось от каменных стен. Она поползла к выходу на четвереньках, словно испуганное насекомое.

Расщелина была все ближе, все ярче.

И вот она уже высунула голову навстречу дневному свету. Жадно глотнув воздуха, Клэр подняла глаза в тот самый миг, когда на ее голову обрушился сильный удар.

24

– Комиссар Келли, мы не видели доктора Эллиот целый день, – сообщила медсестра. – Честно говоря, уже начинаем беспокоиться.

– Когда вы последний раз говорили с ней?

– Судя по рассказам дневной смены, она звонила около полудня, справлялась о состоянии Ноя. Но с тех пор от нее никаких известий, и мы уже несколько часов пытаемся связаться с ней по пейджеру. Мы звонили ей домой, но там включается автоответчик. А ведь ей нужно быть здесь. Мальчик уже спрашивает о ней.

«Что-то не так», – решил Линкольн, направляясь по коридору к палате Ноя. Клэр не могла оставить сына так надолго, в любом случае она бы позвонила. Ближе к вечеру он заезжал к ней домой, но ее машины там не было, и он решил, что Клэр в больнице.

Но и здесь ее не было весь день.

Он кивнул полицейскому, охранявшему вход в палату, и зашел к Ною.

На прикроватной тумбочке горела лампа, и в ее ярком свете лицо мальчика казалось бледным, изможденным. Услышав звук закрывающейся двери, он поднял взгляд на Линкольна, и в его глазах промелькнуло разочарование. Ярость ушла, подумал Линкольн, и какая разительная перемена. Тридцать шесть часов назад Ной был неуправляем, в нем было столько силы и ярости, что двое мужчин с трудом завалили его на землю. Сейчас он выглядел всего лишь уставшим подростком. Испуганным мальчиком.

– А где моя мама? – почти шепотом спросил он.

– Я не знаю, где она, сынок.

– Позвоните ей. Пожалуйста, не могли бы вы ей позвонить?

– Мы пытаемся отыскать ее.

Мальчик моргнул и уставился в потолок.

– Я хочу попросить у нее прощения. Хочу сказать ей… – Он снова заморгал, потом отвернулся, зарывшись в подушку. – Я хочу рассказать ей правду.

– О чем?

– О том, что случилось. Той ночью…

Линкольн молчал. Это признание нельзя было выдавливать силой; мальчик должен был сделать его добровольно.

– Я взял пикап, чтобы отвезти домой свою подругу. Она пришла ко мне пешком, и мы собирались дождаться маму, чтобы она отвезла ее домой. Но было уже поздно, а мамы все не было. Пошел сильный снег…

– И ты сам повез девочку?

– Она живет всего в трех километрах от нас. Я же умею водить.

– И что случилось, Ной? Во время этой поездки?

– Ничего. Я быстро съездил туда-обратно. Клянусь.

– Ты ехал по Слокам-роуд?

– Нет, сэр. Я не сворачивал с шоссе Тодди-Пойнт. Я высадил ее в конце подъездной дорожки, чтобы ее отец меня не увидел. А потом сразу поехал домой.

– В котором часу это было?

– Я не знаю. Часов в десять, наверное.

Через час после того, как анонимный свидетель видел пикап Клэр, петляющий по Слокам-роуд.

– Что-то здесь не так, сынок. Откуда тогда кровь на крыле?

– Я не знаю, откуда там взялась кровь.

– Ты что-то скрываешь.

– Я говорю правду! – Мальчик повернулся к полицейскому, и на его лице проступило раздражение, граничащее с яростью. Но на этот раз злость была какой-то другой. Теперь в ней была осмысленность.

– Если ты говоришь правду, – произнес Линкольн, – тогда девочка подтвердит твои слова. Кто она?

Ной отвел взгляд и снова уставился в потолок.

– Я не могу вам этого сказать.

– Почему?

– Отец убьет ее. Поэтому я вам не скажу.

– Но она могла бы все исправить одним своим заявлением.

– Она боится его. Я не хочу, чтобы у нее были неприятности.

– Пока неприятности только у тебя, Ной.

– Я должен сначала поговорить с ней. Я должен дать ей шанс…

– Какой еще шанс? Ты просто хочешь, чтобы ее рассказ совпал с твоим?

Они молча смотрели друг на друга – Линкольн в ожидании ответа, мальчик в упорном нежелании делиться информацией.

Сквозь закрытую дверь до Линкольна донеслось сообщение по больничному радио:

– Доктор Эллиот, наберите добавочный семь-один-три-три. Доктор Эллиот…

Линкольн выбежал из палаты Ноя и бросился к телефону на посту медсестры. Он набрал номер 7133. Ему ответил Энтони, лаборант:

– Доктор Эллиот?

– Это комиссар Келли. Как долго вы пытаетесь связаться с доктором Эллиот?

– Да с обеда. Я звоню на пейджер, но, она, должно быть, отключила его. И дома никто не отвечает, так что я решил разыскать ее в больнице. На случай, если она там.

– Если она вам все-таки позвонит, не могли бы вы передать, что я ее тоже разыскиваю?

– Конечно. Меня, честно говоря, немного удивляет, что она не перезвонила.

Линкольн задумался.

– Что значит «не перезвонила»? Вы что, разговаривали с ней сегодня?

– Да, сэр. Она попросила меня собрать кое-какую информацию.

– Когда это было?

– Она позвонила мне сегодня около полудня. Похоже, она была очень взволнована, ей срочно был нужен ответ. Я подумал, что она уже должна была бы перезвонить.

– И какую информацию она хотела получить?

– О компании «Лаборатории Энсон».

– И что же?

– Так вот, это просто ответвление «Слоун-Рутье», занимающееся исследованием и разработкой. Ну, наверняка знаете эту крупную

фармацевтическую фирму. Ума не приложу, зачем ей понадобилась эта информация.

– А вы знаете, откуда она вам звонила?

– Понятия не имею, комиссар Келли.

Линкольн повесил трубку. После полудня с Клэр никто не разговаривал – а прошло уже девять часов.

Он вышел на парковку. День был ясный, снег закончился, и машины поблескивали тонкими ледяными корками. Медленно курсируя по стоянке на патрульной машине, он осматривал парковочные места в поисках «Субару» Клэр. Но ее машины нигде не было.

«Из больницы она уехала, а что потом? Куда она могла отправиться?»

Линкольн поехал в сторону Транквиля, чувствуя, что тревога усиливается. Хотя дорога была свободна, а асфальт сухой, он ехал медленно, выискивая на заснеженной обочине следы соскользнувшей в кювет машины. Он подъехал к дому Клэр лишь для того, чтобы убедиться в ее отсутствии.

Теперь тревога сменилась мрачным предчувствием.

Из своего дома он сделал еще несколько телефонных звонков – в больницу, в коттедж Макса Татуайлера, диспетчеру полиции. Клэр нигде не было.

Он сидел в гостиной и, глядя на телефон, чувствовал, как нарастает в нем ужас. К кому она могла поехать? Она больше не доверяла ему, и сознавать это было мучительно. Он обхватил голову руками, пытаясь найти логическое объяснение ее исчезновению.

Из-за Ноя она просто потеряла голову. И готова была на все ради сына.

Ной. Это должно быть как-то связано с Ноем.

Он снова схватился за телефон и набрал номер Ферн Корнуоллис.

Она едва успела снять трубку, как он уже выпалил:

– Как зовут ту девочку, из-за которой подрался Ной Эллиот?

– Линкольн? Ты смотрел на часы?

– Только имя, Ферн. Мне необходимо знать имя девочки.

Ферн устало вздохнула.

– Амелия Рейд.

– Это дочка Джека Рейда?

– Да. Он ее отчим.

На снегу была кровь.

Линкольн заехал во двор фермы Рейда, и лучи его фар осветили зловещее пятно на нетронутом белом пространстве. Он резко затормозил, не сводя глаз с окровавленного снега, и змейка страха заползла в его душу. Грузовичок Джека Рейда был припаркован на подъездной дорожке, но в доме было темно. Все уже спят?

Он медленно вышел из патрульной машины и посветил фонариком на землю. Поначалу он увидел одно-единственное ярко-красное пятно, этакая кровавая бабочка из теста Роршаха [7]. Потом заметил и другие пятна – они тянулись вдоль стены дома вместе со следами – и человека, и собаки. Разглядывая следы, он вдруг подумал: «А где собаки»? У Джека Рейда были две псины, два беспокойных питбуля, которые имели отвратительную привычку рвать на части соседских кошек, случайно забежавших на их территорию. Может, эти кровавые следы оставило несчастное создание, по ошибке оказавшееся в чужом дворе?

Он присел на корточки и вгляделся в отпечатки. Рядом валялся клок темной шерсти, выдранный с мясом. Просто растерзанный зверек – кошка или енот, подумал он, чувствуя, как напряжение ослабевает, но не отпускает полностью. Эти питбули могли разгуливать по двору без привязи, и не исключено, что сейчас затаились где-то рядом, ожидая удобного момента, чтобы наброситься.

Ощущение того, что за ним наблюдают, вдруг стало таким осязаемым, что он быстро выпрямился и, прорезая тьму, посветил вокруг фонариком. Когда луч скользнул по стволу кленового дерева, он увидел второй клок шерсти, на этот раз побольше – теперь можно было понять, что это за зверь. Линкольн двинулся в сторону клена, и страх нахлынул с прежней силой, нервы натянулись, как струны. В свете фонаря посверкивали стальные клепки ошейника и белые клыки, торчащие из мертвой пасти. «Один из питбулей. Во всяком случае то, что от него осталось». На собаке был ошейник, прикрепленный к цепи. Пес не мог сбежать, у него не было шанса на спасение.

Линкольн не помнил, как выхватил из кобуры пистолет; знал только, что оружие вдруг оказалось в руке, а страх усилился настолько, что, казалось,

сковал его горло. Он осветил фонариком весь двор и увидел вторую половину собачьего трупа с кишками наружу, валявшуюся у ступенек крыльца. Он подошел к кровавому месиву и заставил себя коснуться трупа голым пальцем. Ткани были холодными, но еще не застывшими. Значит, прошло меньше часа. Тот, кто растерзал бедное животное, мог скрываться где-то рядом.

Приглушенный звон стекла заставил его обернуться, сердце едва не выпрыгнуло из груди. Звук доносился из дома. Он оглядел темные окна. Здесь жила семья из пяти человек и среди них – четырнадцатилетняя девочка. Что же случилось?

Келли поднялся на крыльцо и подошел к двери. Она была не заперта – еще одна тревожная деталь. Он повернул ручку и распахнул ее. Луч фонаря выхватил из темноты потертый ковер и несколько пар обуви в прихожей. Ничего подозрительного. Он щелкнул выключателем. Света не было. Неужели отключили электричество?

Он в нерешительности замер на пороге, раздумывая, стоит ли обнаруживать свое присутствие. Он знал, что у Джека Рейда было охотничье ружье, и этот человек, не задумываясь, воспользуется им, если решит, что к нему в дом забрался грабитель. Линкольн набрал воздуха в легкие, собрался было выкрикнуть: «Полиция!», но тут его взгляд упал на стену, и крик застыл в горле.

На стене виднелся кровавый отпечаток ладони.

Пистолет вдруг стал скользким в руках Линкольна. Он приблизился к стене. Приглядевшись, убедился в том, что это действительно кровь и ее следы тянутся до самой кухни.

«В этом доме живут пять человек. Где же они?»

Войдя на кухню, он обнаружил первого члена семьи. Джек Рейд распластался на полу; его горло было перерезано от уха до уха. Фонтан артериальной крови залил все четыре стены. Рука все еще сжимала ружье.

Что-то звякнуло, покатилось по полу. Линкольн моментально вскинул пистолет; в висках застучала кровь. Шум доносился снизу. Из погреба.

Его легкие работали, словно кузнечные мехи, ускоренно закачивая и выпуская воздух. Он кинулся к двери погреба, мысленно досчитал до трех, и сердце забилось еще сильнее, а вспотевшие пальцы крепче сжали пистолет. Набрав в грудь побольше воздуха, он с силой обрушился на дверь и вышиб ее.

Она распахнулась, ударившись об стенку.

Чьи-то шаги торопливо удалились в темноту. Внизу кто-то был. Мрак был пропитан враждебной энергией. Он чувствовал чье-то присутствие, запах. Он направил луч фонарика вниз, осветив подземелье. И уловил легкое движение, как будто чья-то тень порхнула под лестницу.

– Полиция! – заорал Линкольн. – Выйти на свет! – Он твердо держал в руке фонарь, а дуло его пистолета было нацелено на нижнюю ступеньку. – Выходите, выходите. Немедленно!

Темнота постепенно приобрела вполне узнаваемые очертания. В луче света материализовалась рука. Потом из-под лестницы выглянуло лицо с перепуганными глазами. Мальчик.

– Здесь моя мама, – заскулил Эдди Рейд. – Пожалуйста, помогите мне вывести отсюда маму.

Теперь снизу донесся и шепот женщины:

– Помогите. Бога ради, помогите нам!

Линкольн спустился по ступенькам и направил луч фонаря на женщину. Прямо на него смотрела Грейс Рейд, ее перекошенное жутким страхом лицо было мертвенно-бледным.

– Не надо света, – взмолилась она. – Погасите свет, иначе он найдет нас! – Женщина шарахнулась в сторону. У нее за спиной оказался электрический щиток. Судя по всему, это Грейс обесточила здание.

Эдди подтолкнул мать к лестнице.

– Мама, все хорошо. Мы должны выйти отсюда. Прошу тебя, пожалуйста, иди.

Грейс яростно замотала головой.

– Нет, он ждет нас там. – Она попятилась, отказываясь покидать убежище. – Джей-Ди там, наверху.

Эдди снова схватил мать за руку и потащил ее к лестнице.

– Мама, пошли!

– Подождите, – вмешался Линкольн. – А где же Амелия? Госпожа Рейд, где Амелия?

Грейс посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

– Амелия? – пробормотала она, как будто только что вспомнила о существовании родной дочери. – В своей комнате.

– Давай-ка выведем маму из дома, – сказал Линкольн Эдди. – Моя машина стоит во дворе.

– А как же…

– Я найду твою сестру. Но сначала посажу вас обоих в машину и свяжусь по рации с участком, чтобы прислали подкрепление. А теперь пошли. Следуй за мной. – Линкольн повернулся и начал медленно подниматься по лестнице.

Он слышал за спиной их шаги, судорожное дыхание Грейс, подбадривающее бормотание Эдди.

Джей-Ди. Они оба боялись Джея-Ди.

Линкольн остановился на верхней ступеньке. Деваться было некуда – ему предстояло вести их через залитую кровью кухню, мимо тела Джека Рейда. Если Грейс забьется в истерике, то это произойдет именно здесь.

Эдди, молодец, выручил. Мальчик обнял мачеху за плечи и прижал ее лицо к своей груди.

– Идите, комиссар Келли, – шепотом поторопил мальчик. – Пожалуйста, уведите нас отсюда.

Линкольн вывел их через кухню в коридор. Там он остановился, чувствуя, что нервы снова превратились в струны. Дверь в дом была открыта нараспашку. «Закрывали я за собой дверь?»

– Ждите здесь, – шепнул он и подкрался к выходу.

Выглянув на улицу, он увидел только залитый лунным светом снег. Патрульная машина стояла в тридцати шагах от дома. Кругом было все тихо и спокойно.

«Что-то не так. За нами наблюдают. За нами следят».

Он обернулся к Эдди и Грейс и прошептал:

– Бегите к машине. Быстро!

Но Грейс не побежала. Вместо этого она попятилась назад и, когда на нее упал лунный свет из окна, Линкольн увидел, что ее взгляд устремлен наверх. На лестницу.

Он быстро развернулся, успев заметить, что прямо на него несется тень. В тот же миг он был с такой силой отброшен на спину, что дыхание со свистом вырвалось из его легких. Резкая боль полоснула по щеке. Он увернулся очень вовремя, потому что лезвие ножа снова опустилось, но на этот раз вонзилось в стену. Во время падения он выронил пистолет и теперь судорожно шарил по полу, пытаясь нащупать его в темноте.

Он услышал скрип ножа, который пытались вытащить из деревянной стены, и, повернув голову, увидел, что на него снова бросается какая-то тень. Он поднял левую руку и успел-таки удержать занесенный над его головой нож. Лезвие наткнулось на кость, и он услышал собственный крик – такой далекий, будто бы чужой.

Ему все-таки удалось ухватить мальчика за запястье правой рукой и выбить оружие. Нож упал на пол. Мальчик вывернулся и, зашатавшись, отлетел в сторону.

Линкольн вскочил на ноги и схватил нож. Но ощущение победы длилось всего мгновение.

Мальчик уже был на ногах – на фоне окна возник его силуэт. В руках у него был пистолет Линкольна. И целился парнишка прямо в него.

Выстрел прогремел с такой силой, что стекло в окне треснуло. Его осколки рассыпались по крыльцу.

Никакой боли. Почему он не чувствует боли?

Застыв в изумлении, Линкольн смотрел, как Джей-Ди медленно оседает на пол. За спиной заскрипели шаги, и дрожащий голос Эдди спросил:

– Я убил его?

– Нам нужен свет, – сказал Линкольн.

Эдди во тьме прошел через кухню и спустился в подвал, к электрическом щитку. Через секунду в доме стало светло от разом вспыхнувших ламп.

Одного взгляда на тело Джея-Ди было достаточно, чтобы понять: он мертв.

Эдди вернулся с кухни, все еще сжимая в руках ружье Джека Рейда. Он подошел к мачехе и встал рядом. Они оба не могли отвести глаз от

мертвого мальчика и так и стояли молча; это жуткое зрелище – Джей-Ди Рейд в луже собственной крови – навеки останется в их памяти.

– Амелия, – вспомнил Линкольн и посмотрел наверх, на площадку второго этажа. – Где ее комната?

Эдди посмотрел на него затуманенным взглядом.

– Вторая. Справа…

Линкольн взбежал по лестнице. При первом взгляде на дверь в комнату Амелии он понял, что самое страшное уже произошло. Дверь была выбита, и раскрошенное дерево устилало пол в коридоре. Должно быть, девочка пыталась запереться, но Джей-Ди разнес дверь несколькими ударами топора. В предчувствии ужаса, который ожидал его внутри, он шагнул в комнату.

Он увидел топор, застрявший в искореженном стуле. Увидел разбитое зеркало, разодранные платья, сорванную дверь шкафа, болтающуюся на одной петле. Он медленно перевел взгляд на кровать девочки.

Там никого не было.

Митчелл Грум, сидя за рулем «Субару» доктора Эллиот, медленно вел машину по склону Букового Холма. Он дождался полуночи – часа, когда встреча со случайным свидетелем маловероятна, но, к сожалению, небо было ясным, а свет полной луны с беспощадной яркостью отражался от чистого снега. От этого он чувствовал себя незащищенным, уязвимым. Но, как бы то ни было, он должен завершить все сегодня. Слишком много было проколов, и ему пришлось прибегнуть к радикальным мерам, которые он не планировал.

Все началось с простого задания – ему надлежало присмотреть за работой доктора Татуайлера и под видом журналиста, невинно задающего вопросы, осторожно оценить, как действует паразитическая инфекция на молодых людей Транквиля. Но его задача внезапно усложнилась вмешательством Клэр Эллиот. Ее подозрения были опасно близки к правде. А потом и Дорин Келли добавила ему неприятностей.

После возвращения в Бостон ему определенно предстоит тяжелый разговор.

Он был уверен в том, что может представить вполне логичное объяснение исчезновения Макса Татуайлера. Нельзя же рассказать боссам из «Лабораторий Энсон» всю правду: что Макс захотел выйти из игры, узнав о том, как на самом деле погибла Дорин Келли. «Меня

наняли найти червей, – возмущался Макс. – „Энсон“ уверяли, что это будет погоня за научной сенсацией. Никто не упоминал об убийстве, да и к чему оно? Чтобы сделать этих особей корпоративной тайной?»

Макс отказывался понимать, что создание нового психотропного препарата все равно что разработка золотой жилы. Строжайшая секретность была в этом деле ключевым фактором. Нельзя было допустить ни малейшей утечки информации, иначе сокровище окажется в лапах конкурентов.

А сокровищем был тот самый гормон, который вырабатывается уникальным беспозвоночным, гормон, обладающий ярко выраженным эффектом усиления агрессии. Достаточно небольшой дозы препарата – и солдат мог бесстрашно сражаться в бою. Это было зелье для убийства, очень полезное для военной индустрии.

«Лаборатории Энсон» и их головная компания, «Фармация Слоун-Рутье», узнали о существовании червей всего два месяца назад, когда сыновья одной семейной пары из Вирджинии загремели в психиатрическое отделение военного госпиталя. У одного из мальчиков вышел червь – биолюминесцентная особь, которую не смог идентифицировать ни один из военных патоморфологов.

Семья провела отпуск в коттедже на берегу озера в штате Мэн.

Грум свернул на шоссе Тодди-Пойнт. На пассажирском сиденье, шевельнув головой, застонала Клэр. Он надеялся, для ее же блага, что она не придет в сознание, потому что участь, которая ее ожидала, была не из приятных. Еще одна неприятная необходимость. Смерть бедолаги Дорин Келли, конечно, заставила некоторых горожан удивленно вскинуть брови. Но местный доктор не мог бесследно исчезнуть, вопросы были бы неизбежны. Поэтому нужно было, чтобы полиция, обнаружив ее тело, признала смерть несчастным случаем.

Дорога представляла собой череду плавных спусков и подъемов – идеальная трасса для ночного путника. Фары освещали пустынный асфальт, поблескивающий льдинками и песком; в широкой арке света вырисовывались деревья, плотной стеной обступавшие дорогу с обеих сторон. Черный туннель с сияющими над головой звездами.

Он приблизился к очередному повороту, где дорога резко забирала влево, и притормозил у лодочной пристани.

Когда Грум перетаскивал ее с пассажирского сиденья и усаживал за руль, Клэр снова застонала. Он пристегнул ее ремнем безопасности. Потом переключил передачу, отпустил ручной тормоз и захлопнул дверцу.

Машина начала плавный спуск к скованной льдом воде.

Грум стоял на обочине, наблюдая за тем, как машина медленно скользит по озеру. Лед был покрыт снегом, и колеса с трудом преодолевали белые преграды, а пучки света, исходившие от фар, тревожно вздрагивали. Десять метров. Двадцать. Сколько еще до тонкого льда? Стояла первая неделя декабря; озеро еще не промерзло настолько, чтобы выдержать вес машины.

Тридцать метров. И тут Грум услышал треск, резкий, как ружейный выстрел. Капот машины медленно пополз вниз, фары утонули в снегу и осколках льда. Снова треск – и машина неуклюже нырнула носом в воду, а красные габаритные огни обратились к небу. Теперь хрустнул лед и под задними колесами – машина провалилась в воду. Электричество замкнуло, и свет погас.

Финал был сыгран на фоне лунного света и серебристой безмятежности снежной пустыни. Машина на мгновение качнулась словно поплавок, потом вода хлынула в моторный отсек и потянула автомобиль вниз, заявляя о своих правах. Раздался громкий всплеск – машина продолжала тонуть, но теперь ее перевернуло колесами вверх. В таком положении она и пошла ко дну; Грум представил себе, как вздымается грязный ил, затягивая черной пеленой отражение луны в воде.

Завтра, подумал Грум, кто-нибудь увидит полынью и, сопоставив факты, получит вполне логичную версию. Бедная усталая доктор Эллиот возвращалась домой в ночи, ошиблась с поворотом и угодила на лед озера. Какая трагедия.

Он расслышал отдаленный вой полицейской сирены и обернулся. Пульс учащенно забился. Только когда машина с сиреной проскочила мимо и проблесковые огни скрылись в темноте, он позволил себе расслабиться. Мало ли куда вызвали полицию; свидетелей его преступления не было.

Он развернулся и быстрым шагом двинулся по дороге, возвращаясь к Буковому Холму. Ему предстояло пройти четыре с лишним километра до пещеры, где еще нужно было кое-что доделать.

25

Она чувствовала, как темнота смыкается вокруг нее, чувствовала ледяные объятия воды и, когда резко очнулась, поняла, что реальность может быть хуже любого кошмарного сна.

Она находилась во тьме и будто бы в гробу и совсем не понимала, где в этом пространстве низ, а где верх. Знала только, что вода постепенно

обволакивает ее, подбираясь к грудной клетке. Она задергалась в панике, инстинктивно запрокидывая голову, чтобы не захлебнуться, но обнаружила, что ее тело привязано. Она попыталась вырваться, но безуспешно. А вода уже лизала ей шею. Ее дыхание сменилось лихорадочными вздохами и судорожными всхлипами.

А потом все вдруг перевернулось.

Она успела глубоко вдохнуть воздух, а затем скатилась набок, и вода накрыла ее с головой, заползая в ноздри.

Темнота, которая поглотила ее, была подобна черной бездне. Клэр изо всех сил молотила руками, пытаясь пробить толщу воды. Легкие болели, удерживая последние запасы воздуха.

Клэр снова вцепилась в ремень на груди, но он не хотел отпускать ее. «Воздух. Мне нужен воздух!» Сердце стучало в ушах, перед глазами вспыхивали какие-то огоньки – предупреждение о кислородной недостаточности. Она уже ощущала слабость в конечностях, и ее рывки сменились вялыми попытками ослабить узы. Проваливаясь в забытье, она вдруг поняла, что держит в руке что-то твердое знакомой формы. Пряжка ремня безопасности. Значит, она была в своей машине. И на ней был ремень.

Тысячи раз она отстегивала его, и сейчас пальцы автоматически нащупали кнопку. Ремень упал с груди.

Отчаянно работая всеми конечностями, она стучала по корпусу машины. Ослепленная водой, сбитая с толку темнотой, она не могла понять, где крыша. Скрюченные пальцы нащупали руль и торпеду.

«Мне нужен воздух!»

Она чувствовала, что легкие уже не выдерживают и вот-вот втянут воду, но вдруг перевернулась, и ее лицо оказалось в воздушном кармане. Она задышала – один вдох, второй, еще один. Полоска воздуха была совсем узкой, всего несколько сантиметров, и быстро заполнялась водой. Еще несколько глотков воздуха, и больше дышать будет нечем.

Получив свежую порцию кислорода, мозг снова начал функционировать. Она отбросила панику и заставила себя думать. Итак, машина перевернута. Нужно найти ручку двери, открыть ее.

Клэр задержала дыхание и нырнула под воду. Быстро отыскала дверной замок и потянула ручку на себя. Да, защелку она открыла, но дверь не

поддавалась. Крыша автомобиля слишком глубоко увязла в иле, и дверь заклинило.

Нечем дышать!

Снова вынырнув в воздушный карман, Клэр обнаружила, что он стал еще меньше. Вдыхая остатки кислорода, она отчаянно пыталась сориентироваться в перевернутом мире. «Окно. Опусти стекло».

Последний вдох, последний шанс.

Она снова нырнула под воду, судорожно пытаясь опустить стекло. Пальцы окоченели в ледяной воде, и, даже ухватившись за ручку, она не почувствовала прикосновения. Каждый поворот, казалось, продолжался целую вечность, но окно все-таки приоткрылось, и щель постепенно расширялась. Опустив стекло до конца, Клэр почувствовала, что кислородный голод достиг пика. Она просунула голову и плечи в окно и вдруг поняла, что не может двинуться дальше.

Куртка! Она зацепилась за что-то!

Она задергалась, но тело прочно застряло в ловушке. Клэр нащупала застежку молнии и потянула ее вниз.

Выскользнув из куртки, она резко рванула вверх, к поверхности воды, к отблеску далекого света.

Клэр вынырнула, взметнув фонтан брызг, которые разлетелись мириадами искорок, и ухватилась за кромку льда. Задержалась на мгновение, пытаясь надышаться морозным воздухом. Она уже не чувствовала ног, а руки так онемели, что она едва могла держаться за лед.

Она попыталась приподняться, даже высунула плечи, но тут же снова упала в воду. Держаться было не за что, кроме как за скользкий лед, припорошенный снегом. Бесполезно царапая ледяную корку, она так ничего и не смогла сделать.

Клэр снова попробовала приподняться и опять плюхнулась в воду, на этот раз с головой. Вынырнула, отплевываясь и кашляя, чувствуя, что легкие уже парализованы.

Она не сможет это сделать. Ей не выбраться.

Клэр предприняла еще с десяток попыток, но одежда отяжелела от воды и тянула ее вниз, к тому же ее била такая дрожь, что она уже не могла держаться за кромку льда. Ее конечности как будто впали в летаргию и

одеревенели. Омертвели. Она почувствовала, что снова уходит под воду и темнота засасывает ее, усыпляет. Энергия иссякла. Сил не осталось.

Она погружалась все глубже, тело было истощено и уже не могло сражаться за жизнь. Глядя вверх, она со странной отчетливостью увидела перед собой лунный свет, почувствовала, как сжимают ее холодные объятия тьмы. Впрочем, она уже не испытывала холода; осталось лишь горькое ощущение неизбежности.

«Ной».

В сияющем круге луны она вдруг увидела лицо сына, еще совсем маленького мальчика. Он звал ее, тянул к ней свои жадные ручонки. И тут серебристый круг рассыпался на множество осколков.

«Ной. Думай о Ное».

Хотя сил не осталось, она все-таки потянулась к этой призрачной детской руке. Но она жидкостью растеклась в ее ладони. «Ты слишком далеко. Я не могу дотянуться до тебя».

Мрак затягивал ее. Образ Ноя растаял, но его голос продолжал звать. Она снова потянулась к сыну и увидела, что серебристый круг света стал ярче – он сиял, словно нимб, находящийся на расстоянии вытянутой руки. Если я коснусь его, подумала она, то взлечу на небеса. И увижу своего мальчика.

Она собрала остаток сил, и одеревеневшие конечности замолотили по черной воде, каждая мышца ее тела стремилась к свету.

Ее рука прорвала толщу воды, и голова вырвалась на поверхность, чтобы сделать последний глоток воздуха. Перед глазами мелькнула луна, такая красивая и яркая, что слепила глаза, и Клэр, чувствуя, что навсегда уходит под воду, на прощание протянула к ней руку.

Чья-то ладонь обхватила ее. Настоящая, живая рука крепко держала ее за запястье. «Ной, – подумала она. – Я нашла своего сына».

И вот уже ее тащили вверх, вызволяя из мрака. Свет становился ярче, и, вынырнув на поверхность, Клэр увидела прямо перед собой лицо. Но не Ноя, а какой-то девочки. Девочки с длинными волосами, отливающими серебром лунного света.

Митчелл Грум вылил на тело Макса Татуайлера полканистры бензина. У него не было цели обезобразить труп. В эту пещеру тысячелетиями не ступала нога человека; останки Макса все равно обнаружат нескоро. Но

раз уж ему надлежало разрушить колонию червей, можно было заодно избавиться и от мертвого тела.

Надев на голову респиратор и шахтерский фонарик, он не спеша опустошил три канистры с бензином. Не было смысла торопиться; затонувший автомобиль доктора обнаружат только днем, но, даже если это случится раньше, никто не подумает, что имя Грума может быть как-то связано с ее смертью. Если кто и вызовет подозрения, так это Макс, чье внезапное исчезновение лишь усилит их. Грум не любил вынужденных импровизаций; он не планировал такого хода, не планировал никого убивать. Но откуда же ему было знать, что Дорин Келли угонит именно его машину.

Иногда одно убийство влечет за собой другое.

Он облил стены и выплеснул остатки последней канистры в лужу бензина, собравшуюся посреди пещеры. Именно здесь было больше всего червей. Похоже, они уже почуяли опасность и судорожно задергались в бензиновых парах. Летучие мыши заранее покинули обитель, оставив своих беспозвоночных соседей умирать в огне. Грум окинул пещеру прощальным взглядом, чтобы убедиться в том, что не упустил ни одной детали. Коробка с образцами червей, так же как и научные архивы Макса, уже лежала в багажнике его автомобиля, стоявшего у дороги. Теперь осталось только чиркнуть спичкой, и огонь начнет пожирать пещеру.

Особи будут уничтожены в одно мгновение, за исключением тех, что уже выращиваются в «Лабораториях Энсон». Гормон, который выделяли черви, давал баснословную прибыль по контрактам с военным ведомством, но только до тех пор, пока о нем не пронюхали конкуренты.

Когда пещера будет ликвидирована, «Энсон» станет единоличным владельцем особей. Для всего мира причина этой эпидемии жестокости, равно как и всех предыдущих, навечно останется тайной.

Он стал пробираться к выходу, по пути разбрызгивая горючее. Присев на корточки у лаза, он зажег спичку и коснулся ею земли. Огненная дорожка потянулась вглубь, и снизу раздался шумный свист: запылала нижняя пещера. Грум почувствовал, как туда устремился поток воздуха, подкармливая разрушительный пожар. Он выключил фонарик и некоторое время наблюдал за огнем, представляя себе, как чернеют черви и обугленные тельца сыплются с потолка. И еще перед глазами возникла кучка пепла вперемешку с костями – все, что останется от Макса.

Он, попятившись, выбрался из пещеры, прикрыл вход ветками кустарника и ступил в ледяной поток. За этими густыми зарослями пожар в пещере вряд ли кто увидит. Он направился к берегу и ступил на твердую почву. В глазах еще стояло зарево огня, и ему понадобилось время, чтобы привыкнуть к темноте. Он включил фонарик, чтобы подсветить себе путь к машине.

И только тогда в луче света он увидел полицейских с оружием наизготовку, рассредоточившихся среди деревьев.

Ожидающих его.

Уоррен Эмерсон открыл глаза и подумал: «Наконец-то я умер. Но почему я в раю?» Это открытие несказанно удивило его, поскольку Уоррен всегда считал, что если и есть жизнь после смерти, то он непременно окажется в темном и жутком месте. Загробная жизнь станет продолжением его мрачного земного существования.

Но здесь были цветы. Повсюду стояли вазы с цветами.

Он увидел кроваво-красные розы. Орхидеи своими белыми головками-бабочками приникли к окну. И лилии источали сладкий запах, не сравнимый ни с одними духами. Он изумленно смотрел на это великолепие – никогда еще ему не приходилось видеть такой красоты.

Потом он услышал скрип стула возле своей кровати и, повернувшись, увидел женщину. Она улыбалась ему. Сколько же лет он не видел ее!

Ее волосы были скорее серебристыми, нежели черными, и прожитые годы отпечатались глубокими морщинами на лице. Но он ничего этого не замечал. Глядя в ее глаза, Уоррен видел смеющуюся четырнадцатилетнюю девочку. Девочку, которую он любил всю жизнь.

– Здравствуй, Уоррен, – прошептала Айрис Китинг. Она потянулась к нему и взяла его за руку.

– Я живой, – поразился он.

Она уловила в его голосе удивление и с улыбкой кивнула.

– Да. Очень даже живой.

Он перевел взгляд на ее руку, сжимавшую его пальцы. Вспомнил, как однажды их пальцы сплелись, когда они, такие юные, сидели на берегу озера. Как изменились наши руки, подумал он. Мои теперь сморщенные и сухие, ее – скрючены артритом. Но все равно мы вместе, держимся за руки, и она по-прежнему моя Айрис.

Сквозь слезы Уоррен взглянул на нее. И решил, что еще не готов умирать.

Линкольн знал, где ее искать, и не ошибся: она сидела на стуле у кровати сына. Ночью Клэр встала со своей больничной койки и в халате и тапочках прошла по длинному коридору, разыскивая палату Ноя. Сейчас она сидела, накинув на плечи одеяло, и в послеполуденном солнце лицо ее казалось еще более бледным и усталым. «Не поздоровится тому, кто встанет между медведицей и ее детенышем», – подумал Линкольн.

Он сел на стул напротив нее, и их взгляды встретились. Ему было больно видеть, что Клэр по-прежнему смотрит на него настороженно, недоверчиво, но Линкольн понимал, в чем причина. Еще вчера он угрожал отобрать у нее самое дорогое. В ее лице сейчас отражались и глубокая внутренняя сила, и страх.

– Мой сын не делал этого, – заявила она. – Он мне все рассказал сегодня утром. Ной поклялся мне, и я знаю, что он говорил правду.

Келли кивнул.

– Я говорил с Амелией Рейд. Они были вместе тем вечером, до начала одиннадцатого. А потом он отвез ее домой.

К этому времени Дорин уже была мертва.

Клэр выпустила из легких воздух, и напряжение отпустило ее. Она откинулась на спинку стула и положила руку на голову Ноя. От прикосновений ее пальцев, ласково трепавших волосы, он открыл глаза и посмотрел на Клэр. Ни мать, ни сын не проронили ни звука; их спокойные улыбки передали все без слов.

«Я мог бы избавить их обоих от этой пытки», – подумал Линкольн. Если бы только он знал правду! Если бы только Ной сразу признался в том, что провел вечер с Амелией! Но он защищал девочку от гнева отчима. Линкольн знал нрав Джека Рейда, и понимал, почему его так боялась падчерица.

Но, даже испытывая страх, девочка готова была поделиться правдой с Клэр. Прошлой ночью, ясной и морозной, как раз перед тем как ярость Джея-Ди выплеснулась в убийстве, Амелия выскользнула из дома и направилась к дому Клэр. Ее маршрут пролегал по шоссе Тодди-Пойнт.

Как раз мимо лодочной пристани.

Эта спонтанная прогулка спасла жизнь Клэр. Как выяснилось позже, Амелия спасла жизнь и самой себе. Ной снова заснул. Клэр посмотрела на Линкольна.

– Слова Амелии будет достаточно? Кто-нибудь поверит четырнадцатилетней девочке?

– Я верю ей.

– Вчера ты говорил, что у тебя есть веская улика. Кровь…

– Мы обнаружили кровь и на багажнике Митчелла Грума.

Она замолчала, обдумывая смысл его слов.

– Кровь Дорин? – тихо спросила она.

Он кивнул.

– Думаю, Грум хотел подставить тебя, а не Ноя, когда вымазал кровью твой пикап. Он не знал, на какой машине ты поедешь.

Некоторое время оба молчали, и Линкольн задумался: неужели вот так все и закончится между ними – ее молчанием и его тоской? Он хотел многое рассказать ей про Митчелла Грума. В багажнике мнимого журналиста они нашли много чего интересного: банки с образцами, рукописные журналы учета, которые вел Макс. «Лаборатории Энсон» и «Слоун-Рутье» открестились от них обоих, и теперь озверевший от предательства Грум угрожал фармацевтическому гиганту разоблачениями. Линкольн пришел, чтобы рассказать Клэр это и многое другое, но вместо этого сидел молча, придавленный своей печалью.

– Клэр! – с надеждой в голосе позвал он.

Она подняла на него взгляд и на этот раз не отвернулась.

– Я не могу повернуть время вспять, – проговорил он. – Не могу стереть боль, которую причинил тебе. Могу только попросить прощения. Я даже не представляю, что нужно сделать, чтобы мы смогли вернуть… – Он покачал головой. – То, что у нас было.

– Я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду, Линкольн. Что у нас было?

Он задумался.

– Ну, прежде всего мы были друзьями, – заметил он.

– Да, это правда, – согласилась она.

– Хорошими друзьями. Разве не так?

Легкая улыбка тронула ее губы.

– Да уж, такими хорошими, что даже спали вместе.

Он почувствовал, что краснеет.

– Я не об этом! Дело вовсе не в том, что мы спали вместе. Главное, это… – Он устремил на нее до боли честный взгляд. – Главное, это знать, что мы еще можем быть рядом. Что я смогу, просыпаясь утром, видеть тебя. Я умею ждать, Клэр. Я могу жить в неопределенности. Это нелегко, но я выдержу, если только знать, что мы можем быть вместе. Это все, о чем я прошу.

Ее глаза заблестели. Слезы прощения? – предположил он. Клэр протянула руку и погладила его по лицу. Нежное прикосновение любящей женщины. И, что еще более важно, – прикосновение друга.

– Все возможно, Линкольн, – тихо произнесла она. И улыбнулась.

Он весело насвистывал, выходя из больницы. А почему бы нет?

Небо было ясным, солнце ярким, а обледенелые ивовые ветки искрились, словно хрустальные гирлянды. Через две недели придет самая долгая ночь года. А потом день снова начнет прибавляться, и земля повернется к теплу и свету. К надежде. «Все возможно».

Линкольн Келли был терпеливым человеком, он умел ждать.

Примечания

1

Имеется в виду Закон о защите и возвращении могил коренных американцев (NAGPRA – Native American Graves Protection and Repatriation Act). Принят в 1990 году.

2

Меня зовут Пабло, тебя зовут Пабло, его зовут Пабло *(исп.)*.

3

«Л.Л. Бин, Инк.» – частная компания, в розницу и по почтовым каталогам торгующая одеждой и оборудованием для отдыха на воздухе; находится в городе Фрипорт штата Мэн.

4

В 1692 г. в маленьком американском городке Сейлем, штат Массачусетс, разразилась «охота на ведьм», приведшая к аресту и заключению более 150 человек. 19 из них были повешены.

5

Имеется в виду главный герой популярного сериала «Маркус Уэлби, доктор медицины», который шел на канале «Эй-би-си» в 1969–1976 гг.

6

ОППН (DARE – Drug Abuse Resistance Education) – Образовательная программа против наркотиков; борется с употреблением запрещенных наркотических веществ, молодежными бандитскими группировками и насильственным поведением не только в США, но и во многих других странах мира. Основана в 1983 г.

7

Тест Роршаха – один из тестов, применяемых для исследования личности и ее нарушений. Испытуемому предлагается дать интерпретацию десяти симметричных относительно вертикальной оси чернильных клякс. Разработан швейцарским психиатром Германом Роршахом (1884–1922).